902.7(47)
М34

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА АВАРЦЕВ

902.7(Д21)
М-34

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦАДАСЫ

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА АВАРЦЕВ

Махачкала
1967

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

Ответственный редактор

М. М. ИХИЛОВ

Ив 3320

Дагестанский филиал
Академии наук СССР
Библиотека

ВВЕДЕНИЕ

Монография «Материальная культура аварцев в XIX — начале XX вв.» является коллективным трудом группы этнографов Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Введение, заключение, глава «Хозяйство» написаны ст. научным сотрудником М. М. Ихиловым (в этой главе раздел «Домашние производства и ремесла» выполнен совместно с кандидатом наук С. С. Агаширинovой); главы «Поселения» и «Жилища» — мл. научным сотрудником А. И. Исламмагомедовым. Глава «Национальная одежда» — С. С. Агаширинovой, глава «Пища» — мл. научным сотрудником М. А. Агларовым.

В первой главе «Хозяйство» дается характеристика природно-географических и социально-экономических условий аварцев в XIX — начале XX вв., рассматриваются основные отрасли хозяйства, сельскохозяйственные и другие орудия труда, средства транспорта, а также кустарные промыслы.

Вторая и третья главы посвящены поселениям и жилищам аварцев. В них описываются основные типы поселений, формы жилища и внутренняя обстановка их.

В четвертой главе в историческом аспекте описана национальная одежда аварцев (мужская, женская, ритуальная и детская). Значительное место уделено украшениям одежды и технике их изготовления.

В пятой главе рассматривается национальная пища аварцев. Описываются основные продукты питания, способы приготовления пищи, национальные блюда, заготовка продуктов впрок, обрядовая и ритуальная пища, кухня, посуда, утварь.

Основным источником для написания работы послужил этнографический материал, собранный коллективом авторов в период экспедиций (1961—1962 гг.) в аварские районы Дагестана. Кроме полевого материала, в работе использованы сведения, имеющиеся как в дореволюционной, так и в советской историко-этнографической литературе.

Специальных исследований, посвященных материальной культуре аварцев, до сих пор не было. Об отдельных сторонах хозяйственной деятельности и материальной культуры аварцев встречаются очень ценные, но большей частью отрывочные данные в кавказоведческой литературе. Из дореволюционных исследований наиболее ценные сведения содержатся в трудах А. Берже, С. Бро-

невского, А. Неверовского, Н. Воронова, Е. Маркова, А. Комарова, К. Гана, Д. Анучина, Е. Козубского, Н. Львова, А. Пиралова, Н. Трипольского, М. Ковалевского, П. Надеждина, А. Сержпутовского, Н. Буша, В. Кривенко, Н. Данилевского, О. Марграфа, И. Костемировского и др.

Более обстоятельные и новые по своей методологии данные по хозяйству и материальной культуре народов Дагестана и, в частности аварцев, содержатся в статьях, работах и монографиях советских историков, этнографов и специалистов по смежным дисциплинам Н. Вавилова, В. Докучаева, А. Генко, Г. Чурсина, Н. Бакланова, А. Башкирова, Г. Мовчана, Е. Шиллинга, З. Никольской, К. Козловой, Э. Кильчевской, Г. Сергеевой, Х.-М. О. Хашаева, В. Котовича, Д. Атаева и др.

Целью и задачей настоящей монографии является сбор и систематизация всех значительных сведений по материальной культуре аварцев, пополнение их новыми полевыми этнографическими данными, прослеживание по возможности происхождения элементов материальной культуры, выявление древних форм и локальных особенностей, а также установление взаимовлияния культур аварцев и других народов Дагестана и Кавказа в хозяйственной деятельности, в орудиях сельскохозяйственного труда, в средствах транспорта, в формах поселений и жилищ, в национальной одежде и пище.

Все вопросы, поставленные в монографии, рассматриваются в историческом развитии и эволюции. Наряду с исследованием прошлого, в работе отражены и те коренные изменения, которые произошли в хозяйстве и материальной культуре аварцев за годы Советской власти.

Авторы настоящей работы старались по возможности полнее осветить поставленные в монографии вопросы. Настоящая работа является первой попыткой дать в монографическом плане исследование по материальной культуре аварцев и поэтому в ней вполне возможны некоторые недостатки, неточности.

В конце работы прилагается список использованных источников и литературы, а также иллюстрированный материал.

instituteofhistory.ru

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ХОЗЯЙСТВО АВАРЦЕВ В XIX—НАЧАЛЕ XX вв.

1. ПРИРОДА АВАРИИ

Аварцы — наиболее многочисленная и древняя народность Дагестана. К аварской группе народностей кроме самих аварцев, относятся родственные им по языку, быту и культуре андо-дидойские этнографические группы: андийцев, дидойцев, ботлихцев, годоберинцев, каратин, ахвахцев, багулалов, чамалал, тиндинцев, хваршинов, капучин, хунзалов. За годы Советской власти на базе социалистической экономики, культуры, идеологии и создания у них единого литературного языка стерлись между этими группами этнические и языковые особенности, произошел процесс национальной консолидации их в единый аварский народ. По переписи 1959 г. все эти группы выступают под общим названием аварцы. Численность их — 270 тысяч человек.[1]

В основном аварцы проживают в бассейнах Аварского и Андийского Койсу. На юго-западе по главному Кавказскому хребту они граничат с Грузинской и Азербайджанской ССР, на западе по Андийскому хребту — с Чечено-Ингушской АССР, на севере — с Кумыкской плоскостью, на востоке — по Турчидагскому хребту — с лакцами и даргинцами. Небольшое количество аварцев издавна живет в Закатальском и Белоканском районах Азербайджанской ССР, и в некоторых селениях Грузинской ССР.

По естественно-географическим условиям аваро-андо-дидойские народности расселены в предгорной, горной и высокогорной

[1] По старому административно-территориальному делению Дагестана аварцы заселяли весь Аварский округ, почти весь Гунибский и отдельные участки Андийского, Даргинского и Самурского округов. В настоящее время аварцы населяют: Гунибский, Хунзахский, Унцукульский, Гумбетовский, Чародинский, Казбековский, Советский, Тляротинский, Цумадинский, Цунтинский, частично Буйнакский и Левашинский районы, а также отдельные селения Хасавюртовского и Кизилюртовского районов.

зонах Дагестана. В предгорье они живут частично в Буйнакском, Хасавюртовском, Кизилюртовском, Казбековском районах; в горной зоне — в Гумбетовском, Унцукульском, Советском, Ботлихском и частично в Левашинском районах; в высокогорной зоне — в Гунибском, Хунзахском, Ахвахском, Тляротинском, Чародинском, Цумадинском, Цунтинском районах.

Предгорная зона холмистая. Она большей частью занята низкими и средней высоты горными хребтами. Климат здесь умеренно-теплый.

Горная зона — преимущественно известковая и сланцевая — тянется к юго-западу от предгорной зоны и состоит из отрогов Кавказского хребта и узких, глубоко врезанных речных долин.

Высокогорье — это зона выдающихся вершин Главного Кавказского хребта и его отрогов, сложенных из черных аспидных сланцев, крепких песчаников, покрытых вечными снегами и ледниками. В этой зоне сосредоточены основные альпийские пастбища. Рельеф этой зоны сильно расчлененный и труднодоступный, климат влажный и холодный.

Авария пересечена системой четырех горных рек: Андийским и Аварским Койсу, Кара-Койсу и Казикумухским Койсу, сбрасывающих свои воды в Сулак. Андийское Койсу начинается за пределами Дагестана, в Грузии, двумя значительными потоками: Перекетельской Алазанью и Тушинской Алазанью. Эти две Алазани сливаются вместе недалеко от границы, образуя Андийское Койсу. Длина Андийского Койсу от слияния Алазаней до Сулака 134 км. Она прорезывает Андийский округ на всем его протяжении, в нижней части являясь его границей с Аварским округом.

Аварское Койсу образуется из двух значительных потоков Альпийской зоны — Джурмута и Симбирис-хеви. Длина Аварского Койсу вместе с Джумуртом — 167 км.

Аварское Койсу, орошающее Гунибский и Аварский округа, протекая большей частью параллельно Андийскому Койсу, сливается с ним у сел. Гимры, образуя реку Сулак. Долины и ущелья этих рек широки и удобны, их воды используются для орошения садов и полей. По речным долинам разбросаны фруктовые сады и небольшие поля. В садах горных долин системы Койсу (Унцукульский, Гергебильский, Ботлихский районы) выращиваются многочисленные сорта южных фруктов. Здесь культивируются и некоторые виды субтропических растений.

Высокогорная часть Аварии представлена хребтами и вершинами, достигающими высоты до 3 тысяч метров. Одним из высочайших звеньев бокового хребта является Богосский хребет, который на протяжении 50 км, простираясь в северо-восточном направлении, разделяет бассейны рек Андийское и Аварское Койсу. Наивысшей вершиной хребта является гора Андала-Шухгель меэр, достигающая высоты 4150 м.

Характерной чертой рельефа этой местности является наличие высоких плоскогорий — Хунзахское, Кегерское, Шунудаг и другие, вздымающиеся на 2000—2400 метров.[2] Наряду с высокими хребтами — Андийским, Салатау, Гимринским, на аварской территории расположены такие плато, как Хунзахское, Гунибское, Аракмеэр, Турчидаг и др. Но их очень мало. Мощными массивами западного и частично среднего Дагестана являются хребты Андийский, Богосский и Нукатль.

А. П. Берже так характеризовал эту зону: «Мало найдется стран суровее и бесплоднее внутреннего Дагестана. Горы скалисты и обнажены, растительность встречается на дне ущелий, большая часть плоских вершин на короткое время покрывается зеленью, доставляющей скудный корм многочисленным стадам горцев».[3] И действительно, значительная часть высокогорной Аварии труднодоступна и бедна растительностью, земли ее, за редким исключением, не пригодны для полеводства. Зато эта зона имеет прекрасные альпийские пастбища для овец. Поэтому здесь наибольшее развитие имеет овцеводство.[4]

Исключительно богатые альпийские пастбища расположены не только в районах расселения дидойцев, но и у андийцев. Хорошими пастбищами располагают Хунзахский и Гунибский районы в центральной части Аварии. Лучшие пастбища в Гунибском районе расположены в окрестностях сел. Чох, Согратль и Ругуджа. Здесь земледелие удачно сочетается со скотоводством.

Земледелие весьма затруднено в высокогорной зоне Аварии (Цунтинский, Цумадинский, Тляратинский, Чародинский районы), из-за недостаточности почвенного покрова, холодного климата и короткого лета.

В горной и высокогорной полосе высевают главным образом яровые культуры: рожь, овес, голый ячмень — «магъар», чередуя культуры злаковые с бобовыми (горох, бобы, фасоль) и картофель. Здесь сеют преимущественно озимую пшеницу и кукурузу.

Удобных земель во внутренней горной Аварии крайне мало. Не только скалы, но и целые склоны лишены растительного покрова. Процесс эрозии и частые оползни постепенно лишают горы почвенного покрова. В то же время долины больших и малых рек и многие склоны гор крайне благоприятны для садоводства.

Наиболее благоприятные климатические и почвенные условия имеют предгорная часть Аварии и долины высокогорных рек.

В горной части Аварии особо выделяются Араканская, Ботлихская и Ирганайская долины. Они расположены узкой полосой по долинам рек и отличаются мягким ровным климатом. Здесь развито террасное, по преимуществу, поливное земледелие и в осо-

---

[2] К. К. Гюль, И. М. Кисин, А. А. Тертеров. Природа Дагестана, Махачкала, 1959, стр. 19.

[3] «Кавказский календарь на 1857 г.», Тиф., 1856, стр. 275.

[4] С. М. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I, М., 1823; М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, ч. II, М., 1890; Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев, ч. II, Одесса, 1883; А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним. «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 1, Тифлис, 1868.

бенности садоводство. По долинам Аварского и Андийского Койсу разбросаны многочисленные террасы, имеющие вид уступов или ступеней с более или менее горизонтальной поверхностью, обычно прислоненных к склонам речных долин.

В связи с этим В. В. Докучаев писал: «Еще в 1873 году, осмотрев северо-восточную часть Дагестана, я был поражен крайней дикостью и недоступностью этого края. Когда мне пришлось увидеть тамошние горы, являющиеся в виде острых пиков и чрезвычайно крутых гребней, и тамошние долины, в форме крайне узких и глубоких ущелий, по которым с адской силой текут горные ручьи и речки, мне невольно представился вопрос: где же здесь образовываться и накопляться почвам?» [5]

Спустя десять лет, посетив еще раз Дагестан, он не только подтвердил, но и усилил эту характеристику. «Ныне, осмотрев, так сказать, сердце Дагестана — путь от Ведено на Ботлих, Хунзах и Гуниб, я могу лишь усилить вышеприведенные выражения относительно удивительной изрезанности и дикости этой страны... Можно сказать, это один бесконечный лабиринт горных цепей, пиков, скал и ущелий».[6]

В Аварии встречаются разнообразные почвы. В предгорной и горной части большей частью почвы светло-каштанового типа, с большей или меньшей засоленностью. По долинам рек — почвы луговые. На высоте от 400 до 600—700 м почвы темно-каштановые, выше 600—700 м — черноземные, используемые под посевы зерновых культур и картофеля. В пределах зоны 600—1000 м, где сосредоточены главные площади распаханных земель, имеются местами черноземы и темно-каштановые почвы. Земледелие здесь не требует искусственного орошения. На высоте 2000—3000 м в горной альпийской зоне имеется особый тип почв, называемый горно-луговой. Хотя значительная часть горной территории характеризуется высокими хребтами и крутыми склонами и не имеет удобных массивов пахотных земель, но «зато во всех ее удобных уголках имеются лучшие почвы Дагестана — мощные черноземы. Глубокие речные долины, сильно нагревающиеся летом, с плодородными почвами на речных террасовых суглинках очень благоприятны для садоводства».[7]

В Аварии, как и в других частях Дагестана, представлены почти все типы климата Европейской части Союза. В высокогорной Аварии отмечается умеренно-холодный полувлажный климат. В горных долинах — умеренный, полусухой со сравнительно жарким сухим летом и мягкой солнечной зимой. Относительной сухостью и состоянием затишья отличается долина реки Аварское Койсу от Гергебиля до сел. Гимры, прикрытая с севера и северо-

[5] В. В. Докучаев. Предварительный отчет об исследованиях на Кавказе летом 1899 г., Соч., т. VI, Махачкала, 1951, стр. 447.
[6] В. В. Докучаев. Там же.
[7] Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской АССР, Махачкала, 1926, стр. 71—72.

востока хребтами Салатау и Гимринским. Так, Ирганайская долина, расположенная по Аварскому Койсу, умеренно теплая. О мягкости этой долины свидетельствуют произрастающие здесь разнообразные южные фрукты и некоторые субтропические культуры: персики, хурма и даже миндаль и инжир.

В предгорной и горной части Аварии расположены массивы лесов. Сосновые и березовые леса в основном имеются в верховьях Андийского и Аварского Койсу (Тляратинский, Цунтинский и Цумадинский районы). Отдельные лесные рощи имеются в Гунибском и Чародинском районах.

В Цумадинском, Цунтинском и Тляратинском районах крутые склоны долин и бурных потоков Метлюты, Хваршинки, Джурмута, Хзанора и других рек сплошь поросли сосновыми лесами.

В сосновых и сосново-березовых лесах Аварии встречаются и разнообразные древесные и кустарниковые породы. Так, например, в Кутлябском лесу Тляратинского района растут сосна, дуб, береза, осина, рябина, бук, граб, клен, ясень, черемуха, крыжовник, барбарис, малина, рододендрон Кавказский. Леса имеют большое народно-хозяйственное значение. Они охраняют грунтовые воды, защищают почву от смыва, обеспечивают население строительным материалом.

Животный мир предгорной и горной Аварии менее богат, нежели высокогорной части. Крупных животных в горной части, вследствие преобладания открытых и слишком каменистых склонов со скудной растительностью, мало. Встречаются здесь куницы, хомяки, из птиц — горные курочки, альпийские галки, дикие голуби, чекан, дрозд и др. В высокогорной части, как наиболее лесистой, встречаются медведи, барсы, олени, более обычны дикие козы, туры, рыси, волки, куницы, зайцы и др. Из птиц — горные индейки, галки, стрижи, тетерева и др.

Таковы в общих чертах естественно-природные условия Аварской территории, которые оказали влияние на хозяйство и быт народа и позволили жителям предгорной зоны и местами Центральной Аварии заниматься преимущественно земледелием, горно-долинной — садоводством, виноградарством, высокогорной — скотоводством (овцеводством). Это своеобразие хозяйства аварцев сложилось исторически в связи с общественно-экономическими и природными условиями края.

2. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

Вопросы социально-экономического строя народов Дагестана, в частности, аварцев, интересовали многих дореволюционных исследователей. Большинство из них архаизировали общественный строй народов Дагестана, говорили о господстве здесь патриархально-родовой организации общества.

Некоторые советские историки также считали, что только ко времени присоединения Дагестана к России здесь сложились

феодальные отношения, более развитые в прибрежной части и менее—в горной.[8] В последние годы проделана большая работа по изучению социального строя народов Дагестана. В целом большинство дагестанских историков пришло к выводу, что в XIX веке почти повсеместно здесь утвердились феодальные отношения.[9]

В отличие от Р. М. Магомедова, который видит в центральной части Аварии этого периода феодальный строй, а в «вольных обществах» — патриархально-родовой, Х.-М. О. Хашаев доказывает повсеместность господства феодальных отношений в Аварии. Оригинальным является нахождение им «шамхальства в Гидатле, Анди и Аргуани, феодальных фамилий в различных обществах Аварии, в селениях Ругуджа, Андых, Телетль, Тидиб, Гинта, Урада, Гонода, Сиух, Цалкита, Моксох, Мехельта, Гоцатль, Мушули, Шотода, Тукида, Кедиб, Саситль и др., где лучшие земли, притом больших размеров, принадлежали этим феодальным фамилиям. Жители этих селений вплоть до начала движения горцев под руководством Шамиля отбывали трехдневную барщину и платили своим феодалам подати».[10]

Так, например, в отношении «вольного» общества» Ункратля Х.-М. О. Хашаев говорит, что им правили феодалы Амир-Хамза и Молачи, что они по праву собственности получали с каждого двора в год по одному барану, по сабу пшеницы и по три рабочего дня. Он же дает интересный материал о наличии беков в некоторых «вольных» обществах, в частности Гумбетовском, а также о феодальной зависимости салатавских аварцев от кумыкских князей, которым они были обязаны платить подати баранами, хлебом, выставлять войско и т. д.[11]

Аварское общество XIX века характеризуется наличием частной собственности на пахотные и частично на покосные земли, на постройки, скот и др. имущества. По социальному составу его население делилось на эксплуатирующее и эксплуатируемое сословия. К первым относились лица ханского и бекского происхождения, а также духовенство; ко вторым — «свободные» уздени, зависимые уздени и рабы. Лично свободные уздени представляли наиболее многочисленный класс аварского общества. Зависимые уздени принуждены были приносить ханам и феодализирующейся знати подати и повинности. Имело место в аварском обществе и небольшое число рабов. Рабство в Дагестане носило патриархальный характер. Рабы пополнялись за счет пленных, захватываемых феодальной знатью во времена походов. Они обслуживали хозяйство знати и выполняли обязанности домашних слуг. В Аварии центром работорговли было селение Анди. Рабовладельческие отношения здесь не достигли такого уровня, который был характерен для соседней Грузии и Армении. Здесь рабы, если не выкупались, то оставались в хозяйстве. Крайняя скудность земли и ограниченность сферы применения рабского труда неминуемо вели к освобождению рабов. Со II половины XIX века рабы были освобождены, наделены землей. Небольшое количество их было в с. Корода, Чохе, Мехельта, Кулецма и др. Вплоть до Октябрьской революции к потомкам рабов относились пренебрежительно, они не имели права жениться на дочерях свободных узденей, должны были местами по адату приносить выкуп, организовывать угощение для джамаата и т. д.[12]

«Иное дело, — говорит Маркс, — домашнее рабство на Востоке, здесь оно не образует основы производства, является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом».[13]

В отличие от высокогорных обществ, где основную массу населения составляли лично свободные уздени, в аварском ханстве происходит процесс прикрепления зависимых крестьян к земле. Он начался задолго до XIX века. Известны переселения крестьян различных обществ на земли хунзахских феодалов еще в XVII в. «Поселенцы обязаны были вносить в пользу феодала ежегодно 10 къалй (мера, равная 14 кг) хлеба с каждого двора».[14]

В XVIII—XIX вв. наблюдается дальнейшее усиление эксплуатации крестьянского населения, рост разнообразных форм земельной собственности.

Если в ханстве аварском основу феодальной собственности составляла земля, то в «вольных» обществах исключительная роль принадлежала пастбищам.

Крестьяне Аварского ханства и многих «вольных» обществ принуждены были за использование земли и пастбищ нести феодальные повинности, платить подати ханам и бекам.

По данным 1828 г. в Аварском ханстве насчитывалось 279 селений, в которых было 31005 дворов. 210 селений с 20738 дворами были под непосредственным управлением хана, остальные «имели правление народное, не есть поданные аварцев, но имеют

---

[8] С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. «Ученые записки Свердл. Гос. Пединститута»: вып. 1, Свердл. 1938; И. П. Петрушевский. Джаро-белоканские вольные общества, Тиф., 1934; П. А. Брюханов. Социально-экономические отношения народов Дагестана в период его завоевания Россией и поход Ермолова в горы. РФ ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1193; его же. Государственное устройство и административное управление вольных обществ в первой четверти XIX в. «Сб. Пятигорского Пединститута», вып. 1, Ставр., 1947.

[9] А. В. Фадеев. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1961, Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX вв, Махачкала, 1957, Х.-М. О. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; Г. Г. Османов. О социальном строе Дагестана в конце XVIII — начале XIX вв. «Ученые записки ИИЯЛ», т. VII, М-кала, 1960; С. Г. Гаджиева. Кумыки (историко-этнографическое исследование), М., 1961; Г. Д. Даниялов. К вопросу о социальной базе и характере движения горцев под руководством Шамиля. «Уч. зап. ИИЯЛ», т. II, Махачкала, 1956 и др.

[10] Х.-М. О. Хашаев. Указанная работа, стр. 127.

[11] Х.-М. О. Хашаев. Указанная работа, стр. 137, 202.

[12] Полевой материал. Собран на месте летом 1962 г.

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 451—452.

[14] Очерки истории Дагестана, т. I, Махачкала, 1957, стр. 104.

издревле обязанность по требованиям хана доставлять войска на собственном их продовольствии».[15]

Не только ханы и беки, но и отдельные сильные селения требовали у слабых выкупа или подати. Этим объясняется, что здесь имела место своеобразная форма зависимости одних сел или сельских обществ от других, более сильных, которая выражалась в уплате повинности за пользование землей, пастбищами, за покровительство и помощь.

В Аварии существовало три вида землевладения: частное, вакуфное (мечетское) и общинное. Преимущественно здесь господствовало частное землевладение.

Лучшие земли, пастбища, паи, большое количество скота были сосредоточены в руках ханов, беков и феодализирующейся знати. Рост феодального землевладения в Аварии в XIX в. происходил за счет присвоения и захвата общинных земель. «Частью пахотных земель владел непосредственно сам хан, а другая часть пахотных земель отдавалась в качестве надела крепостным крестьянам. В отличие от пахотных земель, ханские пастбищные земли подразделялись на три вида: 1) пастбищные земли, принадлежащие хану; 2) пастбищные земли, отдававшиеся крестьянам в качестве надела; 3) пастбищные земли, отдававшиеся ханам при условии несения определенной службы».[16]

Наряду с наличием в Аварии зависимых крестьян и рабов, многочисленны были и свободные крестьяне — уздени. Они на правах собственности владели земельными участками, садами, скотом, и недвижимым имуществом. Были разные категории узденей. Среди них выделялись и такие, которые своим богатством приближались к феодализирующейся верхушке.

Пахотная земля, сад, скот с давних времен в Аварии были предметом частной собственности семей, и вместе с хозяйственными постройками имения (мульк) находились в наследственном владении отдельных семей. Они переходили по наследству от отца к сыну или к ближайшему родственнику. Хотя пахотная земля считалась собственностью отдельных семей, ее нельзя было продавать или передавать лицу, не состоящему членом общества данного села. Предпочтение при продаже земельных участков давалось родственнику, затем соседу и, наконец, любому члену данного общества. В этом несомненно сказывается былой общинный характер землепользования.

При наличии четкой классовой дифференциации аварского общества, при господстве малой семьи, здесь существовали в пережиточной форме тухумные отношения: хозяйственная и идеологическая взаимопомощь родственных семей, частично коллективное пользование землей, в частности пастбищами и покосами. Некоторые из пастбищ находились в пользовании отдельных

[15] Материалы по истории Дагестана и Чечни, ч. I, Махачкала, 1940, стр. 190—196.

[16] Р. М. Магомедов. Указанная работа, стр. 99.

тухумов, но большинство было джамаатским. Покосы ежегодно распределялись между хозяйствами по числу душ. Как исключение в некоторых аварских селениях, наряду с господством частновладельческих земель, были и небольшие, принадлежащие обществу, пахотные участки. Общественной землей считалась и целина. Такие земли имелись как в горных, так и в предгорных аулах: Чох, Ругуджа, Дылым, В. Дженгутай, Кулецма и др. Оригинальным является и то, что наряду с господством частновладельческих садов, в садоводческих селениях как Муни, В. Инхо, Тлох, Ботлих были специальные участки (сады), принадлежащие обществу, джамаату.[17]

В одних местах эти небольшие по размерам общественные земли делились ежегодно, а в других — раз в несколько лет.

В Чохе участок земли, расположенный на горном плато и известный под названием «Маарда», находился в общественном пользовании и делился джамаатом между семьями один раз в десять лет.

Был у чохцев и другой участок общественной земли, расположенный сравнительно далеко от селения в местности под названием «Урульоци». По сравнению с участком «Маарда» этот участок считался более плодородным. Землю эту еще сравнительно недавно делили по жеребьевке (можоро) в 2—3 года раз по числу дымов.[18]

Селение Чох имело 19 хуторов. Здесь были расположены сельскохозяйственные угодья, пастбища для крупного скота. Здесь же в летний период обрабатывались молочные продукты. Подобно Чоху и другие селения имели свои хутора, пахотные земли и покосные участки соответственно количеству хозяйств. В Андалялском обществе наиболее крупным земледельческим селением было сел. Ругуджа. Оно славилось своим зерновым хозяйством. Вокруг селения и его 17 хуторов были расположены пахотные поля, покосы и сады. Старожилы сел. Ругуджа рассказывают, что общественные земли и покосы были расположены в местности Анада, а во всех остальных хуторах земля находилась в частном владении отдельных семей.[19]

С весны до поздней осени жизнь ругуджинских крестьян протекала в хуторах, где на пахотных участках возделывались зерновые и бобовые культуры, а в садах выращивались разнообразные фрукты и виноград. В отличие от многих горных аварских сел, ругуджинцы не только были обеспечены своим хлебом, но и реализовали его на стороне. Они снабжали хлебом чародинцев, чохцев, согратлинцев и даже цудахарцев.

Ругуджинцы были обеспечены также скотом. Их пастбища находились преимущественно в общественном пользовании и считались общеджамаатскими. О земледельческом характере хозяй-

[17] Полевой материал. Записан на месте, летом 1962 г.

[18] Полевой материал. Собран в Чохе летом 1961 г.

[19] Полевой материал. Записан в сел. Ругуджа летом 1961 г.

ства ругуджинцев свидетельствуют и обычаи народа. Согласно одному из них, девушка-ругуджинка в приданое получала от родителей кусочек земли или сада. Между тем в аулах со скотоводческим профилем хозяйства этого обычая нет из-за недостаточности у них пахотной земли. Как часть приданого девушкам здесь выделяли скот.

В отличие от Андалалского общества, в Гидатлинском пахотной земли было значительно меньше, но она обрабатывалась превосходно. Долина, в которой живут гидатлинцы, окружена со всех сторон горами и сплошь покрыта зелеными садами и полями. Природные условия способствовали развитию здесь как земледелия, так и скотоводства. В Гидатле также имелось некоторое количество общественной земли. Преимущественно это была целина. С разрешения джамаата крестьяне могли использовать ее под угодья. Общественная земля регулировалась адатами. В Гидатлинских адатах говорится, что «если кто-нибудь вспахал землю на пустыре, который не подлежит раздаче в качестве пахотной земли, или присвоил ее в качестве сенокоса или луга, или частично прирезал к своей земле, то с него взыскивается штраф в размере двух котлов натурой, но не стоимостью».[20]

В джамаате Ригитль существовал обычай: «Если крестьянин вспахал из общей земли больше того, что общество ему выделило, то с этого крестьянина брался штраф и из его земельного участка лучшее место прирезывалось к общественной земле».[21]

Сел. Корода (Куядинское общество) и окружающие его 12 хуторов были также обеспечены землями, садами, лугами и пастбищами. Если в Гидатле земля и даже целина находились под строгим контролем джамаата, то во многих аварских обществах целину мог поднять любой желающий крестьянин, и участок, поднятый им, становился его собственностью до очередного общего передела земли. С переделом земли он терял на нее всякие права. Однако из-за отсутствия свободных земель в горах переделы здесь были явлением редким. Переделы распространялись только на те небольшие участки, которые в силу старинных обычаев оставались в сфере общественного распределения.

Значительно больше общественных земель имелось в предгорье Салатавии. Трудно сказать, когда сюда пришли аварцы. Но многие из них несомненно являются разновременными выходцами из гор. Сюда их издавна привлекало наличие свободных и удобных земель. Земли эти принадлежали кумыкским феодальным владетелям. Спускавшиеся с гор аварцы осваивали эти земли первоначально на арендных условиях. Так, на этих землях возникли такие аварские села, как Дылым, В. Дженгутай, Чиркей и др. После упразднения ханств и образования Дагестанской области эти земли стали государственными, а их население — податным. Тем не менее, многие пастбищные горы, которые были раньше ханскими, стали сельскими, а некоторые пахотные участки — джамаатскими.

[20] Гидатлинские адаты. Подготовили к печати Х.-М. О. Хашаев и М.-С. Саидов, Махачкала, 1957, стр. 27.

[21] Р. М. Магомедов. Указанная работа, стр. 33.

Сохранение их объясняется не патриархально-родовыми порядками владения землей, а такими факторами, как природные условия, ликвидация ханств, захват крестьянами отдельных угодий, принадлежавших ранее местным бекам и возрождение до некоторой степени бытовавших традиций общественного характера пользования угодьями.

Так, например, до Октябрьской революции в сел. Кулецма кусок земли, расположенный у лощины, известной под названием «Калаби», не продавался и не покупался. Земля эта делилась между нуждающимися хозяйствами по жеребьевке через каждые 7 лет.

В сел. Дылым один из шести участков пахотных земель аула считался джамаатским. Из этого участка землю в 1—2 гектара получали выделившиеся семьи или вновь образовавшиеся в результате женитьбы. Постепенно эта земля переходила в частную собственность. Единственным отличием ее от собственной являлось то, что ее нельзя было продать или купить. Если лицо, которое получило участок из этой земли, не оставляло после себя наследника; то этот участок вновь переходил в общественный фонд. В Дылыме был и сельский лес (участки в местностях «Шавдане» и «Тале»). Тот, кто выкорчевывал участок леса, мог использовать его под пашню.[22]

В сел. В. Дженгутай наряду с мечетскими и частновладельческими землями имелись и два общественных участка земли: «Мирзатала» и «Хабшинух». По преданию, они образовались в результате выкорчевывания леса. Землю на этих участках распределял старшина (бегаул) по совету со стариками. Если семья была большая, а личной земли не хватало, то этому хозяйству выделяли участок этой земли. Распределение этой земли ежегодно пересматривалось, и, если у владевшей ею семьи не было больше в ней необходимости, ее передавали нуждающимся лицам.[23]

В других местах общественные земли делили по числу душ. Женатый сын, имевший свое отдельное хозяйство, получал одну долю; вдова — половину; а если она имела малолетних детей — то полную. Землей наделяли и лиц, не имеющих своего рабочего скота, семян. Если по какой-либо причине получивший надел не мог использовать его, то он мог отдать его в аренду на год-два кому-нибудь из членов своего общества за определенную плату.

Срок передела зависел от решения джамаата. Обычно это бывало весной, перед началом полевых работ. Если в течение двух лет лицо, получившее надел, не обрабатывало поле, то его мог использовать любой желающий. Излишние покосные участки также сдавались в аренду желающим на 2—3 месяца, за что владе-

[22] Полевой материал. Записан в сел. Дылым, 1962 г.

[23] Полевой материал. Собран в сел. Дженгутай летом 1962 г.

лец, т. е. получивший надел от джамаата, получал от арендатора как вознаграждение, несколько голов овец.

В ряде аварских обществ излишки пастбищных земель сдавались в аренду соседним скотоводам. Полученные за аренду деньги шли в общественную казну аула, общества. Эти деньги использовались на благоустройство сел, дорог, мостов и др.

Эта форма распределения общинной земли была подушной и здесь резко сказывалось имущественное неравенство. Знать и духовенство, имевшие большее количество земли в частной собственности и много скота, были основными обладателями и общинных наделов.

Эти пережитки несомненно говорят о том, что в прошлом аварцам, как и другим земледельческим народам, был присущ общинный характер землевладения. «Первоначальная общинная собственность на землю соответствовала, с одной стороны, такому уровню развития людей, который вообще ограничивал их кругозор тем, что лежит наиболее близко, а с другой стороны, она предполагала наличие известного излишка свободных земель, который предоставлял известный простор для ослабления возможных дурных результатов этого примитивного хозяйства. Когда этот излишек свободных земель был исчерпан, общинная собственность пришла в упадок».[24]

Надо полагать, что первоначально количество земли, когда ее было в избытке, не регламентировалась общиной и пользовались ею в той мере, сколько могли поднять крестьяне. С ростом народонаселения земельный фонд общины стал предметом специального учета. Интересным является и то, что в Согратлинском хуторе (Наказух) сохранялся специальный фонд земли для обедневших сельчан. Земля эта по решению джамаата предоставлялась бедным семьям на несколько лет. После того, как эти семьи экономически поправляли свое положение, земли эти вновь переходили в распоряжение джамаата. Этот обычай, несомненно, является поздним по своему происхождению.

В Согратле нам рассказывали, что здесь, наряду с общинными землями, были и земли, принадлежавшие не только отдельным семьям, но и целому тухуму.[25]

Представляет интерес предание, связанное с заселением гор и путями установления здесь общинных порядков. В предании говорится, что «в Анди был только один хутор, состоявший из одного семейства. Повсюду был простор и неначатая богатая земля: на юг высились горы, вершины которых покрыты были яркою сочною травою... горы были полны оленей, коз, кабанов и др.». Переселенцы разработали адаты, по которым пастбищные горы, берега рек, выгоны были объявлены общими, неделимыми, все пахотоспособные участки разделены на части для пахоты

[24] Ф. Энгельс. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. М., 1950, стр. 17.

[25] Полевой материал. Записан в сел. Согратль летом 1961 г.

и покосов, а затем поставлено было их делить по жребию, по числу дымов и, наконец, каждой семье был предоставлен участок леса, чтобы очистить место для пахоты и покосов. Эти участки, по праву первого завладения, поступали в наследственную собственность.[26]

Интересно в этом предании то, что все пахотные участки аула были общественными, а что касается выкорчеванных из-под леса участков, то они поступали в наследственную собственность. То же самое следует сказать в отношении созданных личным трудом участков террасных земель. Они рано становятся предметом частной собственности.

Общинное землевладение к началу XIX века не только в ханстве, но и на территории так называемых «вольных» обществ Аварии являлось фикцией, прикрывавшей фактически существовавшую частновладельческую собственность на землю. Уже в этот период знать усиленно присваивала остатки общинных земель и распоряжалась ими по своему усмотрению. Они пользовались и общинными землями как члены общины и в случае переделов получали участки без жеребьевки в двойном и тройном размере по сравнению с крестьянским.

После присоединения Аварии к России и ликвидации ханств частично ханские земли и пастбища, до объявления их государственными, перешли в распоряжение сельской общины. В этот период местами делаются попытки вторично возродить былую традицию общественного характера пользования землей.

К концу XIX века сельских общественных земель, сенокосов и пастбищ становилось все меньше. Община теряет окончательно свое значение. Большинство земель и пастбищ переходит в собственность государственной казны, и за пользование ими крестьяне обязаны были платить подати. В распоряжении сельской общины оставались местами лишь крохи общественных пастбищ и сенокосов и те подвергались переделу в обстановке классовой борьбы и нередко становились причиной вооруженных столкновений между крестьянами и зажиточной аульской верхушкой. Частые споры и столкновения из-за земель происходили между шуланинцами и согратлинцами, бацадинцами и гамсутлинцами и др.[27]

Каждый клочок пахотной земли, который можно было вспахать, использовали под пашню или под посадку плодовых деревьев. Благодаря неимоверного труда крестьянина и членов его семьи создавались поля и сады. Еще труднее приходилось создавать вдоль склонов гор террасы.

Помимо частных, частично общественных земель, пастбищ в Аварии имели место и «вакуфные» земли, иначе называемые мечетскими. Образовались они в результате завещаний отдельных

433320

[26] Терский сборник. Приложение к терскому календарю на 1894 год, вып. 3,

[27] Полевой материал. Собран на месте летом 1961 г.

лиц своих участков на благотворительные цели. Кроме доходов от вакуфов, мечети получали долю урожая от каждого хозяйства. Незначительная часть этих доходов шла на оказание помощи бедным, вдовам, сиротам, а львиная доля шла в карман духовенства. Присоединение Дагестана к России было актом исторически прогрессивным. В 1863 г. Аварское ханство было упразднено и вошло в состав Дагестанской области как Аварский округ. Вхождение Аварии в состав России, несмотря на колониальный характер политики царизма, имело положительные экономические и культурные последствия. Авария втягивалась в русло развития товарно-денежных отношений.

Русский капитализм втягивал горцев в орбиту широкого товарного обращения, способствовал поднятию их на более развитую общественно-экономическую ступень.

В Аварии стали формироваться элементы капиталистических отношений. Она, как и Дагестан в целом, втягивалась в русло общероссийского экономического развития. Но в условиях царской России изменение характера общественно-экономических отношений в Аварии, замкнутой горами, шло крайне медленно.

После присоединения Дагестана к России в сельское хозяйство горцев проникают некоторые технические новшества. Из орудий сельскохозяйственного труда появляются однолемешные железные плуги, косы, тяпки русского фабричного производства. В полеводстве Аварии получают распространение картофель, кукуруза, подсолнух, развивается огородничество. Русские гарнизоны, возникшие в разных местах Аварии в период Кавказской войны, хотя и выполняли колонизаторские функции, до некоторой степени играли положительную роль в хозяйственной жизни окружающих их горцев. Русские солдаты оказывали практическую помощь горцам-аварцам в полеводстве.

С упрочением царизма в Аварии появились и казенные землевладения, а вместе с ним и царские подати и повинности. После событий 1877 года в Андийском округе были конфискованы и переданы в ведение управления государственных имуществ около 16 тысяч десятин летних пастбищ.[28]

В «Аварском округе в 1907—1911 гг. из военно-народного управления в ведомство государственных имуществ были переданы бывшие ханские земли в количестве 3000 десятин, из коих пахотных 421 десятина 2400 кв. саж., сенокосных 400 дес., садов — 2 десятины 160 кв. саж., а остальные — горные пастбища».[29]

Кресьтяне, изнемогавшие ранее от местных ханов и беков, оказались во власти царских колонизаторов. С проникновением в горы капиталистических отношений процесс расслоения крестьян в Аварии из года в год усиливался. К концу XIX века у 78

[28] Обзор Дагестанской области за 1912 г., Т.-Х.-Шура, 1913 г., стр. 32.
[29] Х.-М. О. Хашаев. Указанная работа, стр. 32.

богатых хозяйств Аварского округа было 938,8 дес. земли, у 32 таких же хозяйств Андийского округа — 778 десятин.[30]

Из среды аварского узденства выделились не только крупные скотоводы, но и земледельцы, которые прибрали значительное количество земли на плоскости. Помещик Н. Гоцинский имел 93 дес. земли в с. Гоцо Аварского округа и 2875 дес. земельных пастбищ в Темир-Хан-Шуринском округе. Богач из сел. Чох Антик Нурмагома имел на плоскости 1400 дес., Макашариф — 1758 дес., Магомед Мамалов — 1156 дес. Пери Гимбат из Хунзаха имела 1440 дес. Они же владели десятками тысяч овец.

Из отчета военно-народного управления за 1892 год видно, что в среднем на душу населения в Аварии в Андийском округе приходилось своего хлеба 0,14 четвертей, в Аварском — 0,37 четвертей, в Гунибском — около 0,5 четвертей, т. е. приблизительно его хватало на 1—4 месяца.

«В Гунибском округе, как и в других округах, ощущался острый недостаток пахотных земель. Согласно переписи 1917 г., в округе было 6.910,3 дес. пашни на 16586 крестьянских дворов, или в среднем по 0,4 дес. на двор. Пастбищ было 170.717 десятин, или в среднем по 10,3 дес. на двор. При таком малоземелье население округа не могло обеспечить себя своим хлебом».[31]

Поэтому большое количество населения Аварии вынуждено было искать себе кусок хлеба на стороне. Особенно это было необходимо для жителей высокогорной Аварии. «С осени начиналась почти поголовная перекочевка Тляротинского и Чародинского районов в богатые долины Алазани — в Грузию, в плодородные полесья Закатальского округа Азербайджана, где они занимались разными ремеслами и выполняли по найму сельскохозяйственные работы. Здесь они оставались большую часть года, почти до мая—июня и затем шли обратно «домой», когда поступала пора обрабатывать свои маленькие земельные участки».[32]

Так, например, на отхожие промысла в 1892 г. ушло 1672 чел., из Аварского округа, 5285 чел. из Андийского округа, 1746 чел. из Гунибского округа.[33]

По данным переписи 1917 г. из 7359 аварских крестьянских хозяйств 3848 не имели рабочего скота, 5382 не имели овец и коз, совершенно не имело земли 198 хозяйств.[34]

Многие обездоленные крестьяне из Цумады и Цунты уходили батрачить в соседнюю Грузию, а из Анди в Чечню и на кумыкскую плоскость.

В конце XIX века положение части крестьянства, которое не имело своей земли и скота, было крайне тяжелым. Целые аулы

[30] З. А. Никольская. Аварцы «Народы Кавказа», М., 1960, стр. 441.
[31] А. Г. Мелешко. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана в конце XIX — начале XX вв., к/д., М., 1917, стр. 198.
[32] Там же.
[33] Х.-М. О. Хашаев. Указанная работа, стр. 38.
[34] Х.-М. О. Хашаев. Указанная работа, стр. 39.

были обречены на голод и нищету (кахибцы, карахцы и др.). Жители некоторых аулов, как Гоори, Маали и др. вынуждены были заниматься нищенством.

Эти данные свидетельствуют о глубоком расслоении крестьянских хозяйств. Эксплуатация, острый недостаток земли, скота, низкая техника земледелия приводили к обнищанию трудовых масс аварцев. Сельское хозяйство Аварии, как и всюду в Дагестане, могло быстрыми темпами двинуться вперед лишь при условии ликвидации колониальной зависимости, уничтожения патриархально-феодальных отношений, сковывавших её развитие.

Ко времени Октябрьской революции положение трудового крестьянства Аварии, как и повсеместно в Дагестане, еще более ухудшилось. Земледелие пришло в упадок, уменьшилась посевная площадь, резко сократилось количество скота. «Посевная площадь, по сравнению с 1913 годом, упала в 1917 году до 70%.[35] Усилившееся обнищание и разорение крестьянства приводило к обострению классовой борьбы в дагестанском ауле. Трудящиеся Дагестана продолжали оставаться под гнетом. Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Дагестане навсегда избавили народы Дагестана, в том числе аварцев, от нужды и эксплуатации и создали все условия для зажиточной и культурной жизни.

3. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

В дореволюционной историко-этнографической литературе преобладало мнение, что по сравнению с земледелием, скотоводство в горах Дагестана, в частности у аварцев, являлось древней и ведущей отраслью хозяйства. Объяснялось это тем, что в горах было крайне мало пахотных земель, зато в достатке имелись альпийские пастбища и луга. Не только в дореволюционной, но и в советской литературе существует утверждение, что основным в хозяйстве горцев продолжает оставаться скотоводство.[36] В последние годы дагестанские историки стали подвергать критике теорию о сравнительной древности и преобладании скотоводства перед земледелием в горах. Больше того, некоторые из них — Х.-М. О. Хашаев,[37] В. Г. Котович[38]—считают, что земледелие являлось ведущей и более древней чем скотоводство отраслью хозяйства горцев, в том числе аварцев. Академик Н. И. Вавилов,

[35] 10 лет социалистического строительства ДАССР, М-кала, 1931, стр. 25.
[36] З. А. Никольская. Аварцы «Народы Дагестана», М., 1955, стр. 28—29; С. А. Токарев. Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 229 и др.
[37] Х.-М. О. Хашаев. Занятия населения Дагестана в XIX в., М-кала, 1959. стр. 3—4.
[38] В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане «Ученые записки ИИЯЛ», т. IX, М-кала, 1961 г.

возражая исследователям, утверждавшим, что Дагестан — страна преимущественно скотоводческая, что развитию этой отрасли хозяйства благоприятствовало наличие в ней удобных пастбищ, утверждал, что это не исключало развития здесь и земледелия.

Более того, — говорит Н. И. Вавилов, — «Максимального развития в прошлом земледелие достигло не в областях и районах, наиболее легких с нашей современной точки зрения для освоения, а как раз наоборот, в условиях суровых горных районов, в пустынях Египта, в Мессопотамии, в прибрежном пустынном Перу, граничащим с бесплодной Атакоаской пустыней».[39]

Для подтверждения сказанного автор приводит мысль, высказанную Марксом, что наибольшей высоты культуры человечество достигло там, где завоевание природы давалось с трудом, где нужно было прикладывать большой коллективный труд. «В действительности, — говорил К. Маркс, — грандиозные сооружения древнего Египта обязаны своим возникновением не столько многочисленности египетского населения, сколько тому обстоятельству, что значительная часть последнего могла быть употреблена на это дело... не тропический климат с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала. Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда...»[40]

Все это говорит о том, что горцы в условиях неблагоприятных для земледелия районов вынуждены были создавать силой коллектива необходимые для жизни пахотные земли.

«Наши исследования земледельческих поселков Дагестана и состава культур, — говорил Н. И. Вавилов, — показывают несомненную древность земледелия и в этой стране, во всяком случае существующего здесь много столетий и характеризующегося особыми эндемичными сортами ячменя, пшеницы, льна и бобов».[41]

Древность земледелия в Дагестане подтверждается и археологическими данными. За последние годы в Дагестане археологи обнаружили многочисленные находки, ясно говорящие о том, что в горах земледелие было развито не менее, чем скотоводство.[42]

Не только археологические, но и письменные источники сохранили некоторые данные, говорящие не только о скотоводстве, но и довольно развитом земледелии у аварцев. В средневековую эпоху владетели Аварии получали от подвластного населения дань

[39] Н. И. Вавилов. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий. «Природа»: № 2, 1936, стр. 74.
[40] К. Маркс, т. I, М., 1950, стр. 516—517.
[41] Н. И. Вавилов. Указанная работа, стр. 75.
[42] В. Г. Котович. Указанная работа, стр. 282; Д. М. Атаев. Средневековая Авария (по археологическим данным), к/д, стр. 360, 361; Д. Бутаев. Описание замечательных мест, селений и дорог Нагорного Дагестана. РФ ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1581, стр. 3.

и ренту преимущественно зерном, овощами, скотом.[43] В сборнике адатов Уммахана (конец XVI — начале XVII вв.) мы находим перечень многочисленных податей, свидетельствующих о развитии всех отраслей земледелия в Аварии.[44]

Однако, в условиях высокогорной Аварии, в силу малоземелья, как бы ни была высока земледельческая культура горцев, она не могла стать ведущей отраслью хозяйства. Хлеб здесь нужен был прежде всего для удовлетворения внутренних нужд населения. Скорее всего в предгорной и горной части Аварии с древнейших времен до позднего средневековья земледелие сочеталось со скотоводством. С XVII века в высокогорной части Аварии отмечается преобладание роста товарности скотоводства над земледелием. Этому процессу способствуют экономические и культурные связи гор с земледельческой кумыкской плоскостью. С установлением этих связей решался важный вопрос о зимних пастбищах, в которых особо нуждалось горное овцеводство. Оно стало носить отгонный характер.

С появлением дешевого кумыкского и чеченского хлеба многие аварские крестьяне стали забрасывать свои незначительные клочки пахотных земель и сосредотачивать внимание на развитие скотоводства. Выгодность этой отрасли хозяйства становится очевидной.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что земледелие, как и скотоводство, издавна являлось важной отраслью народного хозяйства аварцев.

Земледельческий опыт аварцев отражает своеобразные горные пахотные орудия и навыки труда, сельскохозяйственные обычаи и обряды. Оригинальными являются аварские поговорки и пословицы, характеризующие земледельческую культуру народа: «Зерно полнеет — колос гнется», «Нарядный дом — не богатство, богатство — нарядная пашня», «Ячмень сей в пыль, пшеницу в грязь», «И аллах любит поле, которое унавожено», «Виноград бери в Голотле, бобы в Хунзахе», «Богатеть бы от поля, умереть бы на воле», «Пусть прослыву скупым в Цоре,* чем не имеющим что сеять в родном ауле»,[45] «Не смочив спины, не смочишь и пашни», «Фасоли и гороху — дождь, винограду — солнце»,[46] «На крутом склоне не делай пашни, на берегу речки не строй дом», «У неимеющего быка пахота худая», «Избавь от пашни не получающей удобрения, избавь и от хозяйства, не имеющего пашни», «Кто не посеет весной, тот не пожнет осенью»[47] и т. д.

[43] Баладзори. «Книга завоевания стран», Баку, 1927, стр. 18, Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом Рафи. Сб. сведений о кавказских горцах, вып. V, Тиф., 1871, стр. 11, Тарихи Дербент-наме, прилож. IX, Тиф., 1898, стр. 167—168.

[44] Очерки истории Дагестана, т. I, Махачкала, 1957, стр. 147—151.

* До революции безземельные аварские крестьяне уходили на заработки (отходничество) на территорию соседней Грузии, именуемой у них Цор.

[45] А. Ф. Назаревич. Пословицы и поговорки народов Дагестана, Махачкала, 1958, стр. 45—46.

[46] Ш. И. Микаилов. Очерки аварской диалектологии, М., 1959, стр. 177—178.

В этих пословицах и поговорках народа таятся сокровенные мысли аварского крестьянства о земле — кормилице. Много говорится о земледелии, как о важной отрасли хозяйства и в народных аварских сказках.

В домашнем быту аварца-земледельца работа по хозяйству разграничивается на две части: работа по полеводству и связанному с ним скотоводству и по домашнему хозяйству. Пахота и скотоводство считалось мужским занятием.

Аварцы прилагали большой труд во все отрасли народного хозяйства, которые давали им средства к жизни.

Один из дореволюционных исследователей Дагестана говорил, что обязанности горцев-мужчин «кроме присмотра за лошадьми и оружием, состоят в том, что они должны вспахать поле, засеять хлеб и покосить сено. Они также снимают, молотят и мелют хлеб, но при этом принимают деятельное участие и женщины, которые имеют в руках все хозяйство и работают в поте лица».[48]

Женщина-аварка была обременена не только ведением тяжелого домашнего хозяйства, но и принимала активное участие в земледельческих работах.

Обязанностью женщин были неоднократные прополки, мотыжение кукурузы, картофеля, сбор урожая, провеивание зерна и доставка его домой. Женщины принимали активное участие во всей многообразной хозяйственной жизни народа. Основная работа в таких кустарных производствах, как ткачество, ковроделие и большей частью бурочное дело и шитье, выполнялась женщинами. Следует учесть, что в горах Аварии, где многие крестьяне не имели своего скота и вынуждены были уходить на заработки в отходничество, все хозяйство ложилось на плечи женщин.

В горах женщина наравне с мужчиной создавала все материальные ценности. Экономически горянка в обществе занимала равное место с мужчиной, в силу чего ее положение было несравненно выше, чем в соседнем Азербайджане или Средней Азии. Горянка не знала затворничества. Активное участие в труде принимали все члены семьи, как взрослые, так и дети.

О. В. Маргграф так описывает сельскую жизнь горцев конца XIX века «Еще с осени, с сентября и октября месяцев, Дагестан значительно пустеет; большинство мужского населения, состоящее из медников, оружейников, лудильщиков, серебрянников и проч., расходится на заработки по всему Кавказу... Остаются дома только старики или даже одни женщины с малолетними детьми... Женщины принимаются за шерсть, снятую с овец еще осенью. В течение всей зимы они ее перебирают, расчесывают и прядут, затем весною ткут или валяют... Весною опять возвра-

[47] Х.-М. О. Хашаев. Указанная работа, стр. 57.

[48] А. А. Неверовский. Краткий взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях, СП, 1847, стр. 29.

щаются мужья и братья... Раннею весною вся семья совместно и с удвоенною энергией спешит окончить все свои изделия, продает их на базаре и покупает все необходимое для сельских летних работ, которые завершаются осенью уборкою хлеба, винограда, стрижкою овец и т. д.»[49]

Средняя аварская крестьянская семья, состоящая из 5—6 душ, имела двухэтажную (верхний этаж служил жильем, нижний — хлевом) в горах и одноэтажную в предгорье и на плоскости саклю, небольшой участок пахотной земли или сад до 1 десятины, от 5 до 20 голов мелкого скота, 1 или 2 коровы,. 1—2 ослов и небольшое число домашней птицы.

Много крестьянских семей не имели или почти не имели ни земли, ни скота.

Во многих высокогорных селах Тляротинского, Чародинского, Цумадинского, Цунтинского районов земли не хватало, а там, где она имелась, почвенный покров был неглубоким и каменистым. Значительно лучшие плодородные земли у аварцев были расположены в долине рек Аварского и Андийского Койсу. В силу специфических условий горной Аварии здесь исторически сложилась террасовая земледельческо-садоводческая культура. Рельеф гор породил тип террасового земледелия. Террасы создавались на склонах гор. Стенки их укреплялись каменной кладкой во избежание оползней.[50]

Путешественники неоднократно отмечали нехватку удобной пахотной земли у аварцев и то, какими большими трудностями они компенсировали это путем создания искусственных террас. «Удобные места для «террас» выбирать трудно, пестрые их латки рассеяны поэтому всюду на громадных пространствах, и часто «поля» бывают расположены в нескольких километрах от аула и на таких высотах, куда не может вскарабкаться даже выносливый и ко всему привыкший горный ишак. В таких местах пахать «поля» приходится вручную мотыгами и лопатами».

Земледелие развивалось в горной Аварии главным образом по пути создания террасовых полей. Культура террасирования достигла в Аварии высокого уровня. Повсеместно здесь можно увидеть многоярусные террасы. «Массовое террасирование склонов— характерный признак культурного ландшафта горного Дагестана, неповторимый в таких размерах в других частях Кавказа.[51] Самый мизерный участок, пригодный для земледелия, превращался здесь в пахотное поле или фруктовый сад.

Террасы прежде всего, — это искусственное поле, созданное трудом человека. Террасовое земледелие имеет глубокую древность в горах и связано с историей мотыжного земледелия. Нам кажется, что широкое применение в аварском земледелии широ-

[49] О. В. Маргграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства, М., 1822, стр. 36.
[50] А. Зорич. В стране гор, Махачкала, 1929, стр. 65—66.
[51] А. М. Ибашев. Овцеводство Дагестана, М., 1961, стр. 5.

колезвенных и узких мотыг, а также наличие у них специальных лопатообразных орудий для ручной обработки террасовых участков говорит в пользу того, что до появления горных пахотных орудий, а вместе с ними и плужного земледелия, здесь была распространена мотыжная обработка земли, Даже в современных условиях небольшие узкие террасы в Аварии из-за невозможности обрабатывать их с помощью сохи — пуруца и быка возделываются руками и трудом непосредственных производителей.

Насколько далеко это террасообразное земледелие уходит в прошлое, сказать трудно. Ясно, что оно возможно лишь в сравнительно развитом обществе.[52] Террасирование полей играло важную роль в борьбе с часто повторяющейся в горах эрозией почв.

В Аварии и до сих пор встречаются очень древние террасы. Следы древних террас обнаружены на территории средневековых аварских поселений: Ругуджа, Араканы, Кикуни, Ботлих и др. Террасовое возделывание сельскохозяйственных культур испытано здесь многовековым народным опытом. Поэтому неудивительно, что важнейшими районами террасового земледелия, в частности плодоводства в нашей стране являются Дагестан и Черноморское побережье Кавказа.

Террасы Аварского нагорья при этом своеобразны во многих отношениях. Их своеобразие обусловлено местными природными и экономическими особенностями: сильно выраженным недостатком площадей, пригодных для земледелия, большой крутизной и каменистостью значительной части горных склонов. Земельные участки эти расположены по склонам гор и имеют значительный уклон. Особенность террас заключалась в том, что «земледельческому участку, на какой бы высоте он ни находился, стараются придать наиболее горизонтальную поверхность. Это необходимо не только для удобства обработки, но главное для большего задержания влаги в почве и уменьшения эрозии поверхностного почвенного покроя. Таким образом весь склон разбивается на участки, расположенные один над другим в виде террас, на которых создаются окультуренные почвы».[53] Больше того, в связи с крутым расчлененным рельефом и ливневым характером осадков в горах основными противоэрозионными мероприятиями служит террасирование в сочетании с устройством дренажа. Системы террас выбираются в зависимости от особенностей рельефа, эрозии и типа почв, осадков и характера возделываемой культуры.

Устройство террас начинается от основания склонов и ведется вверх. Каменные стены, закрепляющие откосы, делаются на сухой кладке, толщина зависит от их высоты. Стены, имеющие высоту до 1,0—1,5 м, делаются толщиной до 20 см, а до 2 м — толщиной в 25 см. Если же приходится делать еще более высокие стены, то их толщина соответственно возрастает. При устройстве

[52] М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры, М., 1953, стр. 70.
[53] Северный Кавказ, М., 1957, стр. 470.

террас на каменистых склонах почву приходится доставлять со стороны. Нередки были случаи, когда ветры или дожди сносили привнесенный почвенный слой. Многие террасы в Аварии находятся в нескольких десятках, а порою и сотнях метров над уровнем реки. Эти террасы образуют местные центры земледелия.

З. А. Никольская отмечает три вида террас у аварцев: террасы, на которых дополнительно нанесена почва, террасы без наносной почвы, естественные речные террасы.[54] Все они в той или иной степени удобряются навозом и золой. Своеобразие в характере террасовых полей Аварии обусловлено рельефом горной местности. Естественные террасы не требовали особых искусственных работ. Они возникли «при постепенном поднятии всей страны, происходившем в последние геологические эпохи и продолжающемся, по-видимому, поныне. Реки и речки горного Дагестана врезываются и углубляют свои русла, оставляя участки старых речных долин в виде ряда уступов. Чем древнее сохранившийся участок террасы, тем выше над современным уровнем реки. Целые лестницы таких террас, поскольку они не были размыты и снесены, сопровождают иногда горные долины рек».[55] Уступы таких террас обсаживались фруктовыми деревьями и служили подпорками от оползней.

Характерная особенность современного земледелия в Дагестане, — пишет С. А. Токарев, — «это своеобразное трехъярусное использование участков. На террасах по южным склонам гор сажаются фруктовые деревья, под ними — кукуруза, а между кукурузными стеблями — овощи, картофель, бобы. Это позволяет снимать с одного участка до трех урожаев разных культур в год».[56]

Аварию можно считать наиболее развитой на Кавказе областью террасового земледелия. Террасы, покрывающие склоны гор, свидетельствуют о высоком трудолюбии аварского земледельца. Аварцы накопили большой хозяйственный опыт, создали оригинальную форму террасирования полей, своеобразный сельскохозяйственный календарь, изучили свойства почвы, методы орошения и удобрения полей. Пахотные участки в Аварии были разбросаны преимущественно клочками в долинах рек, на небольших плато и по склонам гор. Они были размерами от 0,5 га до 1—2 га. Продажа земельных участков была редким явлением. Цены на них назначались очень высокие. А. А. Неверовский сообщает, что «участок, равнявшийся половине нашей десятины, стоит от 40 до 70 рублей серебром».[57]

---

[54] З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана. «Советская этнография», № 4, 1952, стр. 93.
[55] Б. Ф. Добрынин. Указанная работа, стр. 88.
[56] С. А. Токарев. Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 230.
[57] А. А. Неверовский. Краткий взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях, СПб 1847, стр. 36.

По сведению Н. Дубровина, «десятина орошаемой земли в конце 60-х годов XIX века стоила от 100 до 150 рублей серебром».[58]

Д. Н. Анучин сообщал, что участок земли величиной в десятину стоит в горах 100, а в «некоторых местностях в исключительных случаях доходит до 300—400 рублей».[59]

Пахотная земля высоко ценилась не только в высокогорной Аварии, но и в предгорье. Комиссия по землепользованию на Кавказе указывала, что в Салатавии по свидетельству местных жителей десятина пахотной земли в начале нашего века стоила от 100 до 150 рублей.[60]

В сел. Дылым, Кулецма, Чиркей нам рассказывали, что участок земли оценивался количеством бумажных денег, размещенных на данном поле.[61] В сел. Гочобе клочок земли в 0,5 га до революции стоил 40 голов баранов.[62]

Более или менее четких сведений о количестве засеваемой площади в Аварии не было. «Пространство пахотных земель здесь исчислялось количеством засеваемого зерна, садов — числом корзин или весом собранных плодов, сенокосов — числом вьюков скошенного сена и пастбищ — числом выпасаемого на них скота».[63]

Сравнительно развитыми были севообороты. «Преобладающая система севооборота — двухпольная, но встречаются также трехпольные и однопольные севообороты. При двухпольном севообороте пахотные поля делятся на две равные части: одна из них оставляется в залежи и служит пастбищем для скота, а другая бывает занята хлебными злаками. На следующий год поля, бывшие в залежи, поступают под хлеб, а бывшие под посевом — в залежь. Трехпольный оборот начинается посевом кукурузы или проса, за которыми следует озимая пшеница, и завершается ячменем; следовательно, в этом севообороте не существует пара. И, наконец, в однопольном севообороте озимая пшеница ежегодно сменяет сама себя».[64]

В горной Аварии большей частью из-за отсутствия достаточного количества земли ежегодно использовались одни и те же участки, но их хорошо удобряли навозом и золой и каждый год чередовали сельскохозяйственные культуры. Использование одного и того же участка ежегодно приводило к истощению почвы и создавало острую необходимость смены обрабатываемых земель. Также практиковалось подсечное земледелие.

---

[58] Г. Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 1, СПб, 1871, стр. 501.
[59] Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г., Известия ИРГО, т. 20, 1884, стр. 399.
[60] Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования в нагорной полосе Терской обл., 1908, стр. 289.
[61] Полевой материал собран летом 1962 г.
[62] Полевой материал собран в сел. Гочоб летом 1961 г.
[63] Обзор Дагестанской области за 1897 г., стр. 21—22.
[64] Дагестанская область. Кавказский календарь на 1893 г., стр. 147—148.

В высокогорной части Аварии, в Тляратинском и Чародинском районах участки земли под пахоту создавались на месте выкорчевываных лесов. Срубленный лес складывали в кучи, покрывали дерном и сжигали. На этих участках сеяли несколько лет подряд, после чего их оставляли под пар. Сжигание лесных участков в высокогорной Аварии было одним из способов расширения пахотной земли. Там, где было достаточно земли, система севооборота была паровой. Так было на Чохском и Хунзахском плато и в предгорных районах Аварии.[65]

Аварцы, как и все остальные народы Дагестана, выработали своеобразную сельскохозяйственную технику. Орудия земледельческого труда у аварцев были разнообразны. Горными пахотными орудиями являются деревянная соха с железным лемехом (пуруц), своеобразные железные лопаты с лемехом для ручной вспашки террасовых полей и садов (реххин), широколезвийные и узкие мотыги (газа), молотильные доски с нанизанными на рабочую часть кремневыми камнями (лолен, лулби), бороны (хьури), деревянные лопаты (бугьун) и разнообразные вилы с двумя и тремя зубьями (гьен, лъен), грабли (кьохорхо), мужские и женские косы (харицел, хъандиро), серпы (нилъ). В крестьянском хозяйстве аварцев имелись каменные ручные жернова (кверхен, курзулгьабал), жаровня (ц"угь), плетеные корзины и лари различных размеров и типов (гьегь, мугъало), большие мешки для перевозки зерна (карсан), деревянные закрома для хранения зерна (цагъур, бежен), различные меры сыпучих тел (къали, рйкьи, ратал, сахI и др.), решета для провеивания зерна (ц"арку), сумки для сельскохозяйственного инвентаря (г"одобер), сумки для семян (богIорц, къвачIа) и др.[66]

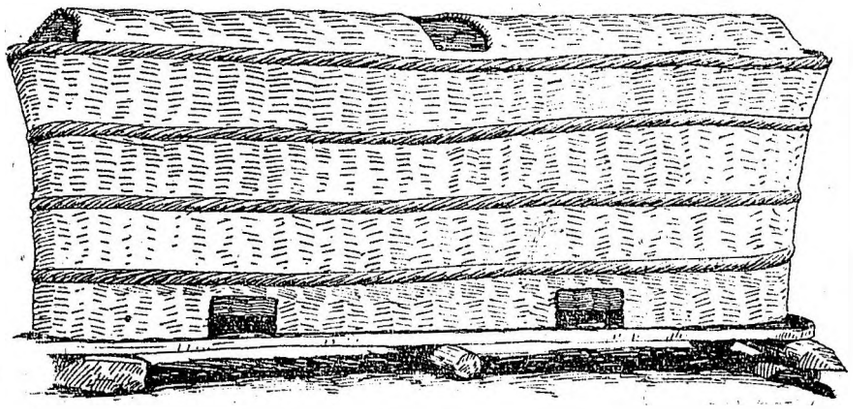

Рис. 1. Хранилище для кукурузы.

[65] Полевой материал. Записан на месте летом 1961—1962 гг.
[66] Полевой материал. Собран нами в Аварских районах в 1961—1962 гг.

Сельскохозяйственная техника была сравнительно отсталой и тормозила развитие культуры земледелия. Орудия и инвентарь изготовляли местные мастера — кузнецы, плотники. Железные лемеха для пуруца изготовляли большей частью согратлинские мастера-кузнецы.

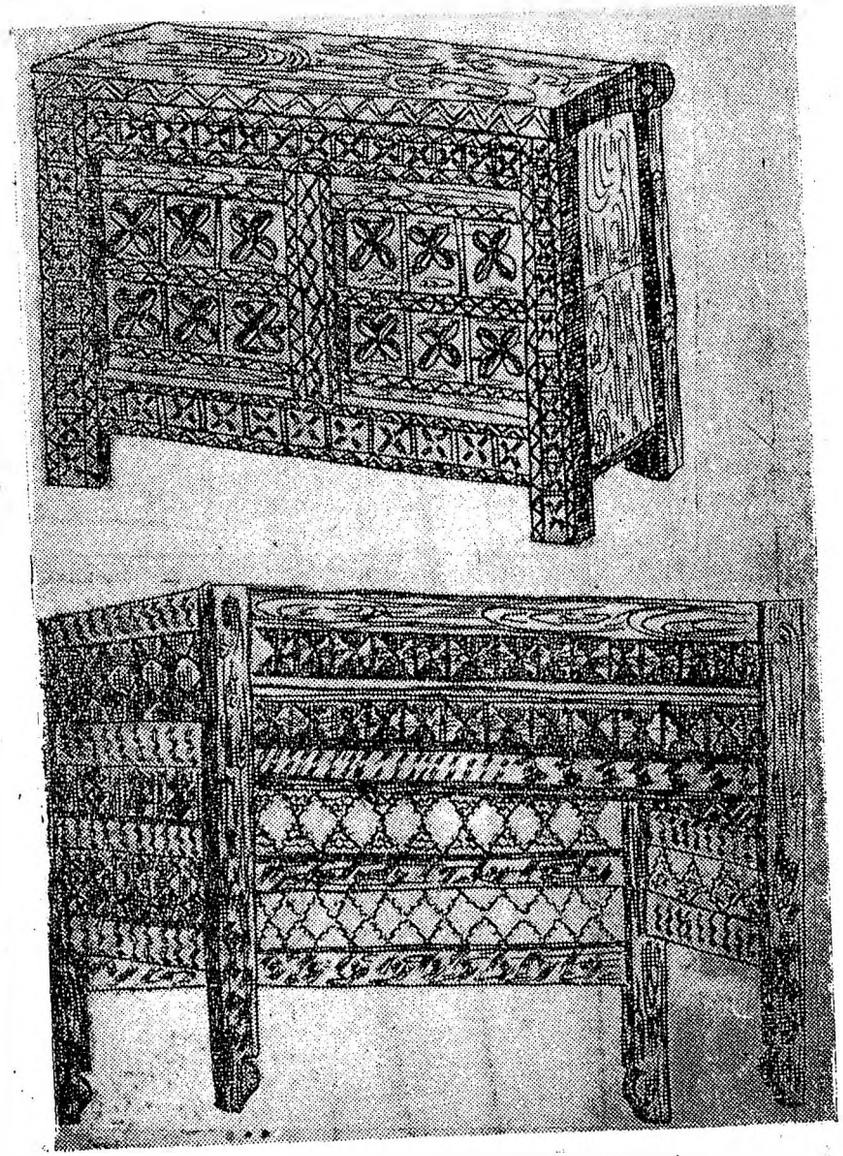

Рис. 3. Деревянное зернохранилище (ЦIугур).
Рис. 4. Зернохранилище.

В таких селениях как Согратль, Кула, Бацада, Куяда, Чох и др., имелись профессиональные мастера по изготовлению сельскохозяйственных орудий: сох, лемехов, кос, серпов, топоров, лопат, ножниц и т. д. В прошлом плата за сельхозинвентарь производилась меной (натурой).

Наличие разнообразных орудий сельскохозяйственного труда и инвентаря у аварцев еще раз говорит о древности земледельческой культуры народа. Трудно ответить, когда появились пахотные орудия у горцев Дагестана. Видимо, за самым древним ору-

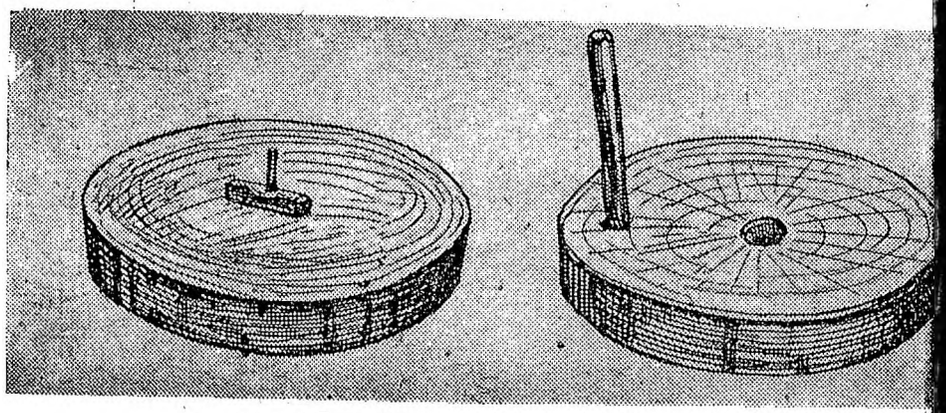

Рис. 2. Ручные жернова.

дием обработки земли — мотыгой в эпоху бронзы на Кавказе и, в частности, в Дагестане, появляется горская соха из цельного куска дерева — пуруц. Следует полагать, что вместе с появлением пуруца тягловой силой становится бык. Это привело к возникновению плужного или пахотного земледелия. Несколько позже

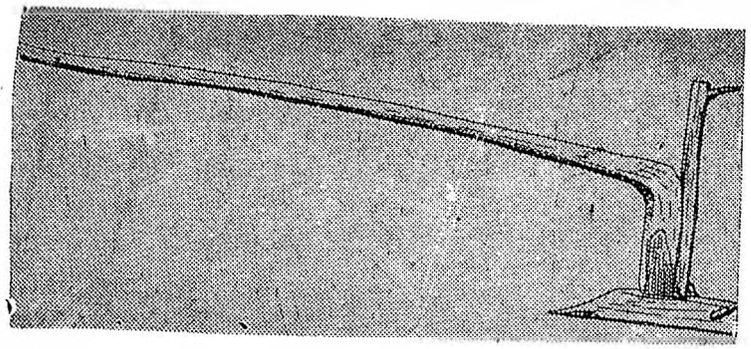

Рис. 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11. Горные пахотные орудия аварцев (Пуруц).

появляется и железный лемех. Хотя археологами еще не обнаружен железный лемех в Дагестане, но в условиях гор, где преобладает каменистая почва, такой необходимый предмет должен

был появиться рано. По всей вероятности, железный лемех появился в горном земледелии в первые века нашей эры. Начиная с плавки железной руды, — говорит Ф. Энгельс, — «мы встречаем плуг с железным лемехом, с домашним скотом в качестве тяги; благодаря ему стало возможно в крупном размере земледелие, полеводство, а вместе с тем и практически неограниченное для тогдашних условий увеличение жизненных припасов».[67]

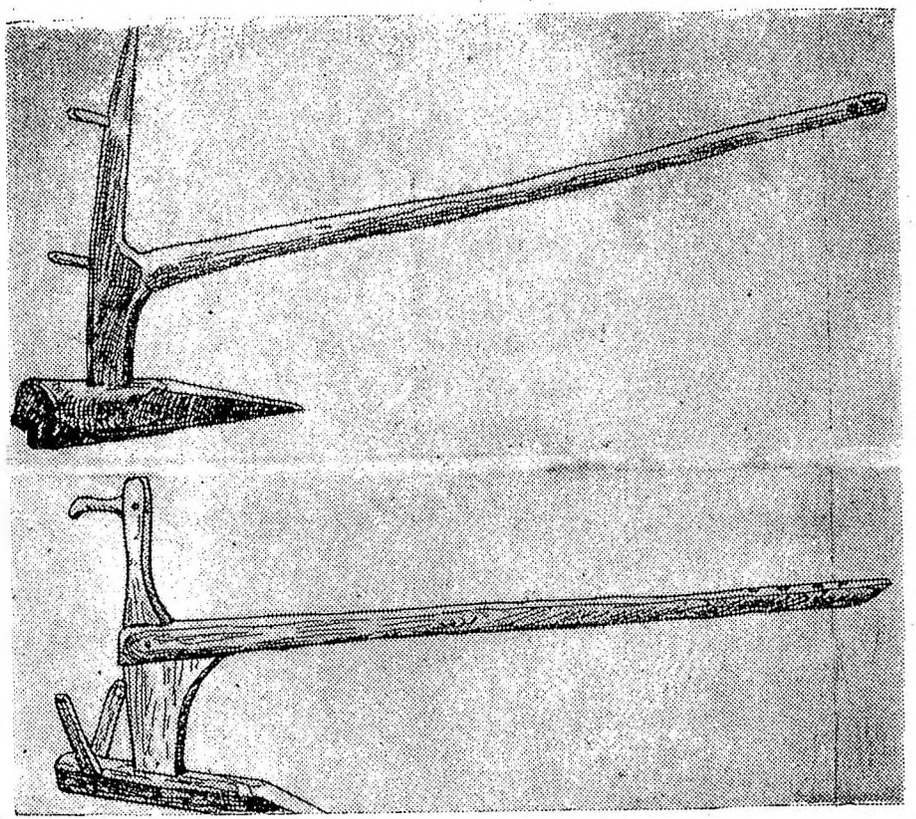

Рис. 6, 7.

С появлением сохи горские крестьяне перешли от мотыжного земледелия к пашенно-плужной системе земледелия подобно той, которая имела место у народов Передней Азии и Китая. Этот переход происходил, по всей вероятности, в период распада родового строя и возникновения классовых отношений во время выделения индивидуальной семьи.

Система обработки земли сохой существовала на Кавказе с эпохи бронзы и дошла до наших дней. В письменных источниках

---

[67] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1945, стр. 33.

говорится, что на рубеже нашей эры в соседнем с Дагестаном Азербайджане землю пахали не железными, а грубыми деревянными плугами.[68]

Соха, приводимая в движение тягловой силой, значительно повысила качество обработки почвы и подняла производительность труда в земледелии. Происхождение слова «пуруц» не поддается объяснению.

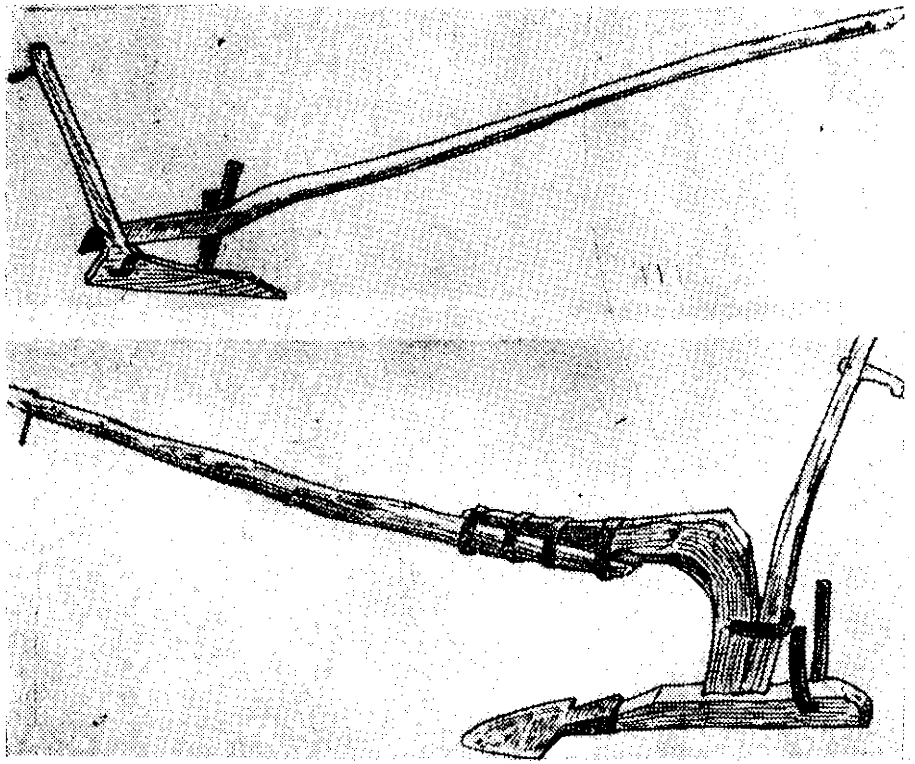
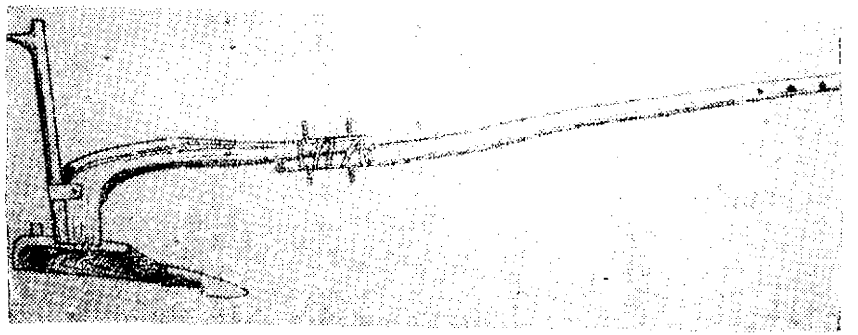

Рис. 8, 9.

На языках народов Дагестана соха имеет почти одинаковое название: по-аварски — пуруц, по-даргински — дурац, по-лакски — къарас, по-лезгински — туьрез и т. д. Это говорит о единстве происхождения и формирования горных пахотных орудий в Дагестане. «Повсюду, от Адыгеи до Аварии, горцы пахали сохой (авар. пуруц, осетин — дзывер), которая представляла загнутый крючком сук. На конце этого сука иногда закреплялся железный сошник. Такая соха способна была выворачивать землю чуть ли не на вершок».[69]

[68] Страбон. География. Перевод В. В. Латышева. «Известия древних писателей о скифии и Кавказе». ВДИ, 1947, стр. 220.

[69] А. В. Фадеев. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М., 1960, стр. 289.

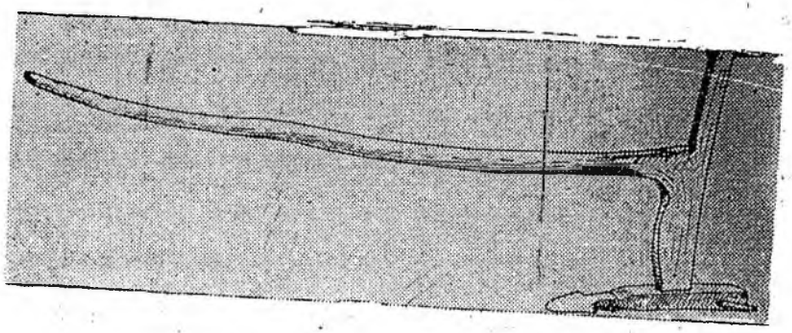
В Аварских районах обнаружено более десяти разновидностей деревянных пахотных горных орудий. Все они, за незначительными расхождениями в конструкции отдельных частей, в целом представляют один и тот же тип или вариант. Аварская деревянная соха по своему типу и конструкции очень близка с пахотными орудиями соседей лакцев, даргинцев, лезгин и др., а также с другими народностями Кавказа и даже Передней Азии.

Еще большая близость конструкций и названий пахотных орудий наблюдается у аварской группы народностей. «Так, у аварцев Хунзахского, Кахибского, Гунибского, Тляратинского районов оно (орудие — М. И.) называется пуруц, у аварцев Чародинского района — берец, у андийского (Ботлихский район) — реббцу, у годоберинцев (Ботлихский район) — рецин, у тиндалов (Цумадинский район) — перец, у ахвахов (Ахвахский район) — гIебеце, у бежтин (Тляратинский район) — борос».[70] Название аварской сохи очень близко к наименованию плуга у киргизов «буурцун». Схожесть названия этого орудия у многих народностей говорит о древности происхождения и о широкой географической распространенности его как орудия сельскохозяйственной обработки земли.[71]

Широко распространенная аварская деревянная соха состоит из семи основных частей: дышла (барцIан), колена (мачIчI), стойки (раккан), ручки для опоры пахаря (гIоркъ), пяты или полоза (пурцил бетIер), железного лемеха, надетого на переднюю часть пяты (пурцимах), особых деревянных ушей (гIундул), служащих для расширения борозды и разрыхления комьев (см. рис.). Кроме указанных частей пахотные орудия в различных районах Аварии имеют дополнительные детали или в ряде случаев упрощены. Это зависит от рельефа местности, каменистости или мягкости почвы. У основания развилки укреплены две деревянные

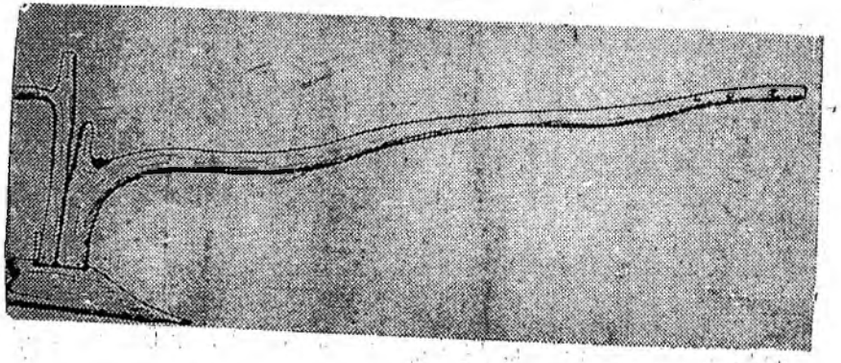
[70] З. А. Никольская, Е. М. Шиллинг. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана, стр. 94.

[71] А. Н. Генко. О названиях плуга в северокавказских языках. «Доклады Академии наук СССР», № 7, 1930, стр. 133—134.

вертикальные стойки, в верхней своей части соединенные короткой рукояткой, которой направляют соху во время пахоты. Короткая часть сохи (пята или полоз) служит для пахоты, а длинная—дышлом. Изготавливают соху из твердой породы дерева. Ее деревянный корпус достигает 2—2,5 метров длины и имеет толщину грядиля до 25—30 см. На заостренную часть подошвы насаживали железный лемех (мах), имеющий копьевидную форму с острыми режущими краями. Лемех имел углубление для насадки его на деревянную часть сохи. Грядиль соединяется с полозом через продолбленное отверстие палочкой, толщиною в 10—12 см и длиною до 30 см. На конце дышло имеет несколько отверстий для упряжки. В самом же верху стойки в просверленное круглое отверстие вставляется короткая рукоятка. Формы сохи и ее частей в деталях для разных мест Аварии различны, но общий принцип устройства и работы их везде один и тот же.

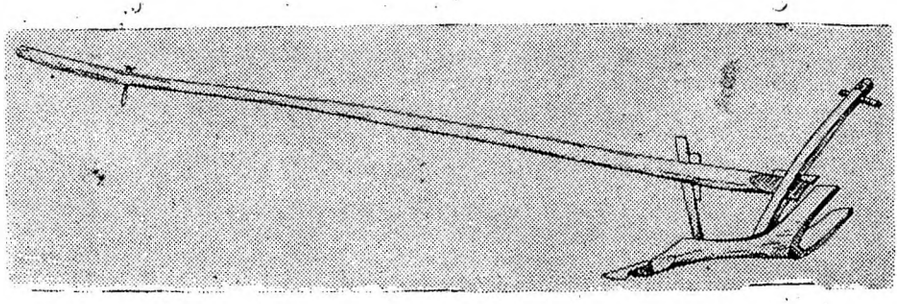
В соху впрягают пару быков, на шеи которых надевается деревянное ярмо (гъодокил). Чтобы ярмо не натерло шеи и холки животным, подкладываются особые жгуты (см. рис.).

Отверстия на передней части дышла имеют важное значение во время пахоты. Если участок поля расположен на более или менее крутом склоне, то для того, чтобы соха входила в землю глубже, втулка вставляется в первое от конца отверстие дышла, а если поле ровное, для облегчения работы быков втулка вставляется во второе и третье отверстия, при этом соха входит в землю менее глубоко. Пахарь одной рукой держит и направляет соху, а другой подгоняет быков. Работа сохой состоит в том, что она своим лемехом подрезает и отчасти приподнимает пласт земли. Вспашка требует больших усилий пахаря. Глубина вспашки сохой может достигать 30 см. В день сохою можно вспахать около 0,2 десятины. Ею трудно управлять, она малопроизводительна, не переворачивает пласта, плохо уничтожает сорную траву, но при всем этом — это единственное пахотное орудие в условиях горного рельефа.

Благодаря длительному опыту и практике орудие это усовершенствовалось, постепенно улучшались полезные функции его частей.

Этнографический материал, собранный нами в аварских районах подтверждает, что в прошлом здесь были в употреблении сохи из одного цельного куска дерева. Для изготовления подобного пуруца вырубали дерево с изогнутым пеньком, заостряли пенек клином, на который надевали железный лемех.

Чаще всего мы встречали второй подтип такого пахотного орудия. Эта соха отличается тем, что дышло и ручка-стойка представляют собой один кусок дерева, вставленный нижним концом ручки-стойки в пяту. Этот второй тип по сравнению с первым, несомненно представляет собой последующую ступень развития пуруца. В нем отделена пята и орудие становится уже предметом из двух кусков дерева.[72] Этот подтип пуруца широко распространен по всей Аварии и характерен для XIX — начала XX веков.

[72] З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг. Указанная работа, стр. 95.

В литературе встречается описание еще третьего подтипа сох: «мы имеем орудие, сделанное в основе своей из трех кусков дерева — изогнутого дышла, ручки-стойки и пяты; в пяту вставлена вертикально ручка-стойка, вплотную к ней — изогнутое дышло».[73] Этот подтип рассматривается как следующая ступень эволюционного развития данного орудия.

«Подтип четвертый является наиболее сложным, для него характерно скрепление прямого дышла с ручкой-стойкой. Скрепление как правило, делается при помощи врезки ручки-стойки в дышло: дышло с двух сторон как бы клещами охватывает врезанную в него ручку-стойку. В целом орудие в своей основе, как и орудие предшествующего третьего подтипа, состоит из трех основных кусков дерева: дышла, ручки-стойки, скрепленной с дышлом и своим нижним концом вставленной под прямым углом в пятку».[74]

Наконец, «Подтип пятый значительно отличается от предыдущих. Для него характерна структура четырехугольника, которая создается наличием второй стойки и прямого дышла. Цуруц пятого подтипа может быть назван орудием, состоящим в основе из четырех кусков дерева. По форме дышла (прямое) этот подтип сходен с предыдущими, четвертыми, однако скрепление дышла со стойками в нем совершенно иное: дышло вставлено в ручку-стойку, будучи врезанным или продетым через нее насквозь, тогда как вторая стойка в свою очередь вставлена в дышло, будучи тоже врезанной или продетой через это последнее насквозь. Обе стойки вместе с тем вертикально вставлены в пяту. Сочетание пяты, двух стоек и дышла образует структуру четырехугольника».[75] Этот последний подтип больше всего обнаруживается в селениях центральной Аварии.

Наиболее примитивным из описанных подтипов является первый, наиболее совершенным — последний. За исключением первого подтипа остальные виды пахотных орудий аварцев отличаются друг от друга по принципу возрастающего в них количества составных частей, а вместе с ним и повышением производственной функции их. Под этим углом, наиболее совершенным явились второй и третий подтипы представленных орудий. Помимо упомянутых подтипов пахотных орудий, в Аварии встречаются и другие их разновидности.

В обнаруженном в сел. Мокъокъ (Цунтинский район) пуруце второго подтипа дышло и стойки (колено) вставляются в пяту. Пята имеет сзади специальные уши. Там, где дышло сгибается, в колено вставлена ручка для пахаря. К этому же типу близко пуруц, обнаруженный в сел. Чадоколоб. В нем дышло, ручка, колено состоят из одного куска дерева, а из другого пята (полоз).

[73] Там же, стр. 96.
[74] З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг. Указанная работа, стр. 96.
[75] Там же.

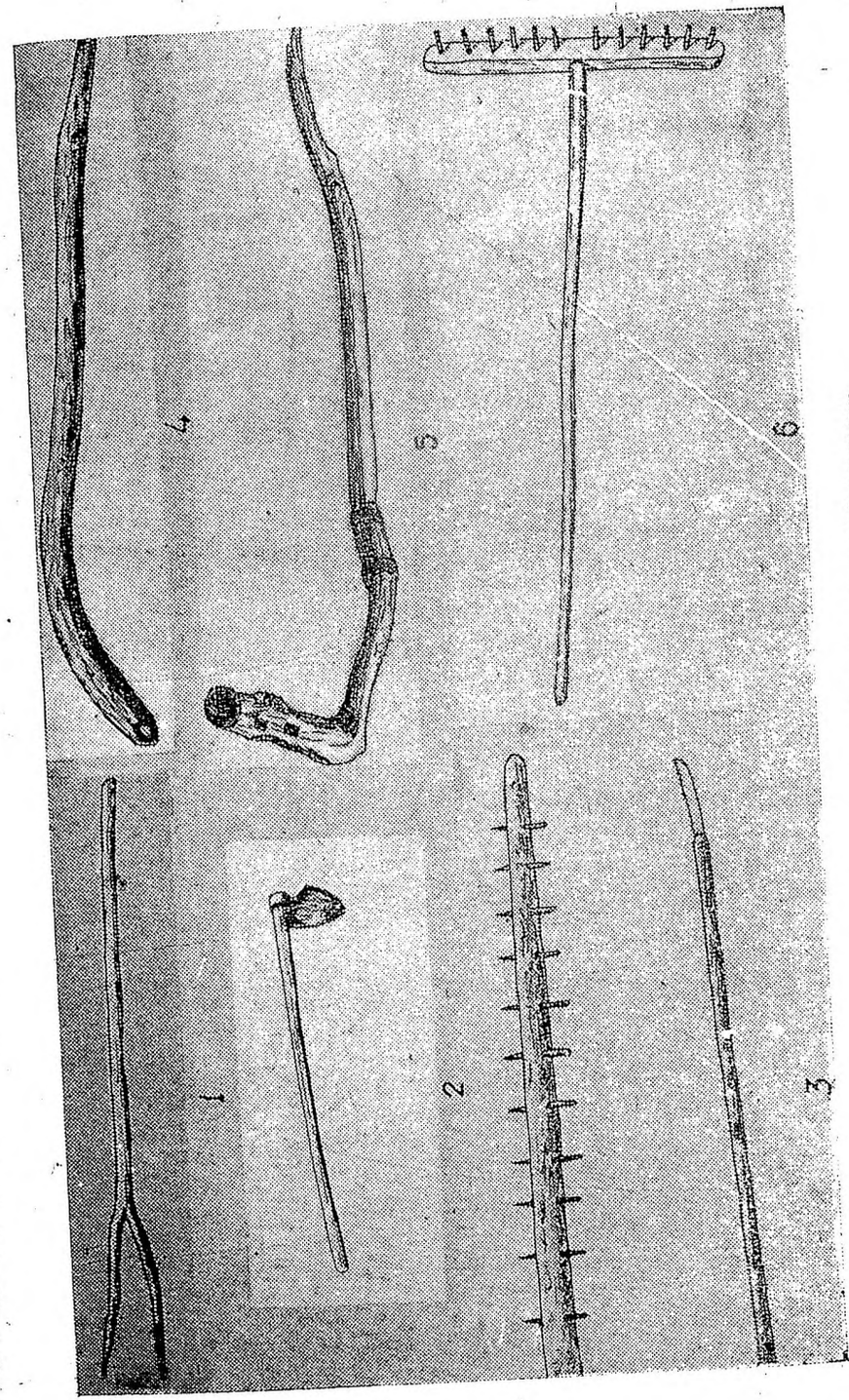

Рис. 12. 1. Вилы. 2. Мотыга. 3. Садоводческий инвентарь. 4, 5. Приспособления для молотильных досок. 6. Грабли.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

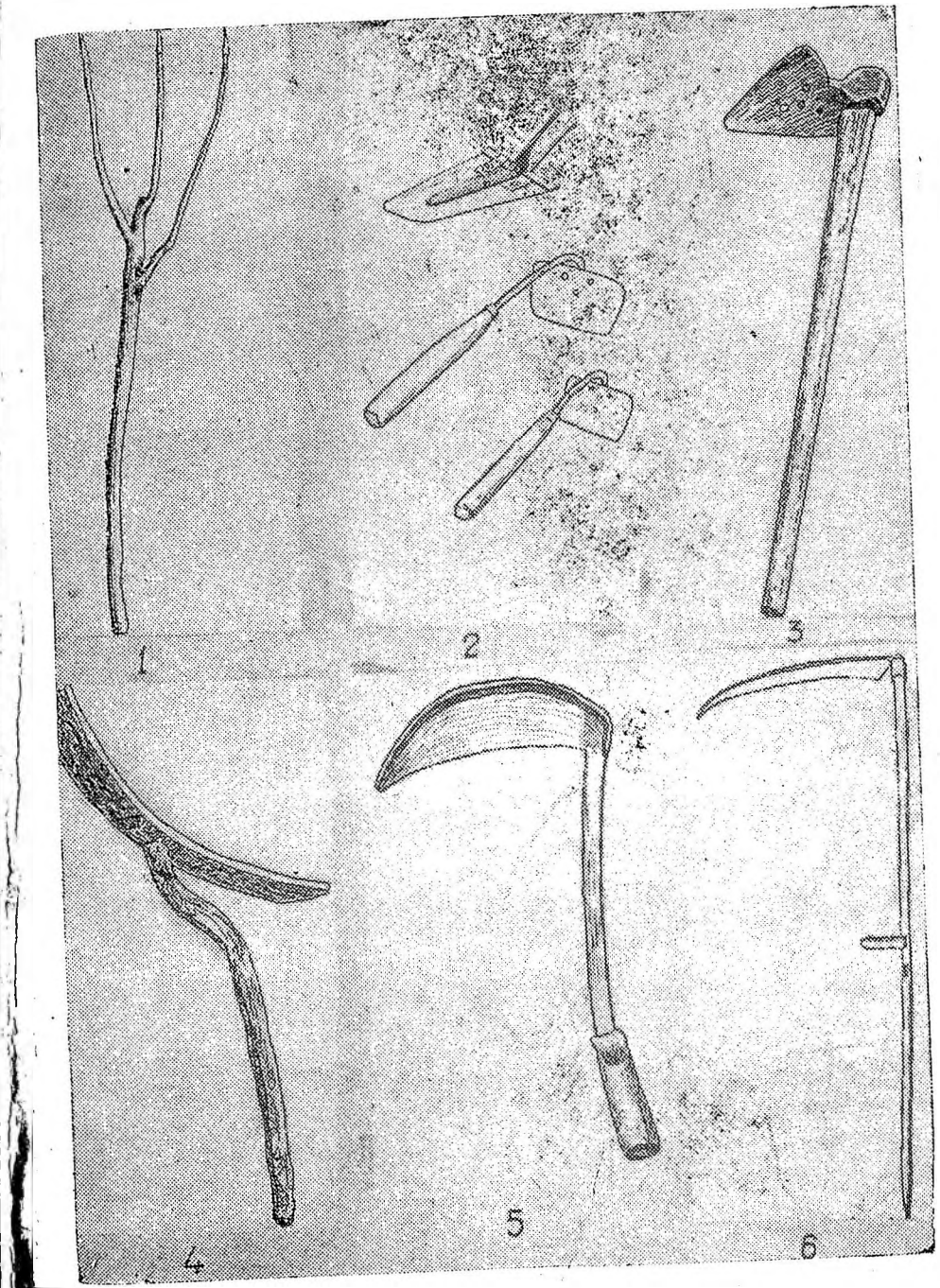

Рис. 13. Различный сельскохозяйственный инвентарь.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

Вместо одной ручки здесь вставлены две опоры для обеих рук пахаря. Специальных ушей в пуруце нет.

Пуруцы из сел. Гочоб, Хуштада, Мехельта той же конструкции, но отличаются лучшей отделкой и состоят также из двух частей: дышло, ручка и стойка вставлены в пяту. Добавочными являются вклиненные в пяту уши.

Сохи из сел. Нижний Гаквари, Анчик, Цумада (третьего подтипа) состоят из дышла с изогнутым коленом, ручки-стойки сделанными из цельного куска и вставленными в пяту или полоз.

Сохе из сел. Хунзах, Ругуджа характерно прямое скрепление дышла с ручкой-стойкой и своим нижним концом вставленным в пяту под прямым углом.

Сохи (пятый подтип), обнаруженные нами в с. с. Дылым, Кулицма, Унцукуль, состоит из четырех частей. Здесь по сравнению с предыдущими укрепление дышла со стойкой иное: дышло вставлено в ручку-стойку и врезано или надето через нее насквозь, тогда как вторая стойка вставлена в дышло тоже насквозь и закреплена клином. Поднятием и опусканием этой стойки регулируется глубина вспашки. Обе стойки вместе вертикально вставлены в пяту. В этом подтипе, обнаруженном нами в сел. Апши, сделана оригинальная конструкция в пяту, здесь вместо ушей, задняя часть пяты выдолблена дугой-полукругом.

Неотмеченным З. А. Никольской и Е. М. Шиллингом остался обнаруженный нами особый подтип сохи в сс. Гаквари, Ансалта, Цада, Мехельта. В ней дышло и рядиль отделены и скреплены колышками или привязаны ремнем. Этот подтип состоит из четырех основных частей: дышла, грядиль, ручки-стойки и пяты или полоза. Соха этого варианта должна быть промежуточным звеном между четвертым и пятым подтипами описанных орудий.

Основой архаичной аварской сохи (типа Мокок) является неразрывное дышло с изогнутым вертикальным колом (колено). Колено и дышло сделаны из одного куска дерева. Колено (вертикальный кол) заострено в нижней части и надето на пяту (или полоз). На конец пяты надевается железный наконечник—лемех. В верхней части кола просверлено отверстие, а в него вставлена палочка, служащая ручкой для пахаря. В отличие от этой сохи, в гакваринской сохе дышло и вертикальный его остов (или колено) отделены. Здесь дышло скрепляется в нижней части остова, выше сгиба, для чего имеется специальное продолбленное отверстие. Скрепление происходит при помощи деревянных колышек.

Все виды и типы горных пахотных орудий аварцев, хотя со временем и совершенствуются, остаются сравнительно примитивными и не имеют отвала. Они, как и все кавказские пахотные орудия, очень близки с орудиями стран Востока и Азии.

Горская соха, прежде всего отличается от плуга отсутствием отвала, но соха имеет усевершенствованную подошву, придававшую орудию большую устойчивость, обеспечивающую прямолинейность борозды и позволяющую лучше регулировать глубину пахоты на различных почвах. Крестьяне-аварцы прекрасно знали,

какая деталь и при каком именно расположении её по отношению к другим дает наилучший результат во время работы.

По размерам все горные пахотные орудия аварцев и их части почти одинаковы. Народный опыт выработал не только наиболее устойчивые размеры орудий, но и наиболее целесообразные их формы и способы применения. Так, форма пяты представляет собой четырехгранный или круглый брусок. Форме и размерам пяты соответствует и лемех-ушки, представляющие собой изогнутую деревянную планку, продетую через сквозное отверстие в пяту. Уши служат для расширения борозды, разрыхления земли, боронования.

Описанная выше конструкция пахотного орудия вполне отвечает условиям работы в горах. На горных склонах, где культурный слой незначителен, от пахаря требовалось взбороздить только верхний пласт почвы. Это достигалось легким, поверхностным скольжением орудия. При поворотах или обходе каменистого грунта пахарь слегка приподнимал орудие и переносил его на другое место. Там, где культурный слой почвы, напротив, был глубок, пахарь, нажимая на ручки и опуская дышло, достигал углубление вспашки.

Пахотные орудия аварцев близки и сходны по конструкции и по устройству с орудиями других народов Дагестана и почти сходны с пахотными орудиями горцев — осетин, абхазцев, грузин.

Г. С. Читая, рассматривая разновидности горных пахотных орудий, утверждает, что все они по-существу принадлежат к одному основному типу, во многих своих вариантах имеющему широкое распространение по всему Кавказу и характеризующемуся изогнутым дышлом, всаженным в подошву».[76] Всех их Г. С. Читая выводит из передне-азиатских прототипов.

Наличие разнообразных видов горных пахотных орудий свидетельствует о том, что крестьянство Аварии, как и всего Кавказа располагает более или менее прочными эмпирическими познаниями в технике и системе горного земледелия. Они «вырабатывались и оформлялись на протяжении тысячелетий путем длительных и упорных исканий и испытаний».[77]

Если на плоскости в XIX веке уже широко применялись сложные плуги, то в горах Кавказа и Дагестана основным орудием труда горца-земледельца оставалась соха с ее разновидностями.

В ряде мест, где невозможно было применение даже легкого горского плуга, применялась мотыга, а также специальное оригинальное орудие ручной вспашки земли (реххин) — типа лопат с рукояткой, на нижний конец которой был надет железный лемех или железная лопасть...

---

[76] Г. С. Читая. К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий. «Сообщ. АН Груз. ССР», т. 2, № 3, Тб., 1941, стр. 293.

[77] Г. С. Читая. Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии. «Вопросы этнографии Кавказа», Тб., 1952, стр. 99.

У всех народов Кавказа и Дагестана, в том числе и у аварцев, землю пашут мужчины. Пахарь при вспашке налегает на рунку-стойку, чтобы соха глубже уходила в землю. Семена посева разбрасывались на поверхности еще не вспаханного поля, затем происходила запашка пуруцом. Функцию боронования при этом выполняли «уши» пуруца, которые заделывали семена в землю.

Широко распространенным после сохи (пуруца) сельскохозяйственным орудием в Аварии является мотыга (газа). Во многих местах Аварии, особенно на небольших узких террасах (Араканы, Кикуни, Унцукуль, Кахиб, Зубутли и др.), где невозможно было применить соху, основным сельскохозяйственным орудием являлась мотыга. Это широко известное копательное орудие в горах было универсальным. Мотыгой здесь пользовались и для вспашки и для мотыжения. Особенно большую роль мотыга играла в садоводстве и полеводстве.

В Аварии встречаются разной формы и величины мотыги. Особенно интересны мотыги селений Муни, Ботлих, Гимры, Унцукуль (см. рис.).

Независимо от формы и величины мотыги состоят из двух частей: из куска железа сердцеобразной формы длиной до 25—30 см и шириной 15—20 см и деревянной ручки длиной до 1 м и более.

Мотыгой во время пахоты сохой вырубали корни растений, разбивали крупные комки земли, разрыхляли участки поля, которые почему-либо не были вспаханы сохой. Многие крестьяне, имевшие небольшие участки и не имевшие своих сох, рабочего скота, обрабатывали поля ручным способом — мотыгой. Мотыги разделялись на три типа: для взрыхления твердой почвы (узкие), для обработки кукурузы (широколезвийные), для обработки чеснока, лука и др.

Помимо мотыг, для рыхления, а местами и для вспахивания небольших клочков земли применялись и кирки. Местные кирки, в отличие от обычной русского фабричного производства, делались с одним концом и были сравнительно меньше размерами.

Специальных борон у аварцев не было. Их роль выполняли уши пуруца. Для сравнивания земли после пахоты и высева зерна аварцы применяли и общераспространенные на Кавказе плетень-волокуши (хьури). Граблеобразные бороны появились у аварцев с конца XIX века. Они состоят из толстого бруса, на который насаживается один ряд деревянных зубьев числом до 12, вбитых друг от друга на расстоянии. Такие орудия служат для заравнивания разрыхленного вспаханного поля.

Деревянная лопата до революции была одним из распространенных орудий аварцев в сельском и домашнем хозяйстве. Она состояла из лопаты в виде плоской прямоугольной доски и деревянной ручки длиной до 1,5 м. В зависимости от назначения деревянные лопаты делались разной величины. Самые большие

из них предназначались для веяния обмолоченного зерна, для сгребания снега с крыш и расчистки дорог.

Железная лопата получила распространение в хозяйстве аварцев с конца XIX века. До этого только изредка аварские мастера-кузнецы изготовляли их.

В хозяйстве аварцев имелись различные виды серпов и кос. Серп (нилъ) представляет собой выгнутое железное лезвие с гладким или зубчатым лезвием, насаженным на короткую деревянную рукоятку. Серпы были двух видов: большой, предназначенный для жатвы хлебов, и маленький для кошения трав. Большие серпы различались своей величиной в зависимости от роста и силы жнеца. После присоединения Дагестана к России,

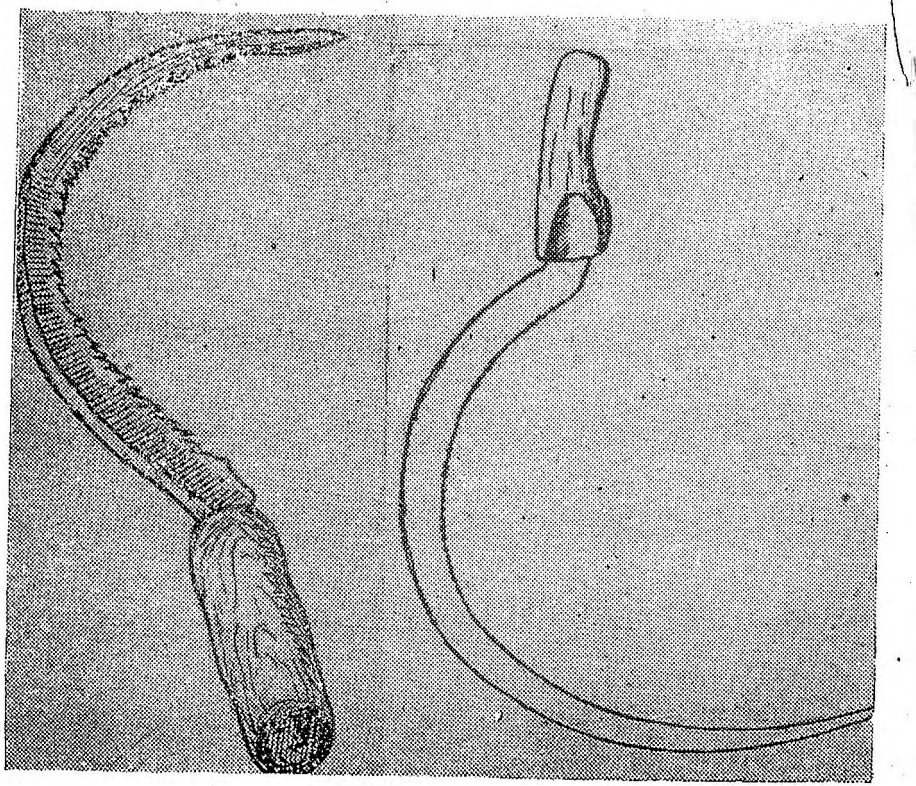

Рис. 14. Серпы.

в Аварию стали завозиться серпы русского фабричного образца. Косы были преимущественно местные. Их изготовляли мастера-кузнецы. Они были большего и меньшего размеров. Меньшие были женскими, а большие размером — мужские (харицел). У аварцев существовало два типа деревянных вил — двухзубые и трехзубые. Вилы состояли из тонкой жерди с двухзубыми, трехзубыми и даже четырехзубыми развилками на конце. Двухзубые вилы употреблялись во время скирдования снопов и тогда,

когда снопы брали из скирды для просушки на току. Ими же переворачивали на току снопы при молотьбе. Трехзубые вилы использовались для сбора и скирдования мякины. На трехзубые вилы надевались рога.

С конца XIX века в предгорную Аварию и в некоторые крупные горные села стали проникать и железные однолемешные фабричные плуги-кутаны. Они состояли из грядиля, передка, массивного железного лемеха, резца отвала. К грядилю приспособлено дышло для упряжки быков.

В основном, все перечисленные виды сельскохозяйственных орудий в хозяйстве аварцев являются старинными и очень несовершенными по сравнению с современной техникой. Но в силу невозможности применения современной техники в местах с горным рельефом, они продолжают и сегодня бытовать в хозяйстве аварцев. Деревянная соха по-прежнему используется на колхозных полях в горах. Новую сельскохозяйственную технику аварские колхозы прежде всего используют на кутанах, расположенных на низменности, и в таких крупных селах, как Хунзах, Чох, Ботлих, Ругуджа и др.

Сельскохозяйственные работы в Аварии начинались в конце марта или в начале апреля. Перед началом сельскохозяйственных работ там, где сохранялся этот обычай, джамаат производил передел земли.

Начало весны и весенне-полевых работ отмечалось народным праздником, известным под названием «Оцбай»* (запрячь быков). Этот древний весенний народный земледельческий праздник первой борозды сопровождался у аварцев обрядовой вспашкой поля (проводили несколько борозд и засевали их всевозможными видами семян), а затем устраивались игры, скачки, угощения.

Праздник преследовал цель согласно первобытным представлениям народа, путем магических обрядов обеспечить хороший, обильный урожай. День праздника весенней борозды устанавливался в различных обществах и селах в зависимости от природно-климатических условий. Ответственный за проведение этого важного земледельческого праздника назначается обществом за год до его проведения. С наступлением весны крестьянин, который должен был проводить первую борозду, заранее готовится к празднику: подготавливал быков и соху с железным лемехом, продукты для угощения общества и чагъа (особый вид алкогольного напитка, приготовленный из солода, толокна и хмеля).

Оцбай широко описан в литературе[78] и наиболее подробно у Г. Ф. Чурсина. По Г. Ф. Чурсину обряд проведения первой

---

* В отличие от центральных аварцев, аварцы предгорных районов называют этот праздник «Оцрегъин», андийцы — «Унсобулъоир», чамалали — «Мусагадали», багулалы — «Гlримуса ругъер» и др.

78 Г. Ф. Чурсин. Этнографический очерк «Аварцы», РФ ИИЯЛ, д. 1570; его же. Очерки по этнологии Кавказа, Тиф., 1913; П. Пржевальский. «Кавказ» за 1868 г., № 27; Карапанилов. Описание аула Чох, «СМОМПК», вып. IV.

борозды или «выхода плуга в поле» состоит в следующем. «В назначенный для этого день пахарь, взвалив на спину легкий горский плуг и захватив немного семян, выходит с быками в поле, на место, выбранное для проведения борозды... Придя на место, пахарь запрягает быков и приступает к пахоте... Проводя плугом борозду, пахарь засевает ее принесенными с собою семенами... Пахарь обыкновенно бывает одет в шубу, вывернутую наизнанку, шерстью наружу... Кроме самого пахаря, в некоторых аулах в вывернутые шубы одеваются и другие участники обряда. При окончании обряда «запряжки быков» устраивается угощение, а затем происходят разного рода состязания... Лошадь, прискакавшая первой, получает приз... Затем толпа родственников направляется в дом к хозяину лошади, где по этому случаю устраивается пирушка «той».[79]

В некоторых селениях для проведения первой борозды имелись специальные участки земли. Участок этот никому не принадлежал, и урожай с него не собирали. Так, например, в сел. Ансалта, если этот участок засевался ячменем или пшеницей, то это считалось долей птиц, если кукурузой — то детей.[80]

В других селениях специального участка для первой борозды не было, им могло быть любое поле как обработанное, так и пустырь. Вместе с пахарем на поле выходило все взрослое мужское население аула; если праздник проводился отдельно по кварталам, то выходили жители квартала.

Нередко за пахарем следовало несколько человек сельчан, которые также бросали в борозду семена тех злаков, которые они собираются сеять в этом году. Причину одевания пахарем шубы наизнанку Г. Ф. Чурсин объясняет магией («чтобы поля были косматые», как шуба пахаря (Мачада); «чтобы было косматое, пушистое» (Орада). Косматое одеяние пахаря, по закону подражательной магии «подобное вызывает подобное», должно заставить и нивы сделаться косматыми, покрыться высокими, густыми хлебами. Так, в Гочобе (Карах) в вывернутых на изнанку шубах идут за плугом три почтенных старика... не успевает пахарь приступить к проведению борозды, как толпа ребятишек начинает осыпать его комьями земли и забрасывать снежками и продолжает это обсыпание пахаря, пока он не закончит работы и не выпряжет быков. После этого толпа мальчиков начинает бросать на пахаря свои папахи (Мачаде) или золу (Орада), которую заранее приносят на место обрядовой запашки в кувшинах. Быки, ошеломленные бомбардировкой, убегают... Это обсыпание пахаря или быков... по первоначальному своему смыслу — магический обряд, который должен содействовать обилию урожая».[81]

[79] Г. Ф. Чурсин. Этнографический очерк «Аварцы», РФ ИИЯЛ, д. 1570, стр. 95—98.

[80] Полевой материал. Записан на месте летом 1962 г.

[81] Г. Ф. Чурсин. Этнографический очерк «Аварцы», РФ ИИЯЛ, д. 1570, стр. 95—98.

Интересным является и то, что в некоторых селениях роль магии играли не только вывороченные шубы пахаря, но и обилие волосяного покрова у него. Так, например, в сс. Кулецма, Ансалта проведение первой борозды предпочиталось предоставить наиболее уважаемому крестьянину, имевшему обильную густую шевелюру и бороду. Это означало предвещание обильного урожая.[82]

Подобные магические действия имеют себе аналогию у горцев-осетин. У них пахарь не бреется со дня вспашки до восхода семян. Густая борода пахаря, обильно льющаяся брага в силу основного закона подражательной магии», «подобное вызывает подобное», должны были заставить нивы покрыться густыми хлебами, обильным урожаем».[83]

В сел. Кулецма в сумку пахаря, вместе с зерном для посева, клали немного фруктов для детей. Когда пахарь проводил борозды, вслед за ним шли дети, собирая фрукты и комки земли. Фрукты дети съедали, а комки несли домой и бросали в закрома, чтобы в доме было в достатке хлеба.

Для предохранения посевов от сглаза, во время пахоты к одежде пахаря, на шею быка, на дышло и стойку сохи вешались и укреплялись амулеты. Амулеты вешались на колья и ставлялись также на поле и т. д. В сел. Дженгутай, хотя первую борозду должно проводить определенное лицо, вслед за ним его сменяли другие старики аула.

Интересно, что в Куядинском обществе (Куяда) оцбай (оцбалахур) проводили на родовом участке тухума Бакдасал. Здесь, как сообщает Ш. И. Микаилов, право первой борозды имели члены упомянутого тухума. В отличие от других сел, участок это не только засевался, но и давал 60—80 мерок урожая, и этим урожаем распоряжался тухум Бакдасал.[84]

Кое-где праздник первой борозды справляли совместно 2 или несколько селений.

Характерной особенностью этого древнего домусульманского, пережиточно сохранившегося земледельческого праздника горцев является общественный показ готовности орудий труда, рабочего скота и инвентаря к весенней пахоте. И как бы подтверждая эту готовность, наиболее уважаемые люди села в торжественной обстановке прокладывают первую борозду. Все это свидетельствует о значении, придаваемом народом празднику.

К магическим представлениям аварцев Е. М. Шиллинг относит обычай сел. Чох, связанный с разбиванием кувшинов и потрясением шашкой — весенний аграрный обряд. «Мечепочитание, —

[82] Полевой материал. Собран на месте летом 1962 г.

[83] З. Д. Гаглоева. О пережитках аграрного культа в Джавском районе Юго-осетинской ССАО. «Вопросы этнографии Кавказа», Тб., 1962, стр. 322.

[84] Ш. И. Микаилов. Очерки по южноаварской диалектологии (тексты), т. II, М-кала, 1956, стр. 481.

говорит он, — имеет как бы две стороны: мотив воинствующего ислама и мотив действий, вызывающих обильный урожай».[85]

Изучение земледельческого весеннего обряда оцбая и связанных с ним представлений дает возможность проследить отдельные стороны общественно-экономического быта аварцев в прошлом. Анализ составных элементов этого обряда показывает архаичность его происхождения. Обряд первой борозды отображает культ земледелия, сложившийся у аварцев в соответствии с особенностями их горного земледелия и свидетельствует о том, что культура обработки земли посредством пахотного орудия и быка имеет в горах Дагестана, в частности, у аварцев, многовековую историю.

Этот обряд имеет себе аналогию у многих древних земледельческих народов. С оцбая, с весны, с обновлением природы и началом весенних сельскохозяйственных работ начинается новый год у горца-земледельца. Так это было у иранцев, китайцев, египтян и других народов с древнейшей земледельческой культурой.

Особый интерес представляет общность Оцбая и китайского весеннего новогоднего праздника. И тут и там новый год начинается с обряда первой борозды. «С древнейших времен до самого последнего времени, в новый год китайский император во время праздника земледелия проводил несколько борозд плугом, сделанным из золота».[86]

Очень близка к аварскому Оцбаю земледельческая ритуальная церемония «первой пахоты» в Сиаме. Здесь на шестой день шестого лунного месяца (в конце апреля) провозглашают временного короля, который «отправляется на площадь, расположенную посреди города, куда привозится золоченный плуг, влекомый разукрашенными быками. Плуг намазан маслом, а быки натерты благовониями. Играющий роль короля, в сопровождении «придворных дам» определенного возраста проделывает девять борозд, в которые дамы бросают первые зерна этого года. Как только девять борозд сделаны, зрители стремглав бросаются к ним, чтобы овладеть посеянными зернами: туземцы Сиама убеждены, что будучи примешаны к посеву, эти зерна могут обеспечить обильный урожай».[87]

Аварский Оцбай и обычай сиамского нового сельскохозяйственного года со всеми связанными с ними обрядами имеют, как нам кажется, общее происхождение. Между ними имеется лишь незначительная разница. Если в Сиаме роль пахаря поручается временному «королю», назначенному на три дня, то у аварцев роль пахаря поручается наиболее уважаемому крестьянину. Если в Сиаме пахаря окружают женщины, то в Аварии — почетные

[85] Е. М. Шиллинг. Из истории одного дагестанского земледельческого культа. Кр. сообщ. И. Э., вып. I, 1946, стр. 33.

[86] Земледелие в Китае, СП, 1844; Б. Жаворонков. Очерк из истории земледельческой культуры. М., 1924.

[87] Д. Фрэзер. Золотая ветвь, вып. II, «Табу—запреты», М., 1928, стр. 127.

старцы. Наконец, отличен и конец обряда: сиамцы выбирают из первых борозд посеянные семена, аварцы — комья земли и брошенные в борозды вместе с семенами фрукты.

Таким образом, земледельческие обычаи и обряды аварцев имеют много общего с подобными обычаями и обрядами других народов Дагестана и его соседей.

С проведением праздника первой борозды начинались весенние сельскохозяйственные работы. Следует отметить, что к концу праздника, общество (джамаат) выбирало (или назначало) лицо, которое должно было проводить Оцбай в следующем году. В сел. Анди, например, подобным становился тот, кто торжественно брал в рот ложку меда. В сел. Хуштада желающему проводить Оцбай торжественно вручался ритуальный хлеб (дуду). В сел. Ансалта к концу праздника на аульной площади ставился шест, на него прикрепляли хлеб и мясо, которые брал тот, кто пожелает проводить в следующем году праздник.[88]

Сельскохозяйственные работы начинались с очищения поля от камней. Перед севом поле удобряли навозом, золой, птичьим пометом. Лучшим удобрением считали навоз мелкого и крупного рогатого скота. Удобрение выносили на поля осенью или ранней весною. Однако удобрения в высокогорных районах применялись недостаточно: навоз из-за отсутствия лесов преимущественно употреблялся здесь как топливо (кизяк). Крестьяне различали твердую, мягкую, тяжелую, сухую, каменистую почву и соответственно с этим совершали глубокую или неглубокую вспашку.

К пахоте и посеву зерновых культур приступали тогда, когда поле освобождалось от снега: в предгорных и горно-долинных районах обычно во второй половине марта, а в высокогорных районах в первой половине апреля. В основном пахота и сев завершались в середине мая.

Пахота у всех аварцев производилась сохой, запряженной двумя быками. Пахарь одной рукой держится за рукоятку сохи, а в другой держит палку или хлыст, которым подгоняет быков. Для того, чтобы соха входила глубже в землю, пахарь крепко опирался на нее. За пахарем обычно идет женщина с мотыгой в руках. Мотыгами размельчали большие комья земли, вскапывали не распаханное плугом место, выкапывали и рубили корни сорных трав и кустарников. В высокогорных районах сперва разбрасывали на поле зерно, а затем вспахивали его. В процессе пахоты верхний слой земли, переворачиваясь, прикрывал зерна. Этому же процессу содействовали специальные уши сохи, служившие выравнителем вспаханной земли. Обычно же поле вспахивали, а затем сеяли.

Аварцы преимущественно сеяли пшеницу (ролъ), рожь (огоб), ячмень (пурчIина), овес (неха), просо (муч), особый род голого ячменя (бугIа, магъар), конские бобы (гIгIер гьоло), фасоль (ба-

[88] Полевой материал. Собран на месте, летом 1962 г.

гІа гъоло), горох (хилъало), чечевицу (тІегІало), кукурузу (цоросоротль), картофель (картошка). Из технических культур аварцы выращивали лен (лъелъ, хьон) и коноплю (габани), которые применялись для изготовления тканей и продукта питания — урбеча.[89]

Источники сообщают, что в аварских вольных обществах издревле зерна льна и конопли высушивали, размалывали в мельницах «и, пережарив, мешают вроде сухарей, сберегая оные для похода как питательную и легкую пищу».[90]

Система земледелия в Аварии была разнообразной: трехполье, двухполье и однополье. Там, где было достаточно земли, одно поле засевалось, другое отводилось под пар. Устойчивых севооборотов в горах не было.

Осенью, после снятия урожая, поднимали зябь. Для посева чаще употребляли зерно из урожая предыдущего года.

Пахота была исключительным занятием мужчин. Нередко во время пахоты несколько крестьянских хозяйств объединялось для совместной обработки земли. При этом объединялся рабочий скот, орудия труда и рабочая сила. Землю обрабатывали друг другу поочереди супрягой. Помимо этой формы у аварцев, как и у всех горцев, существовал и древний обычай взаимопомощи. У аварцев он известен под названием «гвай» и широко использовался во время весенней вспашки, сенокоса, уборки хлебов, стрижки овец, строительства дома и т. д. По этому обычаю работники получали в большой или меньшей степени возмещение затраченного труда в виде взаимной трудовой помощи. Хозяин, которому оказывалась помощь, кормил за свой счет всех своих помощников. Этим обычаем нередко пользовались богатые и влиятельные жители аула, превратив его в обязательную своего рода повинность. Обычаем — гвай социальная верхушка старалась прикрывать эксплуатацию сельчан.

В. Н. Львов отмечал, что «некоторые работы», как например, унавоживание полей, лущение и молотьба кукурузы, стрижка овец, мытье и расчесывание шерсти, обмазывание глиной сакель, набрасывание на крыши земли и т. п. исполняются родственниками, соседями или знакомыми, приглашаемыми на помощь (гой). В таких случаях делается более или менее роскошное угощение: с водкою, бузою, чабою, а иногда с калмыцким чаем».[91]

Значительная часть хозяйственных забот в земледелии лежит на женщине. Все работы, связанные с боронованием поля, многократной прополкой, уборкой урожая, жатвой хлеба серпом, перетаскиванием на спинах копен хлеба с поля на гумно, очищением зерна и т. д., были делом женским.

[89] Урбеч изготовляют из льняного масла с медом и коровьим маслом.
[90] Записка об исследовании аварского ханства, Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX в.). М-кала, 1940, стр. 190.
[91] Н. Львов. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени. Сб. св. о кавказских горцах, вып. III, стр. 14.

У андийцев и дидойцев на долю женщин за исключением пахоты и сева, падали все виды сельскохозяйственных работ.

Издавна аварцы, особенно на низине, где потеплее, сеяли кукурузу. Она подвергалась двухкратной прополке с небольшим окучиванием вокруг каждого стебля. Благодаря тщательной обработке отдельные стебли на хорошей земле давали по 5—6 початков. Когда кукуруза поспевала, стебли у корня подрезали. Затем стебли вместе с сеном скармливали скоту, початки использовали, как топливо, мешки отвозили на ослах в аул, а стебли отвозили на места зимней стоянки скота. Зерно высушивали на солнце, а затем слегка поджаривали в специальных печах (кор), после чего мололи на водяных мельницах.

Кукуруза для Аварии — не местная культура. Проникла она сюда в начале XIX века. Для нее у аварцев нет своего названия. Сначала ее называли пшеницей, а затем стали добавлять название места, откуда она проникла — «цоросоротль», что значит пшеница из Цора, т. е. из Грузии. Большинство стариков считает, что кукуруза занесена в Аварию из Джаро-Белокании.[92]

Для многих аваро-андо-дидойских сел кукурузный хлеб являлся главной пищей. Весь хозяйственный облик этих районов связан с культурой кукурузы, занимавшей 70% общей площади хлебов.[93]

Многие крестьяне в Аварии еще лет 50—60 тому назад сеяли кукурузу и не знали культуру картофеля. Гамсутлинцы рассказывают, что картофель был занесен к ним из сел. Бацада только лет 40—50 тому назад.[94]

В высокогорной Аварии преобладал каменистый грунт, который требовал много труда для обработки поля под посев. Поэтому хлебопашество было возможным здесь только при необыкновенно тщательном уходе за землей. Несмотря на неблагоприятные естественные условия гор для земледелия, как в горной Осетии, так и в Аварии ни один клочок земли, где только может рядом пройти пара быков и хоть на 1,5 вершка врезаться соха, не остается праздным.

Аварские крестьяне прилагали большой труд в земледелии. Трудовые затраты их были велики и по причине примитивности земледельческих орудий и отсталости агротехнических навыков.

Большого совершенства аварские крестьяне достигли в проведении оросительных каналов. Источниками для орошения полей в Аварии являлись горные реки, главным образом Аварское и Андийское Койсу и их притоки, берущие начало в ледниках Главного Кавказского хребта. Для проведения воды из горных рек создавались искусственные сооружения: каналы, желобы на довольно большие расстояния. Воду из рек поднимали для орошения специальными деревянными колесами-самокачками. Такие

[92] Полевой материал. Собран в Аварских районах, летом 1961 г.
[93] Кавказское сельское хозяйство. Еженедельное изд. № 2, 1901 г.
[94] Записан в сел. Гамсутль, летом 1961 г.

сооружения встречаются в селениях Ботлих, Н. Гаквари, Зубутли, Тидиб и др.

Путешественников удивляло, с каким искусством горцами проводится вода по высоким карнизам для орошения самых крутых склонов.

Аварцы, — говорит Добрынин, — имеют старинные навыки по поливному земледелию, они искусные мастера, поскольку позволяют их технические средства, по проведению каналов, желобов и других приспособлений для орошения.[95]

В 1909 году в Аварском округе длина оросительных каналов равнялась 86 верстам; в Андийском — 127 верстам. В последнем округе орошались земли только обществ селений Каратинотехнульского участка: Ботлих, Ансалта, Миарсо, Муни Орто-Коло, Зило, Ашали, и Гумбетовского участка: Инхо и Чиркат.[96]

В Гунибском округе длина оросительных каналов составляла 174 версты, а площадь посева — 666 десятин. В этом округе поливные участки имелись только в сел. Тилитль. Водопользование в Аварии носило общинный характер. Оросительные сети возводились силой сельской общины. Острое малоземелье, незначительный почвенный покров террасовых полей, частые засухи, низкая техника не давали возможности крестьянину обеспечить себя хлебом.

Горское земледелие в дореволюционных условиях не было в состоянии противостоять стихийным бедствиям. Разливы и размывы рек, снежные завалы, обвалы, ливни, засухи и т. д. приносили большой урон сельскому хозяйству. Чтобы вырастить хлеб, крестьянину приходилось затрачивать много энергии и труда. Вплоть до уборки крестьянин жил под страхом за урожай. Все это порождало различные суеверия, магические действия и обряды. «Во время засухи женщины селений Унцукульского района,— говорит З. А. Никольская, — одевали лягушку в шелковое платье и пускали в воду. В Хунзахе лягушку, одетую в женское платье, подвешивали под водосточный желоб, где она оставалась до того времени, пока не пойдет дождь».[97] У аварцев Казбековского района группа детей с чучелом, именуемым у них «дождевой ишак». (Эллигожо-цадул хIама), обходила селение с песней-просьбой у божества ниспослать дождь на сады и поля. Каждая хозяйка выливала на детей воду и одаривала яствами.[98]

Оригинальным является обычай вызова дождя в скотоводческих аулах. В Тлярате, Кутлябе, Гочобе во время засухи кто-либо из уважаемых людей ходил по аулу собирал молоко, а затем поднимал на крышу дома и сливал по желобу часть молока, а оставшееся молоко раздавалось как садака.[99]

95 Б. Ф. Добрынин. Указанная работа, стр. 88.
96 Б. Ф. Добрынин. Указанная работа, стр. 88.
97 З. А. Никольская. Указанная работа, стр. 324.
98 Полевой материал записан в сел. Дылым, летом 1962 г.
99 Полевой материал. Собран на месте, летом 1961 г.

При чрезмерных дождях, ливнях особых обрядов не совершалось. В этих случаях мулла делал сабаб (талисман): на осколке кувшина наносились слова мусульманской молитвы. Сабоб вешали в поле. Верующие усердно молились. В некоторых селах имели место и магические обряды. Так, во время ливня ставили топор лезвием вверх. Уборка урожая начиналась в августе—сентябре. Обычно к уборке колосовых приступали при восковой спелости зерна. По народным представлениям считалось, что чем меньше хлеб перестоит на корню, тем муки бывает больше. Первым жнут обычно ячмень, рожь и горох. Время уборки, как и пахоты, зависело от природных условий местности. Разница в сроках достигала 15—30 дней. Ячмень начинали жать примерно с начала августа, а пшеницу с начала сентября.

Жатву производили с помощью зубчатых серпов и кос. Жнут обычно женщины, реже мужчины. Снопы вязали и укладывали в скирды мужчины. В уборке урожая принимала участие вся семья. Все работали с раннего утра до позднего вечера почти без отдыха. Каждая хозяйка приносила своим жнецам на поле пищу— горячее блюдо и хлеб. Приемы жатвы везде были одинаковы. Работали жнецы стоя, в полусогнутом положении, держа серп в правой руке, и, захватывая серпом пучек колосьев примерно посредине стеблей, перехватывали его несколько выше левой рукой и отрезали серпом под корень. Снопы оставались разбросанными по сжатому полю. Вечером перед уходом домой их собирали и укладывали в скирды. Скошенный хлеб оставляли на несколько дней для просушки, затем связывали в снопы и ставили кучками, колосьями вверх. После этого его перевозили или перетаскивали в аул на гумно и молотили.

В каждом селении имелось в достаточном количестве специальных общественных токов (ГъоцIо) для молотьбы зерна, а также аульных печей (кор) для поджаривания зерна и выпечки хлеба. Токами пользовались по очереди. Наряду с общественными токами, были и частные, расположенные возле дома или на крыше хозяйственного помещения. Владельцы этих токов никогда не отказывали соседям в пользовании ими. Были и частные печи.[100]

Молотьба производилась при помощи молотильных досок (лулби), приводимых в движение быками.

Для запряжки быков молотильные доски имеют ушки или специальные отверстия для соединения с дышлом.

Оригинальное крепежное приспособление у молотильных досок мы нашли в сел. Хуштада. Это своего рода соха с обратно поставленной пятой. Оно состоит, как и соха, из дышла, ручки и стойки, сделанных из цельного куска и вставляется в обратно поставленную пяту. Пята имеет два отверстия, совпадающих с отверстиями молотильных досок. Соединяются они вставными

100 Полевой материал. Собран в аварских районах, летом 1961—62 гг.

деревянными клиньями, в багулальском наречии сел. Хуштада молотильные доски называются «белохъиндари».[101]

Для молотьбы ток (гьоцIо) очищался, поливался водой и покрывался соломой. Затем по этому участку гоняли быков, чтобы утрамбовать его. На подготовленный участок настилали развязанные снопы и по ним пускали быков с молотильными досками, на которые для увеличения тяжести клали камни или просто сажали детей. За день таким способом можно было вымолотить до 15—20 мерок зерна.

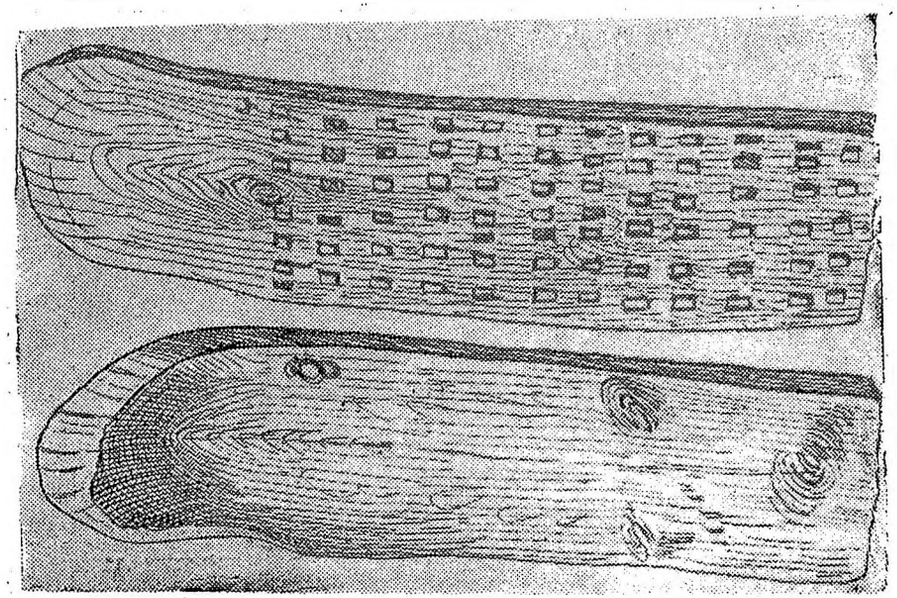

Рис. 15. Молотильные доски.

Молотильные доски изготовляли местные плотники. На нижней поверхности этих досок укреплены кремневые камни с заостренными краями, которые режут солому на мелкие куски.

При молотьбе снопы переворачивали несколько раз, чтобы не осталось необмолоченных колосьев. Зерно с мякиной собирали в кучу и сначала веяли вилами, затем деревянными лопатами, решетами, а также специальным деревянным совкообразным подносом с ручками (кIерело). Мякину собирали в плетеные корзины (мугъало). Вместе с соломой вперемежку с сеном она служила зимним кормом для крупного рогатого скота, лошадей и ослов.

В отличие от русских водяных мельниц с вертикальным колесом, старые кавказские мельницы имели колесо, расположенное

[101] Полевой материал. Зафиксирован нами на месте, летом 1962 г.

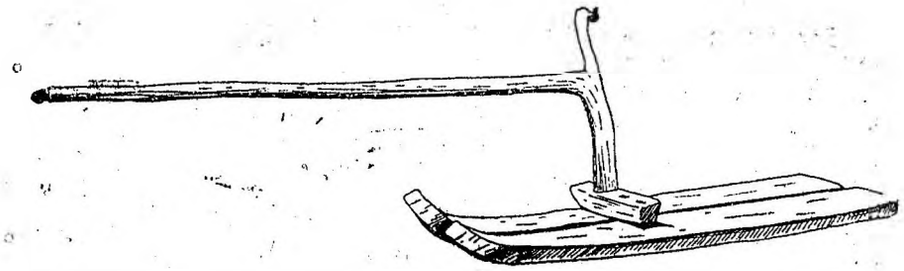

Рис. 16. Молотильная доска с приспособлением.

горизонтально. Оно вращалось под давлением воды сбоку. Колесо насажено на одну ось с жерновами. В основном эти мельницы состоят из жернов, потокообразующего устройства с гидравлическим колесом-двигателем, оси и подпятника. Воду для мельницы отводят от реки или ручья по специальному желобу. Поступающая вода вращает горизонтальное колесо с лопастями, к которому прикреплено верхнее колесо жернова. Мелет такая мельница очень медленно, не более 20 пудов в сутки.

В больших селениях (Чох, Хунзах, Ругуджа, Кулецма и др.) имелось по нескольку мельниц. Так, например, в сел. В. Дженгутай в конце XIX века было 8 частных мельниц. До сих пор некоторые из них известны по именам их прежних владельцев: ПатахIил гьобо — мельница ПатахIил; Шагьудина гьобо — мельница Шагъудина. Рассказывают, что еще раньше здесь было до 15 мельниц. Сюда приходили молоть зерно и жители из многих других соседних сел: Буглен, Кака-Шура, Гелли, Дургели, Н. Дженгутай.[102]

Помол зерна на мельницах осуществлялся по очереди. За помол хозяину платили 30—40 килограммов в год или одну пригоршню муки за помол одной мерки.

В каждом хозяйстве имелись также ручные зернотерки. Они состояли из двух каменных жерновов. В центре нижнего жернова, где имелось отверстие, была прикреплена деревянная ось, на которую надевался верхний жернов. У края верхнего жернова прикреплялась деревянная ручка, которую женщина крутила, приводя в движение верхний жернов. На деревянную ось нижнего жернова надевали металлические колечки, которые не давали жерновам тесно соприкасаться друг с другом. Если требовалось подготовить крупу, то на ось этой зернотерки надевалось еще одно металлическое колечко, что увеличивало зазор между жерновами и не давало возможности зерну превращаться в муку.

[102] Полевой материал. Записан на месте, летом 1962 г.

4. САДОВОДСТВО

Большое место в сельском хозяйстве в Аварии занимало садоводство и виноградарство. Наиболее благоприятными почвенно-климатическими условиями для разведения садов и виноградников обладают речные долины Аварского и Андийского Койсу. На раннем этапе развития садоводства фруктовые деревья здесь росли не сплошными насаждениями, а по краям пахотных полей и виноградников. Путешественники отмечали, что рядом с бесплодными скалами в ущельях и долинах Аварии росли лучшие южные фрукты. Садоводческие насаждения вплоть до середины XIX века в целом по Аварии были бессистемны, незначительны и носили преимущественно потребительский характер.

Все садоводческие селения в Аварии известны под названием «хиндалял» (теплицы), что значит «расположенные в жарких долинах у вод».

Для многих аварских сел продукты садоводства и виноградарства составляли значительные доходные статьи. Известными своими садами и виноградниками были такие села, как Хиндах, Харахи, Гимры, Ботлих, Тлох, Чирката, Могох, Корода, Игали, Ашильта, Гергебиль, Гоцатль, Унцукуль, Зубутли, Миатли, Чальда, Ишкарты, Ирганай, Голотль, Араканы, Хоточ, Кегер, Кикуни, Муни, Агвали и др.

Хрисанф (первая четверть XIX века) отмечал множество садов и виноградников в Аварии. «Аварские деревни имеют хорошие фруктовые и виноградные сады. Персики заслуживают внимания, кои весьма крупны и вкуса весьма приятного, и некоторые из оных величиною около полутора вершка в диаметре; не менее того и виноград заслуживает внимания, который будучи без всякого присмотра, вкуса весьма приятного, а вино из онного чрезвычайно крепкое».[103]

Граббе (середина XIX века) писал, что у них выращиваются фруктовые деревья и виноградные лозы, плоды составляют их главное богатство. Особенно славился своими лучшими местными сортами винограда и прекрасными персиками аул Гимры. Для ряда аварских сел, как Чирката, Гимры, Унцукуль, Ботлих, Муни сады служили основным источником средств существования.

В садах Аварии произрастали различные сорта южных фруктов: груши, яблоки, персики, абрикосы, орехи, сливы, вишни, черешни, разнообразный виноград, местами хурма.

В Кавказском календаре на 1893 год приводятся следующие данные о садоводстве в Аварии. «Садоводство занимает видное место в сельском хозяйстве Аварского округа, обеспечивая, главным образом, существование жителей нескольких селений, расположенных в ущельях по течению рек Аварского и Андийского Койсу. Местности эти отличаются жарким климатом, защищены высокими горами от влияния холодных ветров, пользуются обильным орошением и, благодаря этому, представляют все благоприятные условия для процветания садоводства».[104]

Об Андийском округе в этом же календаре сообщается, что «жители пользуются каждым удобным местом и садят фруктовые деревья на пашнях, сенокосных местах и поблизости рек, и в редких случаях огораживают эти насаждения. Фруктовые деревья и виноград разводятся здесь также, как и в Аварском округе, в низменных местностях и в ущельях на солнечной стороне в селениях: Хуштада, Анчик, Верхний и Нижний Энгели, Верхний Инхо, Килятль, Гадари, Ингиши, Тинди, Тиссы, Агвали, Гигатль, Гаквари, Цумада, Рагазаных, Ортоколо, Конхидатль, Миарсо, Ансалта, Годобери и др. В селениях этих с успехом возделываются: виноград, персики, яблоки, груши, сливы, курага и грецкие орехи».[105]

В Гунибском округе садоводство было преимущественно в двух наибствах: Куядинском и Андаляльском. Аварские садоводы прикладывали много труда в выращивании фруктов. Сады и виноградники неоднократно поливались; перекапывались, деревьям делались прививки, обрезка, опрыскивание, очистка от червей, обмазка известью и т. п. В отличие от земледельческих орудий в садоводстве основными орудиями считались специальные железные лопаты (реххин), тяпки (газа), пилки для обрезки сухих ветвей, топор, секатор и др.

С садоводством у аварцев связаны различные поверья. От сглаза на виноградную лозу вешали яичную скорлупу, на яблоневое дерево разноцветные кусочки материи. По обычаю первые плоды раздавались друг другу, как угощение. Когда привозили невесту, на нее бросали сушеные фрукты. В качестве приданого девушке давали фруктовое дерево или участок сада.[106]

По установившемуся обычаю в садоводческих селениях ни один садовладелец не имел права приступить к сбору винограда раньше дня, определенного почетными стариками. За нарушение взимался штраф. Обычай запрещал от начала до конца уборки винограда держать в садах собак.

О древности садоводства у аварцев свидетельствуют заброшенные террасы на многих урочищах с одичалыми виноградными лозами и фруктовыми деревьями. Многие названия фруктов у аварцев очень близки с подобными названиями у других народов Дагестана.

Однако из-за ограниченности рынков сбыта внутри Аварии и отсутствия удобных путей сообщения, садоводство у аварцев не получило широкого развития. Фрукты на ишаках доставлялись в Хунзах, Темир-Хан-Шуру и Петровск. Большой толчок разви-

---

[103] Хрисанф. Указан. сборник, стр. 268—269.

[104] Дагестанская область в 1891 году. «Кавказский календарь» на 1893 г., стр. 149—150.

[105] Там же.

[106] Полевой материал собран в сс. Унцукуле, Гергебиле, Гоцатле летом 1961 года.

тию садоводства в Аварии дало строительство шоссейных дорог и открытие в конце XIX века Владикавказско-Петровской железнодорожной ветки. Фрукты из Аварии, как и из других мест Дагестана, стали широко вывозиться за пределы Дагестана.

В богатые садоводческие аварские села за фруктами стали приезжать скупщики из российских городов. Цены на фрукты были очень низкими. Крестьяне за неимением помещений для хранения и сушки фруктов, вынуждены были продавать их за бесценок. В 1891 году в одном только Аварском округе было собрано 47312 пудов фруктов, из которых продано 15829 на 9238 р.[107] Фрукты сбывались частично на месте, частично вывозились на продажу в Темир-Хан-Шуру, Петровск, Грозный.

Из Андийского округа плоды большей частью вывозились в Терскую область для обмена на кукурузу.[108]

С конца XIX века в Аварских районах стали появляться консервные предприятия по переработке фруктов. В 1902 году пункты по переработке фруктов на консервы и пюре открылись в ауле Араканы, в 1908 году в Караде, в ауле Голотле и Хиндахе. В одном только ауле Гергебиль их было 18. В 1916 году консервные пункты были открыты в аулах Кикуни и Куали. В Темир-Хан-Шуре работало 15 мелких консервных заводиков. К этому времени значительная часть фруктов из Аварии стала вывозиться за пределы Дагестана. Часть фруктов реализовалась на местных рынках, обменивалась на зерно и продукты животноводства.

В описании аула Чирката сообщается, что его сады простирались по Койсу и по ущелью на расстоянии 10 верст. «Главное занятие их состоит в обрабатывании садов, которые не что иное, как бесчисленное множество узких террас, обложенных каменными стенами и расположенных таким образом, чтобы удобно было их орошать посредством водопроводов из ближайших речек. Террасы эти обрабатываются весьма тщательно; по бокам они усажены фруктовыми деревьями и виноградными лозами, а середина засевается кукурузой, которая у них заменяет другие хлебные растения, так что сад здешнего лезгина дает ему достаточно хлеба и прекрасные плоды, и поэтому составляет главное его богатство... нельзя не изумляться этими вековыми работами многих поколений, которые своим трудом превратили огромные скалы в пашни и сады».[109]

По рассказам старожилов в прошлом в Аварии были широко развиты виноградарство и виноделие.

В сел. Зубутли часто при земляных работах крестьяне находили в земле большие глиняные сосуды-кувшины для хранения вина. Несмотря на то, что жители Зубутли давно приняли ислам, а ислам запрещал производство вина, тем не менее они его производили. Способ приготовления вина у зубутлинцев был самым простым. Виноград собирали и жали в корыте, сусло сливали в кувшины, через 6—7 дней получали молодое вино. Вино хранили в кувшинах. Часть вина зарывали в землю в кувшинах. Рассказывают, что еще сравнительно недавно в селении можно было найти вино пятилетней выдержки. В садах Зубутли насчитывалось до 27 сортов винограда: агъда, гендерил цIибил, молла хIосени, чол бор, изабагил, дербень цIибил, хьон халат цIибил[110] и др. Интересной является находка каменного корыта-давильни на квартальной площади сел. Корода. Рассказывают, что прежде давилен в селении и на хуторе было много и, что каждое хозяйство в них выжимало из винограда вино. Давильни эти имеют отверстия для стока сусла.

Старики-кородинцы помнят способ приготовления вина. Виноград собирали в корзины и доставляли к каменным давильням. Здесь его сортировали. Винные сорта клали в специальный холщевый мешок. Затем его завязывали, клали в каменное корыто и топтали ногами. Сусло стекало через отверстия в специально подставленные кувшины. Наполненные кувшины с суслом хранили в подвалах.[111]

Кородинцы называют вино — игIир, а различные его виды: чагъир, жIа. Они сохранили названия более десяти сортов винограда: хопхалат (черный виноград), хетабар (розовый виноград), шабагцибил (дамский сорт), карабахцибил (карабахский виноград), оцолбир (бычий глаз), исир (мелкий сорт) и др.

Славились своими садами и виноградниками сел. Гоцатль. Здесь до революции насчитывалось 120 участков садов. Процесс изготовления вина у гоцатлинцев был иным. Виноград давили в специальных деревянных корытах. Сусло собирали в котлы и кипятили. Полученный сок (жаба) выливали в глиняные кувшины и держали до брожения. После первого брожения молодое вино переливали в другие кувшины, горлышки обмазывали глиной и хранили эти кувшины в подвалах или закапывали в землю.[112] Гоцатлинцы изготовляли вино преимущественно из специального винного сорта винограда, известного под названием жIадулцибил.

Сказанное позволяет говорить о довольно развитом виноградарстве и виноделии во многих местах Аварии. «В земледелии, — говорит Е. М. Шиллинг, в оазисных полосах, старая традиция устанавливает большое значение садоводства и виноградарства доисламской поры виноделия».[113]

---

107 Х. М. Хашаев. Указ. работа, стр. 43.
108 Кавказский календарь на 1893 г., стр. 15.
109 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6361, ч. II, лл. 65, 81. Цитирую по работе Х. О. Хашаева «Занятия населения Дагестана».
110 Полевой материал, собран в сел. Зубутли, летом 1962 г.
111 Полевой материал. Собран в сел. Корода, летом 1961 г.
112 Полевой материал. Собран в сел. Гоцатль, летом 1961 г.
113 Е. М. Шиллинг. Дагестанская экспедиция, 1946, «Кр. сообщения И. Э.», вып. IV, М., 1948, стр. 36.

У аварцев, как и у других народов Дагестана, производство вина из винограда впоследствии было запрещено мусульманской религией. Это было причиной того, что местное население прибегало к кипячению виноградного сусла. Однако население старалось обойти мусульманские запреты и в небольших размерах приготовляло вино и спиртные напитки (жIа, бузу, джабу и т. д.).

В андийском округе своими фруктовыми садами особенно славились сс. Ботлих, Тлох, Муни. В этих садах преобладали курага, яблоки, груши, орехи, персики, абрикосы, сливы, вишня, тут и т. д.

Ведущим в хозяйстве у мунинцев было садоводство. Сады находились в частной собственности отдельных семей и обрабатывались исключительно тщательно. В садах Муни растут различные сорта превосходных фруктов: абрикос (къучи) насчитывается 11 сортов (хекко, барш, ахбазан, чамасдаг, багъдад, хонобах, зубаир, хъачIасур, ц'ик"у, гиргон абхазан, хъазахъ); персиков (бегIухалъи-къурчи) — два сорта (тIогъклаб микьир, чIантьи цункулъи); слив (какини) — три сорта (урус какини, ч"антьи какини, чIан чьури); груш (гъигьи) — 11 сортов (хаса-гени, хъирим гени, чIикъадирави гьингьи, гьоцъо гени, имама гени, армути гьигьи, умалъиси гьиги, ахиквасу гьигьи, цIолъи гьигьи; яблонь (анчи) — три сорта (осокондирав инчи, гьацIа, инчи, рачIик"а инчи); винограда (чIичIи) — пяти сортов (хъингар, цIигьа, хьоп, халат, чуроен, гьацIаланьи).[114]

У аварцев широко практиковалось сушение фруктов: абрикос, груш, яблок и ягод. Сушеные фрукты также, как и свежие, шли как на личное потребление, так и на продажу. Аварцы хорошо знали технику сушения и технологию хранения свежих фруктов.

Садоводство и виноградарство играли важную роль в жизни аварцев. Еще большую роль стали они играть в советское время. За годы коллективизации в Аварии освоены сотни гектаров под новые сады и виноградники.

Наряду с полеводством и садоводством у аварцев получило некоторое развитие и огородничество. Они сажали картофель, лук, морковь, чеснок, тыкву. По сведениям начальника Аварского округа в 1893 году здесь собрано лука 439 пудов и чеснока — 503 пуда.[115]

Только в наше время аварское колхозное крестьянство стало широко заниматься огородничеством, выращивая капусту, огурцы, помидоры и т. д.

Издавна аварцы занимались и пчеловодством. Значительно больше эта отрасль хозяйственной деятельности была развита в садоводческих районах. В хозяйстве аварцев имелось небольшое количество ульев. Пчеловодство давало им мед и воск. В Аварии можно встретить различные виды ульев. Крестьяне

[114] Полевой материал. Записан в сел. Суни, летом 1962 г.
[115] Кавказский календарь на 1893 г., стр. 149.

пользовались медом не только в качестве продукта питания, но и для изготовления хмельного напитка. Мед и воск применялись в народной медицине. Способ получения меда и воска был самый примитивный.

При всем трудолюбии аварского крестьянства земля не обеспечивала их продуктами первой необходимости. Особенно не хватало хлеба. Население садоводческих аулов как правило меняло фрукты на зерно.

Со второй половины XIX века, с ростом хозяйства аварцев и доступности сравнительно дешевого хлеба плоскости, садоводство в Аварии принимает широко товарный характер.

5. СКОТОВОДСТВО

Аварцы, наряду с земледелием, издревле занимались скотоводством. Археологи находят на территории Дагестана кости всех видов домашних животных и утверждают, что скотоводство на всем протяжении эпохи бронзы носило здесь оседлый характер.[116]

Развитию скотоводства благоприятствовали природные условия горного Дагестана: гористый характер рельефа, наличие альпийских пастбищ. Не только для прошлого, но и для современного колхозного хозяйства овцеводство «является основным и нередко единственным источником дохода. Овцеводство здесь носит отгонный характер, в связи с сезонным использованием пастбищ, летних — в горах и зимних — в плоскостной части республики.[117]

О древности скотоводства в Аварии говорят приемы и навыки труда, связанные с традиционным перегоном скота на летние и зимние пастбища, с уходом за ним, осеменением и т. д., своеобразные животноводческие традиции, обряды и обычаи, характер сушения и вяления мяса на зиму, приготовление различных продуктов: сыра, масла, айрана (хъаку). До сих пор в высокогорных скотоводческих аулах, особенно в Анди, Гочобе и др., можно увидеть висящие на потолке специальных хозяйственных комнат — 10—15-летней давности вяленые курдюки (мохмох), 3—5-летние разделанные по частям туши баранов (бакъвараб гъак), многолетние круги сала (тIатIул чед).[118]

Особенно большое значение скотоводство, главным образом овцеводство, имело в жизни населения высокогорных аварских районов — Цунтинский, Цумадинский, Ботлихский, Гумбетовский, Ахвахский, Тляратинский, Чародинский, Гунибский, в частности особо отличались такие села как Бежта, Цумада, Тлярата,

[116] В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет (итоги и проблемы). Ученые записки ИИЯЛ, т. VIII, М-кала, 1960, стр. 345.
[117] А. М. Ибашев. Овцеводство Дагестана, М-кала, 1961, стр. 7.
[118] Полевой материал. Собран в аварских районах, летом 1962 г.

Чарода (Цуриб), Гочоб, Анди, Гагатль и др. В предгорье наиболее развитым было овцеводство в сел. Чиркей.

Авария значительно лучше обеспечена альпийскими летними пастбищами, нежели пахотными землями. В связи с этим площадей под пастбищами здесь было в несколько раз больше, чем под пашными. Так, в одном только Гунибском округе пастбища превышали площадь под пашнями в 20 раз.

Скотоводство для населения малоземельных районов Аварии являлось главным источником существования. Оно давало мясо, молоко, сыр, масло, шерсть, кожу и т. д. Скот также являлся тягловой силой для транспорта и для обработки земли. Наконец, навоз шел на удобрение полей.

Аварские крестьяне содержали оба вида скота, но в основном для них характерно разведение большей частью овец и коз.

О преобладании овцеводства в животноводстве аварцев свидетельствует следующая таблица, составленная по данным ветеринарной инспекции в 1915 году».[119]

Округа	Лошадей	Ослов	Мулов	Крупн. рогатого скота	Буйволов	Овец грубошерстных	Коз	Всего
Гунибский	2246	10368	174	28322	10	232334	27560	301014
Андийский	4105	8786	211	35787	—	181078	32571	262538
Аварский	940	5235	452	19540	17	84640	18275	129099

Овцы и козы в зависимости от возврата имели различные названия. Так, например, ягненок до 6 месяцев называется «кьегIер», ягненок до 1 года — «хух», овца до первого ягнения — «уркIекIек», овца — «чахъу», молодой баран — «хIожо», баран — «куй», баран-производитель — «гванзаб куй», коза — «цIе», козел — «дегIен», козленок — «бурут», козлик — «бихьин бурут», козлята — «буртIал».[120]

Важное значение в жизни аварцев имело и разведение крупного рогатого скота: коров (гIака), быков (оц), а также лошадей (чу) и ослов (хIама). Интересно, что как мелкий, так и крупный рогатый скот в разном возрасте имеют разные названия.

Крупный рогатый скот почти круглый год находился на подножном корму. Корм давался преимущественно в неблагоприятную погоду, так как его заготовляли в очень ничтожном количестве. Летом аварцы перегоняли коров на хутора. Подобная система содержания скота имеет место не только в Аварии, но во всех горных районах. Большинство хозяйств вблизи от аулов имели

119 Добрынин. Указанная работа, стр. 92.
120 Полевой материал. Собран в аварских районах, летом 1961 г.

свои сенокосные участки и полуземляного типа помещения для летнего содержания скота и обработки молочных продуктов. Доили коров два раза в день: утром и вечером. Молоко до конца не выдаивали, оставляя его для теленка, чтобы он быстро рос и легче переносил холода. Волы, яловые коровы содержались отдельно от дойных коров. После утренней дойки коров выпускали на пастьбу на южные пригревы, а вечером ко времени дойки они возвращались сами. Каждый двор имел свой коровник и телятник. Уход за мелким рогатым скотом был обязанностью мужчин. За молочным скотом ухаживали женщины. Корову доили женщины, овец — мужчины. Из овечьего молока приготовляли превосходный сыр.

Огромные стада овец и лучшие пастбища были сосредоточены в руках ханов, беков, кулаков-барановодов.

Горные пастбища номинально считались собственностью всего общества, фактически ими пользовались богачи. Собственных зимних пастбищ на плоскости аварцы не имели и были вынуждены арендовать их у кумыкских феодалов, а также у землевладельцев Грузии и Азербайджана.

Во второй половине XIX века из среды овцеводов-аварцев выделяются крупные кулаки, которые сосредотачивают в своих руках основное поголовье овец и коз, приобретают большие массивы летних и зимних пастбищ, ставя тем самым в зависимость от себя мелкие овцеводческие хозяйства.

Вместе с процессом концентрации овец в крупных хозяйствах и с увеличением числа дворов, не имевших овец, происходил рост товарности скотоводства. Крупные овцеводы все чаще прибегали к эксплуатации наемного труда. Так, например, в 1917 году 23 крупных овцевода из сел. Чох держали 66 наемных пастухов.[121]

Самым крупным скотоводческим аулом в Аварии считался Чох. Здесь были десятки барановодов, владевших от 2000 до 15000 голов скота. Таковыми являлись Гарун-Гаджи, Мамалов, Мавраев и другие. По рассказам местных жителей только один из этих барановодов — Гарун-Гаджи имел 15000 голов скота.[122] Крупных владельцев скота также было много в таких селениях как: Гамсутль, Согратль, Хунзах, Ботлаич, Гилиб, Гочоб, Арчиб, Тлярата, Камилух, Анди, Чиркей, Дылым, Апши и др. Некоторые селения и общества также имели большое количество скота: в Гидатле — сел. Урада; общества Ратлуб, Ратлуахвах — в среднем на душу населения приходилось от 15 до 30 голов скота. Некоторые дворы в них имели до 1000 и более овец.[123]. Со временем подобное расслоение в среде барановодов углублялось.

Овцеводство давало крупные барыши скотовладельцам. В 1892 году по сведениям окружных начальников от продажи насе-

121 А. Г. Мелешко. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана. Автореферат к/д, стр. 15.
122 Полевой материал. Записан в с. Чох, летом 1961 г.
123 Х.-М. О. Хашаев. Указанная работа, стр. 52.

лению разного скота и продуктов скотоводства в Аварском округе было выручено 33168 рублей; в Гунибском 130126 руб.[124]

По данным, собранным Х.-М. О. Хашаевым «в 1891 году было продано скота 5863 головы на 26833 руб. и куплено 2338 голов на 11033 руб. Приплод всего составил 35669 голов: пало 21749 голов. Продано шкур на 4022 рубля, шерсти собрано 2257 пудов, продано из этого количества 1352 пуда на 7825 рублей по цене 4 руб. и дороже за пуд. Насушено мяса 3725 пудов, из этого количества продано 176 пудов за 891 руб. (от 5 руб. 80 коп. до 6 руб. за пуд). В сыром виде продано мяса 833 пуда за 1676 руб. по цене 2 руб. за пуд. Таким образом, продано скота на 26833 руб., добыто разных продуктов на 38600 руб. и получено чистого приплода 13920 голов».[125]

Богатые овцеводы насильственно захватывали или скупали за бесценок пастбищные земли и скот сельских обществ. За аренду пастбищ владельцу или джамаату (обществу) крестьяне, имевшие скот, платили по 5 рублей за каждые двести баранов. Многие аварские села, не имевшие своих, главным образом, зимних пастбищ, вынуждены были нанимать их за высокую плату на плоскости Дагестана или в Азербайджане. За пользование зимними пастбищами приходилось отдавать от 4 до 5 овец с каждой сотни.[126]

Поэтому многие крестьяне и даже общества, не имевшие своих зимних пастбищ, скот свой вынуждены были не отгонять, а держать на пригревах — солнечных склонах окрестных гор.

В Андийском округе большая часть дидойцев со своим скотом перекочевывали на 7 месяцев в Грузию, в долину Алазани. «В Гунибском округе жители высокогорной зоны спускаются на зиму со стадами в Грузию и на территорию Белавского и Сигнахского уездов, а частью и в Закатальский уезд Азербайджана. Население же северной половины Андийского и Гунибского округов (в пределах внутренне-горной зоны) перегоняют на зиму стада в пределах республики — на кумыкскую плоскость и Приморскую низменность.[127] При наличии достаточного количества летних пастбищ у горцев нехватало зимних пастбищ и они вынуждены были перегонять скот на зиму на плоскость. Это служило издавна укреплению связи с плоскостью. Большинство крестьянских хозяйств не имело возможности самостоятельно нести все расходы, связанные с отгонным хозяйством. Поэтому часто несколько хозяйств (10—15) объединялось, и все расходы, связанные с перегоном и уходом за скотом, распределяли между собой пропорционально количеству скота. Многие бедняцкие хозяйства вынуждены были на кабальных условиях перегонять скот в коше

124 Агнаева. Крестьянская реформа в 1867 г. в Дагестане, РФ ИИЯЛ, д. 1279, стр. 72.
125 Х.-М. О. Хашаев. Указанная работа, стр. 54.
126 Кавказский календарь на 1859 г., Тиф., 1859, стр. 253.
127 Добрынин. Указанная работа, стр. 101.

овцевода. Многие владельцы скота часто попадали при этом в зависимость и становились пастухами у крупных овцеводов.

Большинство пастбищных земель, как было сказано выше, находилось в руках помещиков-барановодов, отдельные пастбищные горы оставались общинными. В сел. Чиркей насчитывалось 24 пастбищных мест. Половина из них была захвачена крупными скотовладельцами, а остальные все же оставались в распоряжении сельской общины: (Малищтав, Пахча ашу, Цебе ашу, Бакъулъ шоб, Габурлъи, Жемал меэр, Пурус меэр, Сосуал шоб, Нугюбазул росо, Моколо, Чадергъон, Агъач таяг и др.[128]

Образование общинных пастбищных земель в упомянутых селах происходило несколькими путями. До ликвидации ханств сельчане общей складчиной приобретали у владельцев пастбищные участки, в других случаях общество получало в подарок какую-либо гору (так например, рассказывают в Чиркее гора «Агъач таяг» была подарена джамаату давнишней владетельницей этих земель Заза-бикой,[129] и, наконец, после ликвидации ханств часть ханских земель была объявлена крестьянами общесельской, джамаатской.

В отличие от высокогорных селений, в предгорье, где аварцы заселились в XVI—XVII вв., пастбища и земля находились в руках кумыкских феодалов (шамхальских, андреевских, дженгутаевских ханов и беков). Вплоть до окончательного присоединения этих земель к России, крестьяне вынуждены были платить за землю и пастбища владельцам. С присоединением края к России и ликвидацией ханств, часть земель перешла к сельским общинам. Пахотная земля повсеместно здесь была частная, а пастбищные горы и сенокосные угодья, которые раньше принадлежали ханам и бекам, стали собственностью сельских общин. Этим следует объяснить то, что в таких селах как Гертма, Дылым, В. Дженгутай, Кулецма, Апши и Чиркей вплоть до Октябрьской революции сохранились участки общественных пастбищ и сенокосов, а некоторые села, больше того, даже отдавали излишние свои пастбища в аренду, за что получали деньги и скот. Среди этих сел, наиболее крупным скотоводческим аулом во второй половине XIX века становится Чиркей. Хотя уже в этот период лучшие пастбища и основное количество скота оказались в руках знати.

Иное положение сложилось у аварцев с летними пастбищами. Наличие большого количества субальпийских и альпийских пастбищ было одной из основных причин развития у них овцеводства. В отдельных аварских обществах летних пастбищ было даже в избытке. Наиболее обеспечены ими были андийские и дидойские общества. Так, например, сел. Анди располагало шестью массивами альпийских летних пастбищ, три из них (Агицал, Же-

128 Полевой материал. Записан в Чиркее, летом 1962 г.
129 Там же.

лал, Азал) являлись пограничными с Чечней, а три (ЗаргIу, ТаштаблIо, Алхар) были внутренними пастбищами. Внутренние пастбища вполне удовлетворяли потребности андийских скотоводов, а три пограничные отдавались в аренду соседним скотоводам-чеченцам, за что андийское общество получало деньги, скот, зерно. В Анди пастбища считались общественными и дележу не подлежали. Дележу подлежали только покосы. Они делились по числу хозяйств.[130] Летними пастбищами были богаты и Карахское, Богулальское, Чемалальское, Ункратльское и др. общества.

С ростом богатства крупных владельцев скота увеличивалось число бедняцких хозяйств. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 года, «из 7359 хозяйств Аварского округа 73,3% хозяйств были безовечными».[131]

Не имея скота, многие крестьяне были вынуждены продавать свои рабочие руки. Труд чабана считался унизительным. Старший или главный чабан назывался «удаманом». Это был более или менее зажиточный чабан, опытный овцевод. Нанимался он скотовладельцем на договоренных условиях. В его обязанности входил наем и руководство чабанами, аренда зимних пастбищ. На каждую отару (1500 овец) удаман нанимал 5—6 чабанов (вехь), т. е. в среднем на каждые 300 голов овец нанимался один чабан. В основной своей массе чабаны не имели своего скота, жили в нужде, труд их оплачивался низко. Чабан получал в месяц от 300 голов баранты — 1 барана, еду, одежду. Эксплуатация труда чабанов приносила скотовладельцам большой доход. Прежде чем стать квалифицированным чабаном, необходимо было пасти несколько лет ослов, телят и т. д.

В обязанность чабана, кроме пастьбы скота, вменялось доение овец, приготовление сыра, стрижка, лечение и охрана скота. Квалифицированный чабан за свой тяжелый труд получал в год до 10 баранов, шубу, 20 кг шерсти.

Подростки служили в роли подпасков. Они стерегли овец ночью на кутанах (рорчIухъан). Нанимали чабанов на круглый год — с апреля до апреля.

Наиболее ответственными периодами в работе чабанов были периоды проведения осеменения, весеннего окота, стрижки, перехода с зимних пастбищ на летние (с 15 мая до ноября), а затем на зимние (с ноября до мая).

В отличие от чабанов, пастухи рогатого скота (рохдохъан) нанимались на разные сроки, смотря по необходимости, чаще всего на пастбищный сезон. На попечение одного пастуха находилось от 100 до 200 голов скота различного возраста без телят. Пастух получал за труд одежду, питание и деньги. Для ухода за

130 Полевой материал, собран в Анди, летом 1962 г.

131 Х. М. Хашаев. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке, М-кала, 1954, стр. 39.

телятами нанимались специальные пастухи (бачазилвехъ). Их труд оплачивался согласно договоренности.

Обычно не весь скот отправлялся на летние пастбища (меэр). Дома оставался молочный скот и необходимое количество быков для уборки урожая. Перегоняемый скот предварительно таврировался. Каждый хозяин имел свое родовое или фамильное тавро (дунгъа). Обычно крупный рогатый скот клеймили выжиганием, мелкий — метился ушными надрезами (гIуж). «Дунгъа» аварская имела много общих форм с соседними народами Дагестана и Кавказа.

Перегон скота сопряжен с немалыми трудностями, особенно весною, когда стада имеют в своем составе ягнят. Главную трудность составляет переправа через горные реки. С прибытием на летние пастбища, каждая отара в 3—4 тысячи овец занимала свой участок, на котором оставалась в продолжении мая и июня месяцев. Затем скот перегонялся на другой участок. Так продолжалось до осени. С ее наступлением начинался перегон скота с летних пастбищ на зимние (кутан).

Во избежании беспорядочной случки и преждевременного ягнения, бараны-самцы содержатся отдельно от овец. В начале ноября с возвращением отар на зимние пастбища, самцы подпускаются к маткам для случки, которая продолжается до конца декабря, после чего самцы вновь отделяются и пасутся отдельно до будущей осени. С конца марта, первых чисел апреля начинается ягнение. Молодые ягнята-самцы обычно через дней 10—12 кастрируются и пасутся вместе с матками.

В Аварии издавна разводят три породы овец: андийскую, аварскую, гунибскую. Наиболее ценными породами дагестанских овец считаются гунибская и андийская. «Гунибские овцы имеют живой вес 35—38 кг и дают 1,8—2 кг достаточно хорошей шерсти (дл. 15—17 см при относительно небольшой разнице по толщине между остью и пухом). Шерсть гунибских овец отличается от других грубых шерстей несколько большей уравненностью. Андийские овцы отличаются специфической сильной волнистостью шерсти и интенсивным черным цветом, мало изменяющимся с возрастом. Население широко использует шерсть андийских овец для изготовления главным образом бурок.[132]

Стрижка овец производилась два раза в год — весною и осенью. Но осенняя стрижка, которая начиналась по возвращении с пастбищ, была главной, так как осенняя шерсть являлась важнейшей статьей дохода овцеводства.

В связи с этим день стрижки, как и день таврения отмечается торжественно. О нем заранее извещали, собирались соседи, родственники. Один или двое ловили и подавали баранов, другие стригли. Хороший работник мог остричь за день 50—60 голов. Стригалям не платили — это было обоюдное одолжение, зато

132 Дагестанские овцы. Сельскохозяйственная энциклопедия, т. I, М., 1949, стр. 522.

после окончания работы их угощали сытным обедом и бузою. К этому времени обычно приурачивалась и расплата с чабанами. Овечья шерсть у скотоводов до революции была расчетной монетой.

Характерно, что в древности главным предметом обмена является скот, выполнявший функции денег.

Не давая больших доходов, баранта кормила и одевала семью горца круглый год. Из шерсти ткалось сукно, валялись бурки и войлок, изготовлялись ковры и паласы. Из овчин изготовляли шубы, из шкур — обувь. Излишек продавали для покрытия различных хозяйственных нужд.

Лучше всего в Аварии были обеспечены скотом Гунибский и Андийский округа. Однако, скотоводство здесь носило экстенсивный характер. Основная причина застойного состояния скотоводства заключалась в недостатке кормов. К тому же большая часть пастбищных угодий находилась в руках зажиточной верхушки. Нехватка пастбищ сказывалась на продуктивности скота. При низкой продуктивности животноводство в горах было мало рентабельным. Горцы занимались им почти исключительно для обеспечения нужд семьи мясо-молочными продуктами, одеждой. Заготовленных летом кормов на зиму не хватало. Сено заготовляли весьма примитивным способом часто траву не косили, а вырывали руками или резали серповидным ножом. Затем ее скручивали в жгут или связывали в небольшие пучки в виде снопиков и развешивали для просушки. Сушили сено также на земле в рядах, сгребали в валы, а затем копнили. Заготовлялось оно всей семьей. По народным представлениям косить сено следует, когда пройдет 15 дней лета: сено, скошенное в этот период, имеет такую же ценность, как зерно-фураж. Считалось, что от сена, скошенного позднее, скот не поправляется.

Обычно в тех селениях, где было значительное количество крупного рогатого скота создавалось несколько стад. Для каждого стада выбирали общественного пастуха. Утром, после доения, пастух гнал скот на пастбище, а вечером пригонял обратно. Отдельные общества весной перегоняли молочный скот на горные присельские пастбища или на летние хутора, и держали его там до осени. Аварский рогатый скот был малорослым, средний живой вес животных не превышал 100—120 килограммов, однако отличался своей выносливостью и неприхотливостью к кормам.

Специально для племенных целей производителей не выращивали. Отбор осуществлялся, главным образом, по внешним признакам. Случка крупного рогатого скота была произвольной. Из рослых и крепких бычков отбирался племенной бык, который постоянно находился в стаде. Волы, яловые коровы, исчислявшиеся у богатых десятками и сотнями голов, держались отдельно от дойных коров под присмотром наемных пастухов. Отелы проходили в феврале—апреле в антисанитарных условиях, в грязных общих хлевах. Кормление отеливших коров почти не отличалось

от обычного. Животные в первые 5—10 дней после отела получали дополнительно к соломе и сену в небольшом количестве теплое пойло из отрубей или муки. Телята рождались мелкими. Обычно их подпускали к маткам дважды в день утром и вечером. Выпойка продолжалась до конца лактации. Летом телята паслись на приаульских выпасах. Для обслуживания молодняка на лето нанимали общественного пастуха. Продолжительность лактации коров составляла 5—6 месяцев, совпадая с пастбищным периодом. При всем усердии крестьянам увеличить поголовье крупного рогатого скота в крае не только не удалось, но наоборот за 20 лет, с 1893 по 1913 гг. оно сократилось на 55,0 тысяч.[133] Еще хуже обстояли дела в овцеводстве. Ежегодные перегоны на зимние и летние пастбища, отсутствие достаточной кормовой базы, снежные обвалы, гололедица уничтожали скот, гибли и чабаны. Редкая зима в Дагестане проходила без гибели животных от холода и бескормицы.

Ко времени Октябрьской социалистической революции у аварцев имелись многочисленные крестьянские хозяйства, не имевшие или почти не имевшие своего скота. Многие из безовечных крестьян вынуждены были работать по найму у овцеводов-кулаков в качестве чабанов, другие уходили в города или в крупные населенные пункты в поисках заработков.

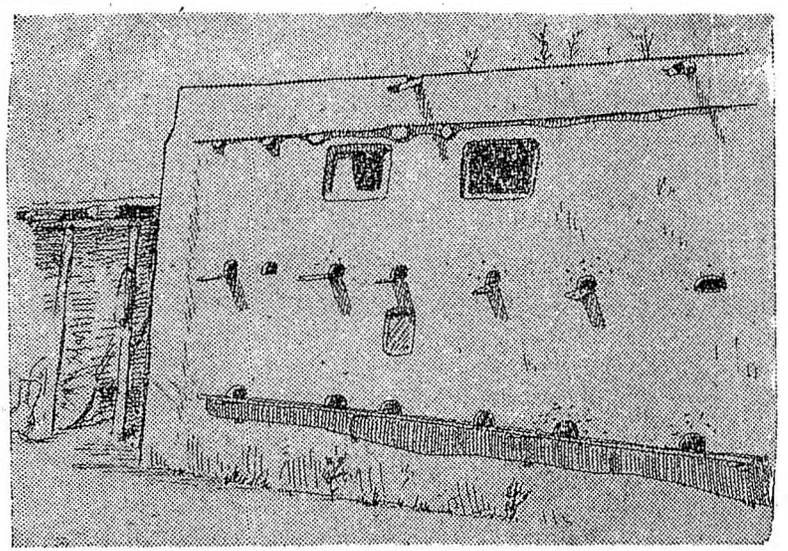

Рис. 17. Улей.

Со скотоводством у аварцев связано подсобное занятие — охота (чанахӀан), особенно на диких коз, туров, оленей, медведей, кабанов, волков, барсуков, лисиц, зайцев и др. Житель сел.

[133] С. И. Гусейнов. Указанная работа, стр. 19.

Зубутли Гамзат Пирахмаев убил 1000 кабанов, 20 волков и много других зверей, вступал в единоборство с медведем и победил его. Охота была развита значительно больше в лесных районах. Во многих аварских селениях на стенах укреплений и домов до сих пор можно увидеть изображения сцен охоты на оленей, диких коз (Чох, Кахиб, Тидиб и др.), охотников-всадников с луками и стрелами и т. д. На дверях и балконах домов в Аварии до сих пор кое-где прибиты рога оленей и коз.

Аварские охотники сохранили различные виды капканов (галбат) и вооружения. Мясо диких коз шло в пищу, шкуры — на одежду. Из птиц охотились за лесными курочками, дикими индейками и др.

В аварских народных сказках часто фигурируют охотники, собаки, туры. Это говорит о том, что в далеком прошлом охота у аварцев была широко развита.

Аварцы занимались также рыболовством. Как и охота, рыболовство не имело в жизни аварцев промыслового значения. В реках Аварии водятся усач и форель. Особенно форелью славится аварское озеро (Казиной-ам), расположенное на границе андийцев с Чечней.

Занимались аварцы в горах и пчеловодством.

6. ДОМАШНИЕ ПРОИЗВОДСТВА И РЕМЕСЛА

Ограниченные возможности в развитии земледельческого и скотоводческого хозяйства издавна заставляли аварцев прибегать к поискам других подсобных источников существования. С этим связано значительное развитие у них различных промыслов и ремесел. Некоторые виды ремесла у аварцев достигли высокой степени развития. Оно было обусловлено также полунатуральным ведением хозяйства и наличием разнообразного сырья: шерсти, камня, дерева, металла и т. д.

В начале XIX века аварские крестьяне производили кустарным способом все необходимые орудия труда и предметы для ведения хозяйства и личного быта.

В Аварии было развито производство широко известных андийских бурок, каратинских и келебских сукон (под названием «сугъур») и шалей, а также обработка шерсти, кожи, шкур, оружейное, ювелирное и кузнечное дело, художественная обработка дерева, резьба по камню, плотничество и строительное дело.

Широко распространено было в Аварии и производство ковров и дорожек. В отличие от ковроткачества народов Южного Дагестана, приобретшего товарное значение, у аварцев оно удовлетворяло только внутренние потребности. Кроме ковров, женщины-аварки изготовляли седельники, паласы (трут), хурджины (переметные сумки) и т. д.

Техника производства ковров, орудий труда, методы обработки шерсти, прядения и крашения пряжи почти одинаковы с другими народами Дагестана, и в частности, с кумыками. Почти одинаковое устройство имеют их прялки, ковровые и ткацкие станки. Особенно близка была техника производства и орнаментировка ковров и паласов аварцев с кумыкскими сопредельными районами.

Во многих аварских селениях изготовляли хозяйственный инвентарь самого различного назначения: сохи, молотильные доски, арбы, сани, ткацкие станки, лопаты, вилы, ступки, мерки, ложки и др.

Ремесленные производства у аварцев служили важным материальным подспорьем. Особенно интенсивное развитие ремесел в Аварии отмечается со второй половины XIX века. Они приобретают важное товарное значение.

С расширением товарно-денежных отношений и появлением в жизни народностей аварской группы элементов капиталистических отношений, продукты ремесла здесь стали все больше приобретать товарный характер. Несмотря на все многообразие хозяйственной деятельности аварцев, техника хозяйства и ремесленного производства их до революции оставалась отсталой.

Обработка кожи. Большое место в домашних промыслах занимала обработка кожи. Кожа шла на изготовление обуви, шуб, головных уборов, всевозможных сум и т. д. Овечьи шкуры обрабатывались для шуб и головных уборов, козьи и бычьи — для обуви.

Овчину обрабатывали следующим образом. Как только с овцы снимали шкуру, ее со стороны мездры посыпали солью и просушивали в тени досуха. В таком виде ее сохраняли до употребления. Перед использованием овчину замачивали в воде в специальных тазах и оставляли на два-три дня, затем на речке хорошо промывали. После чего расстилали на землю и мездру поливали специально приготовленным раствором. Для одной шкуры раствор изготовляли в следующих пропорциях: 1 литр воды смешивали с 200 г ячменной муки. В таком виде оставляли 2—3 дня до брожения. Затем добавляли 200—300 г соли, после чего раствор считался готовым.

Намоченную в этом растворе овчину оставляли на 5—6 дней, потом также досуха просушивали в тени. Затем шел процесс мягчения. Мягчение производили как руками (двое мужчин скручивали шкуру и осторожно потягивали каждый к себе), так и специальным инструментом «тIахьал халебис», имеющим форму деревянного крюка с железной скобкой и кожаной петлей.

Другой инструмент «квархьи» имел форму маленькой лопаточки с деревянной ручкой. Им производили движение в виде скобления мездры правой рукой таким образом также, производилось мягчение. Более удобным инструментом для мягчения был

«тIахъал халебис». Чем мягче становилась овчина, тем выше она ценилась.

После мягчения, если это нужно было, овчину окрашивали. Для окраски приготовляли специальный раствор. Скорлупу березы «махил макъар» или липы «гьац макъар» сушили несколько дней, измельчали и опускали в деревянную бочку, затем поливали кипяченой водой и оставляли бродить. Полученным раствором мочили мездру. Березовая кора давала темно-коричневый цвет.

Для шуб и папах овчину обрабатывали почти в каждом аварском селении, поскольку шорники были во всех селениях. Обработкой шкур занимались мужчины, а шубы в большинстве случаев шили женщины.

Обработкой кож занимались не во всех селениях. В XIX в. в Гунибском округе этим промыслом славились селения: Салта, Чох, Согратль, Корода, Гонода, Гочоб. В Аварском округе селения: Хунзах, Батлаич, Гонох и др. Эти селения славились не только хорошими мастерами-кожевниками, но и прекрасными мастерами-сапожниками. Они изготовляли изделия из кожи как на заказ, так и на продажу. Продукты кожевенного производства, в особенности обувь, продавались на местных рынках аварских округов, а также на базарах соседних с Аварией округов. В Кавказском календаре на 1899 год писалось «кожевенным производством исключительно заняты селения Салта, Корода и Гонода Гунибского округа; изделия их имеют сбыт и за пределы области».[134]

Кожу для обуви обрабатывали в основном козлиную и процесс обработки немного отличался от процесса обработки овчины.

Козлину так же, как и овчину, солили, сушили в тени, затем мочили и промывали на речке, пока не текла от нее чистая вода. После этого клали на 2 дня в известковый раствор. Когда вынимали из раствора, со шкуры легко снималась шерсть. После снятия шерсти, шкуру хорошо промывали и клали в куриный помет, чтобы козлина смягчалась, затем опять промывали и клали в раствор из ячменной муки. В этом растворе козлину оставляли до тех пор, пока через корни волос в шкуре не проходил воздух. А определяли это следующим образом: брали кусок шкуры и сжимали в кулаке, так чтобы образовался пузырь, если через корни волос проходил воздух, то шкуру вынимали и клали в листья («гIубалагъ») скумпии. При этом шкуру сшивали в виде мешка, а одну лапку оставляли не зашитой, через которую наполняли листьями и наливали воду. Если вода протекала через корни волос, козлину считали готовой. Потом эта шкура поступала в окраску. Красили также раствором березовой или липовой коры. При этом ее не мочили как мездру у овчины, а целиком клали в этот раствор. После козлину сушили в тени, затем приступали к процессу мягчения.

[134] Дагестанская область в 1891 г. КК на 1893 год, Тифлис, 1892, стр. 156.

Мягчение производили инструментом «вархьи» вышеописанным способом.

Таким образом, дубление кожи было намного сложнее, чем обработка овчины.

Продукция аварских кожевников имела большой спрос среди населения. Если лезгинские мастера — сапожники покупали кожу у горских евреев, которые сами производили и доставляли ее из Тавриза, Баку, Нухи и т. п., то аварские кожевники вполне удовлетворяли нужды местного потребителя, а также вывозили кожи за пределы своего края. В тех аварских селениях, где исключительно занимались этим ремеслом, имелись специальные скупщики, которые закупали у производителей кожу и сбывали ее на сторону. Продавали кожу на местных рынках в Хунзахе, Унцукуле, Гунибе, Короде, Гергебиле, Чохе, Согратле, которые в XIX веке считались самыми многолюдными ежедневными базарами на территории Аварии. Здесь большей частью у кожевников кожу скупали аварские и лакские сапожники.

Кожа шла на изготовление самой разнообразной обуви: женскую обувь в форме чувяк махьсо мачо, женские башмаки — пашмакъал, мужскую обувь махIцал накидул хьитал, мачуял и т. п. Обувное производство имело ремесленный характер, поскольку обувь готовилась на заказ и для продажи на местных базарах.

В этих селениях были и искусные мастера-ювелиры, которые славились по всей Аварии. В Гоцатле — Гейбатов Магомедмирза, Семедов Келеб, братья Газиевы (Исмаил и Муса) в Чохе — Мадиев Якуб; в Гамсутле — Пиров Магомед, некие Джахвар, Салих, Муса и т. д.; в Согратле — Абдулмагомедов Магомед, Абасов Абас и др.,[135] сотни опытных мастеров своего дела. Их искусство было известно далеко за пределами Аварии. Большинство из них специально обучалось у знаменитых ювелиров-кубачинцев, обладало богатым опытом, перенятым у отцов и дедов. Как рассказывают старожилы, некоторые ювелирные изделия их конкурировали с изделиями кубачинских мастеров.

В настоящее время в Чохе Гунибского района у сына Мадиева Якуба сохранился кинжал производства его отца, который действительно по технике изготовления и по красоте нисколько не уступит кинжалам кубачинского производства. Оправа кинжала сделана из слоновой кости с золотыми инкрустациями, некоторые детали оправы выполнены насечкой золотом по металлу.

Ювелирное дело у аварцев было лишь подсобным ремеслом к основному занятию сельским хозяйством и занимались они им в свободное от полевых работ время.

Изготовление войлока и бурок. Войлок аварцы изготовляли общеизвестным на Кавказе способом. Войлок плохой проводник тепла, влаги и холода и благодаря этим качествам широко при-

[135] Полевой материал 1961—62 гг.

менялся в горах. Он хорошо защищал от холода в горах и поэтому в основном им застилали полы в саклях, из него делали зимнюю обувь, накидки для чабанов, шляпы, которые мужчины надевали летом во время полевых работ и пр.

Прежде чем изготовлять войлок и бурки шерсть подвергали обработке. Ее замачивали, а затем мыли на речке или в прудах до тех пор, пока не стекала чистая вода, мыло обычно при этом не употребляли. Промытую шерсть на паласах или на веревках сушили на солнце. После просушки она подвергалась сортировке. На войлок употребляли в основном шерсть худшего качества, а лучшие сорта шли на изготовление бурок, сукон, носков и т. п.

После просушки шерсть разрыхляли руками и специальным инструментом (лучком) — «газагъро», который состоял из струны и деревянного валика. Струну погружали в шерсть и ударяли специальной колотушкой по валику. Она очищала и разрыхляла шерсть.

Разрыхленную шерсть равномерно раскладывали несколькими слоями на большое полотно, причем укладывали на такую площадь полотна, какой величины хотели приготовить войлок. Толщина слоев шерсти зависела от того, для каких целей приготовляли войлок (для полов делали потолще, для шляп и накидок — потоньше).

Разостланную шерсть обрызгивали горячей водой и заворачивали на каталку диаметром в 12—14 см, в виде рулона и мяли руками несколько женщин или топтали ногами и катали по земле, до тех пор, пока не образовывался один сплошной слой.

В процессе топтания войлок несколько раз переворачивали и опять обрызгивали горячей водой. При выделке войлока особенно следили за тем, чтобы он был одинаковой толщины, поэтому, когда его переворачивали расправляли, выравнивали и добавляли разрыхленную шерсть в более тонкие места войлока. Обрызгивали горячей водой войлок с обеих сторон, а не с одной стороны, как это делается при выработке бурок, не обрызгиваемая сторона оставалась мохнатой. Готовый войлок красили, если это было необходимо.

Производством войлока и бурок в Аварии занимались исключительно женщины, разрыхление шерсти со специальным инструментом также производили женщины. Например, у лезгин все основные процессы производства войлока выполнял мужчина, а женщина играла лишь вспомогательную роль, она мыла шерсть, сортировала и т. п.

Изготовлением войлока и бурок больше всего занималось население высокогорной Аварии: в Гунибском, Тляратинском, Цунтинском, Цумадинском и Ботлихском районах. Производством бурок в Аварии особенно славились андийцы.

О времени возникновения бурочного производства судить еще очень трудно. На наш взгляд, производство бурок по технике гораздо проще, чем производство сукна. Мухаммед-Рафи же упоминает (XIV—XV вв.) о том, что шамхалу андийцы платили по 8

штук шерстяной ткани.[136] О той роли производства, которую занимало в экономике андийцев производство бурок, можно судить из наблюдений Ивана Загурского, дважды побывавшего в Андии, будучи в плену: «До 1839 года андийцы отличались от прочих горцев видимой зажиточностью, благодаря обширному скотоводству и торговле бурками, славившимися можно сказать на всем Кавказе; но с 1839 года, т. е. со времени разрыва с Россией, андийцы очень обеднели».

Бурки производились трех типов: 1. Высококачественные с длинным ворсом и тонкою мездрой, называемые «буртина». 2. «БегъикIа» — бурка с более толстой мездрой, меньше размерами, с употреблением в среднем слое шерсти осенней стрижки. 3. «Истани» или «гъикьутIамя» род бурки-подстилки, заменявшей в прошлом ковер или простыню, изготовляется исключительно из белой шерсти. Большим спросом пользовался этот тип у чеченцев для изготовления арбабашей. Изготовление бурок весьма трудоемкое дело. Шерсть андийской породы овец служила великолепным материалом для бурок: длина, прочность, блеск и грубость делают ее почти незаменимой в бурочном промысле. Андийцам своей шерсти не всегда доставало и они покупали ее в аварских и чеченских районах.

В основу всего производственного цикла положен принцип скрепления волос шерсти между собой, которое достигается путем прессования шерсти.

В солнечный день зимы, осени или весны, под недоступным ветру навесом на подстилке «кьолу» раскладывали готовую шерсть в форме предполагаемой бурки. Каждый тончайший слой клали на предыдущий, спрыскивая эти слои горячей водой. Особенно тщательно следили за тем, чтобы шерсть ложилась всюду равномерно. Это самый ответственный момент работы выполняли женщины с большим опытом. Если в семье хороших опытных мастериц не было, то приглашали соседок. Вся эта операция называлась «билъиду» и протекала при солнце и совершенном отсутствии ветра. Время от времени слои опрыскивали горячей водой специальным веником «коцIи».

Разложенную шерсть скатывали рулонами вместе с подстилкой несколько женщин, затем ее валяли. Валяние «бегъугъуду» самая трудоемкая часть работы. Для этого женщины становились на колени в один ряд и катали бурку, упираясь в нее руками от кисти до локтя. Время от времени бурку разворачивают и смачивают слегка вновь горячей водой. Края бурки выпрямляют и, если нужно слегка подтягивают давлением стопы ноги в предварительно зажатый в руки край. На откатку или валяние бурки уходит 4—5 часов с небольшими перерывами в 5—10 минут, после чего бурку разворачивают и сушат на солнце.

---

136 ССКГ, вып. V, Тифлис, 1871.

137 Иван Загорский. Восемь месяцев в плену у горцев. ССКГ, т. 19, стр. 229.

Полученную бурку расстилают на пуховую постель и специальным веником, щеткой из выдернутых с корнями стебельков льна расчесывают с одной стороны до тех пор, пока не вычешется определенной длины и густоты равномерный слой ворса. Для выпрямления бурки, женщина, сидя на ней, упирается стопой в край бурки, одновременно самый край оттягивается рукой. В результате этого края бурки получаются мохнатыми. Этот процесс называется «рижи джиду» (сделать лицо). Затем бурку высушивают досуха и красят в черный цвет.

Для приготовления краски добывают в Чечне кору ольхи, сушат ее, после размачивают и двое—трое суток оставляют в воде, затем кипятят в той же воде в течение 3-х часов. После этого кору вынимают, кипятят воду и добавляют железный купорос. В эту воду в больших котлах кладут по несколько бурок и кипятят более двух часов в этой краске. Затем бурки тщательно промывают на речке, обрабатывают ворс на лицевой части бурки и сушат. На этом заканчивается процесс изготовления бурки.

Бурки, которые производили в Андийском округе, имели спрос по всему Кавказу. В XIX в. они продавались на всех узловых, многолюдных базарах Дагестанской области. Андийские бурки покупали и другие народы Кавказа, ибо они считались лучшего качества, чем кабардинские и чеченские.

Среди народов Кавказа особенно славились так называемые дамские бурки из белой шерсти, изготовленные андийцами. В кавказском календаре на 1893 год отмечено, что «производством бурок из местной шерсти славятся кустари сел. Анди, Гогатль, Рикуани, Ботлих, Ансалти и Шодрада. Изделия их в значительном количестве вывозятся за пределы области. В последнее время явился большой спрос на так называемые дамские бурки из белой шерсти».[138]

О размерах производства бурок в Андийском округе в начале XX века и их качестве пишет в своей работе А. С. Пиралов: «В Андийском округе Дагестанской области бурочный промысел отличается наиболее крупными размерами производства в крае. Среднее годовое производство бурок по селениям 35.200 штук стоимостью от 5 до 9 рублей за штуку. Некоторая часть андийских бурок отличается особою длиною ворса, который не имеют ни кабардинские, ни чеченские бурки.[139]

По данным начальника Андийского округа в 1852 году вывезено из округа на продажу 53511 бурок со средней стоимостью за каждую бурку по 6 рублей. Валовый доход от продажи которых равнялся 321066 рублям.[140]

---

138 Дагестанская область в 1891 году, КК на 1893 год, Тифлис, 1892, стр. 157.

139 А. С. Пиралов. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа, сборн. «Весь Кавказ», Баку, 1914, стр. 207.

140 Обзоры о состоянии Дагестанской области за 1892 год, Темир-Хан-Шура, 1893, стр. 44—45.

Таким образом, бурочный промысел андийцам приносил значительные доходы и служил существенным подспорьем в хозяйстве.

Бурка является необходимой принадлежностью костюма чабана, она его защищает от холода, ветра и дождя, служит и тюфяком, и одеялом. Без нее также не обходится и пешеход, и всадник. Бурка — неизменный спутник горца в дороге.

Без бурки и войлока также не обходится ни одна горская семья. Она служит ей в качестве покрывал, матрацев и одеял.

Производство сукна. Наряду с изготовлением войлока, бурок аварцы с давних времен занимались производством сукна. Об этом свидетельствуют находки бежтинского средневекового могильника, обнаруженные Д. М. Атаевым во время раскопок 1959 г. Здесь найдены куски шерстяных тканей по характеру плетения очень напоминающие современное кавказское сукно (сугъур).[141] Почти до XIX века одежду аварцы шили из домотканных сукон. Фабричные ткани в то время редко проникали в высокогорные ущелья нагорного Дагестана и не были доступны бедняцкой прослойке крестьянского населения.

Производством сукна занимались почти во всех округах Аварии. В XIX и в начале XX века особой популярностью пользовались сукна, изготовляемые специально для продажи в Аварском и Андийском округах. Эти сукна славились почти по всему Кавказу. А. С. Пиралов упоминает о том, что «в Аварском округе селение Амуша производит (С. А. сукно) на 12000 рублей в год. В Андийском округе некоторые селения выделывают белые сукна, имеющие большой сбыт в Тифлисе; особенно славится ими с. Карата, вырабатывающее до 400 кусков на 4000 рублей».[142]

Н. Дубровин также отмечает, что «жители общества Кель славятся приготовлением лучших в Дагестане шалей (лезгинских сукон)».[143]

Техника приготовления сукна аварцев мало чем отличается от производства сукна на всем Кавказе.

Прежде чем приступить к тканью сукон шерсть подвергается тщательной обработке. Сначала ее хорошо промывают и сушат (вышеописанным способом), затем расчесывают гребнем «гьоркьо» почти таким же, как у других народов Дагестана.

Это примитивный инструмент («гьоркьо») состоит из трех досок, образующих треугольник на подставке держателя. В углу сверху вбиты два параллельных ряда остроконечных стальных зубьев, на которые обеими руками нанизывается пучок шерсти и растягивается в стороны. Этот процесс продолжается до тех пор, пока не расчесывается шерсть.

---

141 Д. М. Атаев. Средневековая Авария, рукопись кандидатской диссертации, 1960, стр. 168.

142 А. С. Пиралов. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа, сборник «Весь Кавказ», Баку, 1914, стр. 209.

143 Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, книга I, С. Петербург, 1871, стр. 503.

Пряжу аварские женщины изготовляли самым примитивным способом с помощью инструмента «мерго» (см. рис. 5, 6). У аварцев даже не было ручного станка для пряжи, бытовавшего у многих народов Кавказа.

«Мерго» — инструмент самой простейшей конструкции. Он состоит из круглой в сечении деревянной палочки длиною 22—25 см, заостренной с двух концов, на один из которых надевалось деревянное колесико «агъдир» диаметром в 8—9 см. Оно предназначалось для предохранения нитки от соскакивания с конца

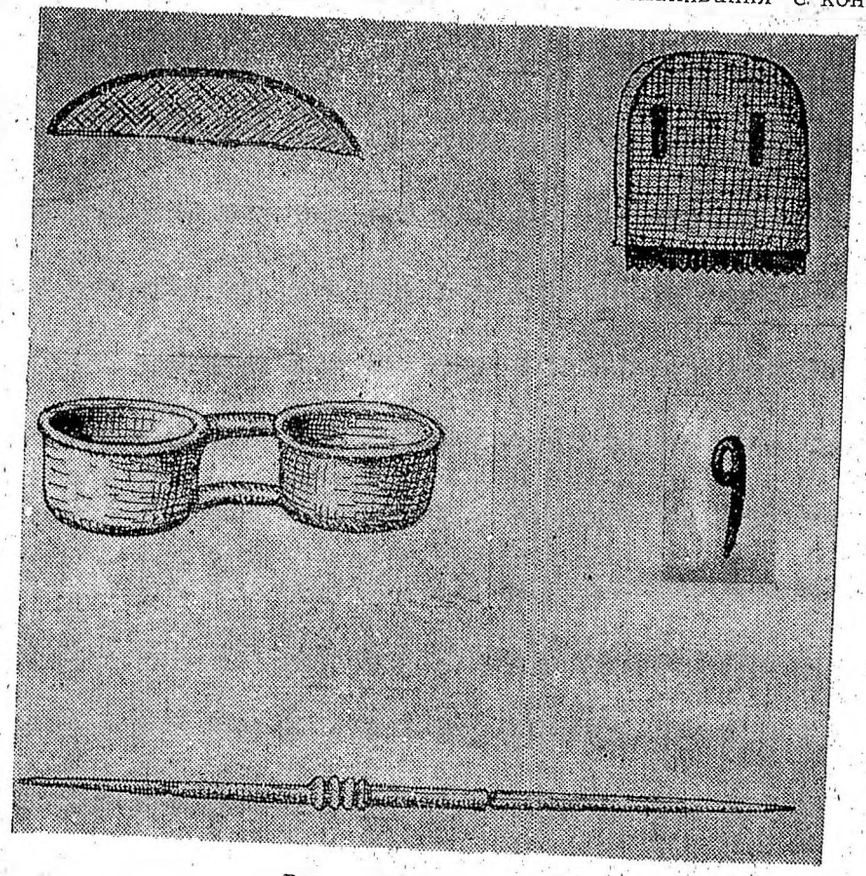

Рис. 18. Орудия прядения.

палочки. Этот конец «мерго» с колесиком ставился на специальный камень с выемкой, чтобы он вращался на одном месте. В процессе работы женщина одной (правой) рукой крутила палочку, а другой (левой) придерживала пучок расчесанной шерсти, от которого тянулись волокна и скручивалась нить.

Нитки для сукна делались двойные, очень тонкие из белой или черной шерсти. Нити для основы скручивались больше,

и делались прочнее, чем нитки утка. Прочность сукна зависела от крепкости скручивания ниток.

Аварские женщины пряжу для сукна приготовляли зимою, а ткали сукна ранней весною. Летом и осенью женщины большей частью бывали заняты сельскохозяйственными работами.

Основу для сукна натягивали сразу на станке, а не отдельно, как это делалось у лезгин. Поэтому аварский станок для изготовления сукна отличался от лезгинского. Он состоял из четырехугольной рамы, т. е. из четырех столбов, двух боковых 3,5—4 метра, называемых «чIурдул» и двух поперечных 120—140 см — «накал». На концах боковых столбов имелись отверстия; в которые вдевались поперечные столбы «накал». Боковые столбы этой рамы подвижны, что позволяет удлинять или укорачивать раму. Станок устанавливается не у стены (как ковровые станки), а на открытом, специально приспособленном, немного приподнятом месте. Это возвышение делалось для того, чтобы легче было намотать основу сукна. На середине двух боковых столбов устанавливали «ясикIаба» (клинья-куклы) длиною в 30 см с отверстием посередине. Основы клиньев (концы которых ставились на столбы), имели плоскую форму, а другие концы остроконечную.

В отверстия этих клиньев вставлялась круглая палочка длиною в 1,5 метра и диаметром в 4 см, на нее специальным образом наматывались нитки, через которые проходили парные нити основы для сукна.

Станок имел еще две палочки: ататIил и нахъахел, которые вставлялись между нитями основы, одна из которых (ататIил) по мере тканья продвигалась, а другая нахъахел оставалась на одном месте.

Необходимым инструментом для станка служили еще «махла» зубчатообразная палочка (длиною в 1 метр, шириною в 5—6 см), плоской формы с тупыми концами, с помощью которой производили забивку (уплотнение) нитей утка.

Дополнительными инструментами для ткацкого станка являлись две тонкие круглые палочки: длиною в 1,5 метра, диаметром в 2 см, называемая «нусихалигъучI», от которой начинали процесс тканья сукна, и длиною в 0,8 м «цуцудиро», служившая для раздваивания (четной и нечетной) нитей основы. Отличительной чертой этого станка, скажем от лезгинского — является то, что все процессы тканья сукна на аварском станке производятся исключительно руками в то время как на лезгинском станке — и руками и ногами. В частности раздваивание нитей основы сукна у лезгин производится с помощью специальных стремян, нажимаемых поочередно правой и левой ногами. На аварском станке работница, сидя на низенькой маленькой треугольной скамеечке «бакI», руками с помощью «цуцудиро» раздваивает нити основы и продевает между ними нитку утка, затем с инструментом «махла» производит забивку так, чтобы плотно прилегали нити утка друг к другу. Такой процесс работы продолжается до

конца тканья. Когда кусок сукна готов, его обрезают у палочки «нусихали гъучI». Аварский станок для изготовления сукна своей конструкции близок к даргинскому, так называемому «горному» ткацкому станку, описанному Е. М. Шиллингом, ареал распространения которого он ограничивает лишь пределами Дагестана. И ту же разновидность сближает с другим типом, связанным с традицией кочевого быта и употребляемом не только в ковроткачестве курдов Армении, но и в пределах довольно значительной территории Восточного Кавказа.[144]

Готовое сукно подвергают валянию. Для этой цели сукно обливают горячей водой и несколько женщин валяют его руками в течение 5—6 часов. После валяния сукно аккуратно расстилают на земле и сушат на солнце. Каждый кусок состоит из 6—7 метров, шириною в 60—70 сантиметров.

Высушенное сукно скатывали рулоном и оставляли до употребления или же продавали на базарах.

Приготовленное сукно, в основном, шло на черкески, гужгаты и мужские брюки.

Аварские женщины были прекрасными мастерицами своего дела, их сукна отличались красотой, добротностью, изяществом рисунка. Ткать сукна девушки начинали с 11—12-летнего возраста.

Лишь после того, как в горы стали проникать дешевые добротные ткани фабричного производства, сукна местного изготовления начали утрачивать свою прежнюю роль и постепенно снижался и спрос на них.

В обзоре Дагестанской области за 1911 год указывается на то, что «В последнее время фабричные продукты начинают конкурировать с изделиями кустарей, достаточно указать на факт довольно широкого распространения в городах области сукна, выделываемого фабриками по образцу местного.[145]

Тем не менее сукна местного производства, благодаря своей добротности, использовались почти до XX века. В высокогорных районах Аварии они были вытеснены фабричными тканями лишь в начале XX века.

Производство ювелирных изделий. Металлообработка в Аварии была развита с древних времен. Об этом свидетельствует археологический материал с территории Аварии, относящийся к VIII—X вв. н. э. Как сообщает Д. М. Атаев: «бронзовые массивные ажурные поясные пряжки, столь характерные для Бежтинского могильника, помимо дидойских районов Аварии, известны в Хунзахском, Цумадинском, Ахвахском районах. Или же массивные ажурные нарядные бляхи, орнаментированные конически-

144 Обзор Дагестанской области за 1911 год. Темир-Хан-Шура, 1912, стр. 25.

145 Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура, М.—Л., 1949, стр. 32.

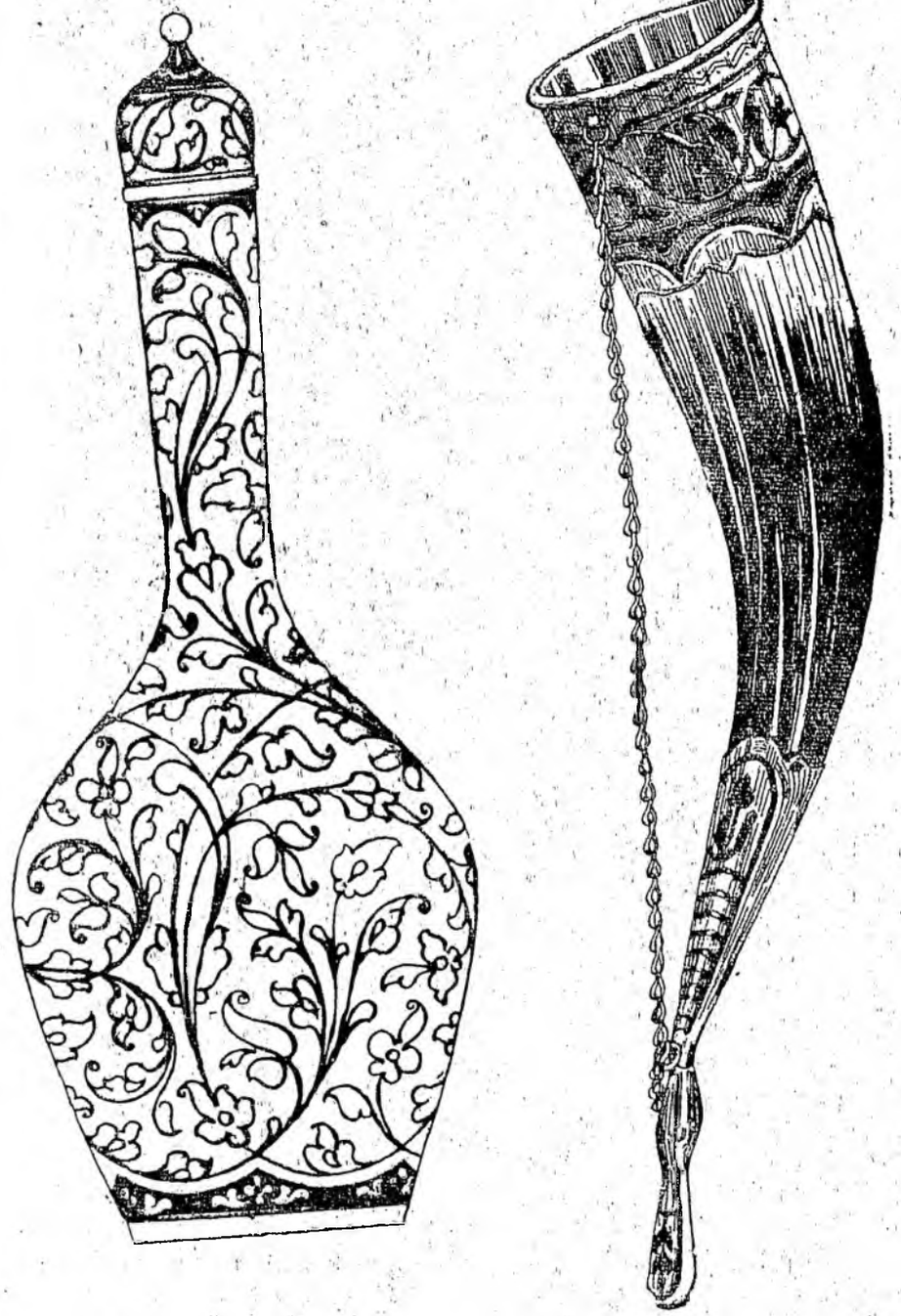

Рис. 19. Кувшин. Изготов. сел. Гоцатль.
Рис. 20. Рог. Изготов. сел. Гоцатль.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

ми выпуклинами, также найдены в Гунибском и Ахвахском районах».[146]

Зарождению и дальнейшему развитию местной металлообработки в Аварии, в основном, способствовало наличие на ее территории богатой сырьевой базы.

Из всех раскопанных средневековых памятников Аварии, как указывает Д. М. Атаев, наибольшее количество металлических предметов дает Бежтинский могильник. В нем встречаются сабли, мечи, палаши, наконечники, мотыги, дротики и стрелы, шлемы, кольца, браслеты, серьги, разнообразные подвески и бляхи, зеркала, головные булавки, фибулы и т. п.[147]

Среди указанного инвентаря для нас особый интерес представляют полусферические и овальные бляшки, которые украшали головной убор, одежду и обувь.[148]

Обилие, разнообразие, богатая орнаментировка этих изделий свидетельствуют о высоком вкусе мастеров на рубеже X в. н. э. на территории Аварии. Все это подтверждает мысль, что уже в средневековую эпоху в Аварии занимались чеканкой, резьбой, инкрустацией по металлу. Но технические приемы резьбы, чеканки того времени (как описывает Д. М. Атаев), намного отличались от тех, которые имели место в Аварии в XIX веке.

В дальнейшем с появлением серебряного дела, одновременно развиваются, обогащаются художественные и технические приемы украшения и орнаментальные мотивы. В металлообрабатывающем производстве начинает выделяться оружейное дело и художественная обработка металла.

В середине XIX века в силу определенных социально-экономических и исторических причин некоторые виды металлообработки достигают наивысшего совершенства, развиваются художественные, ювелирные производства, а также оружейное дело, связанное с оправкой оружия в серебро под чернь, в слоновую кость с золотыми инкрустациями.

Однако серебряное дело у аварцев не получило столь заметного промыслового характера, как у лакцев и даргинцев. Если в Кубачах и Казикумухе основу серебряного дела составляла оправка оружия, то у аварцев преобладало собственно ювелирное дело.

Наиболее крупными и популярными центрами производства ювелирных изделий на территории Аварии были селения Гоцатль Аварского округа, Чох, Согратль, Гамсутль, Куяда, Голотль, Кахиб, Урода, Гогатль Гунибского округа.

Те селения, где имелось много опытных квалифицированных ювелиров, получали солидные доходы от этого ремесла.

---

[146] Д. М. Атаев. Металлургия и металлообработка средневековой Аварии (по материалам Бежтинского могильника), Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2595, л. 3.

[147] Д. М. Атаев. Указ. соч., л. 18.

[148] Там же, л. 53.

Мастера-ювелиры и оружейники работали на заказ и на продажу. Сырье для ювелирных изделий они покупали на крупных базарах у торговцев, привозивших его из центральных городов России. Кроме того материал давали сами заказчики.

Мастера имели много различных рисунков: украшения (особенно женские) в каждом аварском селении были различны по форме и рисунку.

Кроме того, в каждом селении эти украшения имели свои характерные глубоко традиционные формы, различны были даже приемы выполнения изделий.

Техника выполнения ювелирных изделий у аварцев отличалась большим многообразием. Особенно практиковалась гравировка, чернь, зерно, инкрустация по дереву серебряной или медной проволокой, а также насечка золотом по металлу. Тем не менее, производство филигранных и эмалевых изделий широкого распространения у аварцев не получило. Филигранные и эмалевые предметы украшений они покупали у кубачинцев.

Процесс производства ювелирных изделий был весьма сложным.

Сначала литейным способом или при при помощи ковки делали формы желаемых предметов (кольца, браслеты, серьги, поясные пряжки, отдельные детали нагрудных украшений и т. п.). Для этой цели у каждого мастера в небольшом помещении находился горн — «гочра», где с помощью мехов «пул» и наковальни «раг» производилась ковка деталей. А для изготовления мелких предметов существовал специальный медный сосудик с узким горлышком, состоящий из двух половинок. По отдельности каждая половина сосуда заполнялась увлажненной специальной рассыпчатой черной землей. Затем в одну из них помещали тот предмет, форму которого желали получить. После чего половины соединялись друг с другом и оставлялись на несколько часов. После 3—4 часов половины сосуда разъединяли и аккуратно вынимали помещенный предмет, так, чтобы форма не ломалась и затем опять так же очень осторожно соединяли две половины сосуда.

От горлышка сосуда к песчаной формочке делался узкий проход, через который наливали расплавленный металл. Плавка металла производилась в специальном огнеупорном глиняном сосудике — «кьили хIутIул» с округлым днищем в 7—8 см и диаметром в 3—4 см. Огнеупорную глину для такого сосудика аварцы добывали у себя в горах. Нужное количество серебра или другого металла клали в «кьили хIутIул» и на наковальне доводили до плавки. Затем вливали в формочки. Через несколько часов желаемый предмет был готов.

В ювелирном деле в качестве инструментов использовались: лоток — «квалда», зубила — «лутI», «макутIу», тиски — «шатад», ножницы большие — «махкъутIув хIисулу», «циркуль паргов», металлическая пластинка с отверстиями разных размеров «царкIу» и другие разные резцы и штифты, а также инструменты для полировки (хертIеру, чIаран, сигьало).

В технике производства ювелирного дела, особенно при изготовлении различных деталей мужских и женских украшений, кроме литья, применялись ковка, спайка, сварка. После формовки изделия подвергались гравировке, чернению и т. п.

Чернь у аварцев является одним из основных декоративных приемов украшения серебряных изделий и изготовлялась из серебра, меди, свинца и серы.

Для приготовления одного килограмма черни было необходимо:

80 г серебра,
0,15 кг меди
0,5 кг свинца.

И все это обжигали с помощью 1,80 кг серы, в результате получалась масса, которая при остывании принимала черную окраску.

Прежде чем предмет подвергать чернению, сначала его полируют грубым напильником — «чаран», затем специальным инструментом для полировки — «сигъало».

После того как поверхность металла становится совершенно гладкой, на нее наносится определенный узор, затем по узору делаются выступы (гравировка) с помощью резца «лъутI».

Когда заканчивается гравировка, предмет подвергается чернению, т. е. на выгравированные места мастер при помощи пинцета накладывает равномерный слой раствора черни.

После чернения предметы опять полируют, в результате чего на металле получается узор. И последней операцией считается вторая полировка, после которой украшение считается готовым.

Не менее сложной обработкой в ювелирном деле является зернение металла. Этот прием украшения, который был довольно распространен у аварцев в XIX веке, был очень древним. В куядинском могильнике, относящемся к памятникам V—VII вв. н. э. (раскопки Д. М. Атаева) обнаружены две головные булавки с серебряными головками, конусовидные шляпки этих булавок украшены зернью и инкрустированы сердоликовой вставкой.[149]

Зернь — мелкие металлические шарики, служащие для узоров. Их делают следующим образом: режется серебро на мелкие кусочки разных размеров и кладется в маленький огнеупорный глиняный сосудик. Кусочки серебра обсыпают угольным порошком, затем сосудик ставится на горн и приводится в движение ручной мех, в результате чего получается мелкая, как дробь, зернь, которая припаивается на поверхность украшений.

Своеобразна технология насечки золотом.

Прежде всего металлическая заготовка подвергается полировке, затем на нее наносится рисунок, по которому делаются выступы с помощью зубила. Прямые линии-канальчики делали острым концом молотка, а более сложные рисунки с помощью

[149] Д. М. Атаев. Металлургия и металлообработка средневековой Аварии (по материалам Бежтинского могильника), рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2595, л. 60.

инструмента — «чIебо». Затем в эти канальчики и выступы забивали молоточком золотую проволоку. Резец в это время мастер держит во рту, чтобы в нужный момент использовать его.

Для изготовления проволоки из золота существовала специальная металлическая пластинка с отверстиями разной величины, с более крупными по диаметру и мелкими — «цIарку».

Мастер отрезает от золотой пластинки узкую полосу и выделывает из нее тонкую проволоку, протягивая золото через цIарку.

В XIX веке чеканка, гравировка, чернение, зернение, насечка золотом по металлу были широко распространены в ювелирном деле у аварцев.

Орнамент на ювелирных изделиях был главным образом растительный с геометризированными штрихами. Нередко на украшениях изображались всевозможные элементы фигур животных, птиц, звезд, полумесяца и т. п.

Причем в серебряных изделиях XIX века наблюдается преемственность орнамента более древних времен, это также отмечают Э. В. Кильчевская и А. С. Иванов: «Ранние образцы аварских серебряных украшений полностью повторяют формы бронзовых литых изделий: браслетов, серег, колец, подвесок. Преемственность отдельных форм, мотивов, приемов скульптурного решения этих украшений еще в большей степени, чем в кубачинских изделиях ощущается в наиболее старых образцах аварских серебряных украшений XIX века... и даже в образцах XX века...».[150]

Ассортимент ювелирно-художественных изделий был самым разнообразным: кинжалы, пояса (мужские, женские), браслеты, цепочки, кольца, персты, пряжки, головные булавки, головные кольца для «чухто» газыри, сбруи, мужские украшения, которые накидывали на плечи сверх черкески, женские народные украшения, головные украшения невесты, ожерелья, серьги и т. д. и т. п.

Мастера ювелиры, как было указано выше, предметы своего изготовления продавали на местных узловых базарах Аварии, а также работали на заказ, причем чаще всего материал принадлежал заказчику.

Обмен ювелирными изделиями и другими продуктами ремесла производился непосредственно между самими производителями в натуральной, а иногда в денежной форме или с участием скупщиков, торговцев.

Поэтому этот вид производства у аварцев еще в начале XIX века носил ремесленнический характер.

Наивысшей точки своего развития производство ювелирных изделий, и особенно оружия в Аварии, достигает в середине XIX века, особенно во время Кавказской войны.

[150] Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов. Художественные промыслы Дагестана, М., 1959, стр. 56.

Упадок оружейного производства здесь наблюдается с конца XIX века, когда усилился завоз готового оружия из России и когда оружие местного производства уже не стало находить себе сбыта. Заказы на оружие из года в год сокращались и в конце концов изготовление оружия на заказ почти прекратилось и потеряло характер специального ремесла.

А производство художественно-ювелирных изделий хотя не в такой мере, но все еще продолжало существовать и в XX в.

По сведениям окружного полицейского управления выручка кустарей в 1896 году в Гунибском округе составляла—85745 руб., а число кустарей — 1698 человек.[151]

В Кавказском календаре на 1893 год приводятся цифры о числе кустарей и ремесленников Аварского округа в 1891 году: некоторые понятия о сумме заработков местных кустарей и ремесленников можно составить себе по сведениям, составленным начальником Даргинского и Аварского округов, из коих видно, что кустарями Даргинского округа в 1891 году от продажи их изделий выручено около 26000 рублей. Заработки же кустарей и ремесленников аварского округа выражаются в следующих цифрах:

Кузнецов	104	заработано	4.771 руб.
Серебряников	24	»	2.962 »
Плотников	49	»	1.522 »
Медников	33	»	1.083 »
Каменщиков	61	»	1.429 »
Сапожников	57	»	617 »
Седельщиков	20	»	289 »
Валяльщиков	20	»	150 »
Шерстяных дел мастеров	85	»	790 »
Трубочников	55	»	412 »
Всего кустарей	488	выручено	13.989 рублей[152]

Вышеуказанные цифры свидетельствуют о том, что и в конце XIX века в Аварском округе ремесленники (особенно кузнецы и серебряники) от реализации своих товаров все еще имели значительные доходы.

В связи с прекращением производства оружия у аварцев, в начале XX века наблюдается упадок и ювелирного дела.

За годы Советской власти в связи с коренным изменением социальной жизни народов изменилась национальная одежда и украшения перестали быть неотъемлемой частью национальной одежды. Поэтому производство этих предметов заметно сократилось.

[151] Обзоры о состоянии Дагестанской области за 1896 год, Т.-Х.-Шура, 1897, стр. 20.

[152] Дагестанская область в 1891 году, Кавказский календарь на 1893 год, Тифлис, 1892, стр. 157.

Однако во многих селениях Аварии до сих пор изготовляется множество разнообразных подвесок, серег, колец, застежек, браслетов, заколок и т. п.

В настоящее время древнее ремесло своих предков по обработке серебра продолжают мастера Гоцатля Хунзахского района, где в 1958 году, на базе традиций аварских художественных промыслов была организована артель по производству ювелирных изделий, медно-чеканной посуды и ковров. Ассортимент изделий, их производство нынче совершенно иное. Сейчас горцы-ювелиры, наряду с изготовлением некоторых украшений делают подстаканники, рюмки, бокалы, сахарницы, конфетницы, пепельницы, роги для вина, специальные чайные, водочные и коньячные сервизы и различные другие предметы быта.

Сейчас в Гоцатлинском художественном комбинате имеется несколько цехов: ювелирный, литейный, медно-чеканный, монтировочный, полировочный, ковровый и т. д. Цехи хорошо оборудованы инвентарем, многие процессы труда механизированы. Если прежде весь процесс, начиная с формовки и кончая обработкой, выполнял один мастер, то теперь здесь внедрен бригадный метод работы: каждый рабочий делает одну свою операцию.

Средний заработок мастера ювелира 112—113 рублей в месяц.[153]

В комбинате можно встретить и пожилых опытных мастеров, которые еще до революции работали в этой области, и совсем молодых мастеров, которые перенимают опыт старших товарищей.

Гоцатлинский художественный комбинат находится во введении художественного управления при Совете Министров Дагестанской АССР. Комбинат получает заказы на производство тех или иных предметов и планы. Перевыполняя производственные планы, комбинат получает дополнительную прибыль, сверхплановые накопления, а рабочие — премиальные.

Своего рода соединение обработки металла с обработкой дерева является промысел в сел. Унцукуль, где изготовляют из кизилового дерева оригинальные палки, трости, с тончайшей серебряной и медной насечкой.

Селение Унцукуль издавна славится мастерами по обработке дерева, хотя упоминание о них встречаются лишь с XIX века.

Унцукульцы, стесненные малоземельем, вынуждены были искать дополнительные источники существования. Если они до XIX века ограничивались лишь изготовлением мелких трубок для удовлетворения собственных потребностей, то в середине XIX века ассортимент их производства значительно увеличился, они стали делать из дерева (кизила) и отчасти рога трости, палки, ручки для зонтиков, хлысты, подсвечники, бокалы, чернильные приборы и другие письменные принадлежности, украшения для письменного стола с инкрустацией из серебряной и медной проволоки, а также различные изделия с инкрустацией из стали, слоновой кости, перламутра.

[153] Полевой материал лета 1961 года.

Свои изделия унцукульцы продавали в основном в курортных городах России и даже за границей.

В конце XIX — начале XX века унцукульцы своим ремеслом завоевали мировую славу. Об этом свидетельствуют некоторые данные Е. И. Козубского, который пишет, что «Вещи работы унцукульцев известны далеко за пределами области; унцукульцы проникали и за границу; на последней парижской всемирной выставке они продали своих изделий тысяч на 30; в 2—3 городах Франции и Англии возникли в последнее время даже склады их изделий и мастерская. Число мастеров в Унцукуле считается до 500 человек».[154]

К этому времени унцукульцы стали получать большие заказы от заграничных фирм, как видно из «Обзора Дагестанской области» за 1911 год, некоторые унцукульцы даже проживали заграницей для торговли своими изделиями.[155]

Разумеется, такого высокого мастерства унцукульцы не могли бы достигнуть, если бы они не занимались этим ремеслом с давних времен.

Возможно оно возникло и позже, но уже на базе ранее существовавшего серебряного дела. Как уверяют и сами унцукульцы, прежде они занимались изготовлением оружия с серебряной насечкой по железу и рогу. К тому же, совершенно правильно полагают З. В. Кильчевская и А. С. Иванов, которые пишут, что «широкая распространенность серебряной насечки по железу, кости, рогу и другим материалам в древнем Кубачинском и Казикумухском оружейных промыслах позволяет думать о более давних традициях унцукульского искусства насечки по дереву».[156]

Техника выполнения насечки по дереву почти не отличается от описанной нами выше техники насечки (инкрустации) золотом по металлу, кости, рогу и др. Там берется полированный металл, кость, рог, а здесь — полированный деревянный предмет. Узор насечки строится из линий, штрихов, точек и других разнообразных геометрических мотивов. Технические приемы унцукульской насечки весьма остроумны и смелы, а сами декоративные предметы выглядят очень просто, лаконично, в то же время несравненно красиво.

Своим ремеслом унцукульцы занимаются и в настоящее время. В селении Унцукуль имеется художественная фабрика по обработке дерева с несколькими цехами (отделочный, шлифовочный,

[154] Е. И. Козубский. Дагестанский сборник, вып. II, Темир-Хан-Шура, 1904, стр. 71.

[155] Обзор Дагестанской области за 1911 год, Темир-Хан-Шура, 1912, стр. 25—26.

[156] З. В. Кильческая, А. С. Иванов. Художественные промыслы Дагестана, М., 1959, стр. 67—68.

насечный и полировочный, которая находится также во введении художественного управления при Совете Министров ДАССР. Помимо тростей и палок, на фабрике изготовляют портсигары, трубки, мундштуки, чернильницы, ручки, стаканы для карандашей и т. д.

Здесь наряду со старыми опытными мастерами, как Юсупов Магомед, Кебедов Магомед, Ибрагимов Магомед, Махачев Казимагомед и другими, работают молодые, талантливые мастера-комсомольцы.

Свои изделия фабрика отправляет в различные города Советского Союза. Значительная часть изделий идет на экспорт.

7. ОТХОДНИЧЕСТВО, ТОРГОВЛЯ И ТРАНСПОРТ

Отсутствие достаточного количества земли, кормовой базы, домашний характер некоторых видов промысел не обеспечивали трудящимся массам Аварии прожиточного минимума. Большое число безземельных крестьян уходило в отходничество и батрачество. Многие из них выезжали за пределы Дагестана в Азербайджан и Грузию. Здесь они нанимались в хозяйстве помещиков, кулаков и предпринимателей. Условия жизни отходников и батраков были очень тяжелыми.

В 1913—1915 гг. количество отходников по Аварскому округу составило 3286 человек, по Андийскому — 9375, по Гунибскому — 15963.[157]

Эти цифры свидетельствуют о том, что отходничество становится судьбой многих тысяч безземельных и безовечных аварских крестьян.

Характеризуя экономическое положение крестьянства, Х.-М. О. Хашаев пишет: «Основным фактором, вызывавшим отходничество, было малоземелье. В Гунибском и Самурском округах в среднем на душу населения приходилось: в первом — 5,3, а во втором — 7,8 головы скота, несмотря на это больше всего отходников приходится на долю именно этих двух округов, так как в обоих округах не хватало земли. Более 70% населения этих округов вовсе не имело овец и коз (они были сосредоточены в руках кулаков-овцеводов)».[158]

С ростом населения и сосредоточением земель в руках отдельных скотовладельцев положение трудовых масс еще более ухудшилось. Это увеличивало с каждым годом число отходников. По сведениям начальника области (отчет за 1891 г.) половина способного к труду населения Дагестана ежегодно отправлялись на заработки, причем уплатив паспортный налог около 20 тысяч рублей, они возвращались на родину, большею частью истощенные чрезвычайным трудом, малярией и плохими условиями жизни.[159]

Отходники поддерживали тесную связь со своими семьями. Часть из них, становясь кадровыми рабочими, оставалась в городах на постоянное жительство, другие с окончанием сезона работ возвращались к себе домой, приносили с собой навыки городской культурной жизни и поэтому пользовались у народа особым уважением.

Благодаря отходничеству в города (Темир-Хан-Шуру, Петровск, Баку, Грозный), в быт и хозяйство аварцев проникали фабричные ткани, чай, сахар, стекло, лампы, самовары, посуда, заводские орудия труда — косы, серпы и т. д.

В экономической жизни аварцев значительную роль играли торговля и транспорт.

На местных аварских рынках в конце XIX века происходила оживленная торговля и обмен. Сравнительно большими внутренними рынками в Аварии были базары в Хунзахе, Гунибе, Чохе, Согратле, Короде, Унцукуле, Гоцатле, Ботлихе, Анди, Агвали, Кулецме, В. Дженгутае, Дылыме и др. Андийцы и дидойцы, имея свои рынки, тесно были связаны с торговой жизнью всей Аварии. У предгорных аварцев крупным рынком считался Кулецминский. Сюда приезжали с товарами и продуктами из различных мест из Урмы, Левашей, Дуранги, Апши, Кадара, Дженгутая, Охли, Ахкента, Гергебиля, Кикуни, Кутиша и др. С гор крестьяне привозили скот, масло, фрукты, голый ячмень (магъар), из Кадара — груши; из Урмы — ковры, из Кутиша — паласы, из Балхара — ножи, гвозди, подковы, посуду, из Казикумуха — медную посуду и т. д.

Важным в отношении связи горцев с Чечней служил рынок сел. Дылым. Дылымцы имели оживленные экономические связи с чеченцами и кумыками. В Дылыме производились ковры, бурки, кожевенные изделия. Из Чечни, Ногая и Кизляра доставляли сюда быков, а из Кабарды — скакунов. Из садоводческих аварских аулов Гергебиль, Араканы, Унцукуль, Ашильта и др. — в Дылым доставляли фрукты.[160]

В центральной Аварии крупным рынком считался рынок в Хунзахе. Хунзах по своей величине и количеству населения приравнивался к городу. В 3-х километрах от селения, в местности Арани, были сосредоточены торговые лавки, склады и крупный базар. Хунзахский рынок обслуживал почти весь аварский округ. Он отличался от других аварских рынков большими оборотами. «Оборот этого базара простирается в год до 60000 рублей; в Гунибском округе: в ук. Гунибе, Караде и в сел. Чох и Согратле оборот всех базаров доходит от 45 до 50 тысяч рублей в год».[161]

---

157 Х.-М. О. Хашаев. Указ. работа, стр. 80.
158 Там же.
159 Земельно-экономическое положение туземцев и казаков на Северном Кавказе, В., 1909, стр. 17.
160 Полевой материал. Собран на месте, летом 1962 г.
161 Обзор Дагестанской области за 1897 год, стр. 39.

Хунзахский рынок несомненно сыграл значительную роль в сближении аваро-андоцезских этнических групп. На еженедельные базары сюда стекалось много людей с разных сторон Аварии: торговцев посредников крестьян. Здесь можно было встретить представителей разных групп горского общества — чабанов, хлебопашцев, барановодов, купцов, ремесленников. Богатые купцы имели в Хунзахе свои лавки, магазины с промышленными и бакалейными товарами. Здесь же были мастерские ремесленников, ювелиров, сапожников, кожевенников и др.

В каждом сколько-нибудь значительном селении существовал местный торговец (базарган), скупщик, который скупал у односельчан продукты сельского хозяйства, изделия ремесла и перепродавал их в городах. Некоторые торговые люди из Аварии ездили в Азербайджан и Грузию. Из Кубы, Шемахи, Закатал привозились ткани, шерстяные и шелковые платки для продажи на местных рынках. Чохские, согратлинские и хунзахские базарганы на городские рынки вывозили сельскохозяйственную продукцию. Торговцы из Анди, Агвали «со своей продукцией (мед, воск, шерсть, мясо) ходили торговать в Грузию и на Северный Кавказ».[162]

Население аварских районов постоянно нуждалось в обмене животноводческих продуктов на полеводческие, и особенно, на хлеб. Оно не могло жить без обмена и торговли.

Население гор всегда нуждалось в обмене. В самые лучшие урожайные годы своего хлеба у аварцев хватало на 6 месяцев. Недостающий в хозяйстве хлеб аварцы приобретали на стороне за деньги или в обмен на продукты скотоводства и садоводства. «При следовании в Аварию и обратно мы встречали навьюченных ослов с покупным хлебом из Мехтулинского владения, подвластного Шамхалу, также и с солью, коей вовсе нет в Аварии».[163]

Хлеб приобретался на плоскости, в Грузии, Азербайджане, а также в Терской области, и главным образом в Чечне, которая была житницей для населения Дагестана. В значительных размерах хлеб доставлялся из города Астрахань. Кроме того часть населения, находившаяся за пределами области на отхожих промыслах и на кочевке с овцами, продовольствовалась вне своей родины.[164]

Особенно ограничены были продовольственные возможности в Гунибском и Андийском округах. Здесь своего хлеба хватало не более чем на 4 месяца.[165]

Значительное количество хлеба аварские крестьяне приобретали на кумыкской плоскости. Часто вывозили хлеб из Эндери, Н. Дженгутая, Темир-Хан-Шуры. Сюда к кумыкам шли основные пути экономического и культурного сношения аварцев. Другим путем через Тляратинский район, высокогорные аварцы были связаны с Азербайджаном и Грузией. «Кумыкская равнина издавна служила поставщиком зерна для многих районов Дагестана. Аварцы, даргинцы, лакцы привозили в Кумыкию изделия своих ремесел: сукно, бурки, холодное оружие, гончарную и деревянную утварь и т. д., а также продукты животноводства и обменивали их на кумыкский хлеб».[166]

Немаловажную роль в экономике аварцев играл город Темир-Хан-Шура. Сюда на рынок приезжали аварские крестьяне с продуктами сельского хозяйства, животноводства и ремесленники со своими изделиями. На вырученные деньги они приобретали необходимые предметы быта: мебель, чайники, самовары, мануфактуру, одежду, керосин, спички, соль, зерно и т. д.

Хозяйство аварских крестьян, несмотря на проникновение сюда товаро-денежных отношений, продолжало до известной степени носить натуральный характер.

Процессу сближения народностей аварской группы способствовало и вызванное оживлением торгово-экономических связей, строительство дорог, связавших эти народности между собой.

«В середине XIX века были созданы дороги Темир-Хан-Шура—Леваши—Дженгутай, Кутиша—Карадах—Гуниб—Хунзах — Голотль—Гидатль, а также Темир-Хан-Шура—Ботлих и др., связавшие как аварские селения между собой, так и с городами Дагестана».[167]

Со строительством шоссейных дорог в Аварии и открытием в 1893 году Петровской железнодорожной ветки Темир-Хан-Шура становится перевалочным пунктом.

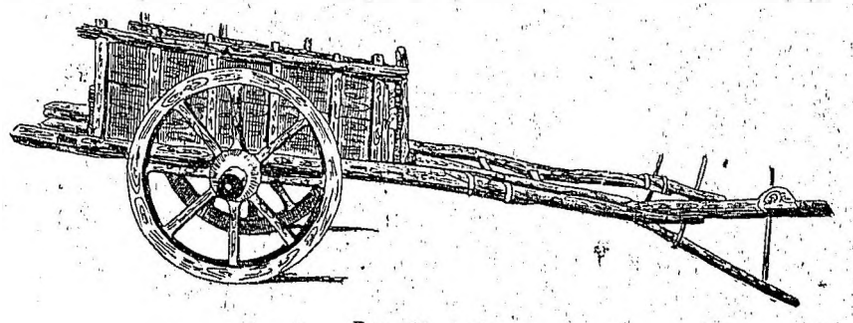

Рис. 21. Арба.

Средствами передвижения у аварцев служили арбы разной величины и размеров, местами горские сани. Транспортными животными являлись волы, лошади, ослы.

---

[162] Р. Ф. Розен. Описание Чечни и Дагестана. 1830, «Сб. истории, географии и этнографии», стр. 291.
[163] Ф. П. Скалон. Сведения об аварском ханстве. Сб. «История, география и этнография», стр. 277.
[164] Обзор Дагестанской области за 1905 г., Темир-Хан-Шура, 1907, стр. 19.
[165] Кавказский календарь на 1886 г., стр. 202.
[166] С. Ш. Гаджиева. «Материальная культура кумыков XIX— XX вв.», Махачкала, 1960, стр. 17.
[167] З. А. Никольская. К вопросу о формировании аварской социалистической нации (материалы сессии по истории Дагестана), М., 1954, стр. 3.

В зависимости от дорог арбы были больших или малых размеров. Все арбы были двухколесные без железного обода. Со второй половины XIX века стали появляться арбные колеса с железными ободками. Двухколесная арба состоит из трех основных частей: кузова, оси, с колесами и ярма. Основной частью является трехугольный остов, который посредством дышел связан с ярмом. Для высокогорной части Аварии (Анди, Бежта, Тлярота) и особенно в зимних условиях одним из основных средств перевозки являлись сани и волокуши, в которые впрягали как и в арбу, быков.

Сани имеют простую конструкцию. Основанием их служат два деревянных полоза, заравненных снизу, а впереди имеющих выгиб кверху. Они соединены вертикальными стойками. Поверх остова устраивается настил из жердей. Сани-волокуши использовали в горах для перевозки хлеба, топлива, строительного материала и т. д.

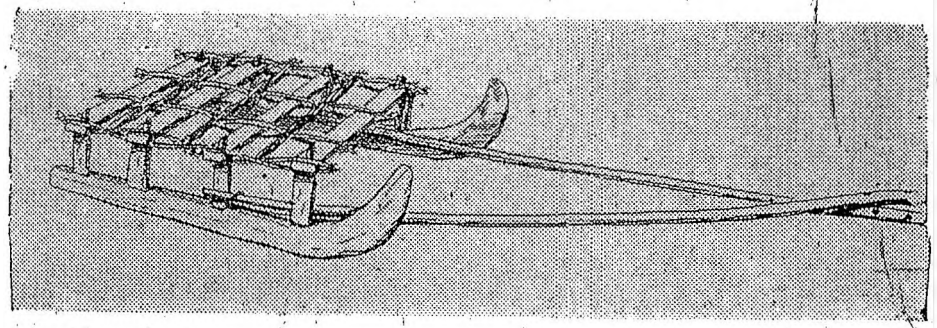

Рис. 22. Сани.

Были специальные сани-волокуши для перевозки камней, земли, навоза, золы и т. д. В сани-волокуши, служащие для перевозки мякины, соломы, ставятся плетеные корзины. В горах встречаются небольших размеров арбы, в которые впрягали ослов.

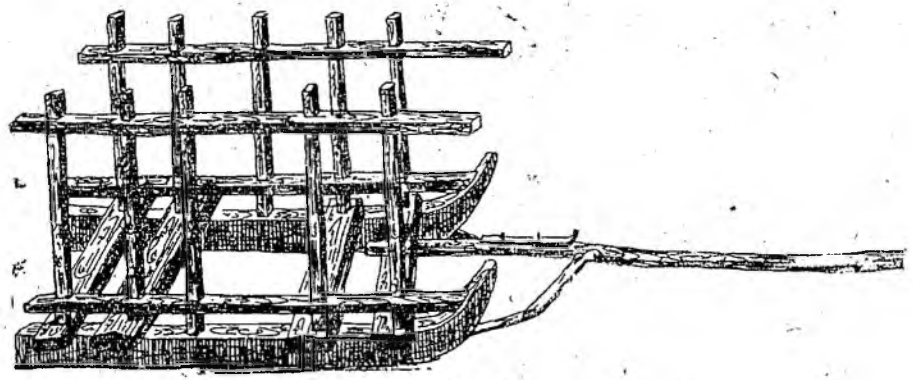

Рис. 23. Сани.

В условиях высокогорной Аварии, особенно в андийских и дидойских районах, где мало удобных дорог, транспортными средствами служили лошади и ослы. Лошади предназначались, главным образом, для верховой езды и перевозки вьюков. В хозяйстве имелись различные вьючные седла как для лошадей, так и ослов, переметные сумы для грузов и т. д. В отдаленные от экономических центров аулы во вьюках доставлялись хлеб, керосин, соль и другие предметы первой необходимости.

К лошадям аварцы относились исключительно заботливо. С ними были связаны некоторые народные игры и развлечения, скачки и джигитовки.

В зимний период некоторые высокогорные аулы становились труднодоступными, а перевалы непроходимыми, дороги заносились снегом, происходили частые обвалы. Связь между некоторыми селениями в зимних условиях и весной, во время разлива рек, нарушалась, а зачастую вовсе прекращалась на значительный период. Бурные потоки рек смывали дороги, разрушали мосты. Только летом высокогорные селения регулярно могли общаться между собой.

Коренные изменения в жизни народов Дагестана, в том числе аварцев, произошли за годы Советской власти. Советская власть, утвердившаяся в нашей стране в результате победы Октябрьской революции, освободила народы Дагестана от векового гнета, навсегда избавила крестьян от помещичьей и кулацкой зависимости. Начался процесс перестройки хозяйства, быта и культуры народов Дагестана.

С первых дней Советской власти были приняты меры для восстановления народного хозяйства республики. «В 1922 г. были совершенно освобождены от налогов хозяйства горных округов, имевшие менее одной четверти десятины, менее двух голов рогатого скота или менее двенадцати голов мелкого рогатого скота. Это решение распространялось на Аварский, Гунибский, Андийский, Казикумухский и Самурский округа. Крестьяне, внедрившие передовые методы ведения сельского хозяйства и увеличивавшие посевные площади, пользовались льготами. Все это создавало материальную заинтересованность крестьян и способствовало быстрому подъему сельского хозяйства».[168]

Трудовые крестьянские массы впервые из рук Советской власти получили землю. Малоземельным аулам было передано около полумиллиона гектаров помещичьих земель, налажена агрономическая служба и восстановлены зимние пастбища на плоскости. Советское государство оказывало крестьянству значительную помощь кредитами, семенами. Начались создаваться сельскохозяйственные кооперативы. Уже к 1924 году в республике было 129 сельскохозяйственных кооперативов, которые охватили 30 тысяч членов.[169]

---

[168] А. Д. Даниялов. Советский Дагестан, М., 1960, стр. 90.
[169] А. Д. Даниялов. Советский Дагестан, М., 1960, стр. 93.

В последующие годы были созданы крестьянские комитеты, ликвидированы остатки феодальных отношений в землепользовании.

С 1929 года колхозное движение развернулось вначале в плоскостных районах, а затем в горных. В 1930 г. 17% крестьянских хозяйств было объединено в 534 колхоза. Коллективизация проходила в обстановке ожесточенной классовой борьбы с кулачеством.

К 1940 году коллективизация была завершена. Победа колхозного строя открыла перед горцами Дагестана путь к зажиточной и культурной жизни.

Колхозный строй приобщил аварских крестьян к коллективным формам социалистического труда, к новой технике. В аварских районах были созданы сотни колхозов с передовой техникой. Наиболее передовыми в Аварии являются колхоз им. Хизроева сел. Хунзах, колхоз им. М. Омарова-Чохского сел. Чох, колхоз им. К. Маркса сел. Батлаич, колхоз «Согратль» сел. Согратль, колхоз им. Орджоникидзе с. Гергебиль, «Искра» сел. Гегатль, колхоз «Коммунизм» сел. Анчих, колхоз им. Дзержинского сел. Кикуни; переселенческий колхоз «Заветы Ильича» сел. Сивух, колхоз им. Дмитрова сел. Новое Мехельта и др.

Наряду с животноводством широкое развитие в аварских колхозах получили земледелие и садоводство, а на базе последнего и консервная промышленность. Не только крупные колхозы центральных районов Аварии, но и самые мелкие, расположенные далеко в горах артели, которые ранее почти не занимались земледелием, имеют свои посевные площади и сады. Многие из них развивают полеводство и садоводство на закрепленных за ними прикутанных землях на плоскости.

Из отдаленных, малоземельных горных аулов многие аварцы переселились на плоскость, освоили целину и создали многоотраслевые хозяйства.

Значительные изменения в развитии всех отраслей колхозного производства в Аварии произошли после 1953 г. В этом огромную роль сыграли решения сентябрьского и последующих Пленумов ЦК КПСС, XX, XXI и XXII съездов партии, обеспечившие значительный подъем социалистического сельского хозяйства. Ныне одинаково интенсивно развиваются в аварских колхозах полеводство, садоводство, животноводство. Многоотраслевое хозяйство не исключает специализации отдельных колхозов. Во многих горных аварских колхозах по-прежнему преобладает животноводство, в горно-долинных — садоводство.

Каждый аул, как правило, образует колхоз. Но на территории Аварии, как и во многих районах республики, имеются колхозы, которые объединяют несколько сел и хуторов. Так, например, колхоз им. М. Омарова-Чохского объединяет три селения Чох, Гамсутль, Коммуну. В этом случае каждое село составляет бригаду. Основной формой организации колхозного труда является постоянная производственная бригада. Бригады состоят из отдельных звеньев. Звенья строятся с учетом специализации колхозников. Из молодежи во многих колхозах созданы комсомольские звенья. За каждой бригадой и звеном закреплены определенные участки посевных площадей, садов. В бригадах существует разделение труда. Работы, требующие применения большой физической силы (пахота, сев, боронование и другие виды работ), техники, выполняют мужчины. Женский труд большей частью применяется на прополке, окучивании картофеля, ломке кукурузы, в уходе за овоще-бахчевыми культурами, уборке фруктов, очистке зерна и т. д. Нередко в период массовых работ вместе с колхозниками выходят в поле и члены их семей — служащие, старики, школьники. Широко развито в колхозах между бригадами и звеньями трудовое соревнование.

Ряд лет колхозы Гунибского сельскохозяйственного управления соревнуются с грузинскими колхозами Душетии, а бригада известного кукурузовода Азима Бадуева из колхоза «Искра» сел. Гагатль соревнуется с кукурузоводами Чечено-Ингушетии. Колхозники борются за повышение производительности труда и снижение себестоимости продукции. Основная часть земли в предгорных и горно-долинных колхозах Аварии под зерновыми и садами. Остальная площадь используется для выращивания технических, бобовых, овоще-бахчевых культур и картофеля. В высокогорных аварских колхозах пахотных земель мало. Большая часть земли здесь используется под луга и пастбища.

Сейчас колхозы имеют свою сельскохозяйственную технику: тракторы, комбайны, сеялки, плуги и т. д., только в некоторых горных колхозах, где невозможно использовать современные сельскохозяйственные машины, применяются старинные пахотные орудия — пуруц, молотильные доски — лулби и другие орудия ручного труда. До начала весенней пахоты в колхозах заканчивают ремонт сельскохозяйственных машин и орудий. Колхозы организованно приступают к пахоте и севу. По народной традиции в некоторых аварских колхозах проводят праздник «первой борозды» (оцбай). Этот древний земледельческий праздник в наше время получил новое осмысление. Он стал праздником весенней пахоты колхозных полей. Из обрядовой стороны праздника отпали религиозно-магические представления. Праздник проводится организованно. Руководит проведением его правление колхоза, партийная и комсомольская организации. Первую борозду, даже при наличии трактора и плуга, проводят сохой. Право проведения первой борозды получает лучший колхозник. Во время праздника организуются спортивные состязания и коллективный обед. Правление колхоза в честь весеннего праздника выдает лучшим колхозникам подарки, путевки на курорт и т. д.

Появились и новые трудовые сельскохозяйственные праздники. Это «праздник уборки урожая», «день чабана», «день доярок».

После проведения весеннего праздника колхозы организованно приступают к пахоте и севу. В отличие от прошлого, основные массивы колхозных земель орошаются, несколько раз в течение

года удобряются минеральными удобрениями, пропалываются и боронуются. За посевами устанавливается постоянный уход.

Самым напряженным для работников полеводства бывает пероид уборки колосовых. Уборку зерновых колхозники стараются провести в сжатые сроки. Задолго до начала сбора урожая заканчивают ремонт уборочных машин и орудий, оборудуются и механизируются зерноочистительные и молотильные тока.

Наряду с выращиванием зерновых в аварских колхозах получило дальнейшее развитие садоводство. Площади под садами увеличены не только по долине Аварского и Андийского Койсу (Гимры, Игали, Ашильта, Унцукуль, Араканы, Инхо, Ботлих, Муни, Гергебиль и др.), но продвинулись далеко в пределы высокогорных районов. Появились сады там, где их вовсе до коллективизации не было. Так, например, более 100 гектаров садов появилось в Чохе. За последние годы очень много террасовых садов заложено по склонам гор Аварии. Ныне только в одном аварском, преимущественно садоводческом, колхозе им. Орджоникидзе сел. Гергебиль насчитывается более 300 гектаров садов. Ежегодно, как и по всей республике, здесь проводится месячник сада. В колхозах и на приусадебных участках колхозников ежегодно закладываются тысячи фруктовых деревьев. Садоводство в Аварии, как и во всей республике, является одной из наиболее доходных отраслей сельского хозяйства.

Важной отраслью, а для некоторых аварских колхозов ведущей, является животноводство, в частности, овцеводство. В колхозах созданы животноводческие фермы крупного рогатого скота (МТФ), овцетоварные (ОТФ) и др. В последние годы как в земледелии, так и в животноводстве произошел коренной перелом. Значительно возросло поголовье скота и повысилась его продуктивность. Для рационального ведения и дальнейшего развития животноводческого хозяйства в колхозах построены стандартные коровники, телятники, кошары для мелкого рогатого скота. Организовано рациональное кормление скота и правильный уход за ними. Трудоемкие работы на фермах механизированы. Во многих колхозах доение коров производится с помощью доильных аппаратов. Пастухи, чабаны, доярки имеют большой опыт ведения животноводческого хозяйства.

По-прежнему в животноводстве у аварцев особое место занимает овцеводство. Резко изменился отгонный характер овцеводства. За аварскими колхозами закреплены постоянные кутаны (зимние пастбища). С весны до осени овец держат на горных пастбищах и лугах. Осенью скот перегоняют на зимние пастбища, находящиеся на низменности. На зимних пастбищах колхозами созданы подсобные хозяйства. Здесь имеются жилые дома, школы, библиотеки, животноводческие и овцеводческие фермы. На зимних кутанах освоены значительные участки земли под посевы зерновых, овощей, кормов, под сады и виноградники. Это помогло и горным колхозам решить зерновую проблему, обеспечить фруктами, овощами, скот кормами. Прикутанные хозяйства

имеют большинство горных колхозов. По-прежнему в животноводстве преобладает мужской труд. Подавляющее большинство чабанов с большим стажем. Помимо большого практического опыта чабаны ныне имеют зоотехнические знания. За каждым чабаном закреплено определенное количество овец. Функции бригадира выполняет старший чабан, назначенный правлением колхоза. Непосредственную зоотехническую помощь чабаны получают от колхозных зоотехников. Труд чабанов высоко ценится и хорошо оплачивается.

В колхозах Аварии проведена значительная работа по увеличению поголовья овец и повышению продуктивности. В колхозах сел. Чох ученые в содружестве с колхозниками вывели новую породу овец «Дагестанская горная», которая обладает шерстью повышенного качества и отличается увеличенным весом. Высокопродуктивная порода овец «Дагестанская горная» ныне стала преобладающей во многих колхозах республики и за ее пределами.

Колхозы Аварии сдают государству много мяса и шерсти. Средний настриг шерсти от одной овцы в передовых колхозах составляет 3,4—4 кг. Тяжелый в прошлом труд чабанов—стрижка овец производится электростригальными машинами. В последние годы с целью сокращения возможных при перегоне потерь, организована транспортировка овец на зимние пастбища и обратно по железной дороге.

Однако сейчас в животноводстве трудится немало женщин, в основном скотницы и доярки. Труд доярок как и чабанов на селе очень почетен. В колхозах Аварии из года в год увеличивается поголовье скота, повышается его продуктивность. Большую роль в этом играет правильно поставленная зоотехническая и ветеринарная служба, научное ведение хозяйства. Если до 1953 года от одной фуражной коровы колхозы в среднем получали не более 700 литров молока, то ныне передовые доярки получают от закрепленных за ними коров по 3000 и более литров. Большим облегчением в работе доярок является применение доильных агрегатов, особенно типа «елочка». Ежегодно увеличивают колхозы продажу государству мяса, шерсти, молока, сыра, масла и т. д. Совершенно новой отраслью животноводческого хозяйства аварцев является свиноводство. Не только до революции, но и сравнительно недавно аварцы по религиозным убеждениям вовсе не разводили свиней. Лишь только в последние годы передовые колхозы, и особенно переселенческие, стали создавать свинотоварные фермы. Сравнительно молодой отраслью колхозного производства является птицеводство. Выросли кадры птицеводов. Как правило, ими являются женщины. Большое количество птицы — кур, гусей, уток находится в личной собственности колхозников.

Во всех отраслях сельского хозяйства Аварии работают местные кадры: агрономов, ветврачей, зоотехников. Ряд колхозов Аварии превращен в образцовые хозяйства. Ведется постоянная

подготовка мастеров колхозного производства, которая осуществляется в специальных сельскохозяйственных школах и непосредственно на полях передовых колхозов республики — в Буйнакске, Хунзахе, Хасавюрте, Андрей-ауле и др. В Хунзахской школе животноводов готовятся кадры для всех районов Аварии. Большое число колхозников повышает свою квалификацию на агрономических, зоотехнических курсах и в кружках конкретной экономики.

С ростом колхозного производства произошли коренные изменения в народно-прикладном искусстве аварцев. Вместо прежней кустарной обработки шерсти, изготовления изделий из металла, дерева в Аварии создано бурочное производство (Анди, Рахата, и др.), Гоцатлинский художественный комбинат, Унцукульская деревообделочная фабрика. Усовершенствовалась техника производства, механизированы отдельные процессы труда, народное искусство обогатилось новыми орнаментами и сюжетами. Артели и фабрики высоко оплачивают труд народных мастеров. Повышается жизненное благосостояние колхозников. Неузнаваемо изменилась жизнь, быт и культура аварского народа. Зажиточно живет колхозное крестьянство Аварии. С каждым годом растет колхозное богатство, а вместе с ним и доходы колхозников. Колхозный строй обеспечивает колхозников не только во время их производственной деятельности, но и в случае потери трудоспособности и наступления старости. Для этой цели в каждом колхозе из общих фондов ежегодно отчисляются необходимые средства. Из фонда помощи выплачиваются средства инвалидам, старикам, колхозникам, временно потерявшим трудоспособность, нуждающимся семьям, семьям воинов Советской Армии, сиротам и т. д. Стало правилом, когда колхозы выплачивают пенсии по старости и нетрудоспособности. В колхозах практикуется направление членов артелей, нуждающихся в лечении и отдыхе, в санатории и дома отдыха. Правления колхозов проявляют заботу о матерях-колхозницах, оплачивают отпуска по беременности. Для детей колхозников организованы детские сады и ясли. Роль колхоза во всех сферах жизни и быта колхозников непрерывно возрастает. Колхозное крестьянство Аварии, как и всего Дагестана, на заботу Советского правительства и Коммунистической партии отвечает упорным трудом для претворения в жизнь исторических решений XXII съезда и Пленумов ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства — создать обилие сельскохозяйственной продукции в стране.

Изучая хозяйственную деятельность аварцев в прошлом и отмечая те коренные изменения, которые произошли в жизни народа за годы Советской власти, можно сделать некоторые выводы. Хозяйственная деятельность аварцев показывает, что они являются древним земледельческо-скотоводческим населением края. Об этом говорят не только данные археологии и истории, но и материалы этнографии. Наличие в Аварии эндемичных злаковых культур, террасирование полей и садов, своеобразные сельскохозяйственные орудия, эмпирические навыки труда, земледельческие обычаи и обряды, связанные с весенней вспашкой поля, вызовом дождя при засухе и др., основываются на элементах материальной и духовной культуры, возникшей и развивавшейся на местной почве. Разнообразные горные пахотные орудия аварцев (пуруц) оригинальны по своей конструкции и в то же время очень близки к сельскохозяйственным орудиям не только кавказских народностей, но и народов древних земледельческих стран Передней Азии и Востока.

Весенний праздник первой борозды (оцбай), как и у древних земледельцев, является новогодним праздником горцев Дагестана. Рассматривая социальные отношения и землепользование в Аварии в XIX — начале XX вв., можно говорить о преобладании здесь феодальных отношений, о своеобразных формах собственности и эксплуатации. В отдельных обществах Аварии, где феодальные отношения были завуалированы родовыми пережитками, сохранялся общинный характер пользования лесными пастбищами, лугами, лесами. Повсеместно пахотная земля, сад являлись частной собственностью отдельных семей. Лишь в редких исключениях в общинном пользовании сохранялись отдельные участки сельских пахотных земель. Основная земля, значительное поголовье крупного и мелкого скота, пастбища находились в собственности ханов и беков, а с присоединением Аварии к России оказались в руках помещиков, кулаков, духовенства и царских чиновников. Большая часть крестьян была безземельной и бесскотной. Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции трудовые массы аварцев находились в нужде и нищите.

Коренные изменения в жизни аварцев произошли в результате Октябрьской революции и победы колхозного строя. Колхозный строй вывел трудящихся аварцев на широкий путь экономического возрождения, обеспечил им зажиточную и культурную жизнь. Многие аварские колхозы стали многоотраслевыми хозяйствами. С развитым земледелием, садоводством, скотоводством горные колхозы, которые в прошлом ощущали недостаток пахотных земель, получили ее на закрепленных за ними кутанах, обеспечили себя хлебом и кормами. Многие крестьяне переселились с гор на плоскость и, продолжая заниматься животноводством, стали также замечательными полеводами и садоводами. В аварских колхозах появились и такие новые отрасли хозяйства, как свиноводство и птицеводство. Многие процессы труда в колхозах механизированы. Из среды аварских крестьян выросли высококвалифицированные кадры по всем отраслям сельского хозяйства.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОСЕЛЕНИЯ

1. РАССЕЛЕНИЕ

Разнообразные естественно-географические условия Аварии наложили определенный отпечаток на материальную культуру в целом и на характер поселений и жилищ в частности.

Характер расселения до некоторой степени различается по зонам. В высокогорной части Аварии селения, в основном, расположены в ущельях и долинах рек. Суровый климат, обрывистые склоны гор и большая пересеченность местности затрудняет заселение в верхних широтах. Поселения располагаются на боковых склонах ущелий, где возможно заниматься террасным земледелием, на определенной высоте от рек, но никогда не забираются на вершину горы или хребта. Вследствие природных особенностей местности эти села, расположенные на склонах ущелий, становятся чрезвычайно труднодоступными. Сообщение между селениями происходит по узкой извилистой тропинке над пропастью, которая местами переходит в природную лестницу, выбитую в скале, а местами это просто бревна, от одного уступа скалы к другому, на которые положены сланцевые плиты. Зимой часто сообщение прекращается из-за снегов и обвалов.

На труднодоступность высокогорных аулов Аварии указывают как путешественники и исследователи XIX века,[1] так и ранние источники.

Так, например, высказывания Масуди, автора X века о том, «что в этих горах (дидойских — А. И.) есть долины, ущелья и лощины, населенные народами, не имеющими между собой сношений по причине суровости местности, недоступные горы которой теряются в облаках и благодаря густым и непроходимым лесам

[1] R. Erckert. Der Kaukasus und seine volker, Leipzig, 1887, стр. 152, Н. И. Воронов. Из путешествия по Дагестану, ССКГ, Т., вып. I, 1868, стр. 12.

и бурным потокам»[2] может быть отнесено именно к высокогорным селениям.

Поселения Центральной Аварии занимают самое разнообразное географическое положение. Здесь встречаются селения, расположенные как в долинах рек, у самой воды, так и на склонах гор, на вершинах горных хребтов и перевалов.

Поселения предгорной части Аварии расположены на северном склоне Салатавского хребта, который постепенно переходит в равнину. Большинство из них тоже тяготеют к речным долинам. В отличие от поселений Нагорной и высокогорной Аварии поселения Салатавии не «лезут» на скалы и горные хребты. Они занимают пологие склоны и ровные участки.

Одним из важнейших факторов для поселения является наличие вокруг него достаточного количества пахотных земель и пастбищ. В зависимости от естественно-географической зоны последние бывают в разных соотношениях.

Острое малоземелье в горной Аварии наложило определенный отпечаток на характер заселения.

Аварские поселения в горных районах располагаются на непригодных для возделывания участках. Занимают под постройками каменистые склоны, сланцевый выход, выступы скал. Люди шли на любые неудобства, лишь бы освободить клочок годной земли для посевов.

Ровных участков, пригодных для обработки, в горах было очень мало. Отсутствие пригодной для пашни земли заставляло горца создавать участки тяжелым трудом на склонах гор, на выступах скал. Удобная для обработки земля высоко ценилась в горном Дагестане.

По сообщениям некоторых источников десятина земли стоила от 500 до 1000 р., тогда как хороший баран стоил 4—6 руб.[3] Об огромном труде, вкладываемом горцами в обработку небольших участков земли, о земельном голоде и скудности земли в Аварии говорят многие исследования,[4] предания и легенды.

При таких обстоятельствах горцы, конечно, не могли позволить себе занять под поселение пригодные для возделывания участки. Поэтому горные селения отличаются особой скученностью.

Однако некоторые наблюдатели и путешественники XIX века преувеличивали скудность дагестанской земли и ее бесплодие. Например, А. Марлинский пишет «Очень любопытно было видеть, как с торбою, привязанною на пояс, и с крючком двулапым,

[2] Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней, пер. с арабского Н. Караулова. СМОМПК, вып. 38, 1908, стр. 42—43.

[3] М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу, М., 1885, стр. 215; Некоторые статистические сведения о Кавказе. К. К. на 1886 г., стр. 203; Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, СПб, 1871, стр. 501; Д. А. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г., ИРГО, 1884, т. XX, в. IV, стр. 428.

[4] Н. И. Вавилов. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий. Журн. «Природа», № 2, 1936, стр. 80.

насаженным на палку, искал иной из них (аварец) трещины, чтобы вонзить туда железные когти, как поднявшись на вес до полшеста, вонзал он гвоздь между камнями, становился на него, забрасывал далее когти, вынимал и выше вонзал гвоздь снова для того, чтобы найти несколько шагов земли для горсти пшеницы».[5]

Как правило, аварские поселения расположены в центре своих хотя и не богатых, земельных угодий своей территории.

Вокруг поселений освоены все пригодные земельные участки, а где их нет—созданы искусственные террасы. Эти пахотные участки небольших размеров, хотя и стоили огромных трудов, имели важное значение в жизни горцев. Можно найти в горах Аварии много мест более недоступных и непроходимых, но там нет возможности заниматься земледелием, и люди основали свое селение именно там, где поблизости имелись пологие уклоны, речные террасы, ровные участки, пренебрегая до какой-то степени вопросами обороноспособности. Но само селение располагалось на укромном, непригодном для пашни месте, наиболее недоступном участке на данной территории. В окрестностях каждого селения имеются пастбища, необходимые для обеспечения скота кормами. Количество и качество пастбищных угодий обычно зависело от зоны расположения селения. Высокогорные селения окружены прекрасными летними пастбищами, но зимних угодий там мало, тогда как на плоскости имеются только зимние. А в селениях горно-долинной зоны мало тех и других пастбищ.

Другой фактор, который повлиял на выбор мест для заселения, была проблема водоснабжения. Наличие недалеко от селения питьевой воды — обязательное условие для любого аварского как и другого селения. Хотя вода иногда и проводилась к селениям по керамическим трубам, но это было связано с большими трудностями (Ирганай, Кахиб и др.) и делалось на небольшие расстояния. Стремление обосновать селение поблизости от воды характерно не только для поселений описываемого периода, но и для более раннего времени, вплоть до стоянок каменного века.[6]

Не довольствуясь наличием источника, горцы имели сосуды большой емкости для хранения воды на случай необходимости. Такие сосуды были во многих селениях (Ругуджа, Хиндах и т. д.). В Ругудже имеется сосуд из цельного камня объемом около 40 «къали», т. е. 560 кг. Сосуд сейчас находится под полом интерната школы. А в Хиндахе сосуд состоит из каменных колец, диаметром 1,20 метра, высота каждого круга 50 см, толщина 10 см.

[5] А. Марлинский. Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев. Дагестан в русской литературе. Махачкала, 1960, стр. 143 и др.

[6] Н. Д. Путинцева. Поселения эпохи раннего средневековья на Сулаке. РФ ИИЯЛ, д. 2591, стр. 11; Д. М. Атаев, М. Г. Гаджиев, М. Погребова. Отчет о работе 2 горного отряда ДАЭ в 1959 году, стр. 5; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана РФ ИИЯЛ, д. 2630, стр 2; В. Г. Котович. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане. УЗ ИИЯЛ, т. III, Махачкала, 1957, стр. 135.

Кольца и отдельное дно сцементированы между собой. Сосуд был найден во время земляных работ. Источники, имеющиеся в селении, тщательно охранялись жителями. Например, в селении Тидиб подземный источник представляет собой колодец, наклонно уходящий в глубь земли метров на 12—13. Расположен он внизу за оврагом, по другую сторону ложа пересохшего ручья, в метрах ста от селения. Дорога в виде подземного хода. Спуск к источнику ведет ступенчатый, потолок туннели перекрыт арками, а между ними ложный свод. Вода собирается в каменном сосуде, а источник расположен в стороне, и к резервуару вода подходит по каменным желобам. Такие меры предосторожности были приняты населением на случай осады поселения.

Другим очень важным фактором, которым руководствовались аварцы при выборе места для поселения, было стремление к недоступности, обороноспособности поселения. Все поселения, как правило, в горной части Аварии занимают территорию, труднодоступную на склонах гор, у речных обрывов, на перевалах.

Стремление к недоступности поселений и неприступность домов было вызвано к жизни целым комплексом причин исторического, экономического и географического характера.

В период разложения первобытно-общинного строя, распада родовых отношений, усилились межплеменные столкновения, которые существенным образом повлияли на характер поселений. В таких условиях было вполне разумным и естественным упрятать свое поселение подальше от дорог, расположиться в неприступных местах. Кроме причин внутренних, на характер поселения действовали и факторы внешнего порядка. Многие нашествия и передвижения народов, которые имели место на плоскостной части Дагестана, оставили свои следы и в горных районах. Нередко чужеземные захватчики проникали вглубь гор, разоряли, грабили горцев, разрушали поселения (персы, арабы, монголы).

Есть и еще одна причина, которая способствовала укреплению поселения, вызывала необходимость усилить неприступность и обороноспособность домов. Эта причина вызвана особенностью края, экономическим положением горца. Скудность природы и безземелье в горах вызвали необходимость строить жилище крепким и добротным. У горца не было средств часто отстраивать и восстанавливать разрушенный дом. Это стоило большого труда и средств, поэтому горец и стремился к долговечности своего дома. Он знал, что с разрушением дома приходит горе и нищета, поэтому защищал свой аул от разорения.

Наличие большого количества сторожевых башен вдоль южной границы и по долинам рек, где проходили дороги со стороны Азербайджана и Грузии, оборонительной стены с севера указывает на большое значение, которое придавали аварцы борьбе с иноземными завоевателями. Защищенность и труднодоступность аварских поселений являлись серьезным препятствием для завоевателей.

Е. Козубский по этому поводу писал, что «Дагестанские аулы надо было брать штурмом, карабкаясь по отвесной тропинке»,[7] а А. Марлинский, описывая труднодоступность селения Гимры, замечает, что сверху оно недоступно, а снизу невозможно подниматься иначе как поодиночке, и один ринутый на тропинку камень может увлечь десятки бесстрашных.[8] С указанными авторами перекликается Ф. И. Гене, который утверждает, что «каждая деревня составляет крепость, представляющую весьма крепкую оборону»[9] и многие другие.[10]

Располагаясь на определенной высоте, где к нему ведет узкая, извилистая тропа на головокружительной высоте над пропастью, селение само по себе становится уже труднодоступным. Если селение предполагалось обосновать в долине реки, то выбирали участок, огибаемый водой с двух-трех сторон, или же место слияния двух рек, берега которых круто обрывались (Корода, Хиндах, Зило и т. д.). Поселения, расположенные на высоких хребтах, занимают места у обрывов (Гамсутль, Шулани, Цулда и т. д.). Многие селения основаны на краю скалы или над пропастью (Хунзах, Гоор, Дусрах и т. д.). Кроме как с одной стороны подступиться к ним почти невозможно, так как остальные стороны защищены высокими, непроходимыми горами или обрывами. Домостроение в некоторых селениях было полностью подчинено интересам обороны. Дома представляли из себя башни в 3—4 и выше этажей, тесно примыкающие один к другому. Крайние дома в аулах образовывали стену, в которой был единственный вход и над которым сооружалось сторожевое помещение с машикулями (Хотода, Урада, Хиндах, Корода и др.).

Для усиления обороноспособности во многих поселениях были сооружены и боевые башни. Кроме того, вокруг селений на господствующих высотах имелись сторожевые (сигнальные) башни, которые гарантировали жителей от внезапного вторжения неприятеля.

Они располагались на границах обществ и дорогах, откуда мог придти неприятель. Эти башни располагались на виду одна у другой для передачи сигналов. Наличие большого количества их здесь понятно: это была удобная дорога для продвижения вглубь Аварии с юга, через Вантлашетский перевал по долине реки Симбирис-Хеви. Некоторые из этих башен хорошо сохранились до наших дней, но к сожалению, самый тщательный осмотр

[7] Е. И. Козубский. Дагестанский сборник, вып. I, Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 177.

[8] А. Марлинский. Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев. Дагестан в русской литературе, т. I, Махачкала, 1960, стр. 134.

[9] Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане. История, география и этнография Дагестана, М., 1958, стр. 346.

[10] Н. И. Кузнецов. В дебрях Дагестана. ИРГО, XIIX, вып. I—III, 1913, стр. 191; Е. Марков. Кавказский очерк. ЖР, т. IX, СПб. М., 1883, стр. 35; М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу, т. I, М., 1885, стр. 55; Н. И. Воронов. Указ. соч., стр. 24 и др.

не помог выяснить время их сооружения, но судя по строительной технике и объяснениям стариков, временем их возведения можно считать XVII в. Одна из таких башен стоит на вершине высокого холма, который расположен у слияния двух рек, где начинается Аварское Койсу. Башня эта четырехугольной формы (4×5), сооружена из небольших песчаных плиток на скрепляющем растворе. Сохранилось 4 этажа. Сообщение между этажами, по-видимому, было по приставной лестнице. Толщина стен у основания около 1 метра. Башня эта контролирует выход во внутреннюю Аварию из долины Хван-ор и Джурмут. Что башня стоит именно для наблюдения за дорогой, свидетельствует тот факт, что поблизости от башни нет крупного населенного пункта и бойницы направлены в южную сторону. С этой же целью построена и башня у самого селения Кособ, где берега реки суживаются, образуя узкий проход. Отсюда видны были и другие башни. Так, на севере чернеют остатки башен на гребне, что поднимается над селением Кособ. Сейчас они разрушены и заброшены, но они напоминают о тревожном времени, когда горцы должны были быть всегда наготове на случай возможного нашествия. Строились сторожевые башни между обществами. Остатки башен, которые были между обществами Андалал и Куяда, Анцух и Таш, Гидатль и Келеб, Багулал и Тиндал сохранились до сих пор.

Совсем другое назначение имели боевые башни в селениях. Остатки или развалины их имеются во многих аварских аулах. Боевые башни располагаются на самых недоступных местах и на подступах к селению. Они отличаются от сторожевых своими размерами, расположением. Если сторожевые (сигнальные) башни располагаются вдали от селений и невысокие (4—5 этажей), то боевые выше и структурно входят в топографию селения, они примыкают к постройкам и вход в них имеется только из соседнего помещения. Размещение их в селении не поддается никакой системе. Наряду с селениями, где боевые башни расположены по краям (Кахиб, Мокок, Гамсутль), встречаются селения, где башни разбросаны по селению, иногда рядом, а иногда на значительном расстоянии друг от друга (Ругуджа, Тидиб, Гоор).

По сообщениям старожилов между башнями было внутреннее сообщение, можно было попасть из одной башни в другую, не выходя на улицу.

Сохранившиеся башни представляют собою квадратное помещение в плане из тесаного камня на скрепляющем растворе. Встречается раствор из ржаной муки (Кахиб, Хиндах и др.), или смесь на известковом растворе. Иногда в стену башни вложены огромные каменные блоки для прочности, на которых вырезаны разные рисунки и орнамент.

Размер оснований башен колеблется от 3,5×3,5 до 5×5 м. Но чаще встречаются 4×4, кверху башни постепенно суживаются и принимают форму усеченной пирамиды. На каждом этаже по 4 или по 8 бойниц, по одной или по две с каждой стороны. Вход в башню из рядом расположенного помещения, иногда построен-

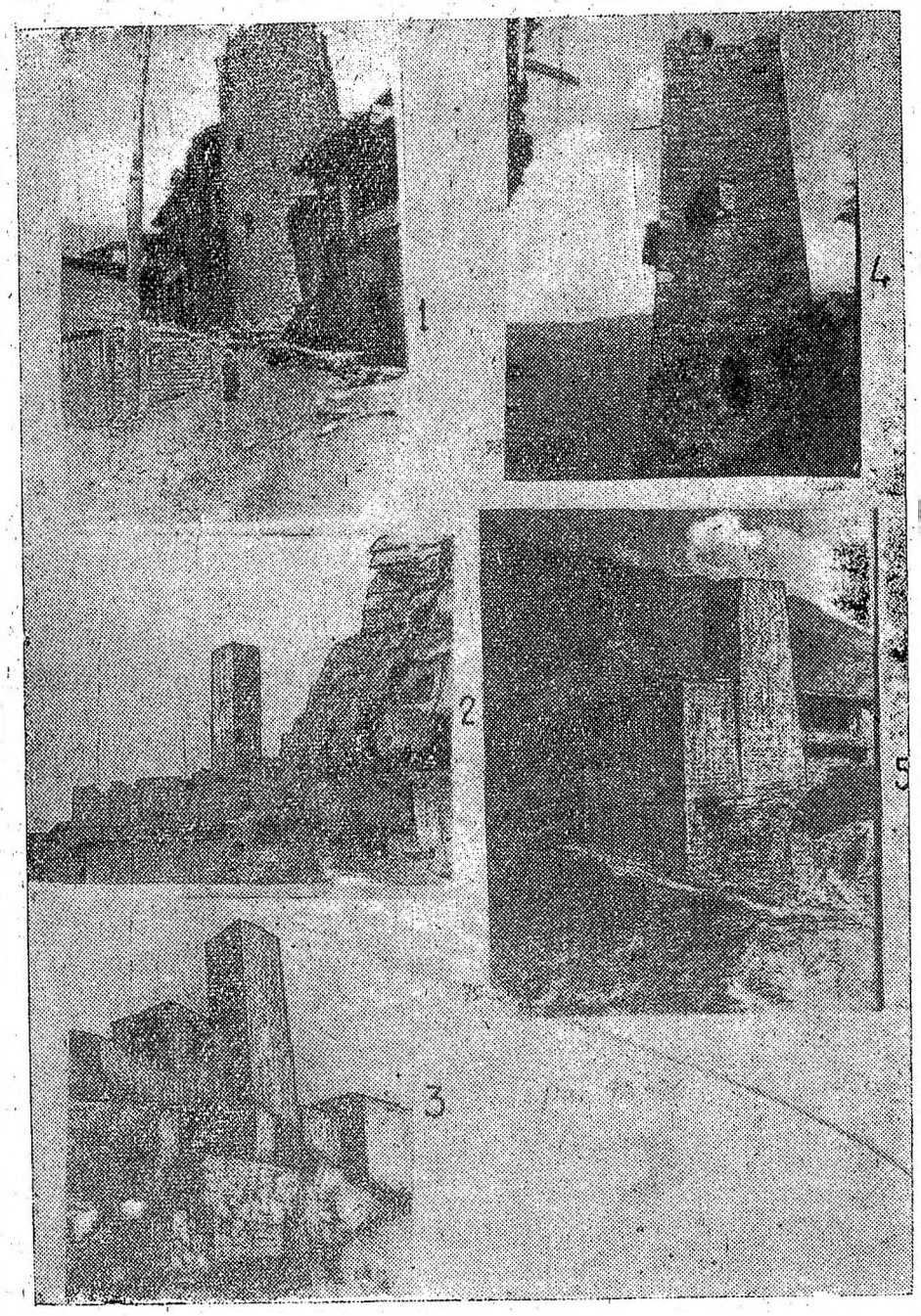

Рис. 24. Боевые башни:
1. сел. Хуштада, 2. сел. Кахиб, 3. сел. Мусрух, 4 и 5. сел. Хотода.

ного специально. Над входом в башню имеются машикулы, а с внутренней стороны оставлено отверстие, через которое можно было поражать пытавшихся проникнуть в нижнее помещение. Окон в башнях нет, их заменяли бойницы. Толщина стены у основания превышает 1 метр. Башни сверху разрушены или разобраны и установить точное количество этажей невозможно. По преданиям, некоторые из них достигали 11—12 этажей. В ряде мест доныне сохранилось по 6—7 этажей. Сообщение между этажами поддерживалось при помощи приставной лестницы, которую можно убрать в любой момент. Среди других особо выделяется круглая башня в селении Хуштада, сохранившаяся в центре селения. По преданию она была построена у источника, на краю селения, но со временем селение разрослось, и башня оказалась среди построек. Подобная башня была и в селении Местерух.

Боевые башни можно подразделить, очевидно, на два вида: тухумные и общественные. Тухумные башни возникли как собственность группы родственников, призванные защищать не столько селения, общество, сколько членов своего тухума и родственных семей.[11]

В селении Гоор хорошо сохранились три башни, из которых самая высокая принадлежала общему джамаату, а две другие тухумам Сурхетилал и Марзалал, которые враждовали между собой. Эти башни расположены друг от друга на близком расстоянии и вряд ли они имели самостоятельное значение для всего населения. Такие же башни были в Тидибе, Хотода, Гента.

В XIX веке тухумные башни принадлежали уже определенным частным лицам, которые использовали их (2, 3, 4 этажа) под жилые помещения (Ругуджа, Гочоб, Хуштада, Тидиб и др.).

Общее количество башен как тухумных, так и общественных, не превышает в одном селении 8—10. В некоторых селениях встречаются башни небольших размеров в три-четыре этажа. Их очень мало и расположены они аналогично тухумным башням. По-видимому, назначение их было то же, что и у тухумных. Поэтому, ссылаясь на наш полевой материал, мы не можем согласиться с утверждением З. Никольской о том, что «к каждому одноэлементному дому примыкает вплотную трех-четырехэтажная башня».[12] Да и не было в этом необходимости, так как убийца становится кровником всего тухума (группы родственников), то и защищал его свой тухум в целом. При наличии тухумной башни убийца мог свободно укрываться в ней.

Кроме сигнальных, боевых и тухумных башен в каждом селении существовало специальное помещение, охраняемое и всегда

[11] Л. И. Лавров. Археологические разведки в Дагестане в 1947 и 1950 гг. Сборник музея антропологии и этнографии. Вып. XIV, М.—Л., 1953, стр. 262.

[12] З. А. Никольская. Из истории аварского жилища. СЭ, № 2, 1947, стр. 160.

открытое, где хранилось боевое снаряжение. Впоследствии такое помещение заменяется мечетью. В этом помещении каждый взрослый мужчина должен держать наготове продукты питания на 3 дня и вооружение. Нарушение этого адата рассматривалось как трусость и строго наказывалось.

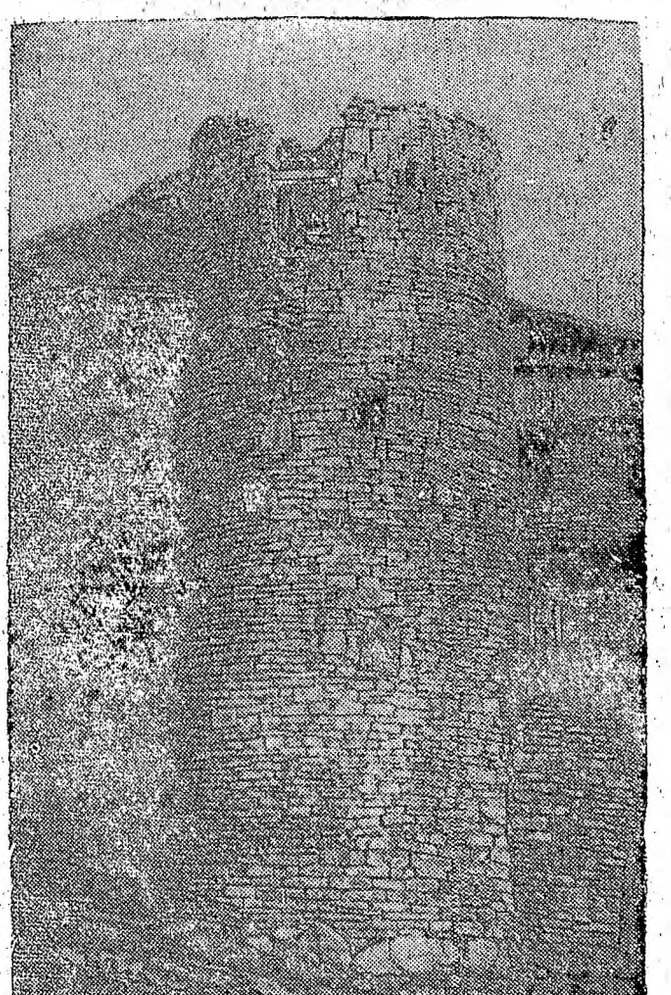

Рис. 25. Круглая боевая башня. Сел. Хуштада.

В Аварии встречаются интересные сооружения, сохранившиеся от эпохи средневековья, непохожие ни на сторожевые, ни на боевые башни. Эти сооружения многоэлементны, расположены на чрезвычайно недоступных местах. Они напоминают скорее всего

крепости (замки). Остатки таких сооружений обнаружены в Гунибском, Хунзахском, Советском и других районах. Развалины одного из таких сооружений расположены на вершине высокой горы, которая господствует над местностью «Анада» близ селения Ругуджа Гунибского района. Доступ к замку очень трудный. Вершина горы завершается ровной площадкой с высокими скалистыми краями. Подняться на нее можно только по узкому крутому склону, который заканчивается высокой оборонительной стеной. Продолговатая площадка на вершине горы имеет в длину 50 м, ширина в разных концах разная: на южной части равна 15 м, а к северу суживается до 4-х метров, где и построена крепость на краю пропасти.

С южной стороны площадка укреплена дополнительной стеной, хотя высота скалы достигает 6—7 метров. На площадке сохранились строительные остатки. Толщина стен помещений была около метра, сложены они из тесаных больших камней на скрепляющем растворе. Сохранились остатки 7 помещений, расположенных в одну линию, и круглой башни на самой высокой точке. Все это сооружение окружено дополнительной внешней стеной. На горе и близко от крепости воды нет. Есть предание, что вода сюда подавалась по керамическим трубам из соседнего леса. В километре от замка, внизу имеются прекрасные пахотные участки, много воды, да и для строительства удобные места, но владетель (или владетели) крепости выбрали место, лишенное всяких жизненных удобств, но недоступное. Временем существования замка, который местные жители называют «Ханасул хъала» — «ханская крепость»[13] археологи на основе подъемного материала склонны считать рубеж I—II тыс. н. э.[14]

Выше было отмечено, что домостроение было подчинено интересам обороны и что входить во многие селения можно было только в одном — двух местах в арочные ворота, которые закрывались на ночь. В селении имелись две-три улицы, идущие к воротам с разных концов селения. По обеим сторонам улиц дома плотно примыкали друг к другу, образуя сплошную стену и превращая улицу в узкий проход, с неожиданными поворотами. Улицы можно легко забаррикадировать в случае проникновения врага

[13] Народное предание связывает эту крепость с феодальным владетелем, ханом. Когда-то, согласно легенде, на горе жил хан и его придворные, а внизу было расположено селение, которое обеспечивало его всем необходимым. Напротив, на другой горе, через реку жил другой хан в укрепленной крепости, владетель другого селения. Между этими ханами происходили постоянные столкновения из-за земли и пастбищных угодий, и поэтому они жили в укрепленных крепостях. Развалины второй подобной крепости пока не обнаружены, но остатки средневековых поселений на указанных местах подтверждены археологическими данными и таким образом можно допустить, что легенда до некоторой степени отражает фактические события. Это были одни из тех селений, которые впоследствии были заброшены жителями при образовании крупного аула Ругуджа.

[14] См. Д. М. Атаев. Ханасул хъала. Газ. «Красное знамя», № 201 за 1961 г.

в селение. Дома родственников нередко были соединены между собой внутренними ходами. Это помогало им обороняться, маневрировать во время войны. Стены домов во многих случаях были искусственным продолжением скалы на самом краю обрыва, иногда на опорах (Хиндах, Корода, Гамсутль и др.).

Таким образом стремление к неприступности и обороноспособности повлияло не только на характер поселения, но и на его планировку и форму.

В селениях Салатавского общества нет той характерной для нагорной Аварии тесноты. И постройки здесь далеко не оборонительного характера. Специальных оборонительных сооружений здесь нами не обнаружено. Но стремление к недоступности характерно и для них. Расположены они на берегах рек и небольших возвышенностях.

Поселения аварцев в предгорье, особенно в нижней части, имеют много общего с соседними кумыкскими селами, нежели с собственно аварскими, в принципе выбора мест, в характере расположения, что объясняется географическими различиями предгорья и горных районов.

Исчезновение оборонительных сооружений и свободное расположение одноэтажных зданий на равнинных участках, по-видимому, явление позднее.

Археологический материал показывает, что поселения, расположенные на той же территории в раннее средневековье, были укреплены специальными оборонительными сооружениями. Вот что пишет Н. Путинцева по этому поводу: «Для раннесредневековых поселений вообще и прежде всего присулакских, характерны следующие особенности: умелое использование рельефа местности при планировке поселений. При этом имелось в виду путем естественных возможностей обеспечить наибольшую безопасность со стороны плоскости, что достигалось дополнительными искусственными оборонительными сооружениями».[15]

Обеспечение максимальной недоступности поселения, видимо, было жизненно важным вопросом для населения в период возникновения и обоснования поселений. Стремление это характерно и для высокогорных, и для горных, и для предгорных селений. Встречаются селения, которые на первый взгляд кажутся не укрепленными, легкодоступными. Но на самом деле это не так. Это объясняется недоступностью самой местности, природными укреплениями. Подобный случай мы видим в сванских селениях, которые в оборонном отношении находились «в особо благоприятных условиях: исключительная природная неприступность сванской территории, замкнутой снежными и скалистыми хребтами, почти нигде не опускающимися ниже 3000 м, и отвесными скалистыми теснинами рек, естественно переводила боевую энергию

[15] Н. Д. Путинцева. Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья (по материалам раскопок в зонах строительства Чирюртовской и Чиркейской ГЭС). РФ ИИЯЛ, д. 2875, стр. 22.

сванов на защиту не столько отдельных селений, сколько снежных и скалистых перевалов и отвесных каменных дефиле речных проходов».[16]

Стремление к недоступности своими корнями уходит в глубокую древность и старые поселения, как таковые, всегда подвержены фактору оборонному[17] в большей или в меньшей степени, в зависимости от политической и исторической обстановки края.

Наличие оборонительных сооружений в Дагестане в период раннего средневековья зафиксировано и в письменных источниках. Так, по сведениям сирийских источников, люди «из пределов Даду (Дагестан) живут в городах, у них есть крепости».[18]

По сведениям арабских источников, таких укрепленных пунктов в горах было не мало.[19]

В позднее средневековье происходят некоторые изменения в расселении аварцев, связанные с образованием крупных поселений и фактор обороны для каждого отдельного поселения, по-видимому, перестает быть решающим.

Образовавшиеся в этот период поселения уже не стремятся к высотам, а наоборот, спускаются к речным долинам, занимают склоны небольших холмов, но предпочитают защищенное место от внезапного нападения. Дальнейшее развитие производительных сил приводит к окончательному распаду мелких поселений и образованию крупных населенных пунктов путем переселения жителей последних на принципах территориально-тухумного расселения. Процесс распада мелких поселений, видимо, ускорил и иноземные нашествия на Дагестан. Необходимость борьбы с иноземными завоевателями наложила свой отпечаток и на характер укрупненного поселения и повлияла на выбор местности. На месте нескольких небольших поселений, расположенных близко друг от друга, возникает большой населенный пункт, хорошо укрепленный и занимающий удобное стратегическое положение.

Можно предположить, что в этот период происходит политическое объединение близрасположенных селений, занимающих один микрорайон в естественно-географическом отношении. Район этот представляет обособленный участок внутри географической зоны (Карах — замкнутое ущелье реки Каралазул-ор, Гидатль — закрытая со всех сторон долина и т. д.).

Селение уже не в одиночку ведет войну с неприятелем, а объединенными силами союза. Заметно утихают внутренние

[16] Б. Е. Деген-Ковалевский. Сванское селение как исторический источник. СЭ, № 4—5, М.—Л., 1936, стр. 27.

[17] В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 88—89; М. Н. Артамонов. Отчет о работах Северо-Кавказской археологической экспедиции в Дагестане в 1937—1938 гг. РФ ИИЯЛ, д. 1602, стр. 25, 26 и др.

[18] Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941, стр. 82.

[19] См. Ибн-Русте. Из книги драгоценных камней. Перевод с арабского Н. Караулова, СМОМПК, 32, 1903, стр. 47 и др.

столкновения, а если они и возникали, то их урегулировали мирным путем. Таким политическим образованием и были «вольные общества» — бо.[20] Объединение возникало не столько по родовому, родственному признаку, сколько по территориальному. Границы обществ иногда не совпадают даже с границами распространения языка.[21] Имеются случаи, когда аварские селения входили в общества другой этнической группы.

Вызванное внутренней и внешней необходимостью объединение сельских общин было военно-политическим союзом. Термин «бо» подтверждает это мнение. Часто общества находились в состоянии долголетней войны друг с другом из-за территории. Границы земель зорко охранялись, для чего сооружались специальные сторожевые башни, о которых мы уже писали. Территориальное деление общества рассматривалось как военное, о чем сказано и в письменных источниках начала XIX века. В документе об обследовании аварского ханства в 1828 году сказано, что «Авария разделяется на две части. Первая—военные округа..., вторая — данники»[22] хунзахского хана. Они имеют правление народное и во главе округов стоят старшины и военачальники.[23] Примечательно то, что «вольные общества» названы военными округами, с народным правлением и военачальниками.

Внутренняя организация, социально-экономическая структура «вольных обществ» остается до сих пор плохо освещенной в литературе. В одном случае «вольным обществом» управлял кадий, власть которого ограничивалась деятельностью сельских общин,[24] а в других случаях «вольные общества» не имели постоянных органов управления. Для решения важных вопросов представители сельских общин сходились в главном селении или же в каком-нибудь определенном месте (в Андалалском обществе местом сбора представителей была площадь на берегу речки Хегарчай — «Маххчlвалеб лъарагl»). На этих совещаниях обсуждались вопросы: о совместных действиях против надвигающейся опасности или решались споры, возникшие между отдельными сельскими обществами.[25] «Вольным обществам» приходилось бороться не только со своими соседями, с претензиями ханов, но и с иноземными завоевателями.

Между «вольными обществами» в случае опасности заключался союз для борьбы с внешним врагом. О таких союзах много говорит и аварский фольклор.[26] В такой союз входят несколько «вольных обществ» на равных правах, но одно более сильное общество организует их вокруг себя (Анцух в Антльратском союзе).

Известно, что некоторые «вольные общества» особенно на западе и юго-западе Аварии попадали в зависимое положение от хунзахских ханов. Но многие сумели сохранить свою независимость и целостность территории. Такими являются Андалалское, Тлейсерухское, Анцухское, Гидатлинское и другие общества.

Название «бо» сохранилось в аварских «вольных обществах» как термин, обозначающий само общество и в более позднее время, в XIX веке, а названия самих обществ не объяснимо. Сохранившиеся в употреблении этнические термины — названия обществ (гьид, гlандалал, къарах, тlомурал и т. д.) может быть и были этнонимами одного племени.[27]

В топографическом отношении «вольные общества» представляют собой территорию, ограниченную и защищенную естественными рубежами, границы которых проходили по бурным рекам и горным вершинам.

В хозяйственном отношении они содержат все условия, необходимые для нормального развития человеческого коллектива. Многие путешественники и наблюдатели отмечали исключительную оторванность, недоступность каждого общества, что не соответствует действительности. Между «вольными обществами» всегда существовала связь. Даже если они находились в состоянии войны, то в случае появления внешнего, сильного врага, они прекращали вражду и становились союзниками. Таких примеров немало знает история Дагестана.

Хотя оборонительный фактор потерял свое значение еще в середине XIX века, после окончания Кавказской войны, поселения в большинстве сохранились на тех же местах, почти с той же планировкой до наших дней. Форма поселения отличается особым консерватизмом в своем развитии. Развитие производительных сил и социально-экономические изменения оказывают большое влияние на характер и тип поселения, но оно лишь с трудом может быть подвергнуто коренным изменениям. Оно может улучшаться и расширяться, но — в редких случаях — переселиться на новое место. Даже в наше, советское время, когда многие неудобнорасположенные аулы переселяются на новые места с большими удобствами для строительства и ведения хозяйства, традиция восстановить старые формы поселения все же сохранилась. В подавляющем большинстве аварцы, которые были переселены в Чечено-Ингушетию, возвращаясь в родные края, восстанавливают развалины

---

[20] Слово «бо» в аварском языке означает «войско», «ополчение», но в данном случае оно употреблено для обозначения союза сельских общин.

[21] См. Е. Вейденбаум. Очерки этнографии Кавказского края. «Весь Кавказ», № 1, 1903, стр. 101.

[22] Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958, стр. 269.

[23] Там же.

[24] Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX вв. Махачкала, 1957, стр. 67.

[25] Х. М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке, М., 1961, стр. 239.

[26] Союз заключался не только между обществами аварскими, но и с другими обществами, расположенными по ту сторону Главного Кавказского хребта. См. РФ ИИЯЛ. Фольклор. Аварские исторические песни, дд. 78, 79, ф. 9, оп. 1.

[27] Щ. И. Микаилов. Очерки аварской диалектологии. РФ ИИЯЛ, д. 68, стр. 92, 615.

своего аула, несмотря на огромные трудности и неудобства. Селения эти лишены многих жизненных удобств из-за суровости природы и рельефа местности, здесь зачастую нет не только шоссейной дороги, но даже хорошей пешеходной тропинки и тем не менее, жители стараются поселиться на старых местах. (Сагада, Мокок и др.).

Вопрос расселения аварцев тесно связан и с вопросом ориентации. Начиная со стоянок каменного века и кончая современными аулами, все они подчиняются фактору солнца. Несмотря на кажущуюся незначительность этого вопроса, ориентация принимает важное значение при выборе места и при планировке селения. Аварцами заселены только южные склоны гор и хребтов или другие места, обогреваемые солнцем. Южная ориентация имеет глубокие корни, о чем свидетельствует археологический материал. Часть селения иногда может занять и другие склоны — восточный, западный и даже северный, но редко. Это происходило за счет разрастания селения, когда оно занимало вершину холма, и расширение его в желаемую сторону невозможно из-за каких-либо причин — обрывистого склона, наличия пахотных земель и т. д. Примерами могут служить, например, Ругуджа, Тинди, Чох и др. Даже в таких случаях сами дома ориентированы на юг, несмотря на большие трудности при строительстве. Недовольствуясь тем, что сама местность ориентирована на юг, каждый горец стремился, когда строил свое жилище, оставить хотя бы небольшую галерею, которая получила особенно широкое распространение со второй половины XIX века, открытой. Если не представлялась возможность оставлять открытую галерею в доме, хозяин продолжал стены на крыше с трех сторон, оставляя южную сторону открытой. Если не представлялась возможность оставлять открытую галерею в доме, хозяин продолжал стены на крыше с трех сторон, оставляя южную сторону открытой, таким образом, получается место, обогреваемое солнечными лучами и защищенное от ветра.

Чем же объяснить такую приверженность солнцу в горах?

Южная ориентация вызвана природно-географическими условиями края. Все домашние работы женщины и мужчины выполняли вне дома. Выполнение работ в помещении делалось невозможным из-за отсутствия света — окон. Если и были маленькие отверстия, вроде бойниц, то высоко, под потолком и свет от них проникал незначительный. Искусственное освещение не помогало, лучинка или «чирах» на сале не давали большого света и в комнате всегда царил полумрак. Кроме того, во многих местах Аварии лесов или вовсе не было, или было мало и даже в районах, богатых лесом, для обогревания помещения специально не топили, а предпочитали воспользоваться солнечным теплом. Необходимо отметить, что солнечное тепло в горах достаточно ощутимо даже в холодные зимние месяцы, а солнечных дней в году много. В одной верхней одежде горец может свободно находиться и работать на солнце в зимние дни без пальто, шубы. Особенно тепло бывает в местах, защищенных от ветра, и поэтому горец стремился соорудить галерею. Об использовании солнечного тепла в аварских селениях писал Н. Львов: «Горцы во время сильных морозов, засев в свои темные сакли, обогреваемые лишь по утрам скудным огнем для вскипания галушек, не показываются на улицу до тех пор, пока не проглянет солнце. Когда же оно обогреет немного зимний воздух, тогда все прятавшиеся от стужи — мужчины, женщины, старики и молодежь — оставляют сакли и размещаются на крышах, галереях или где-нибудь в затишье, на солнечной стороне... Все места, освещенные зимним солнцем, заняты семействами горцев, сидящих и лежащих в различных позах и за различными занятиями».[28]

Дальнейшее развитие домостроительства, изменение планировки, появление больших и светлых окон и электрического света, железной печи — не изменило приверженности горцев к солнцу. Аварцы почти не строят дома без галереи, она является обязательным элементом современного дома, и идут иногда на большие сокращения жилой площади ради нее.

Экономия земли и стремление к недоступности не являются характерными явлениями только для Аварии, они присущи всем горцам Кавказа вообще. В Дагестане такие аулы-крепости характерны для даргинцев,[29] лезгин,[30] агулов,[31] лаков[32] и отличаются характером расположения от плоскостных и предгорных поселений, хотя и для них не чуждо стремление к укреплению.[33]

На территории Кавказа стремление к недоступности и экономия земли также характерны для поселений Ингушетии,[34] Сванетии,[35] Западной Армении, горной Осетии[36], то же самое мы наблюдаем у хазарийцев и кафиров в Афганистане, персов в северном Иране[37] и других горных народов.

Поселения, которые располагаются в нижнем предгорье и степи, не похожи на аулы-крепости горцев. Они основаны в сравнительно доступных местах и дома располагаются свободно вне зависимости от других. Дома здесь не отличаются прочностью (саманные). Для них не характерно и стремление к экономии земли, ибо ее кругом имеется в достаточном количестве.

---

[28] Н. Львов. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени. ССКГ, вып. 3, 1870, стр. 6—7.

[29] М. О. Османов. Поселения даргинцев в XIX—XX вв. Уч. зап. т. X, Махачкала, 1962, стр. 215—219.

[30] С. С. Агаширинова. Поселения лезгин в XIX — начале XX вв. УЗ ИИЯЛ, т. VI, Махачкала, 1959, стр. 241.

[31] Б. А. Калоев. Поселения и жилище агулов. КСИЭ, XXIII, 1955, стр. 37.

[32] Л. И. Лавров. Лакцы. Народы Дагестана. Сб. статей, М., 1955, стр. 165.

[33] С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960, стр. 44.

[34] Б. А. Калоев. Ингуши. Народы Кавказа. М., 1960, стр. 378.

[35] Б. Е. Деген-Ковалевский. Сванское селение как исторический источник. СЭ, № 4—5, 1936, стр. 28.

[36] С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 281, 291.

[37] Народы Передней Азии. М., 1957, стр. 109, 142, 192.

2. ТИПЫ ПОСЕЛЕНИЯ

История развития аварских поселений определяется огромными хронологическими рамками — от древнейших времен до наших дней. Она прошла длительный путь — от небольших тухумных поселений, заселенных родственным коллективом, до крупных современных колхозных аулов. Внимательное изучение типов поселений показывает, что они отражают различные стадии развития общества в конкретных исторических условиях.[38] С развитием и изменением социально-экономического строя развивается и изменяется материальная культура народа, в том числе и поселения; определенному периоду социального развития характерен определенный тип поселения, каждая эпоха наложила свой отпечаток на его развитие.

Все поселения на территории Аварии в XIX веке подразделялись на два типа «росо» (селение) и «кули» (хутор, отселок).

Основным типом является «росо». «Росо» — это населенный пункт, где проживает основная масса аварцев. А «кули», «махи» — небольшой населенный пункт, где люди живут в период сезонных работ или постоянно проживает небольшое количество людей.

Основной тип «росо» исторически подразделяется на два подтипа — тухумное и территориально-тухумное,[39] которые отражают разные этапы селообразования. К первому подтипу относятся небольшие селения, расположенные в особо недоступных местах и сложившихся в древние времена. Это по-видимому, разросшиеся, увеличившиеся в размерах тухумные поселки, сохранившиеся на своих первоначальных местах до настоящего времени по ряду исторических причин.

Определить время возникновения первого подтипа — тухумных поселений — трудно. Можно только предполагать, судя по археологическим материалам, что подобные поселения были основаны еще в древности, уходят своими корнями к эпохе бронзы, есть общее между поселениями первого подтипа и поселениями бронзового века (характер расположения, выбор места, планировка, ориентация, размеры).[40]

К XIV в. на территории Аварии в основном процесс распада тухумных поселений завершается образованием крупных поселений — территориально-тухумных. Этот процесс происходит на территории Аварии неравномерно: в центральной части — повсеместно, а высокогорных районов он почти не коснулся. За исключением

[38] М. В. Витов. О классификации поселений. СЭ, 1953, № 3, стр. 35—36.

[39] Название поселения взято условно. В XIX в. социальная структура, производственные отношения в обоих подтипах были одинаковыми и они различаются в основном по своему происхождению.

[40] В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 88—109; Д. М. Атаев, М. Н. Погребова. Отчет о работе II горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1958 г. РФ ИИЯЛ, д. № 2546; В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 году, Уч. записки ИИЯЛ, т. 3, Махачкала, 1957, стр. 157—170.

Бежта, которое расположено у самой речки Хван-ор, нет ни одного крупного селения, и оно является единственным, которое образовалось путем слияния мелких поселений. Следует отметить, что населенные пункты в высокогорной Аварии вообще отличаются чрезвычайно малыми размерами. Одной из причин малых размеров поселений, очевидно, являются весьма неудобные географические особенности местности, отсутствие пригодных к обработке земель, большая пересеченность местности бурными, труднопроходимыми реками. В таких условиях возникновение больших поселений становится почти невозможным. Земельных массивов, достаточных для обеспечения экономических потребностей большого количества людей, здесь нет, а обрабатывать далеко расположенные участки, особенно при сильной пересеченности местности, люди были не в состоянии. Поэтому селения были вынуждены располагаться, со сравнительно малым числом дворов, там, где могли удовлетворить свои хозяйственно-экономические потребности. Для этих районов большое значение имело скотоводство, наряду с земледелием, и это определенным образом повлияло на характер поселения — они расположены близко к пастбищам.

Наряду с природно-географическими факторами на сохранность мелких поселений повлияло и социально-экономическое развитие района, определявшееся до некоторой степени изолированностью его от других областей Кавказа.

В силу географических особенностей и исторических обстоятельств уровень развития различных районов Аварии в начале XIX века был разным.

Видимо, в высокогорной Аварии распад родовых и зарождение феодальных отношений начался позднее, чем в центральных районах, из-за изолированности местности от внешнего мира и разобщенности между собой, процесс разложения патриархально-родового строя и переходный период затянулся дольше, что и способствовало сохранению мелких (тухумных) поселений.

Поселения тухумного типа, хотя мало, встречаются и на территории центральной Аварии. Расположение их отличается особой недоступностью по сравнению с большими аулами. В таких селениях (Гамсутль, Цулда, Танус и др.) не сохранились предания об их возникновении, по словам жителей, аулы эти очень старые, но когда и кем они были основаны, никто не помнит. В силу ряда исторических причин эти селения продолжали существовать в средневековый период и позже самостоятельной жизнью, не объединяясь и не сливаясь с другими. Постепенно разрастаясь за счет естественного роста населения, эти поселения превратились в современные аулы небольшой величины. Этнографический материал подтверждает, что в этих селениях проживают люди или одного тухума или нескольких родственных тухумов, происходящих от одного предка — т. е. они моногамны. Количество тухумов здесь меньше, чем в больших аулах, тогда как тухумы в крупных селениях — полигентильны и являются пришлыми из разных селений. Так, в селении Тлярата был вначале один тухум Ибрагима.

Впоследствии от него образовались новые тухумы: Шитулал, Качкал, Чабачал и другие. Так было и в селениях Кособ и Гамсутль.

Интересны эти поселения и в топографическом отношении. Например, селение Гамсутль. Оно расположено недалеко от большого аула Чох, на горе Азнамеэр. Д. Бутаев, говоря о нем, метко отмечает, что «селение Гамсутль, состоящее из 56 дворов, представляет из себя настоящее орлиное гнездо, притаившееся на весьма узком гребне скалистого хребта».[41] Доступ к селению имеется только с одной стороны и то по узкой, крутой тропинке. Стены саклей здесь являются искусственным продолжением скалы. Приходится пройти полторы сотни метров по узкой кромке между скалой и пропастью, чтобы попасть в само селение. В аул-крепость можно войти только в одном месте — через сводчатые ворота. Сакли висят над бездной. На огромном каменном цоколе стоят развалины старинных башен.

В селении сохранилась легенда о том, что Гамсутль должен был слиться с Чохом во время его образования. Для него было выделено специальное место для заселения, но жители селения Гамсутль не согласились и до сих пор в Чохе осталось пустое место. По традиции чохцы там не строили свои дома, хотя место это удобное и почти в середине аула.

Поселения этого типа, особенно в высокогорной части, в исследуемое время имеют определенный хозяйственный профиль — скотоводческий и, располагаясь в верхних широтах, занимают территорию, близкую к пастбищам.

В селениях животноводческого характера, пастбища сосредоточены непосредственно вокруг аула (Гамсутль, Арчиб, Эльбоко). Многие горные селения Аварии до середины XIX в. не имели возможности пользоваться зимними пастбищами, расположенными на плоскости. Таким селениям приходилось круглый год выпасать скот только на своих пастбищах, расположенных в окрестностях селений. Пахотной земли в этих селениях мало и возделывали здесь в основном рожь, ячмень, пшеницу, а садоводством вообще не занимались. Около селения можно встретить много заброшенных древних террас. Заброшенность террасного земледелия в XIX в. в значительной мере объясняется усилением хозяйственной специализации. С развитием производительных сил, появлением товаро-обменных связей в высокогорных районах стали заниматься овцеводством, как самой выгодной товарной отраслью в данных условиях. Разделение труда было вызвано жизненной необходимостью получать как можно больше продуктов от наличной земли. Обменивая продукты животноводства на продукты земледелия, жители могли удовлетворять свои потребности в хлебе, не занимаясь очень трудоемким и малопроизводительным террасным земледелием.

Таким образом, два фактора: экономический и социальный

[41] Д. Бутаев. Нагорный Дагестан. РФ ИИЯЛ, д. № 1561, стр. 14.

обусловили господство в высокогорных районах поселений тухумного типа и исключили возможность образования крупных сельских общин. Мысль о том, что эти аулы являются разросшимися, увеличившимися тухумными поселениями, принадлежащими первоначально родственным группам, подтверждается и исследованием вопросов о квартальном делении и тухумном расселении.

Второй подтип poco — это крупное аварское тухумно-территориальное селение, расположенное на пологих склонах с тяготением к речным долинам, северные склоны которых круто обрываются. Второй подтип является самым распространенным видом аварского поселения.

Образование крупных поселений в этом случае произошло на основе слияния нескольких мелких тухумных поселений. Как результат длительного процесса разложения патриархально-родовых отношений к XI—XIV векам распадаются и соответствующие им поселения, которые объединяются в сельские общины. Об образовании крупных селений путем объединения свидетельствует наличие развалин заброшенных поселений вблизи многих современных аулов,[42] легенды и предания об этих развалинах (Ругуджа, Чох, Гочоб, Корода и др.).

С основанием и историей многих аварских селений связаны предания, легенды. Например, в предании об основании селения Ругуджа сказано, что предки ругуджинцев жили в 12 селениях, расположенных вокруг нынешнего аула: Къубзар, ЦIинаб, Хабада, ГIанада, Мадала, Мукърал гохI, ХIутниб, Булада, ТIогьох, Колоб, ГIудал, ГьарагI и на месте нынешнего аула.[43]

Между этими поселениями происходили беспрерывные столкновения из-за земли и скота. Долгая и упорная борьба за господство ослабила и без того готовые к распаду в результате разложения патриархально-родового общества поселения. Появившаяся необходимость борьбы с соседними обществами и иноземными завоевателями ускорила образование крупных поселений.

Селение Ругуджа, по-видимому, образовалось еще до распространения мусульманства в горах Дагестана. В селении сохранилось много старинных построек, среди которых особое место занимает огромное здание на вершине холма. По преданию этот дом был христианской церковью и название подтверждает это. Жители селения называют его «кIалгIа рокъ» или «гьатIан рокь», что значит «церковный дом».[44] Размеры этого дома огромны: 10×13 м. Среди жителей Ругуджа до сих пор бытует выражение «гьабго

[42] М. Н. Артамонов. О работах Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК в Дагестане в 1937—1938 гг. РФ ИИЯЛ, д. 1602, л. 32; В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 56.

[43] Полевой материал 1961 г. Информаторы Гунашев А. — 66 л., Мусаев М.-Мирза — 91 год. Есть другой вариант предания, согласно которому поселений было не 12, а 8.

[44] «ГьатIан» наряду с «килиса» — одно из названий церкви (часовни) на аварском языке.

щибла гьал, ан рокъ»! («что за церковный дом»), употребляемое в отношении большого дома или комнаты. Кроме того, необходимо указать, что окна этого здания больше, чем в обычных жилых комнатах. Все это подводит нас к мысли, что эти дома когда-то были христианскими часовнями и, следовательно, селение существовало еще в период распространения христианства. Об этом свидетельствует как устное предание, так и археологический материал.[45]

Подобное же предание имеется и об образовании селения Чох. В селение Сагульма, нынешний Чох, переселились жители селений: Шулалух, Рослаад, Бихьних ребил, Хугариб, Кьетхириб, ХIичиб, Билух (Саадул къулгIа), ХIодоб, Хамизгlалил рочон, Гергил гохI, Сурачух ребил. Предание гласит, что их объединил легендарный Абумуслим в VIII в. для усиления обороноспособности общины и прекращения внутренней вражды. О том, что между селениями существовала вражда, говорят многие легенды и песни («Гергил кечI» и др.). Эти предания повествуют о фактических событиях в прошлом — объединении мелких селений в одно крупное. Это подтверждается археологическими материалами — вокруг селения обнаружены развалины заброшенных селений.

Народные предания гласят также о том, что территория Аварии раньше была густо заселена, и это подтверждается письменными источниками. Как сообщает Масуди, автор X века «царство это (Серир — А. И.) содержит в себе 1200 поселений»*, а другой арабский автор XIII века Якут, со ссылкой на более ранний источник пишет, что в царстве Серир было более 4000 поселений.[46]

Разумеется, приводимые этими авторами сведения нельзя считать достоверными, на это указывает, в частности, их разноречивый характер. Однако для нас важен подтверждаемый ими факт наличия в раннем средневековье на территории Аварии большого количества поселений. Это тем более интересно, что приведенные сведения относятся к тому времени, когда процесс образования крупных поселений еще не был завершен. Для сравнения укажем, что в 70-х годах XIX века число населенных пунктов в Аварии не превышало 500.[47]

Можно предположить, что особенности средневекового расселения сохранились до нашего времени в топографии многочисленных поселений, образующих Куядинское общество. Здесь, на сравнительно небольшой территории, размером 8×3 км, представляющей собой замкнутую между Гунибским плато и плато Тлимеэр долину,

[45] Д. М. Атаев. Христианские древности Аварии. УЗ ИИЯЛ, т. IV, Махачкала, 1958, стр. 161—183.

* Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней. СМОМПК, вып. 38, стр. 53.

[46] Jakuts. Deographisches Wörterbuch, ...hrsg. von F. Wüstenfeld, 1, Leipzig, 1886.

[47] А. В. Комаров. Народонаселение Дагестанской области. ЗКОРГО, в. VIII, 1873, стр. 9; Н. Н. Воронов. Состав населения Дагестанской области. ССКГ, в. VIII, 1875, стр. 14—15.

расположено около 40 населенных пунктов, известных под общим названием Куяда.

Касаясь вопроса об их происхождении, можно было бы допустить мысль о том, что эти населенные пункты возникли сравнительно поздно и являются хуторами, т. е. отселками от больших поселений. Однако такому предположению противоречит имеющийся археологический и этнографический материал. Почти на каждом хуторе и селении здесь мы находим древние могильники (Тлогоб, Урала, Сах, Балануб и др.), датируемые ранним средневековьем.[48] Как удалось выяснить, некоторые селения (Мачала, Балануб, Урала) заселены представителями одного тухума. Согласно преданию эти группы родственников издавна населяют принадлежащие им небольшие селения.

Таким образом, на территории Куядинского общества по невыясненным причинам сохранилась такая картина расселения, которая была, по-видимому, характерна для всей Аварии в эпоху раннего средневековья.

Что же касается распространенных ныне крупных аварских селений, состоящих обычно из кварталов-авалов, то они в большинстве своем образовались из слияния небольших поселений. При этом в отдельных случаях удавалось проследить такие явления: все население одного квартала было выходцами из того или иного заброшенного селения (Гочоб, Хуштада, Чох, Карата и др.). Интересно отметить часто наблюдаемое в Аварии совпадение числа основных тухумов селений с числом заброшенных поселений вокруг него, откуда по преданию происходят эти тухумы. Так, четыре основных тухума, составлявших джамаат селения Хуштада, вышли из четырех заброшенных средневековых поселений: тухум «элигъай» из Шугъри, тухум «шамхвалгъай» из Пардакьи, тухум «инсигъай» из Эреси и тухум «бокькьогьай» из Кьараха. Встречалось компактное расположение какой-либо родственной группы в пережиточной форме, в силу традиций. Здесь сказывается былое единство тухума внутри сельской общины. Названия кварталы получили по их географическому положению, как и в даргинских и в кумыкских селениях.[49] И только в отдельных случаях обнаружены кварталы, носящие названия тухумов, которые занимали его, наподобие лезгинских[50] или отдельных лиц, выделившихся чем-нибудь. В селении Чиркей наряду с «БугьарагIал», «КIкIалах авал», «Бакъда», которые объясняются топографией местности, имелся квартал «Жамалилавал», называемый по имени тухума «ЖамалгIалилал», который занимал его.

В селении Урада имеется квартал «ХIавал ГохI», названный

[48] Д. М. Атаев. Некоторые средневековые могильники Аварии, МАД, т. II, Махачкала, 1962, стр. 238—241.

[49] С. С. Агаширинова. Поселения лезгин в XIX — начале XX вв. УЗ ИИЯЛ, т. VI, Махачкала, 1952, стр. 244.

[50] М. З. Османов. Поселения даргинцев в XIX—XX вв. УЗ ИИЯЛ, т. X, Махачкала, 1962, стр. 228—229; С. Ш. Гаджиева. Кумыки, М., 1961, стр. 200.

в честь женщины ХIава. В селении Ансалта есть авал «ХIусулавал» — от имени ХIусу. Подобные названия имеются и в селениях Сагада, Карата и др. Остальные кварталы в этих селениях, как и в других, имели территориально-географические названия.

В подавляющем большинстве аварское селение делится на два квартала: верхний и нижний, куда в свою очередь входили более мелкие кварталы на территориальной основе (Чох, Ругуджа, Тлядал, Батлаич). Селение Хунзах состоит из 4 кварталов: «Шулалух», «Шотота», «ХIорих», «Самилух», Чох из семи кварталов: «Анада», «ЧIудалъ», «ХIиндила», «Кьурдукь», «КIкIаланиб», «Химицебе», «РохьдочIиниб».

Во многих случаях квартальное деление в селении было произведено для удобства при выполнении общественных работ (ремонт дороги, очистка озер и др.) и раздела сенокосов, угодий и т. д. Здесь родственный принцип не играл никакой роли и господствовал принцип соседских отношений.

Наличие групповой собственности в XIX в. на отдельные участки леса, покосы, гумна, мельницы нельзя считать тухумной собственностью. Совладетели коллективной собственности — группа людей, не обязательно родственников, могли продать свою долю любому сельчанину. У нас нет материала, сколько-нибудь подтверждающего наличие какой-либо тухумной собственности в исследуемое время. Пахотная земля находилась в руках отдельных хозяев, а сенокосные, лесные угодья в основном в ведении джамаата. В одних селениях тухум получал наравне с другим свою долю при разделе сенокоса, леса и т. д., которая делилась поровну между членами последнего по жеребьевке. Если тухумы в селениях были неодинаковых размеров, то джамаат старался уравнять количество хозяйств внутри них путем слияния двух мелких в один или отчуждением небольшой группы семей с последующим прикреплением их к другому тухуму (Карата, Чиркей и др.).

В других селениях угодья делились не на тухумы, а на кварталы — авалы, независимо от того, какие тухумы в них проживали (Чох, Анди и др.). А в третьем случае в жеребьевке участвовало каждое хозяйство селения (Ботлих, Ансалта), независимо от тухумного и квартального деления.

Из приведенного материала видно, что во всех случаях стремление наделить каждое хозяйство общины равными долями господствовало во всех селениях.

Взамен кровнородственных возникают новые отношения, основанные на экономическом единстве. Участки пахотной земли, находившиеся в посемейном владении, не имели индивидуальной ограды. Выделившиеся более или менее крупные земельные массивы, на которых были расположены пашни и покосы, принадлежащие отдельным семьям, из разных родственных групп — тухумов, но связанным территориальным единством и общностью хозяйственных интересов, обносились общей оградой с целью предохранения их от потравы скотом. После уборки урожая такие

участки бывали открыты для скота не только хозяев этих участков, но и всего селения. Джамаат строго устанавливал сроки посева и уборки урожая. И если скот после окончания срока портил посевы, был виноват сам хозяин. Аналогичные примеры зарождения соседских отношений, основанных на хозяйственных интересах на определенном этапе развития общества, можно привести не только по Дагестану и Кавказу, но и за их пределами.[51] Таким образом, в поселениях в XIX в. господствуют соседские отношения и чисто экономические интересы.

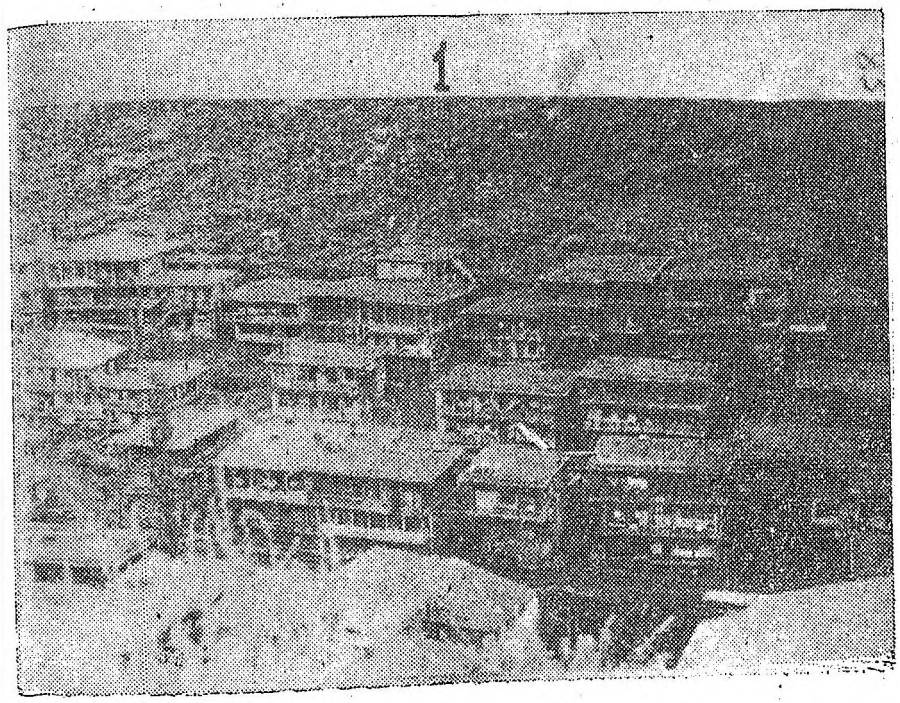

Рис. 27. Селение Бежта.

Судя по некоторым данным, в далеком прошлом тухумы не только располагались компактно в этих селениях, но и имели коллективную собственность на некоторые хозяйственные объекты и сооружения. На территории селения Ругуджа имеются сенокосные, пастбищные и другие участки, которые когда-то принадлежали отдельным тухумам — «ТIатIу кIкIал», «Маржан кIкIал», «Ганща рохь» и др. Такие примеры имеются и в других селениях (Чох, Бежта, Хуштада и др.). И частные хозяйственные объекты членов одного тухума также располагались компактно. Сенокосные и па-

[51] А. Мейтцен. Формы расселения. Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. Под редакцией В. Э. Дена. СПб, 1899, стр. 277—278.

хотные участки тухума «тІадехунел» в сел. Согратль находились в местности «Нахъа гІорох» и «Гъвалиб», тухума «къелдер» в местности «Охьла», «Оцаб» и тухума «падар» — «ГІобонуб» и «Гургур ратІал». Земли в сел. Ругуджа, расположенные в местности «МатІарда», принадлежали тухумам, занимающим верхний авал, «Саланиб»—тухумам нижнего авала, «Мадала»—тухуму «ганшалал» и т. д. Но к XIX веку тухумная собственность исчезает, и земельные участки членов его оказываются разбросанными по разным местам. Да и сам тухум не представлял уже цельного, сплоченного коллектива, и сохранилась лишь его идеологическая общность.

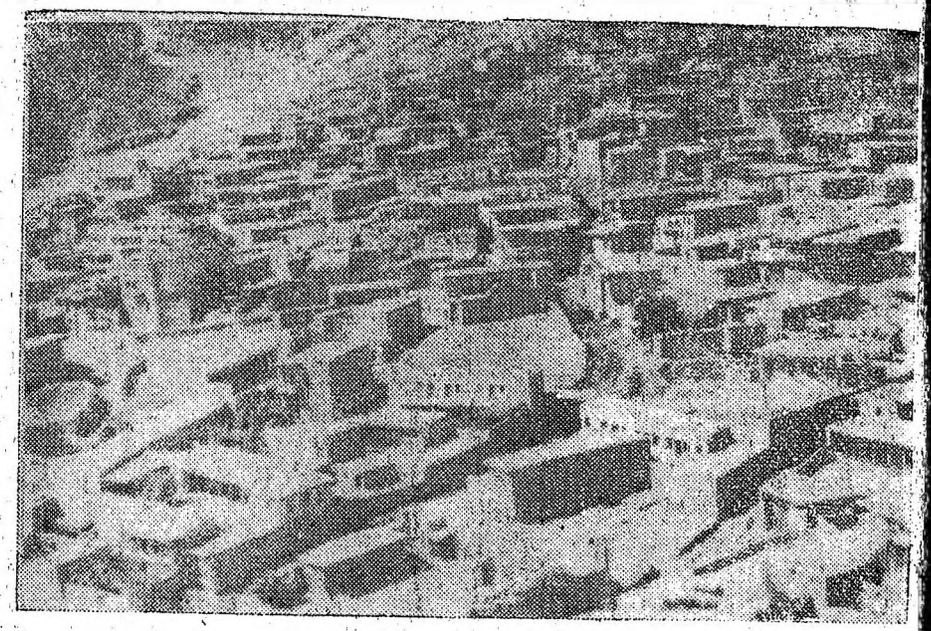

Рис. 28. Селение Чиркей.

Сам термин «тухум» в XIX в. не передает одинакового содержания. Одновременно существует и термин «кьибил» — «корень», в одних селениях одинаковый по содержанию с тухумом, в других селениях — меньше тухума, а в третьих — больше.

В селении Кахиб джамаат состоит из 5 «кьибилов»: «Герегалал», «ХІоколал», «Умаржалал», «Царакилал» и «ГвешагІалал». Все эти пять «кьибилов» распадаются на более узкие родственные группы — тухумы. Возьмем к примеру «Герегалал», которые подразделяются на четыре группы: «ГІачачилал», «Бакъвачилал», «Нартихьилал» и «ГІабурчилал». Эти группы делятся на еще более узкие круги лиц, которые назывались «цо рукъалъулчІагІи», что означает «люди одного дома». Так «ГІачачилал» делились на «ХхатукІилил», «ГІалилдавудилал», «ТІагьирилал» и «Кьаралал», которые распадаются на отдельные семьи — хозяйства. Группа —

«ХІатукІилал» состоит из 5 хозяйств — индивидуальных семей, которые имели свою частную собственность на землю, скот, дом и т. д., и «занимавшие различное экономическое и политическое положение в сельской общине.[52]

Таким образом, «по мере развития производительных сил и следовательно, общественной жизни горцев, кровнородственный принцип расселения все более и более нарушался и терял свое значение. В XIX веке мы находим только пережитки этого принципа. Везде и всюду господствует территориальный принцип расселения»[53] и частная собственность на средства производства.

В высокогорной зоне, как уже говорилось, не происходило укрупнение поселений и единственным большим аулом является Бежта, который образовался в результате объединения мелких селений. Согласно преданию, на месте, где сейчас расположен аул, был загон для скота, который назывался по-бежтински «беж». Место было дикое, окруженное могучими лесами, но для хозяйственной жизни удобное, на берегу реки. Окрестности богаты лесными массивами, горными пастбищами и имеются земли для посевов. Селение образовалось из мелких селений: «Охочи», «Синалъа», «Кито», «Хиякувакьа», расположенных высоко в горах. В первоначальное время объединение было временным — только в летнее время, во время сельскохозяйственных работ люди жили в основном селении — Бежта, а в остальное время года — в старых селениях, которые превратились в хозяйственные объекты животноводческого профиля — кутаны. Небезынтересно заметить, что эти хутора в летнее время не охранялись, скот находился на пастбищах, а люди были заняты сельхозработами. Русский путешественник Е. Марков отмечает по этому поводу, что «строгая честность дагестанского горца и строгие наказания адата оберегают от расхищения эти покинутые в пустом ущелье на произвол судьбы полные житницы (хутора)».[54] С течением времени эти объекты потеряли свое значение и жители окончательно перешли в село. В 80-х годах XIX века в селении Бежта было 301 двор, тогда как в других крупных поселениях высокогорного района число дворов небольшое: Кидеро — 64, Цумилух — 44 и другие.[55] Это своеобразное явление было обусловлено наличием земельных участков более или менее пригодных под пашню в долине реки Хван-ор и исторической близостью с аварцами центральных районов.

Таким образом, второй подтип «росо» — это крупное поселение, возникшее на основе объединения нескольких мелких (тухумных) поселений с первоначальным обособленным расположением тухумов, постепенно эволюционирующее в территориальное.

---

52 Х.-М. О. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке, М., 1961, стр. 221.

53 Х. М. Хашаев. Занятия населения Дагестана в XIX веке, Махачкала, 1959, стр. 21.

54 Е. Марков. Очерки Кавказа, СПб, М., 1887, стр. 535.

55 Дагестанская область. Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г., Т., 1893 г.

Развитие производительных сил, появление товаро-обменных отношений привело к дальнейшему развитию селообразования. Рост численности населения, экономические трудности, связанные с малоземельем, продолжение распада патриархальных больших семей, служили предпосылками к тому, что из густо населенных мест, из разросшегося аула горцы переселялись в более свободные места. Начинается обратный процесс расселения из больших селений и образование хуторов, разбросанных вокруг основного поселения. (Чох, Ругуджа, Согратль). Таким образом возникает новое, чисто территориальное поселение — «кули», «махи». Расселялись горцы там, где можно было найти удобный участок плодородной земли для посевов и пастбища для скота. Крестьянин или группа людей, лишившись земли, стремятся к экономической свободе, укреплению своего хозяйства. Так возникает небольшой объект вдали от поселения, на свободной земле. Учитывая экономические преимущества нового объекта, сюда прибывают разоренные крестьяне, кровники из разных селений Аварии, а основатели новых поселений были не против увеличения населения в целях усиления обороноспособности общины. Постепенно разрастаясь, многие из хуторов превращаются в селения, которые ни размерами, ни числом населения, ни характером, ни формой, ни внутренней структурой в XIX в. не отличаются от основных аварских поселений (Гоцатль, Унцукуль, Ансалта). Они возникли как отселки, о чем свидетельствует этнографический материал. Выросшие селения отличаются от хутора тем, что там проживают в XIX в. потомки выходцев из многих разных сел, даже разных народностей (Чиркей, Бавтугай, В. Дженгутай), тогда как в хуторе проживают представители только одного селения (Ходоб, Мадала, Ункида).

И не случайно в этих селениях, выросших из отселков (Гоцатль, Голотль, Унцукуль и др.) встречаются диалектальные особенности (смешанный язык), которые отмечает Ш. И. Микаилов в своей работе «Очерки аварской диалектологии».[56]

До нас дошли некоторые предания, рассказывающие об их образовании. Одно из них повествует, что в селении Тинди когда-то жил некий Зади. У него было четверо сыновей: Маркъо, Иштали, МухIамад и Малла. Иштали влюбился в дочь богатого сельчанина — Маймунат. Девушка ответила ему взаимностью, но родные наотрез отказались выдать ее замуж за Иштали. Тогда его братья похитили ее и укрылись в башне. В селении готова была разразиться кровная вражда, но вмешательство общества предотвратило ее. Решением джамаата всю семью Зади выслали из селения и они обосновались на земле Хунзахского хана, где проходила граница с селением Кудали. Впоследствии здесь же стали поселяться выходцы из других мест и образовалось довольно большое селение — Гоцатль с развитым садоводческим хозяйством. Предполагают, что с основания селения прошло приблизительно 300—350 лет.[57] За исторически небольшой срок селение выросло настолько, что земли для обработки стало нехватать, в селении развивается подсобное ремесло, как товарная отрасль. Таким подсобным ремеслом было производство медной посуды, мелких серебряных изделий. Со временем селение Гоцатль стало известно во всей Аварии, как центр ювелирного дела.

В другом аварском селении Чиркей имеется запись, рассказывающая об его основании и образовании, согласно которой на территории, принадлежащей Чиркею, когда-то было расположено десять кумыкских селений. Сюда прибыли два брата Хизри и Муса из селения Гента Гидатлинского общества, вышедшие в канлы. Они жили и работали в одном из этих селений — Цебеашу. Спустя год-два они облюбовали себе место и попросили разрешение у владетеля этой земли — Зазай-бике основать там свое хозяйство. Получив ее согласие, построили помещение и перевезли свои семьи. Так было положено начало основанию селения Чиркей. Место было выбрано на левом берегу реки Сулак, удобное для разведения садов и земледелия. Это было в 911 году хиджры или в 1505 г. по Р. Х.[58] Постепенно сюда спускаются люди из разных районов Дагестана: Ашильта, Зубутль, Арадерих, Амуши, Чирката и др. Население Чиркея первоначально платило кумыкским владетелям подать в виде продуктов садоводства и земледелия за арендованную землю или состояли дружинниками при них.[59] Долго и упорно боролись чиркеевцы с кумыкскими владетелями из-за земли, пастбищ. Не выдержав тяжелую борьбу с вновь прибывшими, многие ушли из этих десяти кумыкских селений, частью продав им земли, частью уступив. Особенно долго и упорно сопротивлялись жители аула Бекюрт, но в конце-концов и те ушли в кумыкскую плоскость, уступив земли чиркеевцам. В начале XIX века Чиркей был одним из крупнейших аулов в Салатавии.

Земли, на которых расположены некоторые аварские поселения в Салатавии («НахбакI») принадлежали до этого кумыкским князьям. Об этом говорит и этнографический материал, и топонимические данные. Не только названия селений Чиркей, Гертма, Козтала, Дылым, но и названия гор, рек вокруг поселения являются в большинстве случаев кумыкскими. Однако, на наш взгляд, было бы неправильно считать, что все аварские селения в Салатавии образовались подобным образом в XVI—XVII вв. как Чиркей. Некоторые из них несомненно относятся к основному типу поселения — «росо», основание которых теряется в глубине веков.

Во многих случаях в Казбековском районе встречается и чисто аварская топонимика и кроме того прослеживается в некоторых случаях под кумыкской топонимикой более древний пласт — авар-

[56] Ш. И. Микаилов. Очерки аварской диалектологии, М., 1959.

[57] Полевой материал 1961 г. Инф. Абдусамедов, М., РФ ИИЯЛ, д. 3025.

[58] Экземпляр копии с записи хранится в рукописном фонде ИИЯЛ, д. № 3025.

[59] С. Ш. Гаджиева. Кумыки, стр. 196; Х.-М. О. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1961, стр. 202.

ский. Например, селение Зубутль. На его территории имеется только аварская топонимика. И само название селения Зубутль (ЦIобокь от слова «цIол+бокь», мягко произносимый звук «л» выпал со временем) переводится как «в виноградниках».

В ряде случаев вопрос об этимологии названий отдельных селений данного района нам представляется спорным. Название селения Миатли переводится по-кумыкски, как образовавшееся от слияния двух кумыкских слов — «Минг атлы» (тысяча конных).[60]

Возможно будет правильнее, если Миатли производить от аварского Миакьу, с характерным окончанием «кь» для многих аварских селений (ЦIобокь, который расположен рядом с Миакь, ТIелекь, Гъамсукь, НакIкIикь, Гьолокь и др.), которое обозначает — «под», «у». Скорее всего здесь произошло приспособление заимствованного слова к фонетике заимствующего языка, как это происходило и во многих других случаях, когда звук кь, лъ преобразовывался всегда на русском и кумыкском языках в тл (Зубутль, Гамсутль, Телетль и др.).

Таким образом, топонимика Салаватская представляется нам не чисто кумыкской, а смешанной — аварско-кумыкской. Заслуживает внимания и то, что в том районе нет ни одного кумыкского селения, в то время как по природным богатствам и почвенно-климатическим условиям, предгорные районы являются наиболее благоприятными для заселения и поэтому вряд ли эта богатая земля оставалась пустой до XVI—XVII вв. Следовательно аварские селения здесь значительно более древнего заселения.

Судя по данным археологии территория Салатавии была заселена, начиная с глубокой древности. В результате исследований последних лет, здесь было обнаружено свыше 20 поселений и городищ, много могильников. Хронологически эти памятники охватывают значительный период времени — от эпохи ранней бронзы до средневековья.[61]

Таким образом, территория Салатавии была заселена не позже рубежа III—II тыс. до н. э., а в эпоху средневековья достигла значительной плотности населения. Здесь жили оседло местные племена, основу хозяйства которых составляло земледелие и скотоводство.

Ссылаясь на археологические материалы, некоторые исследователи склонны считать, что эти поселения входили в состав одного из государственных образований, существовавших на территории Дагестана (вероятнее всего Серира), а оборонительные сооружения у Верхнего Чирюрта — его северной границей, главным образом, направленные против кочевых племен.[62] Следовательно, эти поселения в средневековый период, входя в состав одного из государственных образований (Серира) были связаны

[60] С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 197.
[61] В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. УЗ ИИЯЛ, т. III, Махачкала, 1957, стр. 157—164.

с районами горного Дагестана, и возможно, что это население являлось частью горского дагестанского племени, сложившегося впоследствии в аварскую народность.

Касаясь последующих событий на данной территории, отметим, что особое значение имеет период татаро-монгольского нашествия. Вторжение это явилось тяжелым событием в истории народов Дагестана, особенно сильно пострадало население равнинной и предгорной части.

Опустошительными были нашествия на Дагестан Тохтамыша и Тимура. Тимур разорял, уничтожал селения, а жителей переселял на другие места. Так, по сохранившимся преданиям, селение Дылым образовалось из двух разрушенных Тимуром селений: Гебехъала и Жагъинколо. Другое селение Зубутль, за оказанное ему упорное сопротивление было сожжено и разграблено, но население не было переселено и продолжало жить на прежнем месте.

Видимо, часть населения предгорного Дагестана, не имея возможности оказать сопротивление и чтобы спастись от врага, переселилась в горные, труднодоступные места. А горцы же Дагестана оказывали упорное сопротивление им и несмотря на неоднократные походы монголов, видимо, не были покорены. Об этом свидетельствует и сообщение посла Франции в Золотой Орде Вильгельма Рубрука, что «лезги не подчинены татарам».[63]

Монгольские ханы и Тимур, распоряжаясь захваченной землей, награждали ею покорных себе местных владетелей, утверждали за ними области.[64] Так, земли Салатавские, возможно, и были отданы лицам, покорившимся монголам, и стали их собственностью.

В XVI—XVIII вв. часть аварцев возвращается на плодородные земли, уже принадлежащие кумыкским владетелям и основывают там небольшие населенные пункты, которые увеличиваются к XIX в. до размеров средних поселений.

Принцип расселения в селениях хуторского типа, основанных выходцами из разных селений, является чисто территориальными. Хотя разделение на тухумы и встречается в таких селениях, но единство и взаимосвязь членов тухума намного слабее, чем в селениях первого типа. Это объясняется тем, что сами тухумы в этих селениях во многих случаях не едины по происхождению. Представители разных мест объединяются в один тухум для укрепления своих сил для защиты людей и имущества. Так, когда разросся Чиркей, все население было разделено на шесть тухумов: Бурабазул, Парахатилал, ЖамалгIалилал, Падарал, Ашильтасел, Берасулазул. Все прибывавшее позже население вливалось в тот или иной тухум. При этом учитывалась и численность тухума — джаматт стремился уравновесить количество членов всех тухумов,

[62] К. А. Бредэ. Новые поселения на Сулаке, стр. 23; Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, стр. 88.
[63] «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 57.
[64] С. Ш. Гаджиева. Кумыки, стр. 33.

чтобы один не оказался слишком сильным и многочисленным. Иногда происхождение тухумов в подобных селениях можно проследить по названиям их. Так, в селении Чирюрт имелось три тухума: Буртунай, Багулазул, ХІамалилал (лагътухум). Тухум Буртунай, как видно, образовался из выходцев селения Буртунай Казбековского района, Багулазул тухум — из общества багулал. Лагътухум возник из пленных рабов. Имеется также небольшой тухум Идрисилал — выходцы из селения Шаблух. Таких примеров можно привести еще несколько.

Ко второму типу — «кули», «махьи» относится и населенный пункт небольших размеров, основанный выходцами из крупного аула. Таких отселков вокруг поселения может быть несколько (Ругуджа, Чох, Хиндах и т. д.). Здесь в основном проживает родственная группа, которая в зимнее время частью возвращается в центральное селение.

Кроме основных причин: развитие производительных сил, рост населения и связанная с этим необходимость освоения новых земель, образование хуторов происходило и по другим причинам. Например, необходимость охраны своих земель от неприятеля. В оборонительных целях по решению джамаата выделялась группа семей, по желанию, для заселения отдаленного участка. Так возник ряд хуторов (Наказух, Ашильта, Ункида и др.).

Некоторые населенные пункты, некогда бывшие самостоятельными селениями, заброшенные в период распада тухумных поселений или в результате междоусобий и Кавказской войны, впоследствии снова превращаются в хутора (Ходоб, Анада, Асах, Мадала).

Процесс выделения хуторян шел не гладко, хотя основные поселения поддерживали и способствовали образованию новых хуторов и отселков. Основные селения стремились сохранить господство над политической и экономической жизнью хуторов, умышленно задерживая их развитие. Решение основных вопросов находилось во власти джамаата основного селения. В этом отношении характерную картину мы видим на примере Хунзаха и окружающих поселений. Селения Гонох, Цада, Баитли и др. первоначально полностью подчинялись джамаату Хунзахскому как в политическом, так и в экономическом отношении. Такими элементами зависимости были: обязанность ходить в каждую пятницу на джумму в Хунзах, отсутствие своего маслаата (жители этих селений судились в Хунзахе), обязательное захоронение умерших на Хунзахском кладбище и др. Население хуторов (поселений) долго и упорно боролось за самостоятельное решение своих внутренних вопросов и к XIX веку многие хутора — «кули» могли самостоятельно решать внутренние экономические и другие вопросы, тогда как решение политических вопросов сохранялось за основным селением.

Говоря об изменениях в типологии аварских поселений необходимо указать, что междоусобные войны и годы Кавказской войны привели к изменению первоначального лица многих аварских по-

селений. Многие селения вынуждены были уйти со своих обжитых мест и основать новые поселения. Так, в результате упорной и долгой борьбы с соседними общинами селение Харада Гидатлинского общества вынуждено было уйти на другое место. Выходцы из этого селения основали новое селение на территории общества Карах-Урухсота.

Особенно много селений пострадало в годы Кавказской войны. Те аулы, население которых не поддержало мюридизм, были разрушены имамами и их наибами,[65] а те аулы, население которых присоединилось к движению, руководимому Шамилем, уничтожались русскими генералами. По нескольку раз сносились с лица земли многие аулы Аварии (Гергебиль, Салта и др.), а крупные населенные пункты превращались в хутора. Во время одной только экспедиции князя Аргутинского-Долгорукова в 1845—1848 годы были уничтожены и сожжены десятки аварских поселений. Вот что пишет об этой экспедиции Н. Берз: «Отряд направился к аулу Кегер и был разорен до основания..., отряд истребил аул Гачада,... а вслед за тем были сожжены и истреблены четыре аула с их хлебными посевами и покосами... 24 сентября аул (Салта — А. И.) уже не существовал: по совершенном его уничтожении отряд возвратился в штаб-квартиры. Отряд после неимоверных усилий овладел Гергебилем. Аул был срыт до основания и сады его истреблены».[66]

У другого автора при приведении списка двух обществ высокогорной Аварии против 25 селений стоит примечание «Аулы эти уничтожены нашим отрядом» или «Аулы эти истреблены с их посевами».[67]

Жители многих поселений не будучи в состоянии отстраиваться и восстанавливать свое хозяйство, покидали свои родные места и рассеивались по другим селениям. Только спустя много времени некоторые жители возвращались на прежние места и отстраивали новые поселения — хутор. Так, например, поселение Асахо, которое было в 1826 году «значительнейшим аулом в Дидойском обществе»[68] к 1886 году превратилось в хутор.[69]

Второй тип поселений характерен для периода разукрупнения большого аула, возникшего в свое время путем слияния мелких, тухумных поселений. Это был уже вторичный процесс в селообразовании, объясняемый дальнейшим развитием производительных

---

[65] Гаджи-Али. Рассказ очевидца о Шамиле. Пер. с арабского. ССКГ, вып. 7, 1863, стр. 26. «Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи», М.—Л., 1941, стр. 129, 137, 152, 153.

[66] Н. Берз. Краткий очерк служебной деятельности генерала-адъютанта князя Аргутинского-Долгорукова. КК на 1856 г., стр. 565—581.

[67] А. П. Берже. Материалы для описания Нагорного Дагестана. КК на 1859 г., стр. 253—259.

[68] Там же, стр. 254.

[69] Дагестанская область. Свод статистических данных о населении Закавказского края. Т., 1893, стр. 12.

сил, возникновением товарообменных отношений, естественным ростом населения и т. д.

Чем позднее основано селение, тем слабее подвергнуто оно оборонительному фактору. Многие из этих хуторов занимают места незащищенные, легкодоступные в военном отношении, но в экономическом отношении очень выгодные. С присоединением Дагестана к России сильная централизованная власть русского правительства оберегала поселения от нападения не только соседей, но и извне. Прекращаются внутренние столкновения между обществами и селениями, появляется возможность заботиться только об экономическом развитии, отпадает необходимость в обороне селений.

Развитие производительных сил и проникновение капиталистических элементов послужило причиной нового этапа селообразования в Аварии. Во второй половине XIX века в старых поселениях появились кварталы, расположенные на ровных, малозащищенных местах.

Процесс разрастания и укрупнения и в связи с этим расселения на новые площади происходил в каждом селении. Многие семьи выходят из густонаселенных кварталов селения на его окраины, на ровные участки, нарушая старый принцип застройки — тухумно-родственный.

С установлением торгово-обменных отношений и экономическим развитием изменяется и планировка селения. Вместо многоэтажных домов с глухими стенами, прижатых друг к другу, появились свободно расположенные двухэтажные дома с балконами и галереями. Побывав в торговых и промышленных городах России и Закавказья, аварские купцы, чиновники, отходники воспринимали культуру их, в частности, в области домостроительства. Новые, удобные дома зажиточных жителей сосредотачиваются на одном месте. Так возник квартал в Чохе, о котором писал О. Каранаилов в 80-х годах XIX века: «В верхней части живут чиновники и богатые люди; здесь же находится базар и торговый центр».[70]

Такие кварталы имеются во многих аварских селениях и характерны они для периода окончательного исчезновения фактора обороны и складывания капиталистических отношений.

Советский строй открыл широкие возможности развития экономики и культуры горцев Дагестана и внес существенные изменения и в характер селообразования в горах. За годы Советской власти вырос новый тип поселения в Аварии — социалистический, который своей социальной сущностью, планировкой, формой отличается от ранее существовавших поселений. Потеряли силу основные факторы, действовавшие при выборе места для поселения, и изменившиеся социальные отношения изменили характер основания нового селения.

Основным стремлением жителей новых поселений является желание полнее удовлетворять свои экономические и культурные по-

[70] О. Каранаилов. Аул Чох. СМОМПК, IV, 1884, стр. 1.

требности. Для этого места выбирают наиболее ровные, позволяющие строить дома свободно, создавать широкие прямые улицы, сады, приусадебные участки под огород. Поселения, расположенные на крутых склонах и скалистых уступах, ограниченные обрывами и скалами, не могут ни расширяться, ни улучшаться и, следовательно, не могут удовлетворить возросшие требования населения. И жители стали спускаться со склонов и хребтов на ровные, удобные участки, а решение зерновой проблемы в горах позволило занимать под поселения участки, ранее занятые под пашнями. Селения, ограниченные в своем развитии, переселяются на новые места. Так, селение Гоор Советского района за последние годы полностью переселилось ниже по склону на 1,5 км, заняв плодородные земли под постройки, забросив каменистый гребень скалы, куда добираться было очень трудно, а для улучшения планировки, расширения не было никакой возможности.

Дома в новых селениях расположены свободно, окружены приусадебными участками и садами вдоль широких улиц, хотя не всегда ровных, т. к. местность не всегда позволяет создавать прямые улицы в горном селении. Появление общественно-просветительских учреждений в селении существенным образом изменило облик его. Район, где сконцентрированы новые двухэтажные здания, напоминает поселок городского типа с прямыми и ровными улицами. Освоение на плоскости больших площадей поливных земель, которые не только полностью удовлетворяют потребности населения Дагестана в зерне, но и в кормах для скота, позволило таким селениям как Урада, Тидиб Советского района, Карата, Арчо Ботлихского района, Хиндах, Карадах Гунибского района и многим др. переселиться на лучшие участки земли, занять под поселения свои прежние пашни. Фактор обороноспособности, который, как было сказано выше, потерял свою силу, значимость еще с середины XIX века, т. е. после окончания Кавказской войны, в социалистическую эпоху не играет совершенно никакой роли. Наоборот, усилилась тенденция располагать дома, следовательно и поселения, в наиболее доступных для подхода, удобных для сообщения с другими поселениями местах. А вопрос водоснабжения, хотя и является весьма существенным, уже не является проблемой. Колхозы покупают у государства водопроводные трубы и проводят в селение даже из далеко расположенных источников хорошую воду. Многие колхозники, не довольствуясь общественными водоразборными сооружениями, которые размещены в селении в нескольких местах, проводят водопровод к себе во двор.

Новые поселения и кварталы придерживаются по-прежнему южной ориентации.

Социалистические преобразования в горах способствовали не только развитию и перепланировке существующих поселений, но и привели к образованию новых поселений в горах (Гуниб, Коммуна, Арани, Карадах, Советское и др.). Все они удобно расположены на ровных местах, близко от больших дорог. Некоторые (Гуниб, Арани, Карада) возникли на местах русских военных

крепостей в 20-х годах XX века. Но селения как таковые сформировались в основном за последнее десятилетие. Например, первоначально в Гунибе поселились люди из разных аулов района, главным образом, красные партизаны, революционеры, у которых дома были разрушены белогвардейцами и бандами Гоцинского. До 40-х годов Гуниб оставался небольшим поселком, хотя был и административным центром района, а сейчас это один из крупных и красивейших аулов Дагестана.

В середине поселения раскинулась огромная площадь, окруженная рядами стройных тополей и декоративных деревьев, а далее ровными рядами расположены здания общественных и культурно-просветительных учреждений и удобные, благоустроенные дома, окруженные садами. Подобная форма является в основном характерной для поселений нового типа, хотя размеры центральных площадей могут быть и разные. Как ни велики изменения, которые произошли в горах за годы Советской власти, но полностью перестроить свою хозяйственную и культурную жизнь многие селения не могли из-за ограниченных земельных возможностей. Поэтому многие поселения — колхозы решили переселиться на плоскость, где имеются широкие возможности для всестороннего развития их экономической и культурной жизни.

Советское правительство пошло навстречу желанию горцев и поддержало их. Государство обеспечивает переселенческие колхозы земельными угодьями, отпускает им строительные материалы на льготных условиях и долгосрочные ссуды и т. д.

За короткий исторический срок изменилась экономика и культура переселившихся. Это крупные благоустроенные поселения нового типа, где полностью отпадает зависимость застройки от кровнородственных и тухумных связей и появляется социалистический, территориально-колхозный принцип расселения.

Интересно в этой связи выступление 67-летнего жителя селения Рулда Чародинского района Абакара Магомедова в газете «Красное знамя»: «Я был, — пишет он, — в селении Кулзиб несколько раз до переселения на плоскость. Это селение расположено высоко в горах. Зимой в селении закрывалась дорога даже для ишака, пешеход мог еле добраться до него. Вода была расположена далеко от селения и к ней вела опасная тропинка. Бывали случаи, когда женщины, неся на спине тяжелый кувшин, поскользнувшись, разбивались насмерть. Пригодной земли для обработки было очень мало. Улочки узкие, крутые. Чтобы построить саклю, человеку нужно было вырубить уступ в скале. В селении не было клуба, школы, медицинского пункта, да и строить их было негде. Прошло четыре года, как переселились кулзебцы и все изменилось неузнаваемо. Вдоль широкой улицы в ряд выстроились хорошие дома под шифером, перед каждым домом имеется садик и огород. В селении вода в изобилии, как питьевая, так и для орошения. В селении имеется восьмилетняя школа, больница, большой клуб, библиотека, радио и другие учреждения. Люди живут намного богаче

и лучше, чем раньше. Вот и наши односельчане — рулдебцы решили спуститься с гор и поселиться на земле Кизилюртовского района».[71]

Подобные перемены произошли не только в одном Кулзебе, а во всех аварских селениях, которые переселились на плоскость: Дзержинское (Конхидатль), Теречное (Зиберкали), Новочиркей, Советское (ЧIугIли) и др.

Таким образом, аварские поселения в своем историческом развитии прошли длительный путь от небольших тухумных поселений до крупных колхозных аулов. Все поселения Аварии могут быть подразделены на два типа: «росо» — поселение, которое в свою очередь подразделяется на: а) небольшие поселения, возникшие предположительно, как тухумные, характерные для периода патриархально-родового строя;

б) крупные территориально-тухумные поселения, прогрессирующие в территориальные, которые возникли на базе распавшихся (тухумных) поселений в XI—XIV вв.; и «кули» («махи») — хутор, отселок, возникший как чисто территориальное поселение в XVII—XVIII вв., некоторые из которых разрослись к XIX в. до размеров средних аулов.

Особо должно быть выделено Советское село, возникшее после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

3. ФОРМЫ ПОСЕЛЕНИЯ

Месторасположение, особенности планировки, форм поселений обуславливается социально-экономическими причинами и тесно связаны с характером местности, рельефом. Земельный голод и стремление к недоступности наложили определенный отпечаток на формы поселения и их планировку. Как правило, место для поселения выбиралось естественно укрепленное, на крутых каменистых склонах гор, на скальном хребте, на краю обрыва и т. д., непригодное для обработки, экономя для пашни имеющиеся небольшие участки вокруг селения.

Различные природно-географические и исторические условия жизни самих людей определяли облик и характер поселений. Планировка и форма поселения находятся в прямой связи с типом поселения и рельефом местности. Для разных исторических эпох характерны разные типы поселений и вместе с тем, до некоторой степени и разные формы его.

При внимательном наблюдении и изучении полевых материалов можно различить 3 формы аварских поселений: кучевую, ступенчатую и горизонтальную.

Кучевая форма планировки характерна в основном для тухумного типа поселений, расположенных на укрепленных возвышен-

---

[71] А. Магомедов. Использовать широкие возможности. Газ. «Красное знамя» (на аварском языке) от 26/IX-61 г.

ностях, выступах скал на значительной высоте (Гамсутль, Сагада, Кулзеб, Кахиб, Тануси и другие).

Обычно селения кучевой формы бывают небольших размеров и планировка домов бессистемная, это нагромождение построек на относительно небольшой территории: дома построены там, где есть возможность прилепить его, хотя это связано со многими неудобствами: теснотой, трудностью дороги, пользованием водой. Кучевое поселение с беспорядочной планировкой является наиболее древней формой поселения в Аварии, и отличается особой скученностью.

Основным элементом аварского поселения кучевой формы является глухой дом, дом-крепость — замкнутый комплекс жилых и хозяйственных помещений. Для большинства поселений характерны многоэтажные каменные дома, тесно прижатые друг к другу, с размещением жилых и хозяйственных помещений в вертикальном плане. Такая планировка была наиболее приемлемой в условиях острого малоземелья и военной опасности.

Поселение, расположенное на склоне горы, обычно принимает форму ступенчатую — террасообразную. Поселения террасообразной формы встречаются во всех природно-географических зонах Аварии. Дома, плотно прижимаясь один к другому, тянутся по склону горизонтально, а следующий ряд домов расположен параллельно первому. Небезынтересно отметить, что такие селения производят впечатления сплошной застройки, все части которой неразрывно связаны друг с другом, похоже на гигантскую лестницу. Например, в Чохе, если смотреть с юга, можно насчитать 32 этажа — ступени, в Анчихе — 22. Многих исследователей, путешественников, наблюдателей поражала их многоярусная, оригинальная ступенчатость и скученность,[72] сходство с амфитеатром.[73] Террасообразную форму имеют в основном поселения крупных размеров, которые сложились как территориально-тухумные (Ругуджа, Чох, Гочоб, Арчо и др.). Дома здесь строят близко друг к другу, усадеб нет, обычно имеется крытый двор, небольших размеров, выполняющий функции хозяйственного помещения.

Дома в таких селениях в основном двух- и трехэтажные. Единственной площадкой и ровным участком около дома является крыша ниже расположенного дома.

Скученность и теснота до известной степени была вызвана в нагорной Аварии малоземельем. А при достаточном количестве удобной для обработки земли жилища в поселении располагались свободно, не налезая друг на друга, и при каждом доме имелся двор большей или меньшей величины. Наличие двора и горизонтальное размещение хозяйственных и жилых помещений характерны для поселений с горизонтальной планировкой в предгорных районах, но иногда встречаются и в нагорной Аварии (Советск, Карадах, Бежта, Шаури).

[72] Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. В кн. Историко-этнографические этюды. М.—Л., 1949, стр. 34.

[73] Н. В. Динник. По Чечне и Дагестану. Т., 1905, стр. 67; Е. Марков. Очерки Кавказа. СПб, М., 1887, стр. 525; А. Берже. Материалы для описания Нагорного Дагестана, КК. на 1859 г., стр. 251; Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, СПб., 1871.

Характерной особенностью планировки горных поселений является сплошная застройка улицы жилыми домами как с одной, так и с другой стороны. Дома, тесно примыкая один к другому, тянутся на всю длину улицы, иногда прорезываемую переулками, образуя сплошную застройку ряда, где свободно можно перейти от одного дома к другому по крышам. О. Каранаилов, описывая свадебные обычаи в селении Гергебиль в конце XIX века, между прочим пишет, что «пройдя шагов сто по сплошным земляным крышам, мы стали против дома, из которого вышла невеста»[74].

Выделяются своей планировкой от остальных аварских поселений бежтинские аулы, расположенные на берегу Хван-ор. Правильная форма рядовой планировки, т. е. дома, расположенные в одну прямую линию, наблюдаются только в селении Бежта. Постройки в селении поставлены вдоль берега реки более или менее правильными рядами, постепенно повышающимися по мере удаления от реки, т. к. местность имеет небольшой наклон к реке. Издали это создает картину ступенчатости, однако эта планировка отличается от обычной планировки аварских поселений своей правильностью[75]. Нельзя сказать, что селение целиком подчиняется правильной рядовой планировке. Чем дальше от реки расположены дома, тем меньше ее влияние. Но особенно ровно поставлены дома в ряд в западной части селения, ориентированные на воду. На противоположной стороне — на правом берегу — дома обращены к реке тыловой стороной: они ориентированы на юг.

Отличительной особенностью этих поселений (Бежта, Тлядал) является отсутствие той скученности и тесноты, которые характерны для всех аварских поселений, особенно в горных районах. К дому можно подойти со всех четырех сторон.

Нам думается, что такая планировка возникла в бежтинских селениях позднее, со второй половины XIX века, когда аулы были отстроены после разрушения и пожара.

Аварские поселения в предгорной части в корне отличаются от поселений в горах своей планировкой, формой, видом. Если в горах преобладают скученные ступенчатые или кучевые селения на вершинах гор или на крутых склонах, то в предгорье они расположены на ровных местах, довольно свободно.

Если при планировке горных селений на улицу выходили глухие стены с обеих сторон, превращая ее в своеобразный коридор, то в предгорных селениях (Дылым, Верхний Дженгутай, Бавтугай,

[74] О. Каранаилов. Свадебные обычаи некоторых аварских аулов. РФ ИИЯЛ, д. 190, стр. 3.

[75] Е. М. Шиллинг. Народы андо-цезской группы. В сборнике очерков по этнографии Дагестана. РФ ИИЯЛ, д. № 1613, стр. 29.

Чиркорт и другие) улица застроена только с одной стороны. На улицу выходят с одной стороны задние или торцовые стены жилого дома, а на противоположную сторону улицы выходит невысокий плетеный или каменный забор. Основной ячейкой предгорного селения является усадьба небольших размеров с горизонтальным размещением помещений. Жилые помещения стоят изолированно от хозяйственных, которые стоят в глубине двора. Нельзя сказать, что эти селения подчиняются строгой планировке, но они отличаются от горных поселений и правильностью рядов, прямыми и широкими улицами.

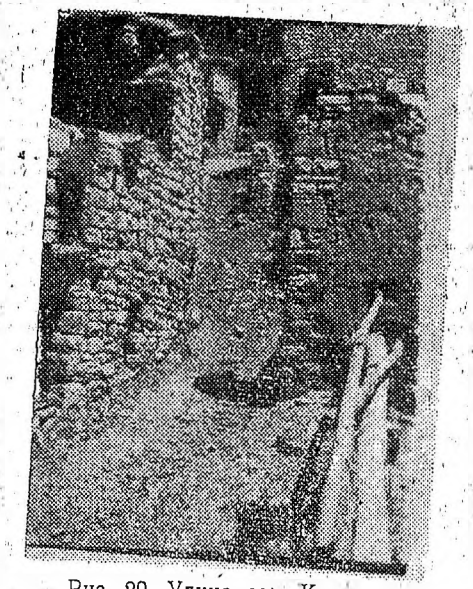

Рис. 29. Улица сел. Корода.

Для всех аварских поселений обязательной архитектурной деталью была площадь — годекан. Она являлась общественным центром селения, где обсуждались важнейшие вопросы и устраивались общественные праздники. Иногда площадь ярко выражена в самой планировке селения (Унцукуль, Гергебиль, Гонода, Чох, Магар). Дома вокруг нее расположены кольцеобразно, образуя замкнутый круг, прорезанный лучеобразно расходящимися улицами. Однако общественная площадь не всегда находилась в центре аула, т. к. природно-географические условия не везде позволяли это. В таких случаях она находилась на окраине селения, там, где проходила дорога.

Помимо центральной площади в больших селениях имелись и квартальные площади. Названия этих площадей соответствовали названиям кварталов. Квартальные площади, видимо, в давнее время были тухумными, где обсуждались внутренние тухумные вопросы. С изменением характера квартала меняются и функции

площади. На площади обсуждаются дела уже не родственной группы-тухума, а территориальных соседей — жителей квартала. Наличие отдельной площади тухума от квартальной, которая функционировала бы в XIX веке, нами не обнаружено, да к тому времени у тухумов и не осталось ничего, что требовало бы специального обсуждения.

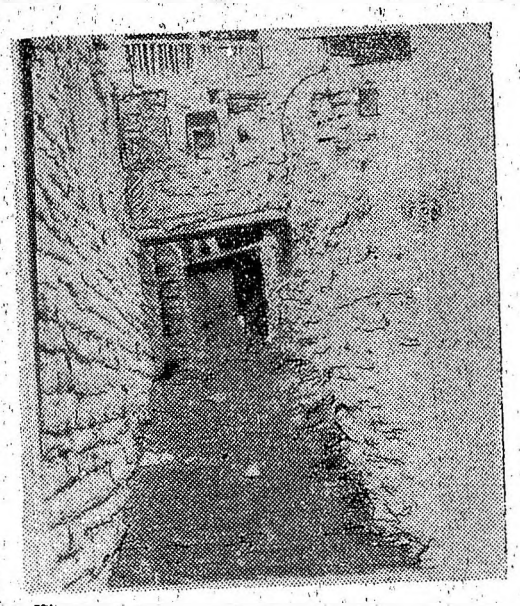

Рис. 30. Улица сел. Чиркей.

Мусульманская религия укрепила значение общественных площадей, построив на них мечети. На квартальных площадях находились квартальные мечети, а на центральной площади — джумма мечеть. В селении Ругуджа было 4 мечети и одна из них была общей, в Чохе — 7 кварталов и соответственно 7 мечетей.

Одна из площадей, чаще центральная, являлась и экономическим центром селения. На ней находились: базар, магазины, ларьки. Здесь же, на годекане, мужчины проводили за мирной беседой свободное время, иногда выполняли мелкую работу.

Во второй половине XIX — начале XX веков, с появлением новых, удобно расположенных кварталов, туда во многих случаях переместились и экономико-административные центры.

В селениях нового, советского типа общественная, культурная и экономическая жизнь сосредотачиваются вокруг культурно-просветительных и административных учреждений: клуба, сельсовета, магазина, библиотеки, школы, которые расположены на центральной улице селения. С изменением социально-экономического строя изменяется и характер обсуждаемых вопросов. Если раньше джамаат собирался на площади около мечети для обсуж-

дения вопросов обеспечения безопасности территории и жителей общины, выбора представителей для решения спорных вопросов между соседними общинами, выбора судьи-маслаата, проведения сельскохозяйственных работ в строго регламентированном порядке[76], то на общем собрании колхозники обсуждают вопросы улучшения условий труда, повышения производительности труда, поднятия народного хозяйства, благоустройства своего селения и вопросы культурно-просветительного характера.

Расположение сельских улиц находится в тесной связи с местонахождением общественной площади. Если площадь находится в центре селения, то улицы от нее расходятся в разные стороны, соединяя все кварталы. А если площадь расположена на краю селения, то от нее идет главная улица через все селение, от которой разветвляются другие улочки.

Если более или менее широкую улицу можно найти в селениях с горизонтальным расположением, то в селениях с вертикальной зональностью планировка селения всецело зависит от характера местности. В селениях, расположенных на крутых склонах, главной или центральной улицы, которая соединяла бы все окраины его и переулки, нет. Обычно в таких селениях (Чох, Ругуджа, Анчих, Арчо и другие) после каждого ряда домов, горизонтально расположенных, тянется узкая тропинка, которая служит улицей для двух рядов. Нередко эти ряды разделяются между собой полосой скального выхода и для того, чтобы перейти от одного ряда к другому, приходится вдоль одного ряда выходить на край селения и обходить эту скалу.

Улицы в горных селениях чрезвычайно узки, извилисты и часто неожиданно заканчиваются обрывом или тупиком, а иногда продолжаются в виде узкого туннеля. Если горизонтальные улицы идут более или менее ровно, то вертикально расположенные вьются природными лестницами, а в некоторых селениях их специально укрепляют подпорными стенками, чтобы облегчить движение по ним и предупредить размыв их. Улицы изгибаются, приспосабливаясь к топографическим условиям местности. Всех наблюдателей, путешественников, которые бывали в дагестанских аулах, удивляла узость и запутанность улиц и бессистемность их, а между тем они органически связаны с планировкой селения и рельефом местности.

Каждый дом в селении связан с улицей, которая приводит к общественной площади и ни один хозяин не мог не только перегородить улицу, но и сузить ее без разрешения джамаата, а такое согласие общество выносило не часто. Если улица горизонтальной планировки может кончиться тупиком, то улица, идущая сверху вниз, вертикально, никогда не заканчивается тупиком, она обязательно выходит на край селения, пересекая горизонтально идущие улицы.

---

[76] Х. М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке, М., 1961, стр. 227.

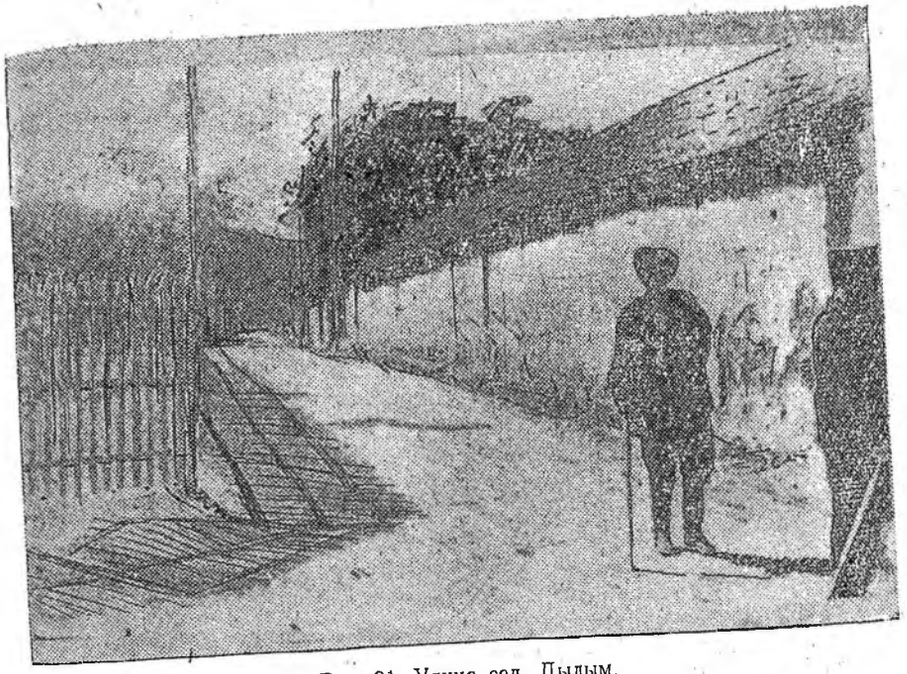

Рис. 31. Улица сел. Дылым.

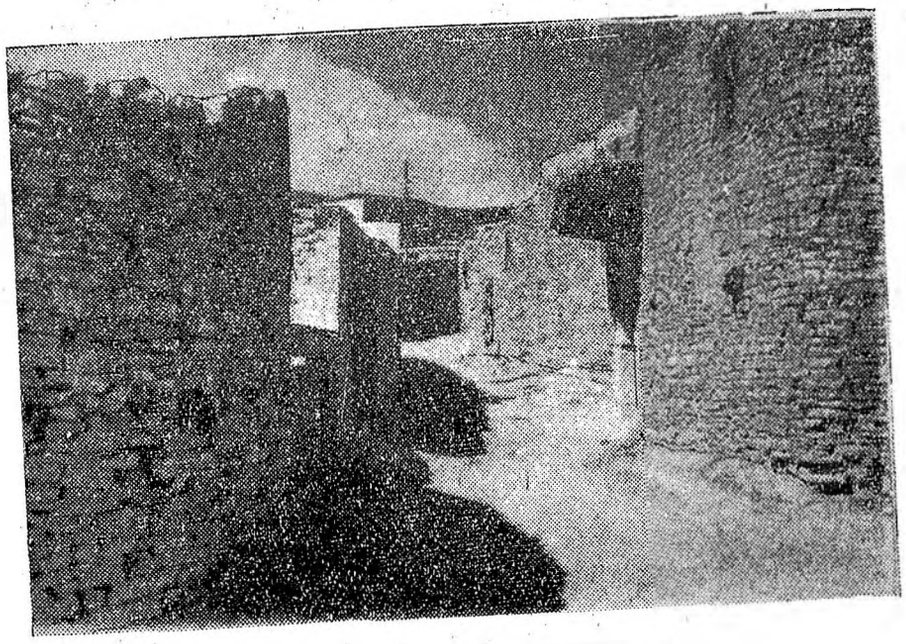

Рис. 32. Улица сел. Килятль.

Цель такой планировки следующая. Специальных сооружений для очистки селения от нечистот нет и оно очень быстро загрязняется. Роль «санитара» в таких аулах выполняет дождь, а функции «санитарных коммуникаций» — улицы вертикальной планировки. Вода, стекаемая по улицам, промывает их и выносит всю грязь за селение. Этому помогает, как известно, и грунт селения. Обычно аварское селение располагается на голом скальном выходе, твердом сланце, который не поддается размыванию и оползням. Такой фундамент дает прочность постройкам и имеет огромное санитарное значение. При наличии узких улиц, куда не проникают лучи солнца, и выливают воду, на мягкой почве, особенно после дождя, образовалась бы непроходимая грязь, но твердая основа способствует быстрому подсыханию улиц. Кроме того, с целью предохранить селения от чрезмерной грязи, хлева для скота в некоторых случаях (Чох, Тидиб, Анчих, Кутлаб и другие) выносят на окраину селения. Туда же выносят сеновалы с целью предохранения от пожаров.

И так, как бы ни был запутан план селения, в основе его лежит влияние двух факторов: это планировка улиц и площади, и ориентация селения. Независимо от того, на какой высоте расположено селение, в какой природно-географической зоне оно находится, придерживаются одной ориентации — южной, независимо ни от формы, ни от типа селения.

При любой форме поселения: кучевой, ступенчатой и горизонтальной фасады домов направлены в одну сторону. Дома, расположенные вдоль реки, которая течет с севера на юг, выходят на воду как с той, так и с другой стороны боковыми сторонами (Тлярата), а если она течет с запада на восток (Хван-ор) или наоборот, то на воду дома смотрят с одной стороны фасадами, а с другой — тыльными сторонами.

В топографии аварских поселений видное место занимают кладбища. Кладбища, как правило, располагаются на краю селения, но никогда не занимают при наклонной местности верхнюю часть селения, откуда почва может быть размыта и перенесена в селение. Часто кладбище выносят на противоположный склон горы, через овраг (Чох, Ругуджа, Зубутль и другие). В некоторых очень редких случаях, в результате роста селения кладбище оказывалось в его черте, на его территории, становилось как бы структурной частью селения. Например, в селении Анди имеется два старых кладбища непосредственно на территории селения, которые были расположены первоначально на окраине. Такие же кладбища имеются в селениях Гамсутль, Хиндах, Хунзах и т. д.

В крупных селениях имеются два и три кладбища, особенно часто встречаются разные кладбища для верхнего и нижнего аула. В некоторых селениях встречается, как пережиточно сохранившееся, разделение кладбища на тухумные участки. Похоронить покойника можно было только на своем участке, близ могил родственников.

С социально-экономическим развитием общества и ослаблением тухумных связей, потухумное разграничение кладбищенской территории теряет свое значение и в большинстве случаев хоронили на свободных местах.

Таким образом, общественное развитие и нарушение тухумного расселения по кварталам находит свое отражение в принципе захоронения.

Очень часто на обочине дороги у аула установлены надмогильные памятники. Это памятники погибшим на чужбине. Новую форму приняли придорожные памятники в некоторых селениях (Кутлаб). За годы Советской власти установилась новая традиция: погибшим воинам Советской Армии ставят памятники на правой стороне у входа в селение.

Одинаковые природно-географические условия, экономическая и культурная близость во многом предопределили единство материальной культуры народов Дагестана.

Селения, расположенные в предгорной части Аварии, например, похожи на кумыкские, даргинские, лезгинские селения предгорья, а горные — на горные аулы соседей.

Использование пригодной для посевов земли под строительством, отсутствие той скученности и тесноты, которые мы отмечали для нагорной Аварии, характерно не только для предгорной Аварии, но и для предгорных районов всего Дагестана и Кавказа в целом. Поселения лезгинские и даргинские в предгорье, как и аварские, существенным образом отличаются по своей форме, планировке от горных и во многом похожи на поселения других народов, имеющих одинаковые природно-географические условия.

Даргинский аул предгорья хотя и является поселением компактного типа, отличается от скученного поселения горцев. «Скученность здесь,— пишет М.-З. О. Османов,— выражена слабее, отдельные усадьбы просторнее, дворы больше. В нижнем предгорье это еще более заметнее.[77] Аналогичные примеры мы имеем и по лезгинским поселениям. «Дома в горных селениях у лезгин расположены скученно, улицы между ними узкие, запутанные»,[78] а «планировка поселений предгорной зоны совершенно иная, в селениях нет той тесноты и скученности построек, которая характерна для горных аулов. Улицы в этих селениях широкие, прямые, дома окружены садами и расположены на некотором расстоянии друг от друга».[79] Это сходство поселений как горных, так и предгорных, обусловленных одинаковыми природно-географическими и социально-экономическими условиями, характерно не только для народов Дагестана, но Кавказа в целом. Осетинские селения могут быть подразделены на два типа: горные и предгорные. «В горной Осетии аулы лепятся по склонам гор, как в Дагестане.

---

77 М.-З. Османов. Поселения даргинцев, РФ ИИЯЛ, д. 2865, стр. 90.
78 П. Б. Панек. Жилище лезгин. РФ ИИЯЛ, д. № 1749, л. 3.
79 С. С. Агаширинова. Поселения лезгин в XIX—XX вв. УЗ ИИЯЛ, т. VI, Махачкала, 1959, стр. 243.

В предгорных и низменных районах преобладают более крупные и широко разбросанные поселения».[80]

В горных районах поселения чеченцев и ингушей «отличались большой скученностью. Дома в них плотно примыкали друг к другу; улицами служили узкие и кривые тропы»,[81] а поселения на равнине «представляют собой крупные аулы, раскинутые на большом пространстве. Каждая усадьба окружена садом, огородом, обнесена оградой».[82] У юго-западных соседей аварцев — грузин — также встречаются большие различия в форме, планировке поселений, их топографии, обусловленные природно-географическими различиями местности. Поселения пшавов, хевсуров, тушинов и др. представляют собой горные селения скученного типа и «напоминают дагестанские горные аулы»,[83] сванское поселение с топографической, морфологической и хозяйственной точек зрения существенным образом отличается от форм поселения, характерных для поселения западно-грузинской и восточно-грузинской равнин.[84] Вместе с тем по ряду основных черт оно близко к формам поселения, характерным для других районов горной Грузии. «Многоэтажные каменные дома с размещением жилых и хозяйственных помещений в вертикальном плане, сочетаемые со скученным типом поселения»[85] делают их похожими на обычные горские селения, хотя они и «располагаются на тех же площадях, что и пахотные и сенокосные угодья».[86] Для восточногрузинской равнины характерно сконцентрированное, многочисленное горизонтально расположенное селение, напоминающее предгорное аварское селение. А мегрельские, имеретинские, лечмухские, абхазские селения в первой половине XIX века представляют собой небольшие группы беспорядочно раскиданных усадеб,[87] как и адыгейские,[88] кабардинские и черкесские,[89] у которых много земли.

Изменения форм поселений и метода планировки связаны с дальнейшим социально-экономическим развитием аварцев.

Изменения типа поселений влечет за собой изменение и форм планировки. Если в тухумных и территориально-тухумных поселениях основным стремлением была экономия земли и защита своего достояния и соответственно этому и строили свои жилища, то в условиях расширения хозяйства и возникновения капиталистических элементов исчезновения военной опасности, дома стали

[80] С. А. Токарев. Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 263.
[81] Б. А. Калоев. Чеченцы. Народы Кавказа, М., 1960, стр. 358.
[82] С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 243.
[83] Там же, стр. 249.
[84] А. И. Робакидзе. К вопросу о форме поселения в Сванетии. КСИЭ, XXIX, 1958, стр. 59—60.
[85] Там же, стр. 61.
[86] Б. Е. Деген-Ковалевский. Сванское селение как исторический источник, СЭ, 1936, № 4—5, стр. 26.
[87] Там же, стр. 27.
[88] С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 249.
[89] Е. Н. Студенецкая. Кабардины и черкесы. Народы Кавказа, М., 1960, стр. 160.

строить свободно, с учетом хозяйственных интересов и появляется новая форма планировки.

Победа Октябрьской социалистической революции в корне изменила формы планировки аварских поселений. Эти изменения заметно произошли после победы колхозного строя, особенно за последние годы. Новые поселения, кварталы расположены на ровных местах, отсутствует теснота, скученность в них.

Форма и планировка в переселенных с гор на плоскость аулах совершенно отличаются от форм и планировки горских современных поселений. В этих селениях прежде чем построить дома намечают направление главных улиц, которые идут параллельно направлению ветров, и вслед за этим территорию разбивают на участки-кварталы, между которыми идут прямые широкие улицы. Фактор ветра учитывается здесь не только при планировке улиц, но и каждого дома. Дом, ориентированный на юг и юго-восток, меньше подвержен действиям ветров, которые дуют в основном с северо-запада на юго-восток. Широкая прямая улица застроена с обеих сторон одинаково. Отступая от улицы метра на 2—3 стоят дома, как правило, одноэтажные с галереей на южную сторону. Пространство от улицы до домов засажено деревьями и цветами. Приусадебные участки находятся в глубине двора.

Таким образом, вдоль улицы тянутся дома ровными рядами, не нарушая ее правильной линии, формы. Планировка этих селений проводится по стандартному проекту, который предусматривает превращение их в поселки городского типа, в «зеленые города». Они будут сочетать в себе все лучшее, что имеет современный город, — благоустроенные жилые дома, транспортные магистрали, коммунально-бытовые, детские, культурные и спортивные учреждения, со всем лучшим, что имеют сельские местности,— богатой зеленью, водоемами, чистым воздухом».[90] Но уже эти поселения во многом удовлетворяют возросшие культурно-бытовые требования населения. На главной улице расположены здания общественных и культурно-просветительных учреждений, и она же является центром местной общественной и экономической жизни. Светлый и просторный клуб в новых селениях заменяет общественную площадь, которая являлась структурной частью старых аварских селений.

Таким образом, аварские поселения бывают в основном трех форм, связанных с типом поселения и во многом зависящих от рельефа местности. Однако вышеназванные формы не являются постоянными и неизменными, с социально-экономическим развитием меняется и форма поселения, его планировка. Разные формы планировки, встречающиеся в одном селении, характеризуют разные этапы селостроительства в горах Дагестана.

Для этнографического изучения поселений определенный интерес представляет этимология названий аварских селений.

Большинство названий мест и населенных пунктов связаны с

[90] «Материалы XXII съезда КПСС, М., 1962, стр. 172—173.

топографией местности. Населенных пунктов под названием Хиндах (Хьиндах) в Аварии существует несколько. **Хьиндаллъи** в аварском языке — топографический термин, означающий «теплые ущельные долины рек», откуда и названия населенных пунктов, расположенных в таких местах.[91]

В Гунибском районе есть высокогорный аул Наказух (НакIкIазух), что в буквальном переводе означает «У облаков» (**накIкIал** — «облака», **накIкIазух** — «у облаков»). А в Советском районе есть аул Накитль (**НакIкIикь**), что означает «Под облаками». По существу между понятиями «у облаков» и «под облаками» нет большой разницы, а общее в них то, что оба аула расположены чуть ли не на вершинах гор.

Центром Тляратинского района является селение Тлярата (**ЛъаратIа**), аул с таким названием есть и в Гумбетовском районе. Но характерно то, что в первом названии ударение падает на первый слог, а во втором случае — ударение на втором слоге. Такое отличие в форме отражает отличие и в значениях. Тлярата, если произнести его с ударением на первом слоге, означает «На реках», что соответствует действительности — аул расположен у слияния двух рек. Если же слово Тлярата произнести с ударением на втором слоге, то оно будет означать «на реке», и в действительности, Тлярата Гумбетовского района расположено на берегу одной реки.

Если этот тип названий связан с природно-географическими условиями местности, то другие названия имеют под собой социальную почву, связаны с историческими событиями, преданиями. Название крупного селения Хунзах произошло от слова Хан-забах — «место пребывания ханов», («к ханам»).[92] По сведениям письменных источников, еще в X веке столицей аварского ханства был Хумрадж,[93] отождествляемый с Хунзахом,[94] и в продолжении нескольких столетий он оставался их резиденцией.

Название селения Чох (ЧIухъ, в разговорной речи ЧIух) может быть связано с месторасположением его на крупной торговой трассе. Известно, что здесь проходила торговая дорога между ханствами Аварским и Казикумухским — Хунзах—Кумух, которые в свою очередь связаны с северокавказскими областями и Закавказьем. Селение Чох было местом остановки каравана и ночлега. Возможно и название Чох (ЧIух, ЧIухъ) имеет смысл связывать

---

[91] У К. Гана мы встречаем другой перевод, не совпадающий с нашим. Видимо, это объясняется тем, что в этих теплых долинах занимаются садоводством. См. Г. Ган. Опыт объяснения Кавказских географических названий. СМОМПК, 40, стр. 146.

[92] Существуют и другие объяснения возникновения названия Хунзах, но нам представляется более правильным вышеприведенный вариант. См. Б. Малачиханов. «О прошлом Аварии» (к материалам по истории нагорного Дагестана) Махачкала, 1928, стр. 8.

[93] Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней, пер. с арабского Н. Караулова, СМОМПК, вып. 38, 1908, стр. 53.

[94] Очерки истории Дагестана, т. I, Махачкала, 1957, стр. 39.

со словом «чIчIовух» — «место остановки», которое со временем видоизменилось.

В Аварии встречаются селения, названия которых отражают занятия жителей. По объяснению старожилов название Согратль (Сугъралъ) возникло потому, что в селении в прошлом много занимались производством сукна — «сугъур». Селение стало известным центром изготовления сукна в Аварии. «Сугъралъ» переводится как «в сукне».[95] Название другого аварского селения Чирката (ЧIиркъатIа) означает «на порохе», «на том месте, где добывают порох» (на анд. языке).[96]

Иногда названия селений показывают на их прошлое, что они были военными укреплениями с боевыми башнями. Такими являются Сиух — «у башни», Гьамсукь (Гамсутль) — это название, как и другие, состоят из двух элементов, второй — сукь, который показывает на расположение его под башней — си+у+кь; звук «и» со временем выпал из произношения, ГьентIа (Гента) — «у башни», «гьен» наряду с «си» обозначает на аварском языке — башня.

Иногда селения носят название по имени своего основателя. Например, слово Онсоколо (Унцукуль) разбивается на две части: собственное имя человека — основателя селения Онсо и «коло» («кули»), которая указывает на происхождение его, как хутора.

В Аварии имеется еще много поселений, названия которых пока не поддаются объяснению. Положительное же решение этого вопроса может помочь выявить вопросы, связанные с происхождением их. Такими являются Рочиб (Арчиб), Ругъжаб (Ругуджа), Хьаргаби (Гергебиль), ГIобох (Обох), Къахьиб (Кахиб) и другие.

За последние годы появились новые названия поселений: Советское (Хебда), Советское (ЧIугIли), Коммуна, Теречное, Дзержинское и др., характерные для эпохи социалистического строительства и отражающие социальную сущность их происхождения.

В целом, названия многих поселений отражают топографические особенности местности, занятие населения, историческое прошлое и социальную сущность происхождения их.

* * *

Таким образом, форма аварского поселения зависит от природно-географических условий и тесно связана с социально-экономическим развитием района. Поселения аварцев в основном делятся на три формы:

1) Кучевую, характерную для высокогорных районов и раннего типа поселений;

---

[95] А. Иванов переводит Согратль как «земля сукна» — сугъракь. См. А. Иванов. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией. «Исторический журнал», 1940, № 2, стр. 66.

[96] Я. Сулейманов. Опыт объяснения названий дагестанских аулов. РФ ИИЯЛ, д. 3008, стр. 2.

2) Ступенчатую, характерную для большинства районов Аварии, поселениям, которые сложились как территориально-тухумные;

3) Горизонтальную, характерную для районов нижнего предгорья и поселений позднего происхождения;

Составной частью поселения была площадь — годекан, где проводились все общественные мероприятия, замененная в новых условиях культурно-просветительными и административными учреждениями.

Большинство названий аварских поселений тесно связано с топографией местности, экономическим занятием жителей, историческими событиями.

Форма аварских поселений во многом похожа на форму поселений других народов Дагестана и Кавказа, живущих в одинаковых природно-географических условиях.

Коренные изменения в политической, экономической и культурной жизни аварцев, которые произошли после победы Октябрьской социалистической революции, вызвали резкое улучшение быта и культуры аварцев, рост материального благосостояния, которые в свою очередь обусловили появление новых благоустроенных аулов с красивыми, свободно расположенными зданиями.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЖИЛИЩА

1. ТИПЫ ЖИЛИЩА

В XIX веке на территории, населенной аварцами, были представлены самые разнообразные формы жилища, как во внутренней планировке, так и во внешнем облике и архитектурной композиции их: от одноэтажных небольших построек, уходящих наполовину в землю (Карата, Зило, Тлондодо) до многоэтажных домов в 5—6 этажей (Мокок, Тинди); от низеньких одиноких домиков до громоздких каменных построек, где сосредоточен весь комплекс жилых и хозяйственных служб (Хотода, Тинди); от небольших самостоятельных усадеб (Дылым, Чирюрт) до тесно сжатых со всех сторон домов, вовсе без дворов (Гамсутль, Гочоб, Сагада) и т. д.

Наличие такого большого количества разнообразных форм жилища на территории Аварии было отмечено еще архитектором Г. Я. Мовчаном.[1]

Разнообразен и принцип решения задач военно-оборонительных и хозяйственных функций дома. В одних случаях строительство полностью подчинено интересам обороны. Такие дома-башни с вертикальным расположением жилых камер с узкими бойницами, иногда конструктивно связанные с башнями, представляют из себя самостоятельные крепости (Хотода, Урада, Гоор), а в других случаях — дома совершенно не защищены в оборонном отношении и легко доступны (Дылым, В. Дженгутай и др.).

Несмотря на внешнюю несхожесть форм и кажущуюся многочисленность конструктивных типов жилища все же можно подразделить их на три основные: одноэтажное, двухэтажное, трех- и многоэтажное.

Нами уже было сказано выше, что для различных форм поселений характерны различные типы домов и сама форма поселения находилась в тесной связи с естественно-географической зоной.

[1] Г. Я. Мовчан. О типологии жилища народов Нагорного Дагестана, КСИЭ, вып. IV, 1948, стр. 41—52.

Следовательно, и конструктивный тип жилища до какой-то степени соответствует зональному делению территории. Для предгорных районов, особенно нижних, характерно одноэтажное жилище, для горных — двухэтажное, трехэтажное и для высокогорных — трех- и многоэтажное. Разумеется, такое распределение является несколько условным. Господство того или иного типа жилища в отдельных районах объясняется природно-географическими условиями местности, исторической обстановкой, местными строительными материалами и строительной традицией.

Исследованный по этому вопросу архивный материал, сообщения различных авторов по вопросам материальной культуры аварцев, и в частности, поселения и жилища, а также полевой материал дает возможность констатировать огромное разнообразие и внешнюю несхожесть форм, многочисленность различий в конструкции горского жилища.

Вследствие чего любая типология жилища, проведенная на основе какого-нибудь одного признака, не может быть полной, будь то архитектура, строительный материал, внутренняя планировка и т. д. Систематизация жилища возможна только с учетом наиболее характерных признаков его и местных особенностей, вследствие чего становится почти невозможным провести единую, общую типологию всего аварского жилища. Любая типология в таком случае будет обладать теми или иными недостатками. Тем не менее мы позволим себе, не отказываясь и от других, провести в данной работе типологию на основе внутренней планировки — камерности, как наиболее полно отражающей социальную сущность жилища и таким образом, можно разделить жилище на три типа: одноэлементное, двухкамерные, трех и многокамерные. Еще раз подчеркиваем, что развитие камерности тесно связано с развитием этажности и следовательно, данная типология непосредственно связана с конструктивной типологией жилища.

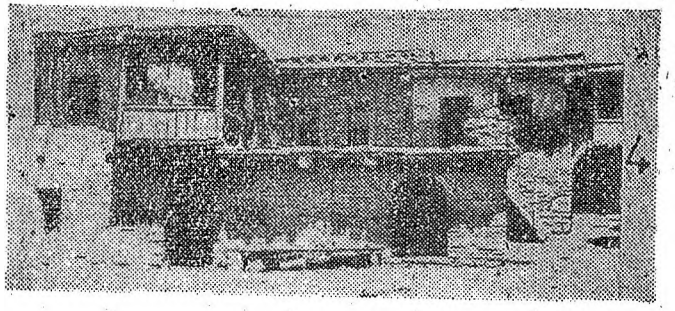

Рис. 33. Жилой дом сел. Тлондодо.

Наиболее характерным и распространенным жилищем аварцев в XIX веке был двух-трехкамерный двухэтажный каменный дом в горах и саманный одноэтажный двух-трехкамерный в предгорье.

Хозяйственные помещения, хлев в предгорье находились в пристройках на одной плоскости с жилым домом, а в горах для них был отведен первый этаж.

Прежде чем остановить внимание на характерном жилище аварцев XIX века необходимо учесть одно обстоятельство. Дело в том, что в наиболее отдаленных от больших дорог районах Аварии, наряду с двух-трехкамерными домами встречаются однокамерные одноэтажные постройки несложной конструкции, выдаваемые некоторыми путешественниками и наблюдателями XIX в. за типичное жилище аварцев. Они с каким-то удовлетворением отмечали все недостатки подобного сооружения и стремились архаизировать его и тем самым быт аварцев в целом, особое внимание уделяя на отсутствие мебели в доме.

Одноэтажное здание независимо от его типа является типичным для предгорных районов Аварии. Для горных же районов Аварии в XIX веке оно было пережитком, связанным с бедностью владельцев этих домов. Нами было указано выше на экономические причины долговечности жилища аварцев вообще и, кроме того, известно, что форма жилища отличается особым консерватизмом[2] и что оно в своем развитии отстает от развития причин, порождающих его эволюцию. Одноэтажное жилище в горах не отвечало ни экономическим, ни культурно-бытовым требованиям семьи и каждый, кто был в состоянии, строил двухэтажный дом, более удобный и практичный в горных условиях.

Что касается однокамерного жилища, пережиточно сохранившегося до XIX в., то оно могло быть и одноэтажным и двухтрехэтажным. И это старинное, пережиточно сохранившееся однокамерное жилище представляет определенный научный интерес как наиболее ранняя форма аварского жилища.

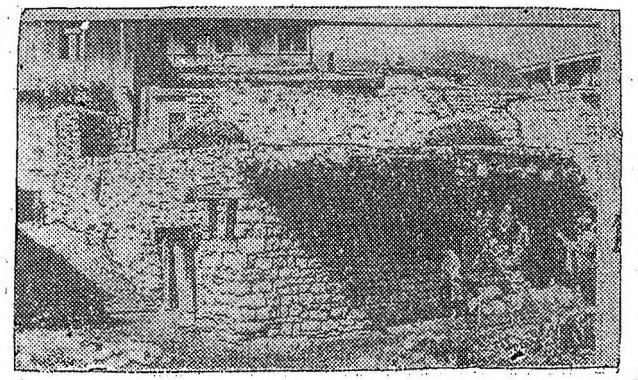

Рис. 34. Дом Ибрагимова сел. Годобери.

[2] И. И. Пантюхов. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896, стр. 82.

Отсутствие письменности у горцев в древности и датированных памятников затрудняет задачу установления ранних форм жилища, но, однако, данные археологии позволяют видеть отдельные этапы развития жилища горцев и приблизительно предположить его ранние формы. Знаменательным является обнаружение стоянок каменного века на территории горного Дагестана. Особое место среди них занимает Чохская стоянка, материалы которой обнимают большой промежуток времени от верхнего палеолита до мезолита.[3] Стоянка расположена в небольшой горной долине у подножья высокой скалы с наклоном вперед. Для стоянки выбрано место естественно защищенное от ветра, хорошо обогреваемое солнцем, достаточно замаскированное. В аналогичных условиях расположена и Ругуджинская мезолитическая стоянка.[4]

Представить форму жилища носителей культуры данной эпохи безусловно трудно и сколько-нибудь удовлетворительно решить эту проблему невозможно, но, однако, предположение, сделанное на основании анализа стратиграфии памятника В. М. Котович о том, что стоянка имела навес — крышу, является оригинальным.[5] Был ли этот навес простым прикрытием очага — костра, защищающим его от потухания, дождя, покоящимся на столбах или он был перекрытием какого-нибудь сооружения, имеющего вид жилища, не представляется возможным выяснить, но тем не менее отрадным является то, что мы сталкиваемся с фактом сооружения себе наземного жилища людьми той эпохи.

Строительная практика и опыт, усовершенствованные в течение тысячелетий, начиная с далеких времен, достигли высокого уровня к эпохе бронзы.

Жители гор к этому времени выработали тип жилища, соответствующий как нельзя лучше географическим, природным условиям местности, строительным материалам и степени культурно-исторического развития общества. Наличие развитой строительной техники и архитектурных традиций, умелое использование рельефа местности и материала показывает, что этому предшествовал долгий путь развития жилища, накопился большой опыт.

Раскопки дагестанских археологов за последние годы дали богатый материал по жилищу бронзового века. Примечательно то, что поселение бронзового века по своей планировке похоже на тухумное поселение и жилище имеет много общего как в устройстве, так и в отдельных элементах со старым жилищем XIX века.

На Сигитминском скальном поселении начала II тысячелетия до н. э. обнаружено несколько жилищ, углубленных в скалу. Дома

[3] В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 10.

[4] В. Г. Котович. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане. Ученые записки Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. III, Махачкала, 1957, стр. 136—137.

[5] В. М. Котович. К истории дагестанского поселения и жилища на ранних этапах медно-бронзового века. УЗ ИИЯЛ, т. XII, Махачкала, 1964, стр. 178.

располагались по склону горы, так что верхний ряд возвышался над нижним и при наличии перекрытия, крыша нижнего служила террасой перед верхним — это типичная архитектурная планировка скученного горного аула. Жилище имело в плане форму близкую к квадрату и было построено целиком из камня. Кровля поддерживалась, по мнению исследователя памятника, деревянными столбами, закрепленными в углублениях в скале.[6] И другое Сигитминское поселение, относящееся к позднему периоду бронзового века, дало материал, свидетельствующий о наличии преемственности в элементах жилища.

Наиболее полный и яркий материал по жилищу эпохи бронзы мы получили из материалов раскопок Верхнегунибского поселения.[7] Верхнегунибское поселение стало ценнейшим и важнейшим памятником древности для нас не только потому, что здесь обнаружен богатый материал, характеризующий разные периоды эпохи бронзы и свидетельствующий об оседлом образе жизни людей, но и потому, что здесь наиболее ощутимо выявлены формы материальной культуры, которые существовали до середины XIX века в том же районе.[8] В числе возникших еще в бронзовом веке элементов жилища следует отметить прямоугольную постройку в плане, методы и приемы строительной техники, плоскую кровлю, оформление дверных проемов, нары, лежанки для сна и т. п.

При рассмотрении наиболее простейшей и архаичной формы жилища аварцев XIX века можно обнаружить много общего, непосредственную связь и преемственность некоторых элементов с жилищем обитателей поселений бронзового века[9] и раннего средневековья.[10] И можно предполагать, что основные формы и элементы старинного жилища горцев, выработанные в далеком прошлом, прошли через века и в усовершенствованном виде продолжают существовать до XIX в. как пережиточно сохранившиеся.

[6] В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. УЗ ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. III, Махачкала, 1957, стр. 158.

[7] Там же, стр. 159; К. А. Бредэ. Отчет о дополнительных раскопках в 1957 году на нижнем Сигитминском поселении и городище, а также о разведке на прибрежных полосах низовья Сулака. Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 2470, л. 21.

[8] В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 80.

[9] Там же; В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г., стр. 157—160; Д. М. Атаев, М. Гаджиев, М. Погребова. Отчет о работе 2-го горного отряда ДАЭ в 1959 г., Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2637, л. 19.

[10] Н. Д. Путинцева. Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья (по материалам раскопок в зонах строительства Чирюртовской и Чиркейской ГЭС). Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2875, л. 36; В. И. Канивец, С. С. Березанская, И. П. Костюченко, А. П. Савчук. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1955 году. Рукоп. фонд Института ИЯЛ, д. 2223, л. 133; В. И. Канивец. Археологические исследования в Дагестане в 1955 году. Ученые записки ИИЯЛ, т. I, Махачкала, 1956, стр. 217.

Наиболее распространенным и характерным жилищем аварцев XIX в. является прямоугольное в плане каменное сооружение с плоской крышей. Такой тип жилища выработался в течение многих столетий, как наиболее соответствующий природно-географическим условиям района и культурно-экономическому быту горцев.

Во многих случаях старое жилище аварцев напоминает полуподземное сооружение, сильно углубленное в землю, т. к. для строительства домов в селениях, расположенных на крутых склонах гор, ровных площадок не имелось. Чтобы построить здание, необходимо создать ровные площадки искусственно, либо путем заглубления пола, либо путем строительства подпорной стены. Таким образом, помещение, построенное путем заглубления пола, принимает форму пещеры, в которой задняя стена и часть боковых стен являются подземными. Подобные приемы строительной техники были известны жителям гор еще с древних времен[11] и вызваны они были специфическими условиями местности. Видя поверхностное сходство таких жилищ с пещерой, ряд исследователей предполагает, что некоторые аварские аулы (Гергебиль, Анди и др.) первоначально состояли из пещер, к которым впоследствии присоединены наземные постройки.[12]

Несостоятельность этих выводов, на основании изучения строительной техники и приемов, анализа деталей древнего жилища и его устройства, уже показана в специальной работе[13] и нет надобности останавливаться на них повторно.

Жилище, как элемент материальной культуры, является историческим памятником, эволюция которого частично отражает социально-экономическое развитие общества. Но подчеркиваем еще раз, что развитие жилищного строительства отстает от общественного развития, они параллельно не развиваются, всегда далеко ушедшие вперед в своем развитии общественные отношения, резкое улучшение экономического и культурного уровня населения создают условия для изменения характера, планировки, убранства жилища.

Как было уже отмечено, к ранней форме аварского жилища, этнографически прослеживаемой, относится однокамерный дом.

Особо выделяется и заслуживает большего внимания однокамерное жилище больших размеров, которое, видимо, является древнейшим. Подобное жилище сохранилось в наиболее далеких селениях Гунибского, Советского, Тляратинского, Цунтинского

[11] В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 90.

[12] Н. Б. Бакланов. Архитектурные памятники Дагестана, Л., 1935, стр. 7, 10; Ф. Байерн. О древних сооружениях на Кавказе. ССК, т. I, 1871, стр. 317; И. И. Пантюхов. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Т., 1896, стр. 15; З. А. Никольская. Из истории аварского жилища. СЭ, 1957, № 2, стр. 156.

[13] В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. РФ ИИЯЛ, д. 2867, л. 149.

и др. районов. Оно, как и другие типы жилища, сильно врыто в склоны и построено из камня на скрепляющем растворе. Дом в данном случае, мы имеем в виду одноэтажное жилище, представлен одной комнатой, размером от 90 до 120 и больше кв. м. Интерьер этого жилища, где бы оно не находилось, в основном одинаков и поэтому в качестве типичного считаем возможным привести описание одного такого дома.[14]

Например, дом Нухулова А. в с. Тидиб Советского района.[15] Расположен он у невысокой скалы, которая служит и задней стеной жилища. Длина комнаты 12 метров, ширина — 9. При жилище имеется хлев — дворик, который имеет вход в комнату и в небольшую пещеру в скале, которая служила хлевом для овец (ягнят) и телят. В жилище ведет низкая двустворчатая дверь из двух толстых, грубо обтесанных досок, которые вращаются на пятах, вставленных в гнезда. Дверной проем равен 160×75 см. Порог высокий. Вдоль задней, т. е. северной стены комнаты стоял «цагъур» — специальное сооружение для хранения продовольствия и различных запасов.

«Цагъуры», в некоторых селениях «къам», «кIитIун», могут быть разнообразных видов. В одном случае это специальное помещение, занимающее всю длину комнаты (как в комнате Нухулова А.). Такой цагъур обычно бывает разделен на 2—3 отсека, куда ведут невысокие дверцы (до 1 м) и внутри которых были сооружены ящики для муки и зерна, специальные приспособления для хранения мясных продуктов.

Один отсек предназначен для домашнего скарба, топлива, с/х инвентаря и т. д. Иногда для этой цели выделяют специальные сооружения в виде цагъура, называемые «цух».

Другой вид цагъура похож конструктивно на вышеупомянутый, но меньше и имеет только один отсек. Внутри имеются несколько ящиков с откидными крышками. Такое сооружение более характерно для жилищ багулалов, тиндалов, каратин (Карата, Арчо, Анчик) и, что является специфической особенностью их — они часто вынесены из жилой комнаты и стоят под самостоятельной крышей у дома, на крыше. Некоторые же примыкают к комнате. В последнем случае цагъур — гьикIуш имеет вход из комнаты и его лицевая сторона является одной из стен жилища.

Третий вид цагъура — это большой, но не доходящий до потолка ящик на невысоких ножках, с откидными крышками и отделениями. Такой цагъур может быть перенесен с места на место.

Имеются и другие формы цагъура, но они близки к описанным.

Вся лицевая поверхность перегородки, отделяющей жилое помещение от цагъура, покрыта глубокой резьбой, особенно выделяется большой столб, занимающий центральное положение. Цент-

[14] Описание подобного жилища дано в статье З. А. Никольской «Из истории аварского жилища», СЭ, 1947, № 2, стр. 159—167.

[15] Полевой-материал 1961 года, РФ ИИЯЛ, д. 3025, л. 21.

ральный столб как и два других, поддерживающих основную балку, конструктивно входят в состав цагъура.

Недалеко от центрального столба находился открытый очаг, выложенный из плит квадратной формы. Вдоль перегородки цагъура на полу лежало толстое четырехугольное бревно, служившее в качестве подставки для посуды. Часть посуды, особенно мелкая, висела на деревянных колышках, вбитых в цагъур. Других полок или ниш для посуды и утвари в комнате не было и что интересно — вся эта посуда, за исключением двух котлов, представлена деревянными и керамическими предметами местного производства. В расставлении кухонной утвари соблюдался определенный порядок: ближе к очагу находилась посуда повседневного пользования.

Дым от очага выходил в отверстие, оставленное специально в потолке (оно также служило источником света) и в небольшое окно (0,4×0,3) в южной стене, находящееся на высоте 1,30 м от пола.

Длительный опыт показал, что дым от очага, поднимаясь к потолку и стелясь под ним, не успевал выходить в узкое отверстие, и по мере скопления спускался вниз. И поэтому, как правило, в таких жилищах потолки строили высокие, до 4—4,5 м. В описываемом доме он доходит до 4 метров.

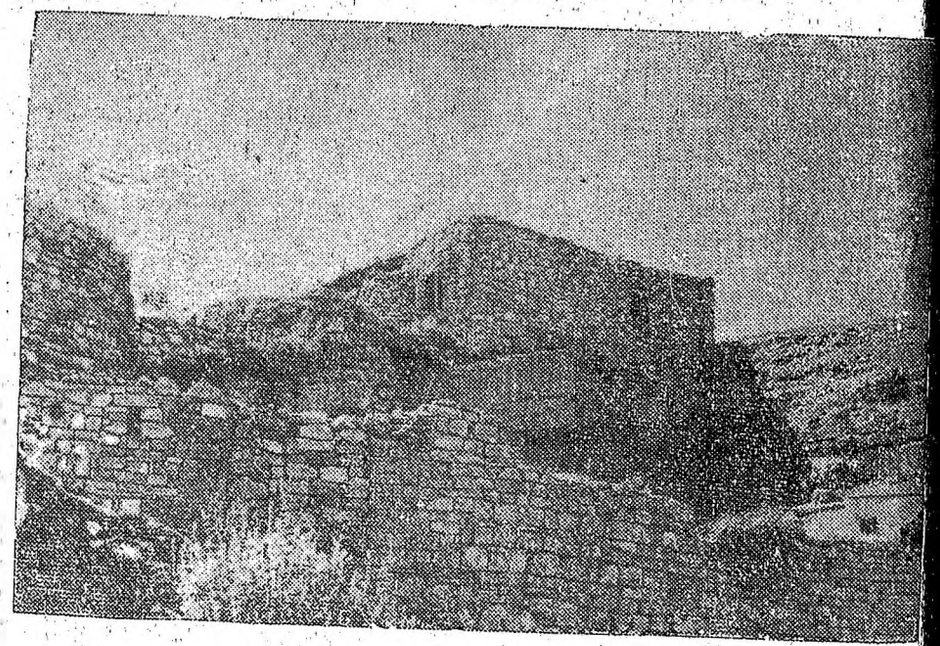

Рис. 35. Развалины крепости Елука в с. Гагатль.

В северо-западном углу жилища в отделении цагъура, т. е. за перегородкой, находится люк, который ведет в небольшой подвал, предназначенный для хранения молочных продуктов и др. запасов. Мебелью в комнате служили две низеньких треугольных скамеечки, на которых садились женщины во время приготовления еды и трапезы, и длинная скамейка, халабакI, стоявшая с правой стороны очага, ближе к выходу. Под потолком, у западной, противоположной от входа стены, была укреплена длинная жердь, на которой висела одежда, овчины, шубы, бурки, хурджины, мясные продукты и т. д.

Место для сна в комнате специально выделено не было, но обычно женщины спали в дальнем углу от входа — юго-западном, а мужчины ближе к выходу.

В большинстве же случаев, особенно за пределами Гидатлинского общества, для сна в жилище выделялось специальное место. Оно бывало в одном из углов комнаты и отгораживалось невысоким валиком, если место было углублено, чаще оно было приподнято от пола жилища на 10—12 см.

В доме Нухулова за цагъуром в скале было несколько углублений, использовавшихся, видимо, когда-то в качестве ниш для домашней утвари. В этих нишах стояла каменная посуда (ступа, чаша (неглубокий сосуд, напоминающий современную кружку, глубокая и довольно объемистая миска), видимо, имевшая большое значение в прежние времена, и деревянный сосуд на трех ножках, напоминающий кубачинский котел.

На столбах и в стены вбиты большие колья для подвески оружия, повседневной одежды, деревянных подносов и др. предметов.

Говорить о внутренней обстановке этого жилища очень трудно, собственно ее и нет как таковой, и выше упомянутые предметы составляют все его убранство. Однако, несмотря на бедность обстановки, земляной пол, закопченные стены и птоолок, помещение содержалось в относительной чистоте и выглядело аккуратным.

Это помещение использовалось в качестве жилища до 40-х годов XX века, а в настоящее время оно превращено в складское, хозяйственное помещение. Знаменательным является сохранение его прежнего убранства, со старыми предметами обихода. Входя в это жилище, создается впечатление, что хозяева вышли куда-то на минуту. Над очагом висит надочажная цепь с подвещанным котлом, на цагъуре висит кухонная посуда, а кувшины, горшки, стульчики, халабакI стоят на своих прежних местах. Дело в том, что хозяева, переселяясь в новое жилище, стремились сохранить его прежний вид, да и утварь эта мало употребляема в современном быту.

Однокамерное жилище, как было сказано выше, может быть и двух- и трехэтажной конструкции. Камеры расположены вертикально одна над другой и не сообщаются непосредственно между собою, каждое помещение имеет самостоятельный вход со склона. Такой дом был выделен особо Г. Я. Мовчаном как «хлев —

жилье-жилье» и отмечает своеобразие и непонятность такой вертикальной планировки помещений.[16] Нам кажется, что подобное сооружение является более развитым видом данного типа жилища.

Нижний этаж в таких домах обычно является хлевом. В некоторых случаях обнаруживается, что и первый этаж когда-то был жилым, но со временем хозяева первый этаж оставили для скота, а сами, построив второй, перебрались туда. Экономическое и культурное развитие диктовали необходимость выделения специальной изолированной камеры для скота, а земельный голод не позволял застройки в горизонтальном плане. Все это вынуждало возводить новые помещения над первым. Интересно, что из жилого помещения часто имелся непосредственный вход в хлев, для чего оставляли на полу отверстие, закрываемое люком.

Рис. 36. Жилой дом сел. Тинди.

Однокамерное жилище двухэтажной конструкции имеет разные виды в зависимости от рельефа местности. Дома, возведенные на крутом склоне, имея с южной стороны двухэтажную форму, с противоположной бывают подземными. Обычно такие дома были построены на двух ступенчатых площадках, которые соответственно образовали и два помещения.

Крыша дома находилась на уровне склона горы и на нее можно было свободно ступить. Часто крышу такого дома использовали в качестве гумна. Жилая камера находится над хлевом и дальше на несколько метров углубляется в склон. Вход в хлев с фасадной стороны, а в комнату — сбоку, две-три ступеньки по склону. Другой такой дом имеет вид одноэтажного здания. Первый этаж, являясь подземным, виден только с южной стороны, а второй — жилье, имеет вход прямо со склона, расположен над нижним и выглядит самостоятельным одноэтажным домиком. Третий вид такого дома похож на полутораэтажный.

[16] Г. Я. Мовчан. Предварительные заметки о типологии жилища народов нагорного Дагестана, КСИЭ, 1948, вып. 4, стр. 48.

Однокамерное жилище трех- и многоэтажной конструкции отличается от двухэтажного тем, что вместо двух камер вертикально расположено три или несколько.

Все верхние этажи многоэтажного дома являются жилыми, но в некоторых случаях какое-нибудь помещение, чаще самое верхнее, служит сеновалом. Такое старое жилище с вертикальным расположением комнат имеет башнеобразный вид. Дом кверху немного сужен. Так, например, четырехэтажный дом Загидовой Б. в селении Хуштада Цумадинского района по своей внешней форме похож на боевую башню. Но есть и одна существенная разница между башней и подобными домами — в башне все помещения сообщаются с нижним и не имеют другого хода, т. е. внешнего, а в жилом доме каждый этаж, т. е. каждое помещение имеет самостоятельный ход со склона и не связано с другим. В доме нет ни галереи, ни двора, а узкие окна типа бойниц выходят на южную сторону. Особенно много таких домов было в селении Мокок Цунтинского района, где некоторые не только были похожи на башни, но и носили частично характер таковых (семиэтажный дом Магомедова Т., шестиэтажный дом Рамазанова[17] и т. д.). Верхние два-три помещения этих домов сообщались между собой по приставной лестнице, как и в башнях. Жилые камеры, т. е. большие комнаты, расположенные друг над другом, совершенно одинаковы по устройству и оборудованию и похожи на вышеописанную, одноэтажную большую комнату, хотя в отдельных случаях обнаруживается и разница. Разница эта бывает заметна в форме и размерах помещений, цагъура, очага, дымовых и световых отверстий, в оформлении места для сна и т. д., но однако эти большие комнаты могут быть классифицированы как разные варианты одного типа жилища.

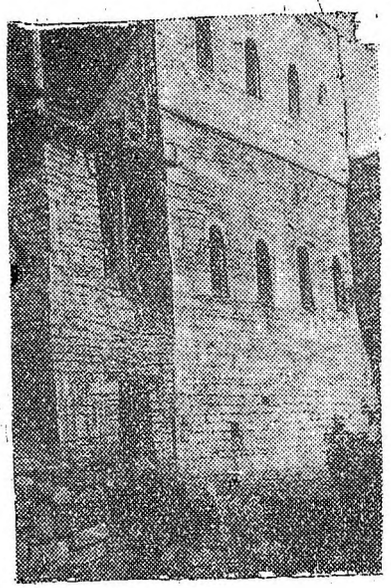

Рис. 37. Жилой комплекс сел. Хотода.

К подобному типу жилища могут быть отнесены и дом Ачанкилава М. в селении Корода, описанный Н. Б. Баклановым,[18] и дом Гитинова Хадо в селении Тидиб,[19] Чеэрова, площадь ком-

[17] Полевой материал 1962 года, РФ ИИЯЛ, д. 54, л. 83.

[18] Н. Б. Бакланов. Архитектурные памятники Дагестана, Л., 1935, стр. 43.

[19] Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа. СЭ, № 4, стр. 186—190.

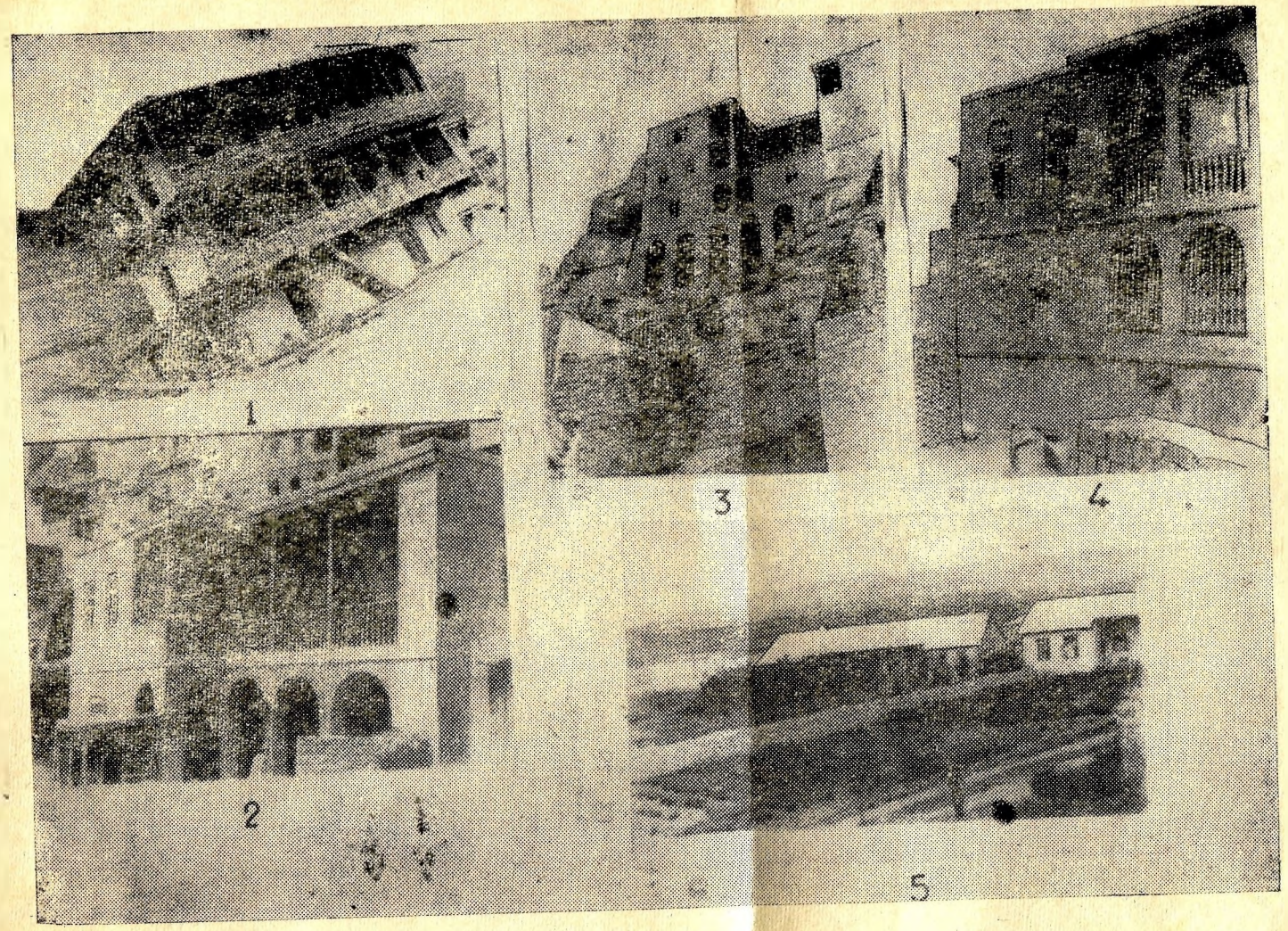

Рис. 38. Жилые дома.
1. сел. Бежта, 2, 3, 4. сел. Чох, 5. сел. Хиндах.

нат которых равна 126 кв. м; и Чунтилова — 104 кв. м в селении Урада, Алиевой А. — 96 км. м, Нурмагомедова М. — 100 кв. м, Дибировой М. — 150 кв. м в селении Ругельда, Омарова и Магомедова в селении Хотода — 150 кв. м, Кулдуева О. — 95 кв. м, Гаджиева Г. — 90 кв. м и других.[20] Многие из этих помещений сейчас в их первоначальном виде не сохранились, они разделены на несколько камер, перегорожены. Но первоначальную планировку этих комнат можно восстановить без труда.

Говоря о больших комнатах, которые были для XIX в. явным пережитком, не соответствующим ни хозяйственным, ни культурно-бытовым требованиям семьи, которая состояла в среднем из 4—5 человек, необходимо подчеркнуть их сравнительно небольшое количество. Не обнаружено ни одного такого дома, на котором бы стояла дата возведения и устный опрос не дал сколько-нибудь удовлетворительного материала о времени их возведения. Среди домов имеются несомненно и построенные в XVIII в. и реконструированные в начале XIX в., но в основном они, эти большие комнаты, были построены еще в XVI—XVII веках, а может быть и раньше. Как правило, дома построены фундаментально, из тщательно обработанного камня. Хозяевами больших комнат в XIX в. были состоятельные горцы, вокруг которых группировались ближайшие родственники. В общественной жизни группы родственников большая камера играла определенную роль. Ею могли пользоваться с разрешения владельца, для справления свадьбы, в случае несчастья и т. д. Приспособленный для этого цагъур мог быть использован для хранения запасов мяса, зерна и других продуктов близких родственников и соседей. Таким образом, большая комната, являясь собственностью одного человека, фактически использовалась и другими, тем самым сплачивая их.

И в идеологическом единстве родственной группы она играла видное место. Может быть, эти комнаты были общественными помещениями, предназначенными для определенной цели. Но ответить на этот вопрос пока нет возможности.

Большая комната, построенная в XVII и в XIX веках, частично подчиняясь старой традиции, частично для вышеназванных целей (при этом нельзя забывать, что горец, обладающий такой камерой, наравне с обладателями скота и земли, пользовался уважением со стороны односельчан), видимо была в прошлом формой жилища патриархальной семьи.

Особый интерес вызывает наличие двух и трех комнат громадных размеров в одном доме с самостоятельными однотипными интерьерами, которые не были вызваны требованиями одной семьи. Чтобы попасть в верхнее помещение, нужно было выйти на улицу и подняться по склону. Возможно эти вертикально расположенные огромные комнаты были помещениями двух самостоятельных больших семей. Уровень развития производительных сил не допускал чрезмерного расширения большой семьи, увеличения ее

[20] Полевой материал 1961—1962 гг. РФ ИИЯЛ, д. 3025.

членов. И это обстоятельство приводит «к сегментации семейной общины, разделению большой семьи на части — сегменты, представляющие собой, в свою очередь, такие же семейные общины, но первоначально численно меньшие».[21]

Видимо, когда назревала необходимость разделения семейной общины, все ее члены сооружали жилище для новой семьи на втором, третьем этажах. И только после этого новая семья отделялась и начинала свою самостоятельную жизнь. А возможно, еще при строительстве дома учитывали необходимость будущего разделения и возводили дом сразу же двух-трехэтажным.

Известно также, что семейная община, большая семья является консервативной общественной формой, в которой даже в условиях развитого классового строя сохраняются пережиточные патриархальные начала, тогда как вне ее, в общественно-экономических отношениях данного общества в целом распад данного процесса давно завершен.[22] Это положение дает нам возможность предположить, что возможно некоторые большие семьи, пережиточно сохранившиеся, существовали в отдельных районах Аварии до XVI—XVII вв. И старинные громадные комнаты, видимо, являлись помещениями для этих семей.

По всей вероятности, двух- и трехкамерные и двух- и трехэтажные дома у аварцев были продуктом более позднего времени. Более древним является однокамерный дом, об этом говорят и данные языка. В аварском языке сохранился малоупотребительный термин «цо рукъалъул гIадамал» («цо рукъалъулчагIи») — «люди одного дома». Очевидно на раннем этапе, данный термин относился к большой семье, проживающей в одной камере-доме с единым хозяйством. Позднее термин этот стал обозначать круг особенно близких родственников, хотя они жили в отдельных, далеко друг от друга расположенных, самостоятельных домах. С изменением социальной структуры семьи термин этот, видимо, принял новое содержание, понятие — «от одного дома происходящие».

Слово, обозначающее «дом», в аварском языке хотя и имеется — «ригь», но часто его смысл передают через слово «комната, комнаты» (рукъ, рукъзал). Видимо, и дом и комната в прошлом было одно и то же. И это подтверждает мнение о том, что первоначально у аварцев жилище состояло из одной комнаты.

Такое предположение, что в прошлом у аварцев существовала семейная община и большая комната была ее жилищем, не вызовет возражения, но конкретно представить себе жизнь такой семьи в подобных помещениях мы не можем. Ни в одном аварском селении нам не удалось получить материал, сколько-нибудь говорящий о жизни и быте большой семьи. Больше того, вообще о существовании ее. Не удалось зафиксировать случая, когда бы старики помнили что-либо о существовании семейной общины, что нельзя отождествлять с неразделившейся семьей, хотя некоторые иссле-

[21] М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963, стр. 54.
[22] Там же, стр. 55.

дователи считали, что она существовала вплоть до конца 20-х годов XX века.[23]

Имели место случаи, когда во время сбора полевого материала и нам (как видимо и другим) рассказывали в том или ином селении, что до недавнего времени (до образования колхозов) существовала «кIудияб хъизан» (большая семья), состоящая иногда из 20 и более человек. При внимательном рассмотрении структуры этой семьи, экономической основы ее выяснялось, что это не что иное, как несколько малых, индивидуальных родственных семей, временно живущих в одном доме, за неимением своего жилища, обусловленным экономической бедностью их. В таких домах авторитет старшего, главы семьи, т. е. общего отца, был огромным, он пользовался большим уважением и почетом, но распоряжаться имуществом, собственностью семьи он не имел права.

Каждая малая семья имела свою собственность, свое имущество, особенно четко выделяются частные пахотные участки. Это явление было довольно распространенным. Сын, женившись, не отделялся сразу, а оставался жить в доме родителей несколько лет, накапливая самостоятельное имущество. Как только образовывалась новая семья, ей выделяли участок пахотной земли, скот и все необходимое для заведения собственного хозяйства и экономически отделяли. Старались также отводить специальное помещение новой семье, но если не было такой возможности, молодая семья жила некоторое время в одном помещении с родителями мужа, отгородив себе угол комнаты и занавесив его чем-нибудь.

Естественно, выделение новой самостоятельной семьи с женитьбой сына нашло свое отражение и в языке. Женитьба сына в аварском языке звучит как образование семьи — «хъизан гьабизе» или создание дома — «ригьин гьабизе».

Эти выражения отлично передают сущность происходящего процесса — образование новой семьи вне семей жениха и невесты, а не увеличение семьи жениха.

Ранний распад патриархальной семьи в Аварии видимо объясняется своеобразными хозяйственно-экономическими условиями.

Таким образом, полевой материал, собранный нами в аварских районах, свидетельствует о том, что малая семья как общественно-производственная форма стала господствующей ячейкой задолго до исследуемого времени и найти большую семью в XIX в., сохранившуюся в пережиточной форме, не удалось, тогда как соответствующая ей форма жилища не только пережиточно сохранилась, но и использовалась в XIX веке.

Новое строительство, переселение молодой семьи в новое отдельное жилище было связано с большими трудностями. Уже существующий дом был тесно зажат со всех сторон другими домами и строиться рядом было невозможно. А уход далеко от родителей и родственников на окраину села был крайне нежелательным и поэтому новая семья стремилась как-нибудь остаться на месте, построив жилище свое этажом выше, над родительским или построив его сбоку. Так росла из года в год скученность и теснота в селениях, которая доходила до 100% застройки участка.

Нарушение условного круга, очерченного вокруг селения, было нежелательным как для хозяина, так и для джамаата в целом, оно и не всегда было возможно. Самовольное использование «харима» (общественной земли) под строительство как и под пашни частным лицом строго запрещалось, а в случае согласия джамаата должен был внести большой выкуп общине за участок. Для новой семьи строительство на окраине означало отрыв от родных и родственников, что сопряжено с большими неудобствами и опасностями в условиях бытования адата кровной мести, межобщинных столкновений, иноземных нашествий. Названные причины и известное малоземелье, о котором было сказано выше, в сочетании с дальнейшим увеличением количества семей, нуждающихся в самостоятельных жилищах, усиление роли частной собственности и существующая большая скученность, нашли свое отражение в одном интересном обычае. В отдаленных аварских селениях (Сагада, Мокок Цунтинского района, Хуштада Ботлихского района и в других) нами обнаружено, что наряду с домами продавались отдельные жилые комнаты и даже крыши домов. Крыша, купленная другим хозяином, становится его собственностью, и он мог построить там жилище или сеновал. В результате этого, дом, состоящий из трех или четырех этажей, мог принадлежать двум-трем разным хозяевам (Магомедову, Гусейнову и Алиевой П., Алиевой З. в селении Хуштада; Ильясову М., Шуабовой Х., Курбанмагомедову М. в том же селении; Алихановой А. и Дибирову М. в селении Ругельда; Газимагомеду Рамазанову и Омарову в селении Мокок и т. д.).

Для таких аулов характерны высокие многоэтажные дома, занимающие небольшую площадь на земле. Многокамерность домов здесь развилась не по горизонтали, а в вертикальном направлении, тем самым решив одну из сложных проблем планировки. Интересным является и отсутствие в таких аулах хозяйственных построек, они компактно расположены на окраине, иногда на некотором расстоянии. Только первый этаж может быть занят под хозяйственные нужды и то редко, а выделить участок они не могли. Иногда обычным правом (с. Кванада) строительство хлевов и сеновалов в черте аула строго запрещалось.

В аварских селениях иногда встречаются дома, конструктивно связанные с невысокой башней, являющейся памятником тревожного периода военной демократии и расцвета института кровной мести. Она по форме, конструкции похожа на боевую, но ниже, имеет всего 3—4 этажа. В камере башни, особенно на втором этаже, в двух случаях обнаружены угловой очаг, ниши и следы от полочки (Хотода, Гоор). Стены закопчены и видимо помещением пользовались не только во время военных столкновений, но и как жилым. Часть членов семьи могла там спать, а с выделением

[23] Г. Ф. Чурсин. Авары. Этнографический очерк. Рукоп. фонд ИИАЛ, д. 1570, л. 25.

новой семьи, возможно, она превращалась во вторую жилую камеру до окончательного отделения семьи. Вход в башню был непосредственно из самого жилища.

Башня при доме выполняла частично те же функции, что и тухумная, и нам думается, что их не следует рассматривать как разные типы. Нужно только подчеркнуть, что она была собственностью одного человека, хотя ею могли воспользоваться и ближайшие его родственники в случае нужды. Владелец башни пользовался особым почетом у односельчан — «сси бугев чи» («владелец башни») и этот термин превратился в нарицательное, обозначающее мощь, силу, богатство человека. Кроме того, необходимо отметить, что дома с башнями встречаются редко и то только в селениях Гидатлинского общества. Следовательно, такое жилище не было типичным для большинства аварцев и такое представление не соответствует действительности.[24] Как было уже отмечено, однокамерное жилище в XIX веке представлено многими разными видами, наряду с большой камерой с цагъуром, которую мы описали.

Обнаружены и другие формы однокамерного типа жилища, обусловленные природно-экономическими условиями района, этническими особенностями и бедностью их владельцев.

Так, этнографический материал, собранный в селениях обществ Лъебелал, Помурал Тляратинского района свидетельствует о том, что в начале XIX века здесь сохранилось жилище, где в одном помещении с людьми находился скот. Такое помещение использовалось только в холодное время, а летом жили в изолированных от скота помещениях. Место для скота было отгорожено от жилой части невысокой каменной стеной или жердями. В этом жилище не было цагъура на всю стену комнаты, как в жилищах аварцев Гидатлинского, Карахского и др. обществ. Для хранения зерна и других запасов в этих жилищах были сооружены большие сундуки — лари на высоких ножках. Наиболее древними и редкими являются используемые для этих же целей деревянные сосуды, выдолбленные из толстого ствола дерева, которые ставили на невысокое возвышение у стены. В остальном убранство этого жилища похоже на убранство выше описанного.

Жилище этого типа до некоторой степени напоминает жилище горных районов Грузии — Сванетии, Хевсурети, характерное для скотоводческого хозяйственного быта и сурового климата.[25] Те же причины и условия видимо обусловили и возникновение подобного типа жилища у высокогорных аварцев. Сейчас такие жилища превращены в хозяйственные помещения — хлевы. Использование отживающей, старой формы жилища в качестве хозяйственного помещения или временного жилья распространенное явление.[26]

[24] З. А. Никольская. Из истории аварского жилища. СЭ, 1947, № 2, стр. 159.

[25] А. И. Робакидзе, Т. А. Очиаури, Дж. А. Рухадзе, Н. С. Топурия, Т. А. Чиковани. Современное грузинское крестьянское жилище. Материалы по этнографии Грузии, X, 1959, стр. 22.

Самый древний этнографически прослеживаемый тип жилища аварцев предгорных районов несколько отличается от жилища горцев того же времени, хотя и то и другое было однокамерным. Жилище в предгорье не было долговечным, оно через определенное время нуждалось в перестройке, следовательно, оно изменялось в форме, оборудовании, согласно требованиям времени. А горное же жилище стояло столетиями, не требуя даже существенного ремонта, и оно существовало еще долго в первозданном виде и после существенных изменений быта и культуры семьи.

Различия в жилище горных и предгорных районов имеются в устройстве дома, в его элементах, в интерьере и размерах. В предгорье не обнаружено больших комнат, как в нагорной Аварии, размеры помещений здесь равны примерно 30—40 кв. м. Здесь необходимо оговориться, что большинство одноэлементных жилищ и в горных районах Аварии в XIX в. были небольших размеров, в пределах 40—50 кв. м. Интерьер этих жилищ был схож с интерьером «больших комнат, только без цагъура на всю стену. В таких комнатах тоже бывали закрома для хранения продуктов и назывались они цагъурами, но вторые отличаются от первых и конструкцией и размерами».[27]

Имелось большое различие и в системе отопления жилищ горцев и жилищ предгорных районов. Центральный очаг открытого типа, который был характерен для горного наиболее архаичного жилища, сохранившегося еще в начале XIX в., в жилище предгорных аварцев не сохранился, здесь его полностью вытеснил пристенный очаг с дымоходом. Перенесение очага в жилище, появление других предметов обихода изменило и всю систему внутреннего убранства.

В одном углу жилища имеется небольшое, возвышенное место, предназначенное для сна. Но в отличие от горского жилища днем постель (матрац, одеяло, подушки) лежит не здесь, а убирается на специальную полку, расположенную вдоль боковой стены. Старые предметы и разную утварь помещали под полкой между столбиками и занавешивали.

Все три стены комнаты, за исключением очажной и одновременно входной, были заняты. Лицевая сторона, т. е. противоположная от входа, была занята посудой, расставленной и развешанной в строгом порядке. Каждая вещь занимала определенное место, в зависимости от ее ценности и размеров. Под потолком на расстоянии 50—60 см от него находилась полка, на которую ставили наиболее ценную фарфоровую, фаянсовую и стеклянную посуду некрупных размеров. Под нею, на гвоздях вешали медные, эмалированные, глиняные глазурованные тарелки, чашки, подносы и другую плоскую посуду. Ниже, на деревянных полках стояли

[26] См. Н. Харузин. История развития жилища. М., 1896, стр. 4.

[27] Это третий вид «цагъура» как указано в примечании на стр.

медные кувшины разных форм, вазы и кастрюли. Чем ниже располагалась полка, тем крупней посуда размещалась на ней. Вся эта утварь была парадной и не употреблялась.

Посуда и утварь, предназначенные для ежедневного использования, находились на полке или под нею, справа или слева от входа.

В комнате были разных величин ниши, предназначенные для хранения домашнего скарба. В них находились самые разнообразные предметы домашнего обихода, начиная от ложек, соли, кончая иголками и нитками.

В комнате имелся цагъур, но совсем иной формы, чем в домах Гидатлинского и Карахского общества. Цагъур предгорья похож на большой ящик на невысоких ножках, разделенный на 2—3 отделения с откидными крышками.

По рассказам стариков в далеком прошлом у них в предгорье тоже были большие комнаты с центральным очагом. Но восстановить первоначальную форму древнего жилища, его интерьер нам не представилось возможным.

Таковы основные, наиболее старые формы жилища, существовавшие в XIX в. в аварских районах.

Нами уже было отмечено, что однокамерное жилище аварцев в XIX в. было пережиточно сохранившимся в силу особых природно-географических и экономических условий горных районов Аварии и отживающей формой. Изменение социальных, семейных отношений и экономическое развитие района обусловили дальнейшую эволюцию жилища и изменения типов и форм его. Оно стало соответственно культурно-бытовым и хозяйственным требованиям семьи расти и благоустраиваться. Говоря об эволюции жилища вообще, мы не имеем в виду изменения, которые произошли только в XIX в., хотя они были наиболее существенны, а рассматриваем этот вопрос в историческом плане. Несомненно, существовавшие в конце XVIII и в начале XIX вв. многоэтажные дома с несколькими комнатами, которые принадлежали одному хозяину, говорят о том, что жилищное строительство достигло высокого уровня развития к этому времени. Примечательно, что некоторые типы и формы жилища почти не подвергались изменению с древних времен вплоть до XIX в., как бы застыли на определенном этапе этого развития. И это обстоятельство облегчает нам до некоторой степени задачу восстановления приблизительно пути и этапа развития жилища вообще, хотя указать хронологические рамки их эволюции нет возможности.

Развитие производительных сил, усиление экономической возможности горцев, быт индивидуальной семьи с дифференцированным хозяйством способствовали развитию жилища и возникновению в жилище специального хозяйственного отсека, помещения. Еще в одноэлементном аварском жилище намечается эта тенденция, т. е. разделение комнаты на два отсека: жилую и хозяйственную (цагъур). Первоначальной стадией намеченного разделения можно считать цагъур.

Однако новым этапом эволюции аварского жилища нужно считать появление небольшого специального помещения — «къора» в доме, имеющего широкое хозяйственное назначение. Оно было образовано в результате перегородки комнаты, не имело ни окон, ни дверей, было связано с жилищем узким проходом. Эта небольшая каморка — кладовая служила первым шагом к возникновению двухкамерного типа жилища. Постепенно увеличиваясь в размерах и приобретая все большее значение в хозяйстве, оно со временем становится обычным помещением со всеми необходимыми элементами. По-прежнему основная жизнь семьи проходит в очажной комнате — «цIа бакулеб рукъ» («комната, где зажигают огонь»), а второе помещение служит кладовой. Эти помещения сообщаются между собою через небольшой проход, иногда уже имеют и самостоятельную дверь. Обнаружены некоторые двухкамерные жилища у аварцев, датируемые началом XVIII века, но возникновение их, видимо, нужно отнести к средним векам, а возможно даже раньше. И мы можем только предположить, ссылаясь на археологический материал,[28] что двухкамерное жилище в X—XIII вв. прочно вошло в быт горцев. Более того, на раскопанном за последние годы Аркаском городище обнаружены бытовые памятники, т. е. жилище, состоящее из нескольких камер. Нужно предполагать, что подобные жилища принадлежали состоятельным лицам. Наличие разных жилищ у богатых и бедных в средние века в горах подтверждают и письменные источники: «Царь Серира и его дружина,— пишет Ибн-Руста,— населяют огромный замок, окруженный каменной стеной».[29] Безусловно этот огромный замок был многокамерным жилищем со специализированным назначением их.

Развитие семейных и общественных отношений, рост производительности труда способствовали возникновению «къачIараб рукъ», где принимали гостей, стояла лучшая обстановка. Выделение убранной комнаты в жилище было и в начале XIX века под силу только состоятельным горцам, хотя как таковая она возникла еще раньше.

Мы уже писали, что в двухэтажном доме первый служил хлевом и выполнял частично функции хозяйственного, складского помещения. Увеличение количества скота, расширение хозяйственного профиля обусловили необходимость увеличения площади хозяйственного помещения, т. к. камера, расположенная под жильем, уже не удовлетворяла потребности. Появился навес, обнесенный высокой каменной стеной, которая превращала его в свободное хозяйственное помещение и дом в изолированную усадьбу от остального внешнего мира. Такая ограда вокруг дома служила

---

[28] Раскопки 1962 года близ селения Ботлих Ботлихского района и раскопки 1963—64 гг. в Аркасе Буйнакского района. Начальника экспедиции Д. М. Атаева благодарим за любезное сообщение и разрешение пользоваться еще не опубликованными материалами.

[29] Ибн-Руста. Из книги драгоценных камней. Перевод с арабского Н. Караулова. СМОМПК, 32, 1903, стр. 47.

и для обороны дома в случае нападения, на что обращали внимание и некоторые наблюдатели.[30]

Навес, который появился перед домом, имел большое хозяйственное значение, он постоянно расширялся, пока не превратился в хозяйственное помещение — закрытый дворик. Однако появление крытого двора характерно не для всех районов Аварии. В высокогорных районах (Цунтинский и Тляратинский) навесы, а следовательно и дворы, почти не наблюдаются. Если в некоторых селениях центральной Аварии навес сливается с оградой и стеной и дворик превращается в помещение, то в селениях Хунзахского, Мехтулинского ханств, общества Койсубулу и др. навес окружает двор с двух-трех сторон, оставляя открытым дворик в центре. Под навесом во дворе иногда устроено небольшое хозяйственное помещение. Но подобная усадьба была настолько мала, что ее и нельзя назвать собственно усадьбой. Это было «небольшое четырехугольное строение с маленьким двориком в середине».[31]

Вместе с эволюцией самого жилища, с изменением его планировки, характера изменился и интерьер. Эволюция жилища повлекла за собой и эволюцию элементов его.

В старое жилище XIX века вела низкая и узкая дверь, состоящая из двух массивных половинок. Иногда дверь состоит из одной доски толщиной в 10 и более см, грубо обработанной топором. Техника распиливания бревен, видимо, была еще не освоена и все деревянные детали дома, в том числе и створки двери, сделаны путем откалывания досок от толстого бревна. Одну из створок двери наглухо закрепляли изнутри, а другая открывалась со скрипом во внутрь. Высота дверного проема не превышает 1,50—1.60 м, при ширине 70—80 см. Обычно имелся высокий порог. Входящий в комнату должен был низко нагибаться, чтобы не удариться головой о притолоку. Двери вращались в дверной раме на двух пятах, выступающих сверху и снизу в виде колышков, вставленные в каменные гнезда в каждом углу в верхней и нижней части дверного проема.

Видимо подобный прием устройства дверей своими корнями уходит в глубокую древность. Аналогичные камни с гнездом для пятки дверей были найдены в памятниках бронзового века в непосредственной близости от дверных проемов.[32] Выработанный задолго до нашей эры способ устройства входа в жилище, в условиях отсутствия железных петель и гвоздей, приспособленных инструментов, доживает до XIX века.

[30] См. И. Н. Норденстам. Описание Антль-Ратля, 1832. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., М., 1958, стр. 325.

[31] Н. Глиноецкий. Поездка в Дагестан. «Военный сборник», 1862, № 1—3, стр. 85.

[32] В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. РФ ИИЯЛ, д. 2876, л. 152; Д. Атаев, М. Гаджиев, М. Погребова. Отчет о работе 2-го горного отряда ДАЭ в 1959 г. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2637, л. 17; К. А. Бредэ. Отчет о дополнительных раскопках в 1957 г. на нижнем Сигитминском поселении и городище, а также о разведке на прибрежных полосах низовьев Сулака. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2470, л. 26.

Небольшие углубления в камне служат петлей для закрепления створок двери к проему и свободному вращению их. Роль дверной ручки выполняет железное кольцо, иногда фигурное, прибитое к открываемой створке. Иногда встречается оригинальное решение этой задачи, особенно в селениях Гидатлинского общества: ручку вырезают на самой двери, для чего делают две выемки рядом по 2—3 см на поверхности створки, а над ними остается мостик-ручка. Такая операция возможна лишь при достаточной толщине досок.

Не менее оригинальное решение найдено горцами и для запора входа. Жилище запирается изнутри специальной деревянной задвижкой с утолщенным одним концом, который вставлен в специальное гнездо-отверстие. И чтобы открыть дверь, нужно поднять брусок вверх, для чего существует своеобразный металлический ключ (у каждого хозяина был ключ своеобразной формы), который продевают в отверстие, вырезанное в створке двери.

Открывались двери всегда внутрь. Число их в жилище делали минимальным: на одно помещение, каких бы размеров оно ни было,— только одну дверь. Перемычки делали или из толстого деревянного бруска, или из толстой каменной плиты.

С дальнейшим развитием жилища видоизменяется и устройство дверей. В обновленных домах XVIII и начала XIX в. дверной проем несколько увеличился в размере и вход снаружи стали отделывать тщательнее других частей дома и часто завершали аркой. Створки дверей стали делать из двух-трех толстых досок, скрепленных поперечными рейками. Появляется дверная коробка, к которой прикрепляли двери на петлях, закрываемые плотно, без щелей.

Другим элементом, который прошел длинный путь развития, совершенствуясь по мере эволюции жилища и который стал неотъемлемой частью современной комнаты, является световое окно.

Наиболее ранняя форма аварского жилища не знает светового окна, как такового. В крыше такого жилища имелось небольшое отверстие, через которое проникал свет в помещение в дневное время, одновременно оно служило и дымоходом. Иногда оставляли узкие небольшие отверстия в стене, которые имели форму бойниц.

Со временем в помещениях появились специальные отверстия, которые могут быть названы окнами. Размеры их обычно колебались в пределах 0,4×0,5—0,3×0,4 м. Эти окна еще не имели деревянных коробок, а если и было кое-какое деревянное обрамление, то оно служило только для украшения и не было приспособлено для стекол.[33] Стекло проникло в Дагестан только с середины XIX века, использовали его только в домах богачей. Даже в окнах дома хунзахских ханов в конце 20-х годов XIX века, по сообще-

[33] П. Даниелевский. Кавказ и его горские жители. М., 1846, стр. 139.

нию Хрисанфа, не было стекла.[34] Однако, в оконные переплеты не вставляли и заменяющего стекла, какого-нибудь пропускающего свет материала, по той причине, что оно служило и для выхода дыма. До появления отопительного сооружения с дымоходом в жилище окно оставалось открытым и даже в появившихся кое-где ставнях для выхода дыма, в верхнем углу оставляли небольшое круглое отверстие.

Если в дневное время свет в помещение проникал через небольшое окно и открытую дверь, то вечером единственным источником света первоначально был огонь, разводимый в очаге. Все вечерние работы проводились при свете огня очага. Может быть поэтому и утвердилось выражение среди аварцев «цIадухъе ине» — «у огня», обозначающее вечерние работы, выполняемые женщинами: ручное шитье одежды, вязание, расчесывание шерсти и т. д.

Для освещения иногда пользовались «кан» (лучина), но к ней прибегали только для освещения дороги, при выходе ночью из дома, хлева, т. е. для кратковременных нужд, комнаты лучиной почти не освещали.

Поддерживать огонь в очаге весь вечер было не под силу горцам во многих районах Аварии из-за отсутствия топлива, а если и был кизяк, то он не давал нужного освещения. Это обстоятельство способствовало раннему появлению «чираха», предназначенного для освещения комнаты. Это небольшой каменный брусок, размером 15×10 см, чашеобразной формы, внутренняя поверхность которого имеет небольшой наклон к узкому концу. В углубление наливалось растопленное нутряное сало животных и вставлялся фитиль — кусок ткани, скрученный и предварительно пропитанный тем же жиром. «Чирах» или «нахучирах» (жировая лампа) имел самые различные формы и хорошо обрабатывался для большей декоративности. Ставили его на выступ в стене, специально вылепленный для этого. Другим вариантом подобного «чираха» является железная чаша на надочажной цепи, прикрепленная на высоте 1,20—1,30 м. Принцип ее устройства аналогичен каменному. Позднее существовали и керамические светильники, аналогичные по форме металлическим (бронза, медь, чугун) и каменным.

Неотъемлемой частью жилища является очаг, который претерпел большие изменения за последние столетия. Для наиболее ранней формы аварского жилища характерным был центральный очаг открытого типа, который уходит своими корнями к простому костру. На протяжении тысячелетий очаг развивался в тесном взаимодействии с развитием всей материальной культуры, строительной техники, внутренней обстановки жилища. Он занимает определенное и постоянное место в жилище — в центре помеще-

[34] Хрисанф. Сведения об аварском ханстве. 1828. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под редакцией М. О. Косвена и Х. М. Хашаева, М., 1958, стр. 267.

ния. Очаг встречается двух типов: углубленный в пол жилища и устроенный на поверхности земли.

Очаг—«гъасито» имел обычно квадратную форму: 1×1 м. Существенным элементом очага является приспособление для установления посуды для приготовления пищи. Такое приспособление встречается трех видов: каменная подставка, треножник «маxx» и цепь. Каменных подставок обнаружено сравнительно не много и они сочетаются с надочажной цепью. На них ставится «къоно» (каменная плита), позднее чугунная сковорода (тоже «къоно», т. е. плита), предназначенная для жарки и выпечки хлеба, тогда как на цепь подвешивали котел для варки. Специально обработанный камень видимо был древнейшей формой подставки, на которые были похожи и по форме керамические очажные подставки ранних эпох.[35]

На его замену пришел железный треножник «маxx» («железо»), который вошел в быт горцев с освоением местной металлургии. «Маxx» выполняет те же функции, что и каменная подставка. В XIX в. наиболее широкое распространение получила надочажная цепь, которая была приспособлена для одновременного подвешивания трех-четырех посуд на разной высоте. Треножник и цепь могли существовать одновременно, даже в одном доме, выполняя разные функции. Очаг был почитаемым местом в жилище, символом благополучия семьи и олицетворения ее мощи, богатства и сплоченности. Видимо этому обстоятельству немало способствовал существовавший в древности культ огня. Культ огня значительную роль играл в погребальных обрядах древних горцев, как магическая, очистительная сила,[36] и находит свое отражение во многих обычаях и обрядах, существовавших еще в XIX веке.

Обращает на себя особое внимание обычай сохранения огня. В начале 20-х годов XX века во многих домах в Аварии можно было найти очаг, по сообщениям стариков, где горел древний огонь. Это имело большое символическое значение — семья, имеет древние традиции и происхождение, очаг, т. е. семья ни разу не была разрушена, уничтожена победителями. Уничтожение очага было для семьи большим оскорблением и унижением.

Сохранились предания в Аварии, где говорится о том, как из поколения в поколение передавался огонь. Дочь, выходя замуж, получала от матери головешку или кизяк с тлеющим огнем, и должна была строго следить за тем, чтобы огонь в очаге ее дома не погас всю жизнь и в свою очередь передать его своей дочери. Кроме того, идя за невестой, даже днем, при солнце, род-

[35] О. Абидуллаев. Энеолитическая культура Азербайджана (по материалам Кюльтепе), МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 78—79; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, МАД, т. II, Махачкала, стр. 102.

[36] М. Г. Гаджиев. Гинчинский могильник — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Плановая тема 1962 г., стр. 104; В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, МАД, т. 2, Махачкала, 1961, стр. 31—32; А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ в II—I тыс. до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 58.

ственники жениха брали с собой огромную лучину, видя в ней магическую, очистительную силу.

Почитание огня нашло отражение и в народном фольклоре. Почитание огня и культ очага существовали и у других народов Кавказа.[37]

Очаг, как символ монолитности семьи и ее благополучия, превратился в центр семейной жизни. Часть домашних работ, как говорилось выше, производилась у очага. Вокруг него собиралась вся семья. Огонь, разведенный в очаге, служил для приготовления пищи, являлся источником света и тепла.

В расположении членов семьи вокруг очага соблюдался определенный порядок: мужчины садились по одну сторону очага, а женщины — по другую. Мужчины занимали у очага место ближе к выходу, а женщины у задней стенки. Может быть в этом следует видеть пережиточно сохранившиеся следы патриархального уклада, порядок, имевший место в семейной общине, когда мужчины охраняли безопасность семьи.

На стене у выхода из помещения были подвешены инструменты, орудия мужского труда и оружие. А на дальней стенке в глубине комнаты, на полках и кольях размещалась кухонная утварь, оборудование и приспособления для женского труда, ведения хозяйства, приготовления пищи и т. д. Следует отметить, что комната аварцев не делилась на мужскую и женскую половину, как склонны считать это некоторые исследователи.[38] Это утверждение не обосновано и этнографическими данными не подтверждено. Вечером, когда готовилась пища, мужчины сидели около очага и центрального столба на противоположной стороне от женщин не потому, что им нельзя было находиться на другой «женской» половине, а просто из практических соображений — чтобы не мешать женщинам заниматься делом. И сосредоточение продуктов и утвари на одной стороне произошло в результате большого опыта; так удобнее и легче было выполнять функции хозяйки.

Во время еды члены семьи располагались вокруг очага на низких стульчиках и на овчинах или полушубках. Мнение о том, что мужчины ели отдельно на своей половине, а женщины отдельно, после мужчин, «довольствуясь остатками пищи после мужчин»,[39] не соответствует действительности. Это происходило только тогда, когда в семье бывал гость, а в обыденной жизни, всегда, горцы ели вместе со своими семьями.

Ночью, когда семья ложилась спать, никакого разделения не существовало. Обычно для сна отводилось особое место — угол

[37] М. И. Чартолани. Очаг сванского дома. Из истории материальной культуры грузинского народа. Тбилиси, 1961, стр. 212, 216, 218. В. П. Кобычев. Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в. Кавказский этнографический сборник, вып. III, М.—Л., 1962, стр. 24.

[38] З. А. Никольская. Из истории аварского жилища. СЭ, 1947, № 2, стр. 163.

[39] З. А. Никольская. Из истории аварского жилища. СЭ, 1947, № 2, стр. 160.

комнаты. Выделение мест сна для мужчин отдельно, для женщин отдельно нами обнаружено только в селениях Гидатлинского общества, и то в том случае, когда в семье имелись взрослые дети. И в тех селениях, где жители не имеют понятия об разделении жилья на две половины, при наличии взрослых детей в семье, мужчины и женщины спали в противоположных концах «спальни». Материал, собранный во всех районах Аварии, дает основание полагать, что следствие здесь принято за причину. Здесь на первый план выступает моральная этика горца, его большая тактичность и культура в воспитании детей, а не условное разделение комнаты на мужскую и женскую половины.

Очаг имеет и общественное, символическое значение и употребимо в значении: «дом», «семья», «хозяйство». Понятие «хозяйство», «дом» передается словами: «цIараки», что буквально означает «зажигание огня».

Первой ступенью развития очага следует считать перенесение его к стене. Впоследствии здесь был сооружен дымоход из плетенки, обмазанной с обеих сторон глиной. Перенесение очага в угол было связано, видимо, с тем, что дымоход над угловым очагом соорудить было проще и легче. Пристенный очаг постепенно с середины XIX в. эволюционирует в камин.

Исчезновение лесов, и, следовательно, топлива — дров привело к появлению в некоторых районах Аварии (Андалял) своеобразного отопительного сооружения, рассчитанного на максимальное использование тепла от него, — закрытого очага — кора.[40]

Кор имеет форму усеченного конуса. Этот вид сооружения имел преимущество перед очагом в смысле экономии топлива. Огонь, разводимый внутри кора, направлялся к суженной части его, на котором стояла посуда, а жар и золу выгребали через полукруглое отверстие, находящееся снизу у пола в углу, огражденное небольшим валиком.

Кроме названных комнатных отопительных сооружений, в Аварии имеются так называемые общественные коры, предназначенные для поджаривания и подсушивания зерна перед помолом и приготовления хлеба обрядового назначения. Таких сооружений в селении бывает не более двух-трех и ими пользуется все население. Их строят в специальных помещениях или под навесом во дворе какой-нибудь хозяйки, которая ухаживает за ним.

Обнаружено большое разнообразие этих коров, начиная от простейших, архаичных форм, предназначенных только для поджаривания зерна и кончая совершенными, приспособленными для выпечки хлеба, поджаривания зерна и приготовления традиционного блюда — «мугь».

Наиболее древними и несложными по конструкции являются типы, обнаруженные на мельнице около селения Эльбоко и в

[40] Данный кор отличается от кора для поджаривания зерна и выпечки хлеба как по конструкции, так и по назначению.

селении Гочоб. Гочобский тип кора состоит из трех самостоятельных частей: из бункера для зерна, обогревательной камеры, под которой разводят огонь и чаши, куда сгребают готовое к помолу поджаренное зерно.

Из бункера зерно поступает в обогревательную камеру, где оно поджаривается и снизу и сверху. Топочная камера имеет куполообразную форму, над которой установлена сланцевая плита. Нагревая плиту снизу, пламя уходит к задней стенке, откуда, поднимаясь по каналу, проникает в обогревательную камеру, где, стелясь под плитой, которая является перекрытием ее, поджаривает зерно сверху и выходит в отверстие сбоку. Часто пол камеры, т. е. плита—«къоно» обмазана глиной во избежание пережаривания зерна. Готовое зерно выгребают в земляную чашу, обмазанную глиной, которая расположена впереди камеры. В подобном типе кора хлеб не пекут.

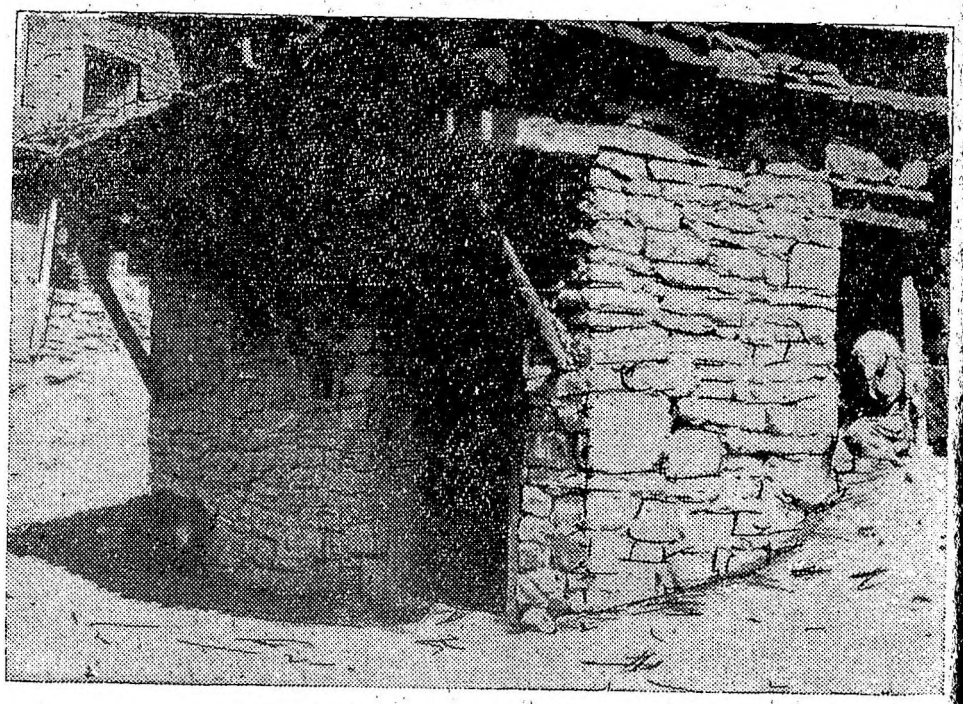

Рис. 39. Общественный кор в сел. Хуштада.

Более усовершенствованным типом кора следует считать каратинский тип, который встречается во многих районах Аварии. Отличается он от предыдущего горизонтальным расположением и непосредственным соединением топочной и обогревательной камер. Основанием такого кора служит плита, находящаяся на высоте 35—40 см от пола. Высота камеры примерно 35—40 см, глубина и ширина — 1 метр. Место для огня отгорожено справа от остальной камеры на всю длину невысоким—10—12 см — глиняным валиком (барьером), чтобы зола и угли не попали на хлеб и зерно. Пламя, стелясь под сводчатой крышей, обогревая всю камеру, выходит в трубу, находящуюся в левом переднем углу. Этот кор предназначен для выпечки хлеба и подсушивания зерна. Таких коров, расположенных непосредственно в жилище, в XIX в. обнаружить нам не удалось. Для предгорных районов Аварии характерным отопительным сооружением в XIX в. была каменная печь. Видимо комнатные печи аварцами были заимствованы у соседей кумыков, о чем свидетельствует и ее название в ряде районов — «лъарагI кор» — «кумыкская печь». Такая печь появилась как результат дальнейшего развития и усовершенствования «кёрюка».[41]

Обязательным элементом старинного аварского жилища был высокопочитаемый центральный столб, который входил в конструкцию «цагъура», где они были. Столб располагался в центре помещения, напротив и недалеко от очага и нес на себе основную тяжесть перекрытия, т. к. на нем лежал центральный прогон (матица), на котором в свою очередь покоились поперечные балки. Столбы бывали разных сечений, и круглые, и четырехугольные (квадратные и прямоугольные), из разных материалов и конструкций. Монолитные каменные столбы встречаются крайне редко, также как и сложенные из тесаного камня и деревянных брусков. Самое широкое хождение имели прямоугольные деревянные столбы, обращенные широкой стороной к очагу. Иногда столб бывал огромных размеров с широкой капиталью (подбалкой). Ширина столба у основания в некоторых случаях доходит до 1,30—1,40 мм и завершается подбалкой, которой придают самые разнообразные формы, доходящей своими размерами до 3,4—4 метров. Особенно отличаются внушительными размерами центральных столбов жилища в Гидатлинском обществе. В селениях Хотода, Урада, Тидиб, Гоор и др.[42] столбы отличаются не только большими размерами, но и своим оформлением. Особое внимание уделяется здесь подбалке и лицевой стороне столба. И столб и подбалка украшались резным орнаментом. Название столба подсказывает нам до некоторой степени причины такого уважения к нему: «кьолбол хIуби» (столб корня), «кьочIол хIуби» — буквально «столб фундамента». Часто кровно-родственную группу, которая произошла от одного предка, в аварском языке называли — «кьибилом», т. е. «корень» («от одного корня происходящие»). Видимо, помещение, где был установлен этот столб-корень, служило когда-то жилищем целой семейной общины. В результате разрастания и сегментации одной семейной общины. В результате разрастания и сегментации одной большой семьи образуется группа семей близкородственных и сохраняющих общественное и идеологичееское единство, живущих

[41] Подробное описание устройства печи «кёрюк» см. С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960, стр. 83—84.

[42] См. А Башкиров. Резьба по камню и дереву в Дагестане. Художественная культура советского Востока. М.—Л., 1931, стр. 113.

Рис. 40. Резные центральные столбы.

в разных помещениях. Возможно для такой группы первоначально объединяющим термином служил «кьибил» — «от одного корня происходящие», хотя известно, что в XIX веке этот термин в одном случае равнозначен термину «тухум», в другом случае — обозначает группу родственников большего тухума. Для обозначения же близкородственной группы в XIX в. служил термин «цо рукъалъулчи» — «человек одного дома» в противовес термину «цо хъизаналъулчи» — «человек одной семьи». Объединяющими элементами для этих групп родственников служили очаг и центральный столб, находящийся в жилище старшей, т. е. родоначальной семьи. На столбе часто вырезали обереги, заклинания и другие магические знаки, отмечались знаменательные события и даты.

Кроме того, этот столб, будучи опорой для потолка, имел большое конструктивное значение. Основная тяжесть перекрытия лежала на нем, и в случае его непрочности мог рухнуть потолок. И само название столба «хIуби» — опора, объясняет его место в жизни горцев. По-видимому слово хIуби первоначально означало «высокая скала» и означать столб стало позже, когда опорой перекрытия стал деревянный столб вместо скалы.[43]

По отношению к главе хозяйства, кормильцу семьи часто говорят, что он является «рукъалъул хIуби» — «столбом дома», т. е. от него зависит благополучие дома, семьи. Видимо уважение к центральному столбу было вызвано тем, что он как и очаг олицетворял благополучие семьи, ее монолитность.

Преклонение перед этим объединяющим и опорным столбом сохранилось и в поздние времена, когда выделяется и укрепляется малая семья.

Но к середине XIX века такие столбы стали терять свое значение. С отпадом его конструктивной необходимости для жилища, он постепенно уходит из быта аварцев.

Почитание центрального столба было характерно и другим народам Дагестана и Кавказа.[44] Было высказано в этнографической литературе мнение, что он носил культовый характер,[45] исходящий от поклонения дереву.

Среди аварцев существовало представление о дереве как о живом существе, но случаи поклонения ему не обнаружены. Не рубили зеленое дерево, относились с уважением к нему, особенно к фруктовому, плодоносящему, из-за его полезности. Такое отношение к деревьям существовало у многих народов Кавказа и далеко за его пределами.[46]

---

[43] Ш. И. Микаилов. Очерки аварской диалектологии. М.—Л., 1959, стр. 126.

[44] С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 217; М.-З. О. Османов. Жилище цудахарцев в XIX—XX вв. Ученые записки ИИЯЛ, т. IX, Махачкала, 1961, стр. 245, С. А. Токарев. Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 276.

[45] М.-З. Османов. Жилище даргинцев в XIX—XX вв. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2917, лл. 8—9.

[46] Г. Ф. Чурсин. Авары. Этнографический очерк. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1570, стр. 76.

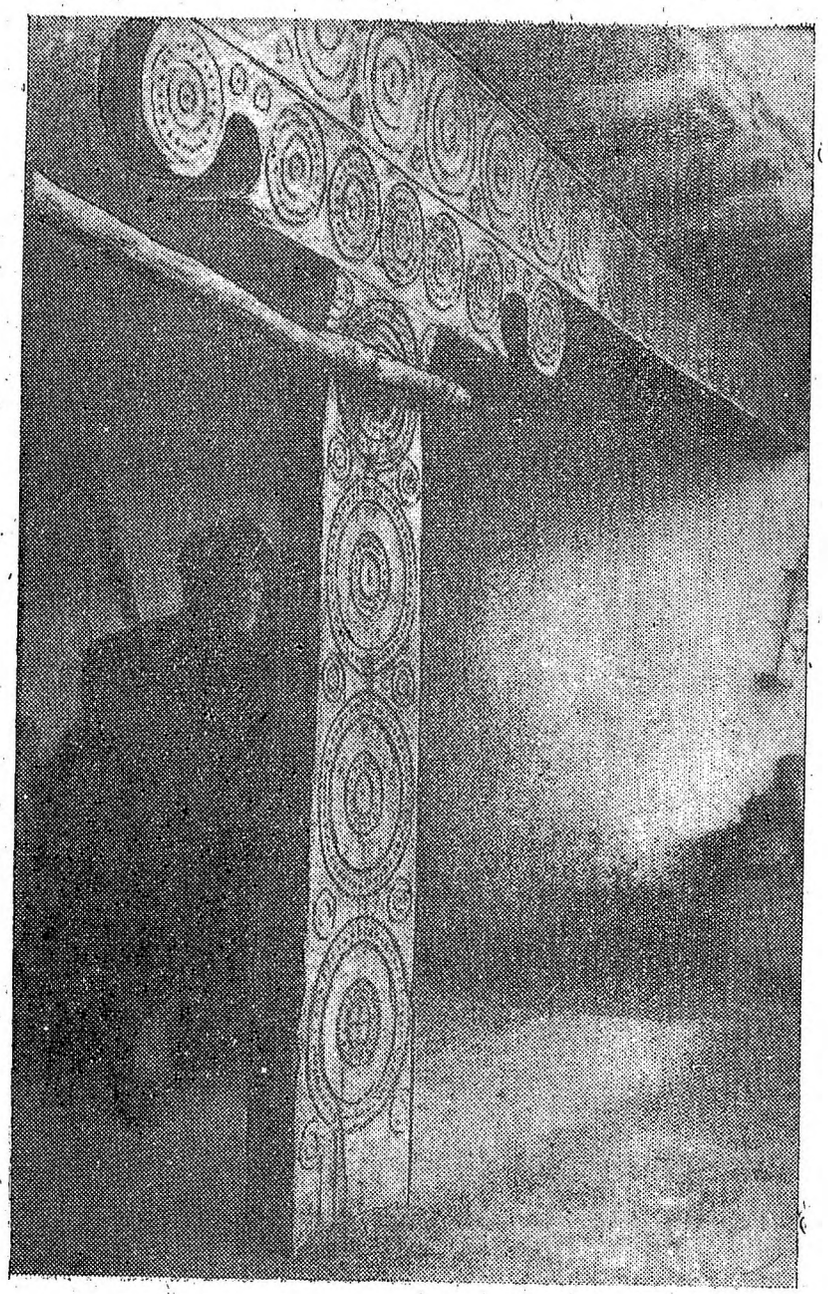

Рис. 41. Резной центральный столб сел. Карада. Шулани.

Таким образом, с эволюцией жилища изменились почти все элементы его, обусловленные развитием производительных сил, ростом культурного уровня населения. Внутреннее убранство жилой комнаты, характерное для начала XIX в., существенно отличается от убранства жилища предыдущей эпохи, частично воссозданного нами.

С начала XIX в. в комнатах не строят цагъуров на всю стену, его заменил ящик с откидными крышками на ножках, похожий на предгорный ларь. Во многих случаях лари для хозяйственных запасов выполняли и функции диванов — «халабакI». Нужно отметить, что в Аварии «халабакI» встречается трех видов: собственно диван без ящиков, предназначенный только для отдыха; «халабакI», у которого сидение сделано в виде ящика и диван—ларь, у которого высокая спинка являлась лицевой стороной ящика. Для хранения муки имелись небольшие сундуки. Следует отметить, что зерно и муку старались хранить в нежилой комнате.

Очаг с дымоходом, перенесенный к стене, изменил всю внутреннюю планировку комнаты и освободил ее от дыма. Вся кухонная утварь и посуда вслед за очагом была перенесена к очажной стене. Появились полки и ниши, предназначенные для посуды и количество ее заметно увеличилось. Наиболее мелкую посуду (ложки, вилки, ножи) хранили в поставце — «гIучIалтIам», который висел на стене, сбоку очага.

Вдоль продольной стены внизу делалось возвышение, куда ставили большие сосуды, убирали днем постель. Выше стену украшали оружием, развешанной мелкой медной, фарфоровой и фаянсовой посудой, которая почти не использовалась в быту.

Дальнейшие изменения форм и планировки жилища связаны с развитием производительных сил, превращением хозяйства в многоотраслевое, расширением культурных связей, торгово-обменных отношений не только внутри Дагестана, но и с Россией, Закавказьем и другими областями.

Годы Кавказской войны сильно изменили характер жилища аварцев. Многие селения были разрушены и вновь построены и естественно изменились и жилища. На месте старых фундаментальных зданий возникают небольшие постройки с заметным отпечатком временности. Конец войны и присоединение Дагестана к России создали благоприятные условия для дальнейшего развития домостроительства в горах.

Полное исчезновение необходимости в укрепленных поселениях и домах, и проникновение капиталистических элементов положило начало новому этапу домостроительства в горах. Глухие, изолированные дома в новых условиях подвергались изменениям, перестройке, с учетом хозяйственных интересов владельца. Возникают балконы, увеличивается число помещений как жилых, так и хозяйственных. Как было сказано выше, улучшение экономического состояния хозяйства предрасполагало к выделению чисто убранной комнаты в доме. Выделению специально убранной комнаты в доме немало способствовало и традиционное гостеприимство горца.

Гость был почетным лицом в доме и ему стремились создать наилучшие условия. Поэтому с приездом гостя, лучшая комната в доме предоставлялась в его распоряжение, но специальной «кунацкой» у аварцев не было.

Дом, состоящий из двух-трех помещений, был наиболее распространенным в середине XIX в. и характерным для среднего хозяйства. Семьи из беднейших слоев населения продолжали жить в одной комнате. Богатые же семьи строили огромные дома, состоящие из множества комнат, с учетом хозяйственных интересов и экономических возможностей. Появляются дома с железными двускатными крышами, на которые затрачивались огромные средства. Убранство комнат, как и вообще жилище, бедных семей резко отличалось от убранства помещений состоятельных хозяев, хотя традиционные особенности стремились соблюдать. Эта разница выявлялась не столько в системе убранства, сколько в количестве и качестве посуды, ковров, постельных принадлежностей и т. д.

Наиболее яркое отражение культуры жилищного строительства XIX в., народные традиции его нашли дома третьего типа — многокамерные, построенные в 70-х годах. Хотя эти дома резко отличаются от основного типа жилищ своими размерами, количеством и обстановкой жилых комнат, планировкой, их нельзя выделить из общей массы, т. к. они являются одним из этапов развития аварского жилища вообще. Этот тип жилища становится типичным для более или менее состоятельного аварца.

Такими являются дома Нахибашева Закарья,[47] Мавраевых, Мамалова М., Газалиева И. в селении Чох Гунибского района, Абашилова в сел. Согратль того же района, Дациева Ф. в сел. Чиркей Ленинского района и другие.

В качестве примера приведем два дома. Дом Газалиева, расположенный на гребне холма, представляет из себя двухэтажное здание, напоминающее букву «Г». Стены сложены из тщательно обработанного серого песчаника.

В большой открытый двор с улицы ведет двустворчатая высокая резная дверь. Двор вымощен большими обтесанными плитами. Слева от входа — хозяйственные и подсобные помещения, окружающие двор с восточной и северо-восточной стороны. На противоположном конце двора находится двухэтажное жилое здание. Нижний этаж дома состоит из 5 помещений и коридора. Лестница, наполовину каменная и наполовину деревянная, ведет из нижнего этажа на застекленную веранду второго этажа, расположенную над галереей. Второй этаж состоит из 6 помещений. Н. И. Кузнецов, будучи в гостях у хозяина дома в нач. XX в., описывает его так: «верхний этаж, исключительно предназначенный для приема гостей, состоит из нескольких комнат: большая зала, две больших спальни, гостиная, столовая. Полы паркетные

[47] Описание этого дома дано архитектором Г. Я. Мовчаном. См. Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа. СЭ, 1946, № 4, стр. 200—208.

в зале, гостиной, спальнях европейская меблировка: диваны, мягкие кресла, большие простеночные зеркала. Только в столовой, наряду с соответствующей европейской меблировкой, имеется хозяйственная утварь местного производства».[48] Второй этаж был предназначен не только для приема гостей, как пишет Н. Кузнецов, но и служил местом пребывания семьи в летнее время. Кроме того, предметы кустарного производства, работы местных мастеров украшали и спальни, и зал, и нарядную комнату, а специальной гостиной как таковой в доме не было.

Каждая комната имеет по два-три больших застекленных окна, а некоторые рамы вырезаны фигурно и застеклены цветными стеклами. Дом имеет двухскатную железную крышу. Сейчас этот дом используется под сельскую больницу.

Большой интерес представляет дом, принадлежащий Мамалову. Длина дома 108 метров, в нем 32 помещения. На характер и планировку дома в значительной степени повлияла хозяйственная направленность владельца. Чиновник царской России Мамалов одновременно был крупным барановодом. Овцеводческое хозяйство требовало наличия в доме множества подсобных помещений: в доме Мамалова их было до 21.

Самым знаменательным в этом доме — это его колоссальные размеры и фасад. Архитектурное оформление фасада производит огромное впечатление. В нижней части дом имеет три этажа, тогда как на правом крыле он сходит на нет. Несмотря на такое неудобное расположение, он компанован великолепно. В средине стены имеется огромный въезд, отмеченный большим порталом. Справа и слева входа встроены в стену две скамьи для отдыха. Въезд оформлен двойными воротами, расстояние между которыми равняется 2,5 метра, при такой же ширине и трех метров высоты.

Усадьба Мамалова состоит из двух дворов одинаковой величины, мощеных плитами, и двухэтажной постройки, окружающей дворы со всех сторон. Во втором, заднем дворе помещений меньше, здесь первый этаж имел вид навеса, а на втором этаже находились складские помещения и веранда перед ними. Весь второй этаж, из 11 помещений, первого двора был отведен под жилье. Все двери и окна комнат выходят на веранду, которая опоясывает дом с внутренней стороны. Веранда построена на аркаде из 14 арок, выполненных из тщательно обтесанного песчаника. Веранда огорожена балюстрадой из точеных балясин. Помещения первого этажа в большинстве своем были выделены для хозяйственных нужд.

В настоящее время в доме Мамалова расположено правление колхоза им. Омарова-Чохского, его складские помещения. Внутренний двор с его помещениями сейчас разрушен.

Существенным элементом жилища конца XIX в. становится открытая веранда. Ее устройство и соединение с жилыми помеще-

[48] Н. И. Кузнецов. В дебрях Дагестана, СПб, 1913, стр. 200.

ниями были самыми разнообразными: в виде лоджии, на высоких балконах, кронштейнах, арках, на крыше нижнего этажа и т. п.

В XIX в. в благоустроенных комнатах был камин тавхан, гъасито, бухара, который эволюционировал от пристенного очага. Термин бухара в аварский язык проник с юга, с Азербайджана, что означает на их языке камин,[49] а тавхан, по-видимому, с севера, с кумыкского языка. Гъасито исконно аварское слово, означающее очаг, было перенесено и на камин, а своего собственного названия камин не имеет. Это обстоятельство наталкивает на мысль, что камин как элемент жилища прочно входит в быт аварцев сравнительно поздно.

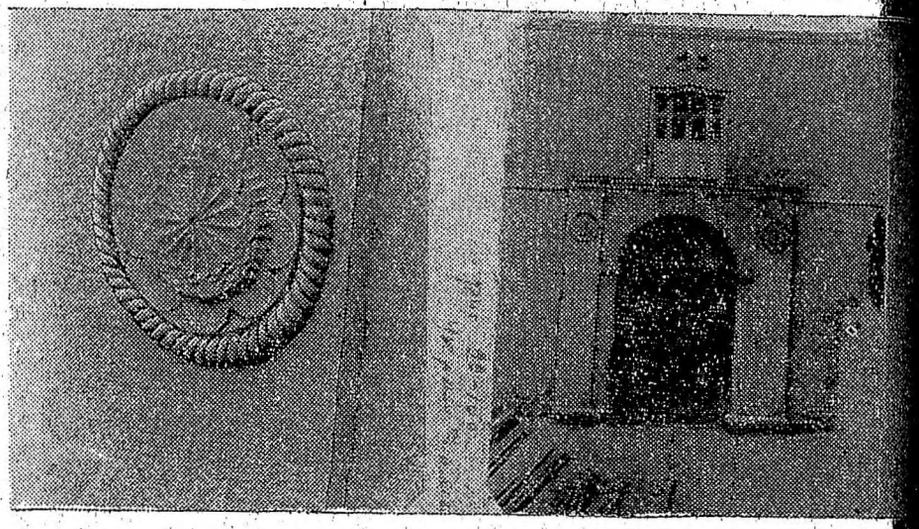

Рис. 42. Архитектурные украшения на зданиях сел. Согратль.

Конусообразный «кор» и камин в помещении был заменен железной печкой, которая появилась к концу XIX века и вскоре заняла господствующее положение в быту в силу своей практичности и экономии топлива. Кор был вытеснен из помещения и перенесен во двор, в качестве сооружения для выпечки дорожного хлеба — кагIакал и приготовления пищи летом.

Наличие дымоходных труб создает возможность употребления стекол, которые в свою очередь и обусловили расширение оконного проема.

Намного увеличились высота и ширина дверных проемов и оформление их стало особой заботой мастера. Изменилось не только внешнее оформление домов, но и весь интерьер. Полы стали деревянными, стены оштукатурены и некоторые расписаны красками. Комнаты обставлены мебелью: диванами, деревянными кроватями (часто вместо них вдоль стены сооружали нары, используемые для сидения днем и спанья ночью), столами, стульями. Появился кухонный стенной шкаф с дверцами на петлях, который вмещал всю посуду. В жилище самостоятельных хозяйств появляются предметы роскоши: зеркала, дорогие ковры, картины, цветные стекла в окнах и т. д.

Все это разнообразие жилищ, начиная от одноэтажного одноэлементного и кончая «домами-дворцами» уживалось и сосуществовало в XIX в. в силу неодинакового экономического положения аварцев.

Однако природные и экономические условия отдельных районов Аварии тоже наложили определенный отпечаток на характер жилища.

Например, овцеводческий профиль хозяйства и суровый климат обусловили распространение своеобразного вида жилищ у арчинцев. Дома их состоят из двух с половиной этажей. Жилье, которое разделено от середины до задней стены на два отсека поперечными стенами, находится на втором этаже, на первом этаже — хлев для крупного рогатого скота. Между этажами устроено низкое помещение, которое предназначено для овец. Дом не имеет ни балкона, ни галереи. С фасада к дому примыкает каменная лестница, по которой поднимаются на второй этаж. С той же лестницы имеется вход в подполье, но сюда могут проникнуть и через люк, сделанный в полу жилой комнаты второго этажа. Междуэтажное помещение, кроме того, служило местом сна в зимнее время. Экономическое положение владельца отражалось только на внутреннем убранстве и размерах этого вида жилища.

В другой зоне, горно-долинной, жилища соответствуют характеру основного занятия населения — садоводству и земледелию, которые требовали наличия в доме места, обогреваемого солнечными лучами и защищенного от осадков для сушки и хранения фруктов и зерна. Таким местом была веранда, получившая широкое распространение, консольные площадки перед галереей. Первоначальное возникновение веранды и дальнейшее распространение, видимо, началось именно в горно-долинных поселениях.

Таковы основные типы жилища аварцев XIX века.

2. СОВРЕМЕННОЕ ЖИЛИЩЕ АВАРЦЕВ

Те же типы и формы жилищ, в основном характерные для конца XIX века, продолжали существовать и в начале XX века, правда, под влиянием общественного развития и общего экономического подъема исчезают многие его элементы, изменяется внутреннее убранство. Но коренные изменения произошли только после Октябрьской революции.

Установление Советской власти в Дагестане, в особенности

[49] Русско-азербайджанский словарь. Баку, 1951, стр. 122; В. П. Кобычев. Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в., стр. 28.

упрочение колхозного строя привело к коренному изменению всей культуры и быта горцев. Социалистический строй обеспечил широкие возможности для свободного и всестороннего развития личности человека, для выявления его творческих способностей, индивидуальных особенностей и специфических интересов. Все это находит свое отражение и в жилище и в домостроительстве.

За годы Советской власти в характере жилища аварцев произошли большие изменения. Более 60% домов, ныне существующих, построены после Великой Октябрьской социалистической революции.

К концу XIX века выработались и установились такие формы и типы жилищ, которые получили дальнейшее развитие в XX в. Жители аулов в соответствии со своими индивидуальными особенностями и возможностями строят сейчас дома по тому типу и формам, которые раньше были только у богатой верхушки, офицеров царской армии. То, что было достоянием отдельных лиц в селении, становится достоянием всех.

Жилище по-прежнему имеет разные варианты планировки, композиции в зависимости от местных условий и традиции, замыслов хозяина, но господствующую форму принимает многоэлементный дом, представленный двумя конструктивными типами: одноэтажным и двухэтажным.

Количество комнат в современном аварском жилище колеблется от 3 до 5, в зависимости от числа членов семьи, экономических возможностей и вкуса хозяина. Дома строятся преимущественно трех форм: в линию, с одной удлиненной комнатой — «г»-образные и с двумя выступающими крайними комнатами — «п»-образные, независимо от этажности.

В развитии современного аварского жилища наблюдается три этапа. Первый этап охватывает период от установления Советской власти до коллективизации сельского хозяйства, он характеризуется сегментацией жилой площади, увеличением количества хозяйственных помещений, расширением размера двора.

Необходимо отметить, что в этот период продолжали в основном существовать с некоторыми изменениями формы жилища, выработанные в конце XIX века.

В первые годы установления Советской власти в Дагестане преобразование быта и культуры аварцев проходило медленно, но оно шло повсеместно и необратимо.

В начальной стадии этого процесса наблюдается стремление приспособить старое жилище к новым общественно-хозяйственным условиям путем переустройства, но в рамках традиционной формы. Заметно улучшилась и обогатилась внутренняя обстановка дома.

Двухэтажный тип дома, являясь наиболее практичным в горных условиях, обеспечивающий хозяина хозяйственными и жилыми помещениями при максимальной экономии земли, получает еще большее распространение. Продолжается расширение хозяйственных помещений и двора, начавшееся еще во второй половине XIX века.

Открывшиеся широкие возможности для развития индивидуального хозяйства после победы Октябрьской революции отразились на размерах двора и дворовых построек. Усилилась тенденция к их увеличению.

Для второй стадии развития современного аварского жилища характерно уменьшение количества хозяйственных помещений, размера двора, распространение балконов и галерей с перилами, устройство деревянного настила и увеличение количества жилых помещений.

Важнейшим событием, оказавшим непосредственное влияние на характер жилищного строительства, явилось образование колхозов в Аварии и обобществление скота, сельскохозяйственных орудий. В результате этого хозяин освободился от скота и земли, и многие хлева и складское помещение, кладовые для инвентаря, сельхозорудий освободились. Это сыграло большую роль в коренном улучшении санитарно-гигиенических условий быта. Исчезла необходимость заниматься индивидуальным хозяйством, которое отнимало много времени, скот требовал тщательного ухода, загрязнял дворы, улицы.

Мероприятия, направленные на изменение профиля хозяйства горцев, сосредоточение экономической жизни в колхозе привело к тому, что часть помещений нижнего этажа стала пустовать, а второй этаж, занятый исключительно под жилье, стал тесен и не удовлетворял потребности семьи. И тогда часть хозяйственных помещений на первом этаже была превращена в жилье.

Крытый двор заменяется открытым, с навесом перед хлевом и верандой перед жилым помещением. Над верандой первого этажа расположена веранда второго этажа с перилами и резными столбами, куда выходят окна и двери всех комнат.

Семейная комната является одновременно и кухней, и столовой, и спальней в зимнее время. Эти разносторонние функции выполняет «цIа бакулеб рукъ» — «комната огня», т. е. помещение, где постоянно стоит печь. Вся жизнь семьи проходит в этой комнате. И только взрослые сыновья зимой и летом спят в отдельном помещении. Одна из комнат по-прежнему является хозяйственным помещением — кладовой, где хранят запасы продуктов. С освобождением помещений, ранее занятых под хлевом, сараями, кладовая спускается на нижний этаж, тем самым освобождается наверху комната для культурно-бытовых нужд.

Существенные изменения произошли и во внутренней обстановке жилища. Стены парадной комнаты, зала увешаны коврами, паласами, кое-где разрисованы масляными красками. Появились никелированные кровати, диваны и другая фабричная мебель.

В селениях этого периода еще нет усадеб в прямом значении этого слова, нет дворов с насаждениями и огородами, но коллективизация сельского хозяйства и образование колхозов, которые привели к резкому сокращению хозяйственных помещений и изменению назначения двора, обусловливает появление приусадебных участков. Это в известной степени изменяет планировку жилища.

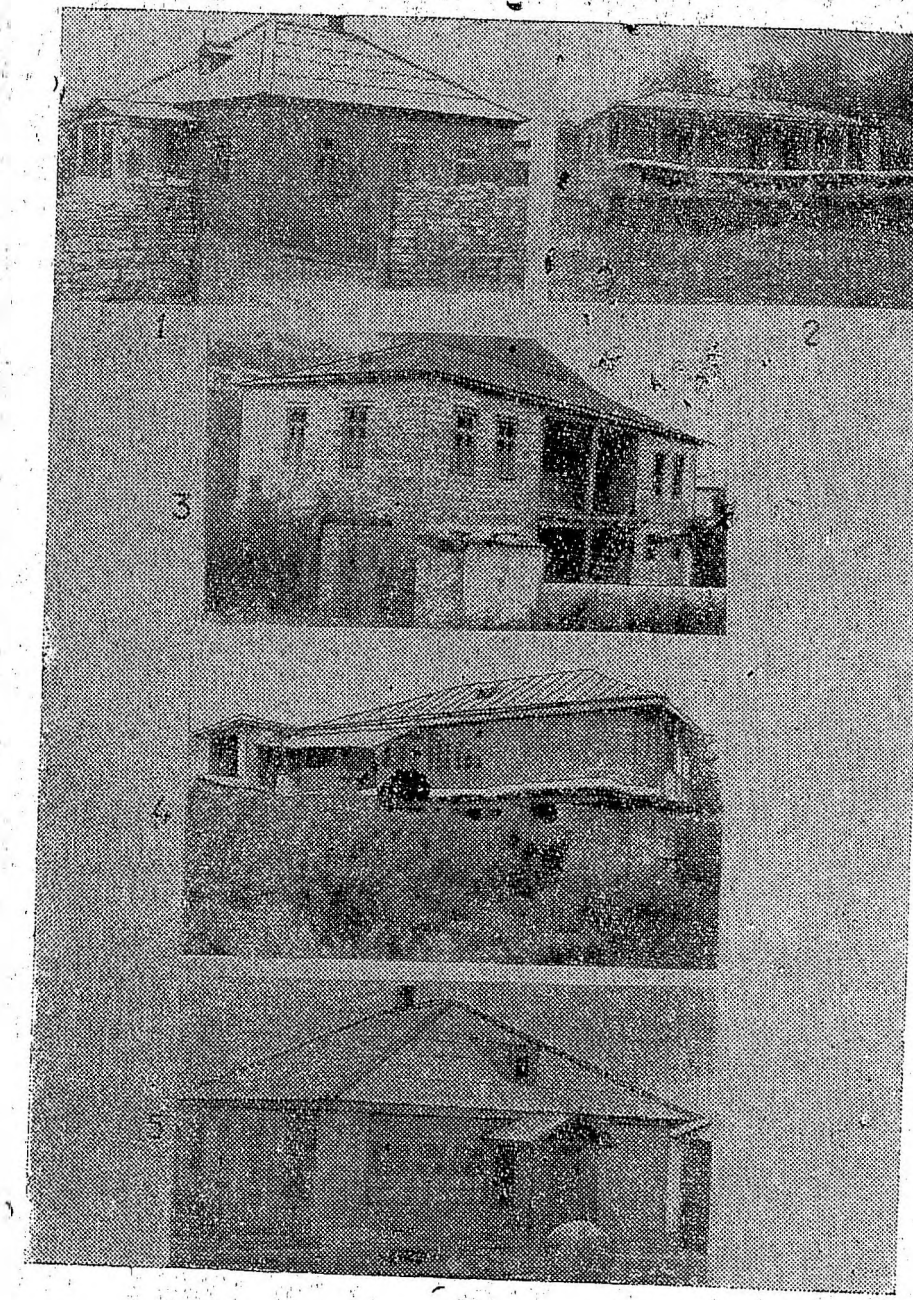

Рис. 43. Современные дома аварцев.

Однако широкого размаха это явление приобрести в рамках старого аула не могло, ввиду особой скученности и тесноты старых горских аулов.

Наиболее существенный третий этап в развитии аварского жилища, который начался с 1950 годов, характеризуется строительством новых домов, которые рассредоточили жилище человека от хлева увеличением количества жилых комнат, свободной планировкой и т. д.

Развитие производительных сил, преобразование культуры и быта аварцев привели к большим изменениям не только в элементах и деталях жилища, но и в самой аварской усадьбе, в ее планировке.

Если раньше в нагорной Аварии господствовала двухэтажная конструкция дома при наличии экономической возможности, то сейчас широкое распространение получило одноэтажное здание, как наиболее приемлемое в новых условиях. Размещение жилых помещений на разных этажах создавало определенные неудобства, тем более при небольшом количестве членов семьи. Свободное расположение усадьбы аварцев позволяет разместить все жилые и хозяйственные помещения в горизонтальной плоскости. Но такая планировка имеет и свои недостатки. Горизонтальное размещение всех помещений связано с потерей большей площади ценной земли и здесь вопрос решается желанием хозяина: или он выбирает двухэтажную конструкцию и освобождает участок для сада и огорода, или он выбирает одноэтажный дом и теряет часть участка.

Рассредоточение жилых и хозяйственных помещений, которое стало возможным только в условиях Советской власти и социалистического быта и явилось совершенно новым явлением для горной Аварии, привело к увеличению жилой площади и создало возможность улучшить санитарно-гигиеническое и культурное состояние дома. Дома теперь строятся с широкими верандами, чаще застекленными, украшенными резным орнаментом. Висячие балконы исчезли вовсе, т. к. исчезла порождающая их причина — скученность.

Крытый двор, обусловленный земельной теснотой или небольшой открытый дворик, окруженный высокой каменной стеной, рассчитанный на полную изоляцию от внешнего мира, исчезли как таковые вообще и появляется открытая усадьба с насаждениями, без каких-либо серьезных ограждений. Ограда, предназначенная для защиты двора и изоляции его, уступила место жилой изгороди или жердям, которые указывают границы участка-усадьбы и защищают его от потравы скотом. Для нового дома характерно наличие большого количества окон и дверей. Общественные, социальные изменения в жизни аварцев привели к коренной ломке старых традиций в планировке домов. Во многих селениях появляются новые кварталы. Свободная планировка возможна только на новых кварталах и многие жители переселяются туда, а оставшиеся в черте старого аула расширяют свои участки за счет ушед-

ших. Такая тенденция сейчас является преобладающей. Но многие селения еще мало изменились в плане, и дома в них горцы продолжают модернизировать в рамках старой формы, приспосабливая к новым условиям.

Отличительной особенностью старой планировки являлось стремление отнести дом вглубь двора, подальше от улицы. А дом, вынужденный соприкасаться с улицей, обращался к ней глухой стороной. Современные дома обращены фасадом, открытой верандой, куда выходят окна и двери всех помещений, к улице. Веранда имеет разные формы в зависимости от вида дома.

Значение веранды в доме очень велико. Она может служить и кладовой, и летней кухней, и спальней.

Одновременно с изменением общей планировки дома изменился и принцип расположения комнат в нем. Если раньше жилым помещением для большинства горцев была одна комната, которая служила им кладовой, кухней и гостиной,[50] то теперь трудно найти такой дом, где бы не было нескольких жилых помещений. Характерным является дифференцированность и определенность назначения помещений. Наряду с кухней, спальней, гостиной, залом появляются кабинеты, рабочие («хIалтIулеб рукъ»), детские комнаты («лъималазул рукъ»).

За последние годы в быт горцев прочно вошла кирпичная печь, как стенная, так и кухонная. Эти печи рассчитаны на использование каменного угля в качестве основного топлива. И хотя доставка угля в горы связана с большими трудностями, тенденция к их строительству в Аварии усилилась. Новый современный дом имеет две-три печи, из которых одна служит для приготовления еды, выпечки хлеба (в духовке) и обогрева комнаты, а остальные с несколькими оборотами дымохода предназначены лишь для обогрева помещений. Таким образом, и железная печь, которая явилась большим шагом в развитии системы отопления и прогрессивным явлением в свое время, на современном этапе вытесняется более совершенным видом отопительного сооружения — капитальной кирпичной печью.

Появление капитальной печи вызвало необходимость в выделении специальной кухни, которая расположена рядом с кладовой. Летняя кухня, сооруженная ранее как временное помещение, на последнем этапе получает свое утверждение и приобретает самостоятельные функции.

Для северных районов Аварии преобладающей формой современного жилища по-прежнему остается одноэтажный дом, окруженный садом и огородом. Этот тип дома тоже имеет разные формы.

В одном случае это однорядовая планировка комнат с верандой спереди, характерная для большинства жилищ аварцев. А в

[50] Г. Амиров. Среди горцев Северного Дагестана. ССКГ, вып. VII, 1873, стр. 79.

другом случае — это квадратный дом, где комнаты расположены в два ряда. Количество комнат обычно бывает от трех до шести.

Своеобразным явлением для некоторых одноэтажных домов является высокий фундамент, который получает все большее распространение. Пол жилища приподнят над поверхностью земли на 70—80 см, так что подниматься на веранду нужно по ступенькам. Иногда в целях экономии жилой площади и удобства хранения портящихся продуктов создают подвал, для чего углубляют пол под верандой. Подвал еще не становится помещением, но можно предположить, что здесь наметилась тенденция к созданию «приподнятого» (полутораэтажного) дома, широко распространенного у даргинцев[51] и кумыков.[52] Интересно то, что такие подвалы нередки и в двухэтажных домах. Например, под верандой нижнего этажа двухэтажного дома Османова Насрудина в сел. Цада Хунзахского района, состоящего из 12 комнат (хозяйственная постройка стоит отдельно от дома), устроен подвал для хранения овощей и солений. Подобную планировку нельзя объяснить недостатком в доме помещений для припасов (семья Османова состоит из 5 человек). Здесь подвал построен с определенной целью — в подвале продукты сохраняются лучше, чем в наземных помещениях. Раньше аварцы редко делали погребы, а просто выкапывали в кладовой или в углу хлева ямы для хранения продуктов и покрывали их сланцевыми плитами или досками.

Особое место среди довольно разнообразных аварских жилищ занимают бежтинские. По-прежнему это двух- чаще трехэтажное здание, расширяющееся кверху, т. е. крыша веранды второго этажа выступает над ее полом на 70—80 см, а крыша веранды третьего этажа — столько же над крышей второго. Дом абсолютно лишен усадьбы, это одиноко стоящее здание без какого-либо двора и участка, хотя рядом имеются свободные места.

В современных домах коренным изменениям подверглись внутренняя обстановка и устройство комнат. Уменьшилось число ниш, а в ряде мест они вовсе исчезли. Исчезают также из быта всевозможные полки для посуды, постели, утвари. Их место заменяют в жилище этажерки, шкафы, буфеты, комоды, кровати.

Появление городской мебели существенным образом изменило интерьер. Каждая вещь в доме приобретает свое определенное место. Во внутреннем убранстве жилых комнат, особенно парадной, существенную роль по-прежнему играют ковры.

Иногда встречается своеобразное убранство комнаты, где сочетаются национальные традиции с современным городским стилем. Наряду с никелированной кроватью, убранной со вкусом, диваном, покрытым ковром, круглым столом, книжным шкафом в комнате

[51] М.-З. Османов. Жилище цудахарцев в XIX—XX вв. Ученые записки Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, Махачкала, т. IX, стр. 250—251.

[52] С. Ш. Гаджиева. Народное жилище каякентских кумыков. СЭ, 1953, № 3, стр. 78.

имеется полочка с расставленной на ней медной и фаянсовой посудой.

Многие дома, особенно вновь возводимые, имеют двускатные крыши, покрытые железом или шифером. Но основная масса жилищ имеет по-прежнему земляные плоские крыши.

Почти во всех аварских селениях сейчас имеется электричество, которое резко изменило всю систему освещения жилища и внутренний вид его. Для получения некоторого представления о современном аварском жилище дадим описание дома Хирияева Г. в селении Карата Ботлихского района.

Это двухэтажный дом, крытый железом. Стоит он в углу двора, выходя одной боковой стороной на улицу. Впереди дома на площади 0,3 га посажены фруктовые деревья и небольшой участок отведен под огородные культуры. Хозяйственная постройка — сеновал, находится в дальнем углу двора. К ней ведет мощеная дорожка от жилого дома.

В доме всего 11 помещений, из них 5 внизу и 6 наверху. На второй этаж ведет деревянная лестница, защищенная навесом. Перед комнатами второго этажа расположена широкая веранда, огороженная баллюстрадой и частично застекленная.

Большинство помещений в доме — жилые. На первом этаже одна большая камера, которая равна двум комнатам наверху, отведена под хлев со входом с торца, а другая небольшая комната — конюшня, третья — телятник и курятник, остальные две на первом и все (6) на втором этаже — жилые. Дом в плане имеет форму «П». Две крайние комнаты первоначально были длинными, но потом их перегородили и образовали по две комнаты с обеих сторон. Одна нижняя комната является кухней и зимней спальней для старших в доме. Для обогрева помещения и приготовления еды на кухне установлена железная печь. В правой стене недалеко от нее встроен кухонный шкаф, где хранится посуда. В левом углу у окна стоит стол, стулья, табуретки. В дальнем углу комнаты—широкая деревянная кровать, которая служит одновременно и диваном. Покрыта она ковром. Две стены занавешены цветной тканью. Вся мебель, находящаяся в комнате, сделана местными мастерами. Полы во всех комнатах деревянные.

Убранство верхних комнат отличается от убранства нижнего помещения. Две крайние передние комнаты небольших размеров являются летними спальнями, соответственно этому и обставлены.

Наиболее хорошо убранными являются два средних помещения. Они больше размерами, 4×5 м. Здесь сосредоточена вся лучшая обстановка семьи: две никелированные кровати, гардероб, диван, два больших зеркала, два фабричных стола (один раздвижной), двенадцать стульев. Полы и стены застланы коврами. На полках под потолком хранится дорогая фарфоровая и другая посуда.

Комнаты эти, как и две по бокам, отапливаются кирпичными печами. Обе печки приспособлены и для приготовления пищи.

На широких окнах висят занавески, которые выходят на веранду и во двор, и только одно — на улицу. На задней стороне дома, обращенной в чужой двор, нет ни одного окна. Двери, окна, столбы, перила окрашены голубой масляной краской. Имеется довольно большое чердачное помещение, которое почти не используется. Во все комнаты и на веранде проведено электрическое освещение.

Разумеется, вышеописанный дом, его убранство является характерным, господствующей формой современного жилища аварцев со средним достатком. Там, где сельскохозяйственные артели экономически слабей, члены их менее обеспечены, семьи колхозников обходятся двумя-тремя комнатами с земляной плоской крышей и бедной обстановкой.

Быстрыми темпами идет процесс улучшения жилищного строительства в горах Дагестана. Постепенно, вместе с изменением жизненного уклада, с повышением экономического и культурного уровня населения происходят изменения в планировке, убранстве жилища.

Не будем останавливаться на других вариантах композиции современного жилища, его форм, методов организации жилищно-хозяйственного комплекса, т. к. под различными внешними формами прослеживается общая закономерность развития жилища от простейшего однокамерного типа к многокамерному, его компонентов от элементарных приспособлений к сложным сооружениям, которые в той или иной степени идентичны вышеописанным.

Таким образом, современное жилище аварцев резко отличается от жилища дореволюционного времени, в нем произошли огромные изменения. Существенно изменилась планировка, господствующей формой стал многокамерный тип жилища, изменился интерьер и весь характер его, обусловленные социалистическими преобразованиями быта и культуры, улучшением материального благосостояния аварцев за годы Советской власти.

Современное аварское жилище, его планировка, интерьер развивается на основе образцов старого жилища, сохраняя национальные черты, строительные традиции, выработанные веками, приспосабливаясь к постоянно растущим культурно-бытовым условиям народа.

3. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Чтобы иметь более или менее цельное представление о жилище аварцев, необходимо сказать хотя бы несколько слов о хозяйственных постройках, их месте в жилом комплексе.

Как уже отмечалось выше, для аварцев наиболее характерной была в XIX в. такая организация жилищно-хозяйственного комплекса, которая объединяла хлев для скота и жилое помещение в одной двухэтажной постройке, а сарай для сена находился рядом с домом, в примыкающей постройке или в некотором отдалении от него.

Основным, наиболее распространенным видом хозяйственного помещения аварцев в XIX веке была прямоугольная в плане постройка средних размеров (5×4), расположенная на первом этаже. О причинах преимущественного сосредоточения хозяйственных помещений на первом этаже было сказано выше.

В начальном периоде своего возникновения, т. е. когда существовало только одно хозяйственное помещение, оно было и коровником, и конюшней, и телятником одновременно. Вот почему и видимо слово «бокь», означающий «хлев», применимо ко всем служебным помещениям с соответствующей приставкой: «бечибокь» — телятник (бече — теленок), «чолбокь» — конюшня (чу — конь), «гIиябокь» — хлев для овец (гIи — овцы) и т. д.

Одно помещение широкого профиля было перегорожено жердями или невысокой стенкой с таким расчетом, чтобы животные не мешали друг другу. Обычно крупный рогатый скот и привязывался к крепкому колу у яслей, пристроенных у дальней стены. Свободное их нахождение было небезопасно для остальных животных.

Развитие производительных сил и расширение экономического профиля обусловили появление нескольких специализированных скотских помещений. По возможности их устраивали возле дома, в пристройках. Главное внимание уделялось по-прежнему оборудованию коровника, ибо от благополучия крупного рогатого скота зависело во многом «дандежо» — «с чем едят», т. е. качество пищи семьи. Вслед за ним появляется помещение для телят и конюшня, одновременно в конюшнях помещались и ослы, которые были необходимым рабочим скотом в хозяйстве горцев. В хлеву вдоль дальней и одной боковой стен на высоте 30—40 см от пола устраивались кормушки из досок, перегороженные на отделения. Пол в скотных помещениях делали слегка наклонным к входной стене для того, чтобы жидкость не скапливалась у кормушки. Помещение имело как правило небольшие вентиляционные отверстия. Следует отметить, что в жилище аварцев, в основном, помещений, специально предназначенных для овец, не было, так как овцы не находились в селении круглый год, летом они бывали в горах, на летних пастбищах, а зимой на кутанах. Там же, где не практиковалась отгонная система содержания скота и овцы находились при хозяйстве, возникли такие специальные помещения. Эти «гIиябокьал» — хлева для овец отличаются большими размерами и низким перекрытием, что делает их непригодными для иного использования. Но каждое хозяйство таких камер не строило и в этом не было надобности; отара овец, объединяющая около сотни и более голов разных хозяйств, находилась в одном помещении. Каждый владелец имел свою особую метку и в любое время мог выделить своих овец из общей отары. Совместное содержание овец было экономически выгодно и практически удобно для односельчан.

Только в селении Арчиб Чародинского района строили хозяева специальные помещения для овец. И это объясняется большим

удельным весом овцеводства в хозяйстве арчинцев и отсутствием дальних пастбищ. И зимние и летние пастбища их находились только вокруг селения. Но таких помещений и здесь несравненно меньше, чем коровников. Наличие «бокьа» в каждом хозяйстве в XIX в. было обязательным.

В отличие от овец, совместное содержание крупного рогатого скота, нуждающегося в подкармливании, нам неизвестно. Будь в хозяйстве один бычок или пять коров — их держали в отдельном собственном хлеве. И, естественно, мысль о том, что в аварских селениях пристроек для скота при доме не было и что «наличие таковых в качестве общих для всего аула»[53] является явно неверной. И хлевов общественных, в которых содержался бы скот, составляющих частную собственность семей и расположенных на краю аула[54] и сейчас не существуют и раньше (прослеживаемое время) не существовало.

Специальных курятников аварцы не строили. Для кур отводился какой-нибудь угол в хлеве, где на высоте 1,5 м укреплялся насест. В хлев куры проникали обычно через небольшое окошко-отверстие в стене, которое в зимнее время затыкалось чем-нибудь. И в настоящее время выделение отдельного курятника «гIанкIабазул рукъ» не произошло, строить отапливаемый курятник в горах пока нет возможности, а тепла от животных в хлеве достаточно для обогрева кур.

С окончанием Кавказской войны у горцев появилась возможность наладить и расширить свои хозяйства, укрепить их экономику. Это приводит к дальнейшему расширению площади хозяйственных помещений. Особенно такая тенденция усилилась после победы Октябрьской революции. Происходит увеличение количества не только животноводческих помещений, но и складских. Большая теснота и скученность в селении мешали росту хозяйственных помещений. Новое строительство сужало и без того узкие улицы, на что не могли пойти жители селения, и тогда по решению джамаата выделялось особое место для строительства дополнительных хозяйственных помещений на окраине аула. Так возник особый квартал хлевов в некоторых селениях (Чох, Анчих, Кутлаб, Тидиб и др.).

Особо стоит вопрос о сеновалах — «гьор». Его соединение с другими помещениями — хлевом и жильем в Аварии принимает самые разнообразные формы. В трех и многоэтажных домах сеновалам отведен иногда самый верхний этаж. В двухэтажных домах, где первый этаж занят под хлев, а второй под жилье, сеновал пристраивали к глухой стене дома. Но господствующим стремлением в целом было отделение, т. е. изолирование сеновала от жилища. Соседство сеновала (сухого сена) было слишком опасным, и оно бывало частой причиной пожаров. При малейшей возможности сеновал выносили за селение. Там, где хлева отделены от

---

[53] З. А. Никольская. Из истории аварского жилища. СЭ, 1947, № 2, стр. 163.

[54] Там же.

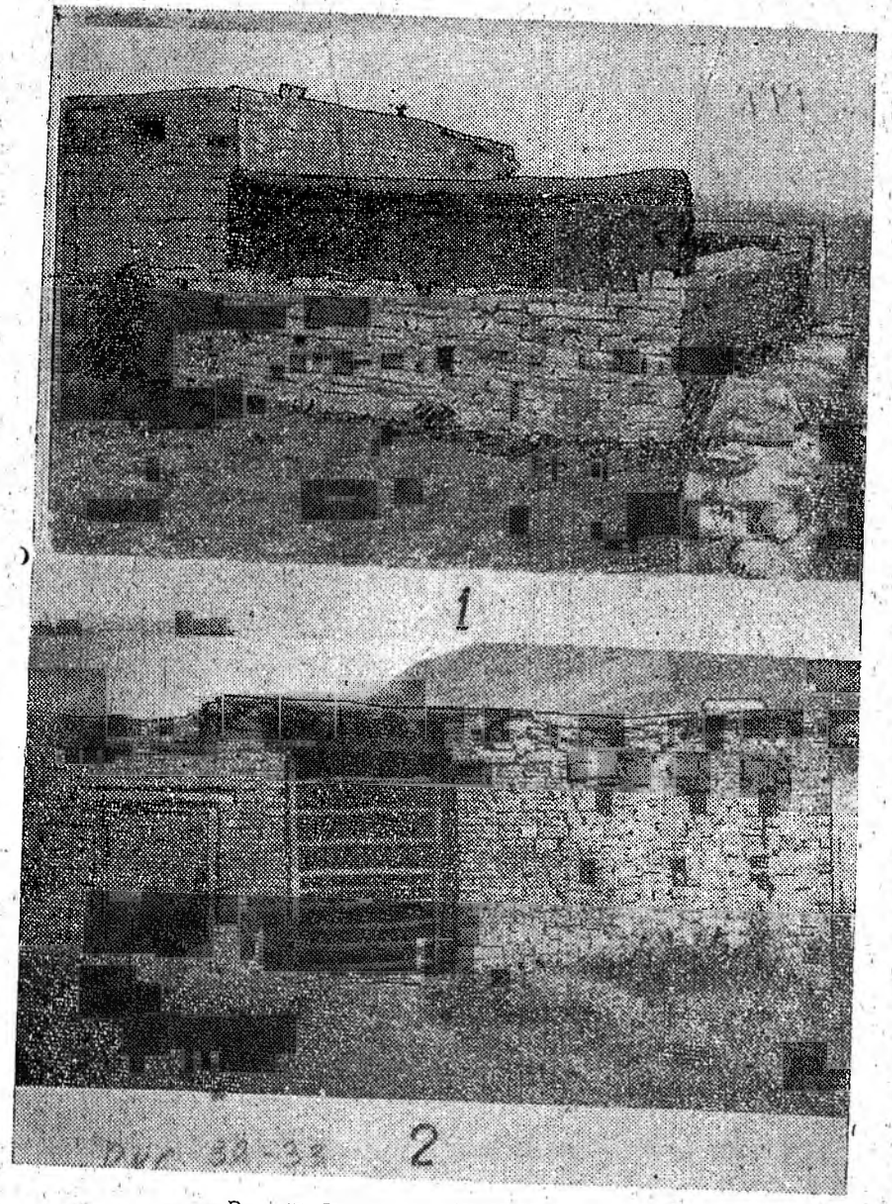

Рис. 45. Хозяйственные помещения.

дома, сеновалы устраивают на них. Часто горцы обходились и без специального помещения для сена, сохраняя его в пещерах, уступах скал вокруг селения, огородив их невысокой стеной. Сеновалы, как правило, оставляли частично открытыми с южной стороны, обязательны были вентиляционные окна на одной боковой сторо-

не, представляющие собой большие прямоугольные проемы под перекрытием.

Коллективизация сельского хозяйства в Аварии с образованием колхозов и обобществление скота привели к резкому сокращению количества хозяйственных помещений, особенно животноводческих. Перемещение экономического центра из отдельных хозяйств в колхоз привело к возникновению в селении (на его окраинах) больших общественных хозяйственных построек, во многом отличающихся от индивидуальных хлевов — скотные дворы.

В современном аварском жилище хозяйственные постройки возводятся отдельно, неподалеку от жилого дома, во дворе. Такая усадьба, где жилые комнаты стоят отдельно, а хозяйственные помещения (2—3) — отдельно, нашла за последнее время широкое распространение.

В целом происходит процесс роста числа жилых комнат за счет сокращения хозяйственных и увеличения общественных построек за счет уменьшения индивидуальных.

4. СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ТЕХНИКА

Основным строительным материалом для сооружения жилищ в Аварии служит камень, дерево и глина. Однако различные природно-географические условия в разных зонах и подзонах обусловили разницу в степени использования того или другого вида материала. В местностях, богатых лесом (высокогорные районы и верхнее предгорье), дерево широко используется для строительства домов, в нижнем предгорье — саман, где нет ни строительного камня, ни строительного леса. Наиболее широко распространенным и употребительным материалом был камень.

Даже в местах, бедных камнем, строительство не обходилось без него. Но в районах, лишенных лесом (нагорная Авария), камень был почти единственным строительным материалом. В строительстве использовали разные породы камня, в зависимости от того, какая порода была наиболее доступной и легко добываемой в данной местности. Несмотря на обилие камня, заготовка его для строительства была довольно трудоемкая и дорого стоящая работа. Для строительства двухэтажного дома необходимо 15—17 тыс. штук камня. Собрать такое количество с поверхности земли было трудно и поэтому часто для этого разбивали огромную глыбу на мелкие куски. Всю эту сложную работу приходилось выполнять простыми инструментами: молотом и клином. Не меньшую трудность для хозяина представляла и перевозка камня к месту строительства.

Дома из обтесанных камней правильной формы строили только состоятельные горцы, а остальная масса свои жилища возводила из грубо околотых кусков с необработанной поверхностью. Однако наиболее древние дома, особенно башнеобразные, были «сложены

из камня, обработанного с одной стороны, поэтому стены с внешней стороны имеют относительно ровную поверхность».[55] Подобным же образом построены все башни и общественные здания.

Особенно тщательно обрабатывали и обтесывали камень, предназначенный для сооружения арки. Арка выполняла большую конструктивную роль в аварском жилище, особенно в нагорной части.

Арочная конструкция облегчала решение многих задач, связанных с композицией дома. Аркада из нескольких арок служит в качестве опоры для навесов, веранд, иногда и для получения на склоне необходимой горизонтальной площадки для дома. Арочная конструкция позволяла сэкономить не только дерево, но и камень, что имело существенное значение, достигая при этом определенной прочности и долговечности. Кроме того, она давала возможность образовывать полуоткрытое помещение или оставлять проходы под зданием, имевшее большое хозяйственное значение для горца.

Когда приходилось решать серьезные конструктивные задачи, осложненные недостачей лесоматериалов для перекрытия, тогда прибегали к форме широко распространенной в Аварии каменной конструкции в виде арок, реже своду. Особенно характерно каменное перекрытие для ахвахских сел и общества Мукрах. Перекрытие первого этажа покоится на ряде арок, соединенных уложенными сверху каменными (сланцевыми) плитами. Редко, но встречаются и жилища, состоящие из одного камня, без деревянных частей, за исключением дверных полотниц. Обнаруженное в селении Хиндах подобное жилище принадлежит Мусаевой Айшат. Оно сооружено из камня правильной формы, а свод выполнен из клиньев. Продольные стены на высоте 2,5 м переходят в сводчатое перекрытие, а боковые соединяются впритык со сводом. В центре потолка имеется круглое отверстие диаметром в 40 см. Вход в жилище сбоку, дверной проем очень узкий, закрываемый одной толстой доской — дверью, которая вращается на пятах. Над дверным проемом в стене оставлено небольшое треугольное окошечко, служившее так же, как и отверстие в крыше, для проникновения света, для выхода дыма. В жилище имеются шесть ниш до метра глубиной, треугольной формы, невысоко от пола.

Были обнаружены разные варианты подобного жилища и способ строительства арки камнями клиновидной формы. И в связи с этим нужно считать мнение Н. Б. Бакланова, что «кладка сводов осталась для горских мастеров неизвестной», не совсем обоснованным. Кроме того, по его мнению, арка была заимствована горцами Дагестана у соседей или «осталась в виде пережитка прежней, более развитой культуры».[56] Однако архитектурный материал категорически отрицает такое заявление. Имеющиеся данные говорят, что техника каменной кладки была высокоразвитой в горах, чему примером могут служить прекрасные каменные сооружения, стоящие веками, аркады на краю обрыва (Чох, Тинди, Гамсутль), на крутых откосах, на которые опираются 2—3-этажные массивные дома или двухэтажные арочные конструкции, где необходим тонкий технический расчет и многовековой строительный опыт.

Высокий уровень развития строительной техники в горном Дагестане, в том числе и Аварии, подтверждается также многочисленными лингвистическими данными. Еще Н. Я. Марр[57] отмечал лексические соответствия между дагестанскими и закавказскими языками в терминологии, связанными со строительным делом и архитектурой, что дает основание считать, что целый ряд терминов заимствован грузинами и армянами из аварского языка и подтверждает древность архитектурной культуры аварцев. Основываясь на этом, можно предположить, что строительное дело и каменное домостроительство дагестанских горцев оказали определенное влияние на развитие соответствующих элементов материальной культуры соседних областей Кавказа.

Часто встречающимся вариантом каменного перекрытия является так называемый «ложный свод». Подобные ложные своды имеют разные формы и могут быть выполнены не только из плит, но и из горизонтальных рядов каменной кладки. Такая конструкция перекрытия больше характерна для помещений, предназначенных под хлева или сеновалы.

Совершенно по-иному обстояло дело в местностях богатых лесоматериалом.

Не только в перекрытии, но и в кладке стен, в опорных элементах дерево нашло широкое применение. Горские мастера щедро применяют дерево для связи каменной стены, закладывали его в каменную стену, тем самым ухудшая прочность сооружения, так как впоследствии древесина сгнивала. Аварцы прекрасно знали недостатки поперечных деревянных брусьев в стене, тем не менее продолжали практиковать подобную конструкцию. Найти объяснение такому явлению нам не удалось и высказанное в литературе предположение, что причиной тому служат землетрясения в Дагестане, следует считать правильным.[58]

---

[55] К. Козлова. Поселения и жилища аварцев. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1618, л. 40.

[56] Н. Б. Бакланов. Архитектурные памятники Дагестана, Л., 1935, стр. 12.

[57] Н. Я. Марр. Непочатый источник истории Кавказского мира. Известия Академии наук, Петроград, 1917, стр. 316—317.

[58] Г. Н. Любимова и С. О. Хан-Магомедов. Народная архитектура южного Дагестана. М., 1956, стр. 8; М.-З. Османов. Жилище даргинцев в XIX—XX вв. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2917, л. 59.

Применение в кладке стен деревянных связей часто практиковалось на Кавказе.[59]

Вообще дерево имеет большое значение в конструкции жилища в селениях, богатых строевым лесом. Его применяют для сооружения опорных колонн (брусья, уложенные штабелями), лестниц (не переносных, а из толстых бревен, сложенных горизонтально, наподобие каменных), в виде опорных столбов для перекрытия как всего помещения, так и оконных и дверных проемов и т. д.

В некоторых селениях (Бежта, Тлядал, Хошар-Хота) целые стены не только внутренние, но и наружные сложены из одного дерева. С наружной стороны подобные стены обмазывали глиной, чтобы предохранить их от влияния дождя, солнца, ветра.

Обилие лесоматериала сказалось и на принципе планировки дома. В дидойском участке основой дома является деревянный каркас. Между врытыми в землю столбами укладываются плиты, образующие стены.[60] Таким образом, каменные стыки заключаются между существующими деревянными клетками, что определило и своеобразие и технику кладки. Каркас изготавливается на месте, где предполагается строительство дома, из очищенных от коры бревен. Размеры его определялись количеством комнат.

Внутренние перегородки были большей частью дощатыми, но встречаются и турлучные.

Камень и лес были основным строительным материалом в горной Аварии, но не единственным. Видимо раньше существовали и дома, основой которым служил плетневый каркас. Наиболее древнее жилище, обнаруженное нами в селении Карата Ботлихского района, принадлежащее Аличуевой Патимат, был построен именно таким способом. В землю врыты столбы на расстоянии 1,5 м друг от друга, между которыми горизонтально укреплены нетолстые жерди. Все это переплетено тонкими прутьями, идущими в вертикальном направлении. Получившаяся сплошная стена обмазана с обеих сторон глиной. Этот способ сооружения жилища был наиболее дешевым и нетрудоемким. Такая конструкция, как способ внутренней перегородки помещений, нашла широкое признание.

Основным строительным материалом в предгорных районах Аварии, особенно в нижней части, которая переходит в равнину, был саманный кирпич из глины и соломы (саман). Саман применялся в качестве заменителя каменных плит для возведения стен дома. Им пользовались в местностях, бедных строительным камнем

[59] А. В. Саркисов. К изучению народного жилища Азербайджана. Доклады АН Аз. ССР, 1949, т. V, № 5, стр. 230; Б. Бретаницкий, С. Далиев, Г. Елькин, Л. Мамиконов, Д. Мотис. Архитектура жилого дома г. Нухи XVIII—XIX столетий. «Материалы по истории архитектуры народов СССР». Издание Академии архитектуры СССР, вып. 4, М., 1944, стр. 42, 52.

[60] К. Г. Данилина. Этнографическое обследование дидоев. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1563, л. 36.

и строевым лесом. Отсутствие прочных строительных материалов наложило своеобразный отпечаток на характер жилища предгорных аварцев — здесь нет монументальных многоэтажных домов, как в нагорной Аварии.

Саманный кирпич за последние годы все больше и больше проникает в центральные районы и находит там широкое признание. Он вытесняет из употребления камень, как трудоемкий и дорогостоящий материал и находит применение для возведения не только внутренних стен, что широко практикуется, но и наружных. Саманные дома как в предгорье, так и в горах возводились на каменном фундаменте. Изготавливают саманный кирпич сами хозяева ручным способом.

Начало строительства дома для горца было большим событием. К этому дню хозяин подготавливал необходимый материал и договаривался с мастером-каменщиком. Каменщики бывали местные, которые стали профессионалами-ремесленниками, и нанимались на стороне за определенную плату. Хозяин должен был обеспечить ко дню строительства дома все необходимое и подсобные работы. Каменщик не занимался ничем иным, кроме как кладкой стены, остальные все работы (приготовление и подача скрепляющего материала — раствора, подача камня, заполнение стен и др.) выполнял подсобный рабочий.

Предварительно хозяин обсуждал с мастером план дома, его схему. Существование каких-либо обрядов, связанных с началом строительства нового дома, установить не удалось, хотя в некоторых селениях под фундамент клали золотую монету, иногда кусок железа, усматривая в этом долговечность и благополучие дома.

Особое внимание уделяли прочности фундамента дома. Аварцы говорят по этому поводу: «кьучIалда рекъараб рокъги букIунин»— «какой фундамент, такой и дом». Фундамент углубляли в землю до метра, делали шире, чем стены здания и клали из массивных блоков. Техника кладки была обычная «в замок» и в два ряда. Технические приемы кладки и методы домостроительства были одинаковыми и общими для всех районов Аварии и всех зон, независимо ни от качества строительного материала, ни от количества его. Прочность стены зависела от тщательности кладки и от вида скрепляющего раствора. Наиболее широко распространенным скрепляющим материалом служила местная земля, смешанная с водой. Но аварцам были известны и более сложные и прочные составы.

Для скрепления высоких и монументальных сооружений пользовались раствором из ржаной муки. При высыхании такой раствор цементировался, скрепляя камни стен надолго. Внешняя кладка многих боевых башен (Хиндах, Кахиб, Хотода и др.), являющихся древними памятниками материальной культуры аварцев, была скреплена именно подобным раствором. К сожалению узнать точный состав рецептуры этого своеобразного скрепляющего материала не удалось, его уже давно не применяют в строительстве.

Другим скрепляющим материалом был известковый раствор. Хотя этот раствор был известен горцам с древних времен (кладка некоторых стен на раннесредневековых заброшенных поселениях была осуществлена на известковом растворе),[61] широкое распространение не получил. На таком растворе были построены общественные сооружения: мечети, мосты, источники и т. д.

Наиболее прочным, но малоупотребительным был скрепляющий материал, оставленный из хорошо отжатого творога, извести, желтого песка и яичного белка. Этот состав готовили для скрепления тщательно обтесанных, хорошо подогнанных друг к другу плит, образующих лицевую часть стены. Готовили его в небольшом количестве, перед самым употреблением. Постройка дома из отесанного камня с употреблением дорогостоящего, зато эффективного скрепляющего материала, была доступна лишь очень богатым лицам.

Для кладки простой, «черновой» стены особого мастерства не требовалось и такую работу могли выполнить несколько человек из того же селения. Правда, и здесь требовалось умение планировать дверные и оконные проемы и обработки краев этих проемов, укрепить коробки, что и делал наиболее опытный мастер. Особое внимание обращали на скрепление стыков стен. От прочности углов во многом зависела прочность самого дома, поэтому они бывали закреплены связями — массивными каменными блоками. Эти блоки были правильной формы, иногда огромных размеров и являлись обязательным элементом в боевых башнях, глухих домах и в других сооружениях наиболее древней культуры. Тем более такие связи-укрепления были необходимы, когда кладка велась из мелкого камня.

Хочется отметить еще одну особенность аварской архитектуры и строительной традиции. Как уже отмечалось выше, боевые башни, имеющие высоту в 8—9 этажей, бывали связаны с окружающими их домами. Однако стены их конструктивно не были связаны (одна общая стена для башни и помещения) и каждое сооружение имело свои самостоятельные стены, построенные впритык. На желаемой высоте, когда строили стену башни, оставляли проем для сообщения с соседним домом. Подобный принцип соблюдался во всех случаях, когда строили и разноэтажные (с ощутимой разницей) дома. Видимо, это не что иное, как осадочный шов. Чтобы придти к данному заключению, горцы должны были пройти большую строительную практику и накопить многовековой опыт. Многоэтажное сооружение давало своим огромным давлением больший осадок, чем одно-, двухэтажный дом, и сплетенная (общая) стена при этом давала трещины и способствовала развалу комплекса. Во избежание этих неприятных последствий

[61] М. И. Артамонов. Отчет о работе Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК в Дагестане в 1937—1938 гг. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1602, л. 26.

оставляли осадочный шов и строили самостоятельные стены, несмотря на дополнительные расходы.

Планировка дома, его композиция во многом зависели от условий местности. Однако в каких бы условиях ни строили дом, ему стремились давать южную ориентацию, несмотря на значительные трудности, возникшие при этом.

Множество домов в Аварии построено на краю обрывов, причем на крутых склонах — на опорах. В качестве опорных сооружений ставили толстые бревна, но чаще строили каменные столбы в виде прямоугольных колонн или арочной конструкции. Строить приходилось на гладкой поверхности скалы с уклоном в 50—60° к пропасти. Углублений для фундамента никаких нет и небольшой камень является крайней опорной точкой всей тяжести фасада двух- и даже трехэтажного дома. Нужно отметить, что такая кладка отличается достаточной прочностью, сохраняется веками.

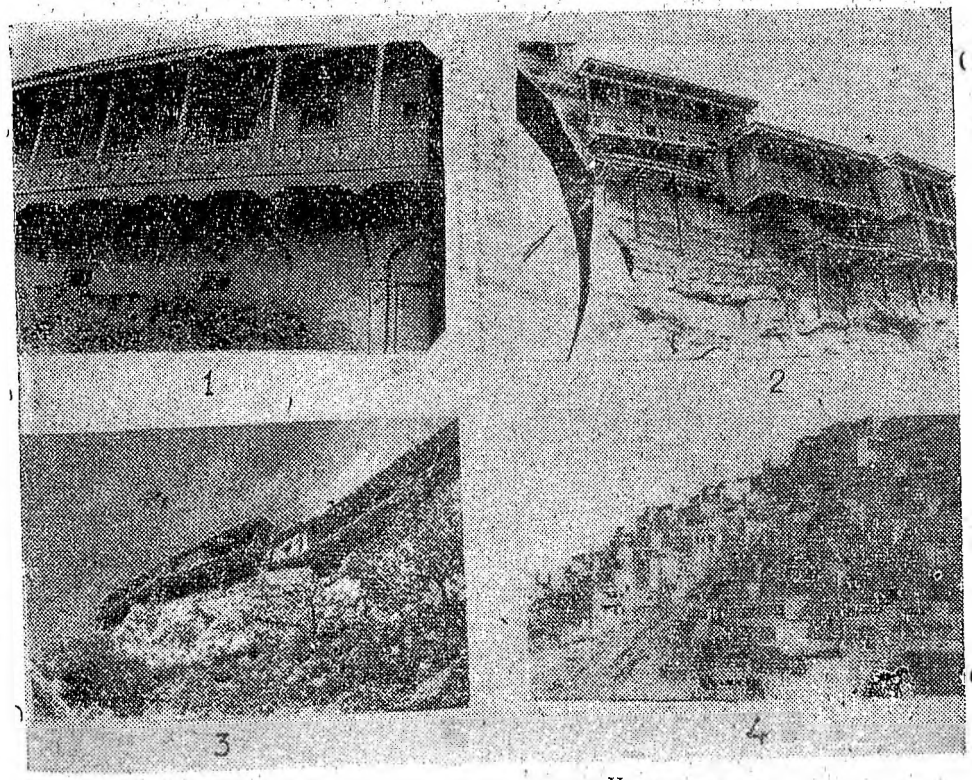

Рис. 46. 1. Балкон сел. Чох.
2, 3, 4. Балконы сел. Анчих.

Часто над ущельем устраивались террасы на выносных консолях или на деревянных кронштейнах — косо установленных столбах. Удивленный подобным приемом сооружения жилища Г. Мерцбахер писал: «Многие строения высятся своим основанием прямо

над бездной и передняя стена их держится на двух слабых столбах, покоящихся на сланцевых плитах, сложенных на выступе скалы, в то время как задняя стена покоится на отвесной скале. Широкие, открытые спереди выступы висели над бездной, которые держатся только на выступающих из стены, наподобие кронштейнов, опорах».*

Возникновение висячих балконов, террас было обусловлено исключительной теснотой, дороговизной земли и другими причинами, а отнюдь не стремлением горцев к экзотике.

Своеобразны жилища, построенные на крутых склонах. Чтобы построить дом на таком месте, нужно было или вырыть ровную площадку на склоне — врыть его в скалу, или поднять фасадную сторону подпорной стеной. В первом случае здание углубляли задней стороной в скалу так, что двухэтажное или даже трехэтажное по главному фасаду, оно оказывалось одноэтажным с противоположной стороны или на одном уровне с поверхностью склона.

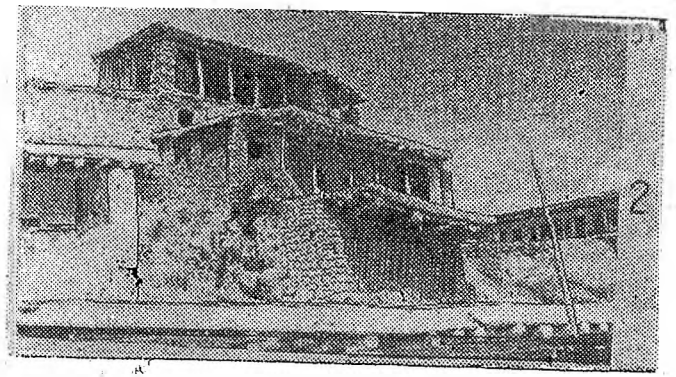

Рис. 48. Хозяйственно-жилой комплекс сел. Карата.

Во втором случае, пустое пространство между стеной и основанием склона заполнялось землей, сбрасываемой с разравниваемой площади. После этого на получившейся ровной поверхности строили дом, причем с фасадной стороны стена подпорная переходила в стену помещения.

Был и третий способ планировки дома, при котором он принимал форму ступенек лестницы. На склоне выравнивали небольшую площадку и возводили на ней одноэтажную постройку, а второй этаж отступал от первого настолько, что задняя стена нижнего этажа служила основанием для продолжения лицевой стены верхнего. На части крыши первого этажа устраивали веранду второго этажа, а остальное пространство служило террасой перед ней. Третий этаж также отступал от второго, как последний от первого. Таким образом, образовывалась гигантская лестница из построек на склоне горы. При такой планировке

* J. Merzbacher. Aus den Hochregionen des Kaukasus. II bd., Leipzig, 1901, стр. 433.

первый этаж обычно использовался под хлев, второй — под жилье, а третий — иногда под жилье, иногда под сеновал. Входы на верхние этажи устраивались с торца, а в хлев — с фасада.

О таких домах селения Ириб Тлейсерухского общества Н. Глиноецкий писал: «Дом этот состоял из двух или скорее из полутора этажей, примкнутых к скату горы так, что каждый этаж имел особое сообщение с улицей, прямо на горизонте земли».[62]

После окончания кладки стен хозяин приступал к перекрытию дома. В перекрытии крыши по традиции участвовали все родственники и соседи хозяина, хотя каменщик оставался важным лицом при этом. В этот день к новому дому собирались молодые парни и девушки со своими инструментами: лопатами, кирками, мешками, кувшинами для воды. Хозяин объявлял день перекрытия, но приглашать особо на «гвай» не полагалось. Это было делом чести и долга каждого по отношению к родственнику и соседу, взаимопомощь, обязывающая в свою очередь виновника торжества к подобному ответу. Здесь, видимо, сказывается сохранившийся в пережиточном состоянии порядок взаимопомощи прежних времен, когда все члены тухума были обязаны заботиться о вновь образовавшейся семье, устроить ее.

В некоторых селениях (Гонода, Голотль) «гвай» — общественная помощь более действенна и сохранила характерные черты форм взаимопомощи далекого прошлого, когда члены одного тухума занимали обособленное поселение. По совету старших определенный день объявлялся днем «гвая» для строительства дома новой семье или какому-нибудь сельчанину, пострадавшему от несчастного случая — ливня, оползня, землетрясения и т. д. Такие мероприятия намечались только в период, когда люди бывали свободны от полевых работ. В этих селениях дома строились общественными силами, начиная от рытья фундамента и кончая перекрытием крыши. В назначенный день под звуки зурны и барабана к месту постройки собиралось все население аула, причем на все время работы праздничная обстановка не прекращалась. Опытные старики распределяли обязанности между собравшимися: одни копали фундамент, другие доставляли камень, третьи обрабатывали его и начинали класть стену; женщины доставляли воду, носили землю для насыпи крыши; плотники готовили коробки, оконные рамы, двери. Выполняя все работы одновременно и параллельно, дом бывал почти готов к концу второго дня. Внутренние работы выполняла уже сама семья.

При перекрытии крыши никакой платы, никаких услуг участникам «гвая» со стороны хозяина не требовалось. Однако хозяин дома был обязан, в свою очередь принимать активное участие в строительстве дома другого сельчанина и устроить угощение по окончанию работы. Многие родственники, соседи и друзья приносили в дом хозяина разные угощения, продукты, тем самым об-

62 Н. Глиноецкий. Поездка в Дагестан. «Военный сборник», 1862, № 2, стр. 388.

легчая материальные расходы его. После угощения начинается общее веселье, танцы. Этот день был настоящим праздником для молодежи села.

Перекрытие аварского жилища состояло из традиционной балки матицы, делившей условно помещение в продольном направлении на две части. Концы балки лежали на поперечных стенах. Однако во многих жилищах имеются балки, укрепленные у поперечных стен на массивных столбах, также поддерживающих основной прогон и тем самым облегчающие нагрузки перекрытия, падающую на стены. Чаще всего подобный прием устройства перекрытия, при котором тяжесть крыши ложилась не на каменные стены здания, а на массивные деревянные столбы и переборки, встречается в западных и северных районах Аварии, и он характерен для нагорных районов Азербайджана, Армении и других народов Кавказа.[63] Причина возникновения подпорных столбов в северных районах Аварии, по-видимому, заключается в том, что стены здесь клали из самана, который не мог выдержать огромную тяжесть перекрытия, а в западных районах — из крупного сланца и известняка.

Иногда встречаются балки огромных размеров (центральные прогоны), не совместимые с растительным покровом поверхности окружающей местности. Известно, что Центральная Авария почти лишена строительного леса и названа хаосом «безлесных, каменистых» гор и «нигде не покрытых зеленью».[64] Но балки огромных размеров не могли быть доставлены издалека при той технике. Ни дороги, ни транспорт не позволяли аварцам в дореволюционное время перебросить крупные балки из высокогорной Аварии, где имеется хороший строевой лес, в центральные районы. Наличие балок крупных размеров с большим весом, иногда до 1500—1700 кг и существующее предание подтверждают, что склоны гор Аварии когда-то были покрыты густым и могучим лесом. В настоящее время лес сохранился лишь на крутых и отвесных склонах скал и хребтов, недоступных человеку и далеко от населенных пунктов. Вокруг селений и на доступных склонах лес истреблен и не осталось и следа былого лесного покрытия.

Позднее балки небольших размеров доставлялись из Тляратинского и Цунтинского районов, богатых лесом. Лес сплавлялся по реке вниз и в местах мелких его вытаскивали. Такими приемными пунктами являлись Голотль, Чалда, Араканская долина и другие места. Отсюда его развозили по всем селениям Аварии и в соседние безлесные области. Так, Анучин указывает, что цудахарцами для строительства дома «лес везется из Голотля».[65]

Основную балку перекрытия поддерживали столбы с подбалками. Такие столбы-опоры, даже три-четыре, были необходимы.

[63] Народы Кавказа, т. I, М., 1960, стр. 14.

[64] Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I: кн. 1, СПб, 1871, стр. 16.

[65] Д. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан в 1882 г. ИРГО, 1884, т. XX, вып. IV, стр. 432.

В случае отсутствия опорных столбов, балка-матица могла прогнуться под огромной тяжестью, перекрытие обрушиться.

На центральной балке лежали поперечные былки меньших размеров, другие концы которых опирались на продольные стены. Достать такие поперечные балки не представляло трудности. Чем балка была длиннее, тем труднее было ее доставить, особенно в селение, расположенное на скале с обрывами у тропинок. Способ перевозки был оригинальным. Основной тягловой силой при перевозке больших бревен служили быки. На пару быков (если балка очень большая — две, три пары) надевали обычное ярмо, к которому привязывали крепкий ремень или шерстяную веревку. Один конец веревки привязывали к ярму, а второй конец к бревну, для чего на его концах пробивали сквозные отверстия. Отверстие на заднем конце балки нужно было для того, чтобы привязать веревку, которой управляли люди ее движением при перевозке, вовремя подтягивая конец балки в нужную сторону. Быки волочили за собой балку по узкой тропинке, а сопровождающие строго следили за тем, чтобы задний конец не сползал с дороги, иначе и быки и балка могли оказаться в пропасти.

Верхние поперечные прогоны устанавливали недалеко друг от друга, приблизительно с интервалами 0,6—0,8 м. На них плотно, тщательно подгоняя друг к другу, настилали жерди, очищенные от коры, чтобы они дольше и лучше сохранились. Застилали жерди сверху разными способами: березовой корой, специальным хворостом, соломой и другими материалами в зависимости от условий местности. Засыпанная сверху землей, реже предварительно обмазанная глиной (чтобы не сыпалась земля с потолка, т. к. штукатурка потолка изнутри в Аварии не практиковалась), крыша была готова. Утрамбовывают и обкатывают крышу специальным катком, который постоянно лежит на крыше. Обычно применяют каменные катки, но в местах, бедных камнем, нашли употребление и дерево (в некоторых селениях Цунтинского района, с. Чадоколо и др.).

Каток приводили в движение специальным приспособлением дугообразной формы, на который надеты пяты, вставляемые в специальные гнезда сбоку катка. А деревянные катки, наоборот, имели по бокам выступы, на которые надевали петли веревки.

Толщина слоя земли на крыше должна быть строго рассчитана, в противном случае могут иметь место неприятные последствия. Если насыпать слишком много земли — перекрытие может не выдержать тяжести, а если будет недостаточный слой земляного покрытия — крыша будет протекать. Крыша имела плоскую форму с небольшим уклоном для стока воды. В горах крышу сверху не обмазывали глиной, как это делают в селениях нижнего предгорья.

Крыша жилища аварцев предгорных селений имеет дугообразную форму, обмазанную глиной, смешанной с соломой. На таких крышах катков нет. Если крыша горского жилища утрамбовы-

вается катком после каждого дождя, то крыша предгорного жилища обмазывается жидкой глиной.

Земляная крыша аварского жилища, несмотря на свои отрицательные стороны, служила довольно хорошим перекрытием и не пропускала воду. Люди, мало знакомые с условиями жизни дагестанского горца, писали, что жилище его, в том числе и крыша, не приспособлено и недолговечно. Так П. Пржецлавский о крышах дагестанского жилища писал: «Крыши плоские, убитые и смазанные глиной, с примесью самана и гуана, вообще не удерживает течи»,[66] что не совсем правильно.

Плоская крыша, характерная для жилища дагестанских горцев, была господствующей формой и в Аварии. Однако встречаются и двускатные крыши (Бежта, Цунта), целесообразность которых объяснялась большим количеством осадков, выпадавших в этих районах. Двускатные крыши были крыты сланцевыми плитами или дранкой. Каркас перекрытия почти такой же, как и при плоской крыше, но центральный прогон уложен на возвышающихся к середине торцовых стенах. Стропила (верхние балки) уложены попарно на прогон и на продольные стены, принимая наклонную форму к продольным стенам. Настил делают из досок или жердей (при драночном покрытии только из досок). Сланцевые плиты накладывают лесенкой: верхний край нижней плиты прикрыт нижним концом верхней плиты, таким образом, вода, набегая с плиты на плиту, стекает с крыши. Принцип драночного перекрытия таков же. Драночное перекрытие характерно для бежтинских селений, а сланцевое — дидойских.

Двускатные крыши не имеют карниза, в нем нет и необходимости. В последнем случае плиты, выступающие за стены, предохраняют их от действия дождя.

При строительстве плоской крыши, принято делать карнизы путем выдвижения камней последнего ряда стены с земляным валиком с наклоном вовнутрь. Земляной валик и карниз из камней были предназначены для того, чтобы вода не стекала по стенам, а собиралась на крыше в одном-двух местах, где установлены водостоки. В большинстве случаев водостоком служил деревянный желоб, выведенный из основания карниза на улицу. В горных районах Аварии, особенно в домах из обработанного камня, водостоки оформлены в каменных консолях, которым даны разные фантастические формы (Чох, Согратль).

Оригинальными водостоками нужно считать экземпляры, обнаруженные в селении Карата. Это деревянные желоба прямоугольной формы, загнутые под углом, по которым вода с крыши стекает на небольшую плиту на улице. Такая форма по-видимому была вызвана тем, что водяная струя из прямых желобов, падая с высоты, размывала улицу и основание противоположной стены, образовывала лунки. Лес, находящийся недалеко от селения, давал возможность выбрать толстые жерди нужной формы, из которых делали желоба. И нужно сказать, что каратинцы нашли остроумное решение сложной задачи.

[66] П. Пржецлавский. Нравы и обычаи в Дагестане. «Военный сборник», 1860, вып. 4, стр. 277.

До середины XIX века, до распространения капиталистических элементов в Дагестане и усиления связи с русским рынком единственными строительными материалами оставались камень, лес, земля. Но вторая половина XIX века явилась периодом заметных преобразований в номенклатуре строительных материалов и, следовательно, строительных приемов.

Появилось стекло, которое позволяло увеличить размеры окон, улучшало бытовые условия жилища. Стекло стало, особенно цветное, выполнять и декоративные функции.

Получило распространение и кровельное железо. Дома, покрытые железом, были практичнее и удобнее. Она (железная крыша) не требовала ремонта десятки лет, предохраняла жилище от течи и порчи деталей перекрытия и т. д. Вошли прочно в быт железные гвозди, которые стали большой необходимостью при выполнении столярных работ, фабричные ручки для дверей и окон, петли, масляные краски, цемент и т. п. Роль цемента особенно велика при закладке фундамента здания, опорных сооружений и подпорных стен. Цементом стали заливать дворики, полы веранды нижнего этажа, дорожки. Он становится основным скрепляющим материалом при возведении общественных объектов — мостов, мечетей, впоследствии клубов, школ, зданий правлений колхозов и других построек.

Были заимствованы у русских и закавказских соседей многие инструменты и технические приемы, ранее неизвестные горцам.

До победы колхозного строя все эти изменения и улучшения коснулись в основном домов местной знати, русского офицерства, крупных барановодов. Новые материалы дефицитные и очень дорогие, были недоступны широкой массе крестьян. Но зато богачи стремились поддерживать эту разницу, употребляя большое количество редкого материала — железо в качестве перил балконов, разноцветное стекло для большей декоративности, фанеру, расписывая стены и потолки помещений разными масляными красками, снабжая деревянные части дома привозными скобяными изделиями.

Победа социализма, укрепление колхозов, повышение материального благосостояния населения, расширение выпуска материалов, необходимых для строительства, доступных широким массам, внесли радикальные изменения в жилищном строительстве аварцев.

Применение в строительстве железа, шифера (который получил широкое применение за последние годы), черепицы (характерное для селений предгорья — Дылым, Гуни и др.) для покрытия крыши имело огромные последствия, оно освобождало женщин от необходимости постоянного ухода за ними, как это было при земляной насыпи, изменились архитектурные формы жилища, возникли новые элементы дома.

На современном этапе домостроительства усилилась тенденция к ускорению, удешевлению его путем заготовки готовых материалов — элементов: оконных рам и дверей, железобетонных балок, стропил, обработанных досок для полов. Стандартные типовые дома с деревянными стенами аварцы не строят, возводят основные стены по-прежнему из камня или кирпича — сырца, а полы, потолки, окна, двери, кровля и т. д. берут фабричного изготовления, тем самым сочетая национальные мотивы в строительстве с новыми элементами современнной архитектуры.

Большие изменения, которые произошли в жизни горцев и в строительных материалах, дали возможность многим колхозникам заново перестроить свои дома.

Под действием огромных преобразований в экономике, номенклатуре строительных материалов и условий жизни горцев происходит постоянное развитие современного жилища, сочетающего в себе лучшие национальные традиции, выработанные в результате многовекового опыта и передовые современные архитектурные формы русского народа и народов других республик, которые нашли широкое признание и применение повсеместно в строительстве.

* * *

Слабое развитие производительных сил, острое малоземелье в горах порождало избыток свободных рук и способствовало развитию всевозможных ремесел, искусства металлообработки, гончарных изделий, выделки тончайшего сукна, известного под названием лезгинского, ковроткачества и бурочного производства, получавших признание на всем Кавказе и за его пределами.

Резной камень и дерево, которые были основными строительными материалами, нашли широкое распространение и в качестве декоративного элемента и использовались горцами для украшения архитектурных сооружений. Хотя резной камень и дерево и были предназначены для местного использования в отличие от других промыслов, товары которых идут на обмен или продажу, искусство это достигло высокого мастерства. Особенно высокого совершенства достигло искусство обработки камня в центральных районах Аварии, богатых мягким и хорошо поддающимся резьбе песчаником. В высокогорных районах, где преобладают хрупкие сланцевые породы и в нижнем предгорье, бедных вообще камнем, камнерезное искусство развито слабо, а местами отсутствует вовсе. В предгорье, как основным строительным, так и декоративным материалом является глина, а в лесистых районах — дерево.

Самым распространенным и древнейшим приемом, используемым для декоративного оформления жилища была кладка стен из обработанного, отесанного камня. Стена из отесанного камня, тем более при наличии специального узора, нанесенного на гладкую поверхность его, выглядит гораздо красивее и приятнее по

сравнению со стеной из рваного камня. Ровная и гладкая поверхность стены из отесанного камня служит не только сама по себе декоративным оформлением, но и позволяет снабдить ее разными украшениями, резными камнями и т. п.

Наиболее древние постройки в Аварии — боевые башни, мечети, башнеобразные дома как правило бывали снабжены каменными блоками, особенно углы с фасадной стороны, на которых были вырезаны разные рисунки: кресты различных форм и вариантов, кружки, свастики, лабиринты, спирали, фигуры животных и людей, охотничьи сцены и т. п. Особенно много петроглифов сохранилось в старинных аварских селениях — Тидиб, Урада, Хуштада, Ругуджа и др., где сохранились древние постройки. Правда, такие камни с рисунками встречаются и в кладке нового здания, но в другом смысловом значении. Здесь более ценен камень-плита как строительный материал, чем рисунок, высеченный на нем. Поэтому-то такой камень-рисунок встречается иногда перевернутым или вмонтированным перпендикулярно, так как каменщик клал его исходя из его практической пользы, не обращая никакого внимания на его смысловое значение.

Рис. 49. Камни с рисунками, вделанные в дома.

Чаще всего на таких камнях встречаются солярные знаки, выполненные в виде простых кругов, розеток, круговых движений спиралей. Цель подобных знаков видимо была не только украшать стену резными камнями, но и имели при своем возникнове-

нии определенное смысловое значение — религиозно-магическое. Круги-розетки с лучеобразно расходящимися линиями от круглого центра были связаны с культом небесных светил, которым горцы придавали большое магическое значение. Они призваны были отвести все несчастья и беды от дома. Подобное значение имели и изображения змей, креста, свастики, особенно лабиринтов разных вариантов, символическое значение которых заключалось в том, чтобы оберегать дом от всего злого, нечистых сил, запутать их в своих многочисленных извилинах.

Другие украшения на внешней стороне дома также носят следы древней культуры, основанные на религиозных воззрениях горцев. К таким старинным элементам относится своеобразное украшение — «кукби» — «женские груди». Высеченные из камня женские груди, обязательно пара, бывают над входом, на углах с фасадной стороны и на других видных местах. «Кукби» символически обозначали пожелание благополучия, плодородия, обильной жизни в доме. Почитание символической женской груди как и материнского молока было широко распространено среди аварцев.

Особое место занимают петроглифы с фигурами животных и людей. Резьба встречается двух видов: углубленная в камень и рельефная. Большое предпочтение отдано изображениям определенных видов животных: лошади и козлу, похожего на безоарового. Частое изображение лошади на резных камнях объясняется тем, что с нею связано очень многое в жизни горца, в условиях бездорожья конь служил единственным видом транспорта.

Часто встречаются петрографические изображения самых различных сцен охоты. Наиболее выразительной и содержательной из них является сцена охоты, вырезанная рельефом на камне в кладке дома Манархо Исупа в селении Ругуджа (камень этот был найден в местечке «цебе рохьо» во время земляных работ и позднее использован). Характерной является сцена с изображением оленя, преследуемого всадником, вооруженным луком с натянутой тетивой в сопровождении собаки. По-видимому эти изображения животных и людей, резьба по камню носили помимо декоративного назначения и смысловое, даже в большей степени, но в XVIII—XIX вв. потеряли полностью свои религиозно-магические цели и использовались лишь как средство украшения дома.

Для большей декоративности гладкую поверхность стены хозяин разделял тягой — выступом различного профиля: каменного кольца, которое имитирует крученую веревку, полки со скосом внизу и т. п.

С этой целью камни в стену клали «в елку» два-три ряда, подбирая для этого разноцветные плиты, образовывали фриз из ромбовидных или квадратных плит, установленных сплошным рядом в углублениях или выступах стены.

Консолями часто завершается плоскость стены, на которых держится карниз крыши. Иногда встречаются многоярусные консоли, каждый ряд которых имеет разные формы. Некоторые из последнего ряда консолей служат и желобом для водостока. Этим консолям приданы формы голов пресмыкающихся — мифического дракона, причем некоторые имеют длинное жало и зубы. В этих скульптурных изображениях нашло свое отражение устное народное творчество аварцев, где во многих сказках, преданиях боль-

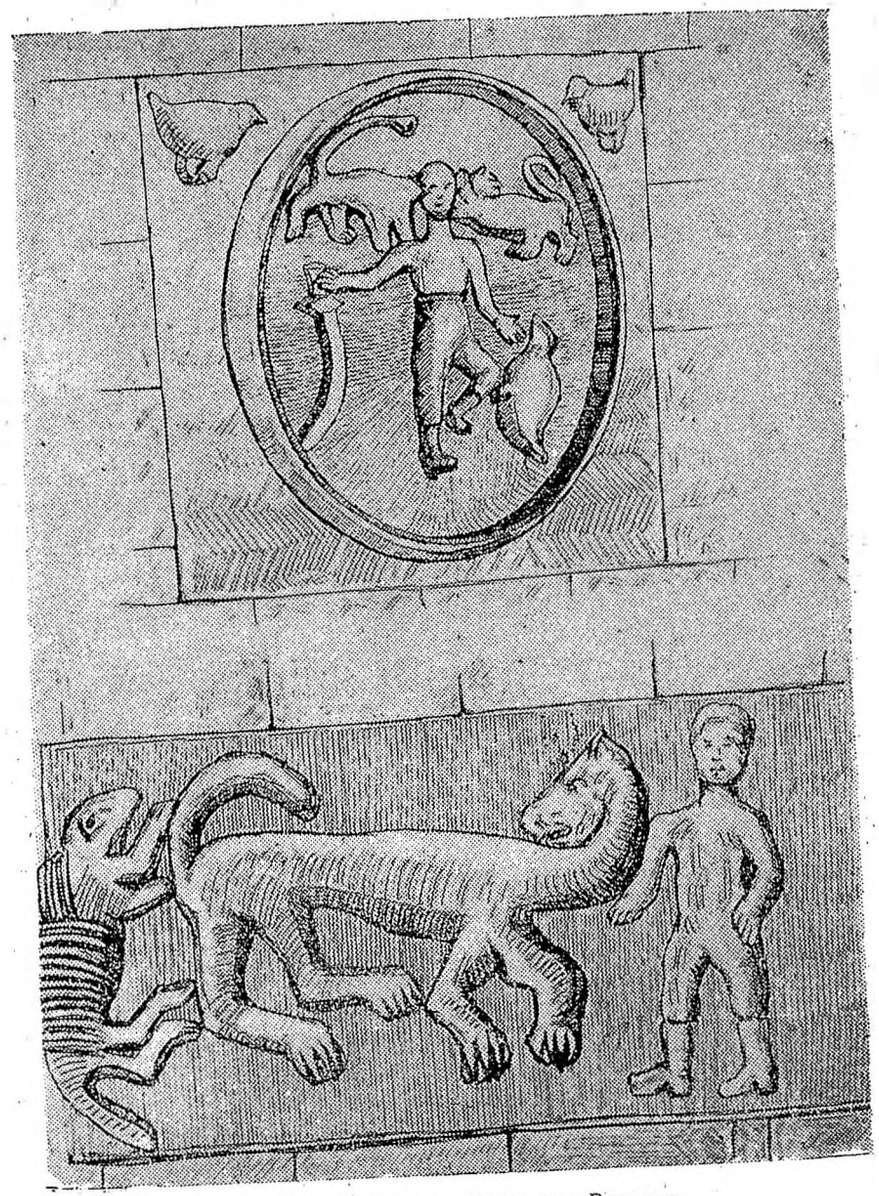

Рис. 50. Рисунки на камнях сел. Ругуджа.

шое место отводится мифическому аждахо. К подобному сюжету народному творчеству мастера при резьбе по камню обращали довольно часто.

Для придания дому большей выразительности, народные мастера особое внимание обращают на оформление входа и окон на фасадной стороне. Дверной проем обычно арочного очертания. Коробку ворот клали из профилированного камня и обрамляли красивым бордюром полусферической формы, напоминающей крученую веревку. Жгутообразные валики различных сечений были широко распространенными элементами архитектурного декора. Иногда целиком коробка состояла из таких камней. Арочное навершие покоится на боковых основаниях, завершающихся на уровне дверей широкими выступами. Внутри аркады, на тимпане, состоящем иногда из одного камня, можно прочесть имя владельца дома, дату построения, какое-нибудь изречение из корана. Любая деталь, любой элемент декоративного оформления фасада дома отличается глубоко продуманной композицией. Строго соблюдаются необходимые пропорции и соотношения, создавая симметрию в элементах и деталях, которая является синонимом красоты.

Среди прочих монументальных сооружений с красиво украшенными фасадами необходимо упомянуть дома Абашилова в сел. Согратль и Мамалова в селении Чох. Дом Абашилова выделяется среди других домов Согратля, в общем красивых и приятных на глаз, двумя розетками и парой колец. Розетки вложены в боковых колоннах квадрата, на одном уровне с тимпаном и по характеру совершенно одинаковые. Работа выполнена рельефно на четырехугольном блоке огромных размеров. Рисунок напоминает цветок розы, обрамленный спиралевидным бордюром. Другим элементом украшения являются два цельновысеченных кольца: одно круглое, а второе четырехугольное, находящиеся близко друг от друга над окном, создавая общую симметрию фасада. Это оригинальное украшение (квадратное по форме обнаружено только в одном случае) широко распространено в Аварии.

На фасаде дома Мамалова, занимающего огромную площадь, имеется большое количество (около 30) различных элементов украшений, выполненных из камня. Особое место среди них занимают оконные тимпаны, на которых изображены сложные композиции,[67] где основным сюжетом является битва человека с чудовищами в виде львов. Хотя работы эти выполнены в конце 70-х годов XIX века, они могут служить ярким примером живучести старых художественных образцов, преемственности опыта и тематики. Примером могут служить и резные каменные блоки на фасаде дома Махмудова в селении Ругуджа, где основной сюжет композиции тот же — борьба человека с крупным хищником.

Нужно сказать, что камнерезное искусство за последние годы

[67] Камни эти опубликованы А. С. Башкировым в работе «Искусство Дагестана. Резные камни», М., 1931, стр. 74.

пришло в упадок и не находит применения в домостроительстве. Даже формование камня, его обработка сейчас мало практикуется и каменное украшение как таковое в современном домостроительстве отсутствует.

Помимо каменных элементов дома украшали и деревом. Однако в наружном украшении дома дереву отводилось небольшое место, поэтому и поверхность, занятая им, была невелика. Резьбой украшались мебель, утварь и центральные столбы, которые играли большое значение в убранстве интерьера, наряду с разнообразной посудой. Орнамент на столбах встречается разнообразный по содержанию, форме и технике выполнения. Горцы широко применяли как метод глубокой резьбы, так и рельефное оформление сюжета. На столбах преимущественно встречается геометрический орнамент, но в круглых дисках (розетках), напоминающих небесные светила, обнаружены лепестки, листочки и другие элементы растительного сюжета. Некоторые элементы в орнаменте на столбах напоминают мотив «древо жизни»[68]. Но заботясь о выразительности орнамента, его разнообразии утрируют формы, они видоизменяются, детали принимают саму форму. Преобладают в орнаменте солярные знаки, передаваемые различными приемами: подбалке (капители) придают форму двух гигантских полукругов, украшенных резьбой из нескольких концентрических колец, выполненных различным узором. Такие кольца-диски располагаются и на столбе и по центрам полукружий капители и по сторонам, но в центре капители между кольцами нанесен орнамент, напоминающий форму дерева, в котором может быть рассмотрен мотив «древо жизни».

Наружные кольца двух дисков соединены друг с другом гирляндообразно, обходя снизу средний, третий диск посередине ствола столба. Каждое кольцо заглублено в тело доски и внутри «украшено волнообразно вьющимся усиком».[69] Кроме того, самому столбу придавали форму дерева с кроной, что, видимо, прежде имело определенное символическое значение.

В убранстве интерьера, украшении жилища видное место занимали лепные рельефы. Ими украшают камины, стены у входа и над входом, тимпаны окон и ниши. Работу эту выполняли обычно женщины в процессе внутренней обмазки дома глиной. Лепка из глины производилась исключительно в декоративных целях и своей формой, рисунком перекликается с широко распространенным орнаментом на дереве, камне. Таким является лепной рельеф и на камине дома Мустафаева Т.[70]

Некоторые рельефы выделяются по технике выполнения, в отличие от большинства с краями, скошенными кнаружи, они скоше-

[68] См. Г. Читая. «Древо жизни» в лазском орнаменте. Известия института языка, истории и материальной культуры, т. X, Тбилиси, 1941, стр. 321.

[69] Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа. СЭ, 1947, № 4, стр. 189.

[70] См. Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов. Художественные промыслы Дагестана, М., 1959, рис. 11.

ны во внутрь. Эти и другие детали подобных рельефов наталкивают нас на мысль, что они воспроизведены при помощи штампа. Этому свидетельствуют одинаковые по размеру, глубине лепки, рисунку рельефы в селении Гамсутль Гунибского района.

В заключение скажем несколько слов о железных ограждениях веранд, балконов. Эти работы выполнены местными кузнецами, соблюдавшими в рисунке определенные художественные традиции аварского народа. Здесь каждая деталь, кованная у горна, приобретала легкую, красивую форму и выполняла самостоятельную роль в общем рисунке. Украшение дома железными деталями не имеет широкого распространения в аварских районах ввиду его дороговизны и позднего проникновения.

В целом нужно сказать о единстве декоративного искусства аварцев независимо от его видов и материалов. Оно лучше всего прослеживается на изобразительных формах, на общности орнамента в разнообразных видах искусства, строго повторяющихся в том или ином порядке элемента, размещение на плоскости, на принципах свободной симметрии. Рисунок на входных дверях в Гидатле перекликается с рисунком на медном кувшине работы гоцатлинских мастеров, напоминает не только общим характером тематики и своей формой, но и отдельными деталями, элементами орнамента.

В современном домостроительстве резьба по дереву также, как и по камню, не практикуется. Имеет некоторое применение в районах, богатых лесом, выпиливание как менее трудоемкая и несложная работа. Исчезают центральные столбы, лари, цагуры, которые были настоящими шедеврами декоративного прикладного искусства, лепной рельеф и в интерьере господствующее место занимает фабричная мебель, ковры, стены стали красить красками. Исчезновение многих предметов старого быта и элементов обстановки вполне понятно — изменилась культура и быт, а следовательно, и вкусы и потребности, что повлекло за собой существенные изменения в планировке жилища, интерьера. Любая вещь в жилище при своем возникновении рассматривалась в первую очередь с точки зрения ее практического назначения, а потом как украшение, и если предмет теряет непосредственную утилитарную пользу, то он уходит из быта, прекращает свое существование, хотя представлял определенную декоративную ценность. Таким образом, вместе с изменением и развитием жилища меняется и система украшений.

5. НЕКОТОРЫЕ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ И СХОДНЫЕ ЧЕРТЫ ЖИЛИЩА АВАРЦЕВ С ЖИЛИЩЕМ СОСЕДНИХ НАРОДОВ

Этнографическое изучение жилища аварцев убеждает нас в том, что оно имеет много общего с жилищем других народов Дагестана и может быть классифицировано как один из видов дагестанского жилища вообще. Эти сходства в форме, конструктивной типологии, оборудовании, системе отопления, методах и приемах строительной техники, в украшениях жилища и мн. другие были

обусловлены одинаковыми в основном природно-географическими и хозяйственно-экономическими условиями. И теснота, и замкнутость домов, и многоэтажность, и отсутствие усадеб и другие признаки являются скорее характерными чертами всего дагестанского жилища, которое своими важнейшими общественно-экономическими функциями соответствует определенной естественно-исторической среде, нежели собственно аварского жилища, хотя они наиболее ярко выражены именно в Аварии. Об общих сторонах и сходных чертах жилища народов Дагестана, как и о зональных и некоторых других характерных различиях между ними, довольно подробно и хорошо сказано в специальной работе, посвященной жилищу даргинцев.[71] И поэтому мы лишь вкратце остановимся на этих вопросах, взяв в качестве сравнительного материала отдельные стороны аварского жилища.

Хотя жилище аварцев имеет очень много общего с жилищем других народов Дагестана, в нем обнаруживаются и некоторые специфические отличия. Местами эти отличительные особенности весьма существенны и не находят себе аналогии на территории Дагестана. Они, видимо, возникли как результат своеобразия местных исторических, природных условий и этнических особенностей.

Так, например, аварская одноэлементная большая комната в XIX в. не имеет прямых аналогий на территории Дагестана. Такое жилище с его своеобразным интерьером в других районах не сохранилось, но наличие подобного жилища в прошлом у даргинцев, лезгин, кумыков доказывается исследователями по пережиточно сохранившимся их формам.[72]

За пределами Дагестана большое однокамерное жилище с центральным очагом и соответствующим интерьером существовало в XIX в. в некоторых районах Грузии.[73]

Однокамерное жилище, объединяющее в одном помещении жилые и хозяйственные функции, также не обнаружено в других районах Дагестана (кроме верховьев реки Аварского Койсу). Но за его пределами подобное жилище в XIX веке существовало. Оно было характерно для некоторых горных районов Грузии—Сванети, Хевсурети.[74] Сходство описанных форм аварского жилища с жилищами указанных районов Грузии были обусловлены единообразием как социально-исторических причин, так и хозяйственно-экономических условий.

---

[71] М. О. Османов. Жилище даргинцев в XIX—XX вв. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 119, ф. 3, оп. 3, л. 61—67; Его же. Жилище цудахарцев в XIX—XX вв. Ученые записки ИИЯЛ, т. IX, Махачкала, 1961, стр. 273—274.

[72] М. О. Османов. Жилище даргинцев. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 119, ф. 3, оп. 3, л. 10; его же. Жилище цудахарцев в XIX—XX вв. Ученые записки ИИЯЛ, т. IX, Махачкала, 1961, стр. 243; С. С. Агаширинова. Поселения и жилища лезгин в XIX — начале XX в. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 91, ф. 3, оп. 3, л. 59, С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 205.

[73] А. И. Робакидзе, Т. А. Очиаури, Дж. А. Рухадзе, Н. С. Топуриа, Т. А. Чиковани. Современное грузинское крестьянское жилище. Материалы по этнографии Грузии, X, 1959, стр. 26—29.

[74] Там же, стр. 22.

Другой вид аварского жилища — многоэтажное каменное здание — комплекс жилых и хозяйственных помещений, сосредоточенных под одной кровлей, имеет мало общего с жилищем других народов Дагестана. Оно встречается только в горных районах, где преобладающее значение в хозяйстве занимает скотоводство в сочетании с земледелием. И этот вид жилища также находит аналогию в Верхней Сванети, Горной Раче, Хевсурети, Тушетии. Данному типу жилища повсеместно сопутствует скученная форма расселения и наличие оборонительных сооружений.[75] Не находит себе параллелей ни на территории Дагестана, ни за его пределами и такой важнейший элемент старинного аварского жилища, каким является большой цагур. Видимо, появление этого специфического сооружения, каким был цагур, определялось своеобразными хозяйственно-экономическими и культурно-бытовыми условиями некоторых районов Аварии. Возможно этот элемент является характерным этническим признаком именно аварского жилища.

В районах, богатых лесом (Цунтинский р-н), распространение получили срубные дома, что отличало наряду с формой и крышей, бежтинское жилище от всех других дагестанских жилищ. За пределами Дагестана подобные жилища сооружались в районах, богатых лесом. В качестве примера укажем, что бревенчатые жилища встречались у сванов, карачаевцев, балкар, чеченцев и др. народов.[76] Такое же обособленное место занимает и редко встречаемое в аварских районах турлучное жилище, основу которого составлял деревянный остов из столбов, заплетенный прутиками — хворостом и обмазанный глиной. Подобное жилище было характерным для абазин, адыгейцев, кабардин[77] и др. народов, преимущественно занимающих предгорную естественно-географическую зону.

Бежтинские двух- или четырехскатные крыши, покрытые дранкой, не имеют распространения в Дагестане, где господствующее положение занимает плоская земляная крыша. Бежтинцы делали крыши со скатом, что связано с обилием осадков. Но подобное перекрытие имело и определенные слабые стороны, что задерживало его повсеместное распространение в высокогорной зоне. Двух- или четырехскатные крыши домов были характерны для многих народов Кавказа, хотя они и различались в различных районах по характеру материала, использовавшегося для верхнего покрытия кровли. Так в старом мегрельском доме, как и в бежтинском, основным материалом для кровли служила дранка. Для абхазского, картлинского и кахетинского — болотный камыш; для абазинского, адыгейского и кабардинского домов — солома, сено или камыш, смотря по тому, что было наиболее доступным и дешевым.

А кровля жилища аварцев нижнего предгорья напоминает кровлю жилища кумыков и отчасти карачаевцев, которые делали их земляными со скатом в две стороны.

Наиболее характерной чертой типологии аварского жилища является то, что они различаются между собой не столько по этнической принадлежности, сколько по принадлежности их к определенным естественно-географическим зонам.

Зональные различия присущи не только жилищам аварцев и всем жилищам дагестанских народов в целом, но также жилищам грузин, азербайджанцев, армян, ингушей, осетин и других народов Кавказа. Для всех горных народов Кавказа независимо от их национальной принадлежности — будь то аварцы, даргинцы, грузины, осетины и другие,[78] характерен в основном один тип жилища, со своими особенностями, объясняемые хозяйственно-экономическими и этнографическими особенностями, с преимущественным сосредоточением хозяйственных помещений и скота на нижнем этаже и использованием верхнего под жилье. Для низменных районов и предгорья типично рассредоточение жилого дома от хозяйственных построек и горизонтальное размещение помещений.

Таким образом, приведенный небольшой сравнительный материал убеждает нас, что жилище аварцев имеет много общего и сходного не только с жилищем других народов Дагестана, но и с народами Кавказа в целом.

---

[75] См. А. И. Робакидзе. Новые черты современного грузинского крестьянского жилища. СЭ, 1961, № 1, стр. 29.

[76] Народы Кавказа. Этнографический очерк, т. I, М., 1960, стр. 251, 282; С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 53.

[77] Народы Кавказа, стр. 161, 206, 239; Е. Н. Студенецкая. Из опыта изучения современного жилища колхозников (по материалам Каб. АССР). КСИЭ, XIV, 1952, стр. 55.

[78] М. О. Османов. Жилище даргинцев в XIX—XX вв. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 119, ф. 3, л. 3; Дж. А. Рухадзе. Жилые постройки в Кварельском и Телавском районах. Материалы по этнографии Грузии, X, 1951, стр. 65; Народы Кавказа, т. I, М., 1961, стр. 317; Г. Чурсин. Армяне Зангизура. «Научные записки», т. I, Тбилиси, 1931, стр. 233, В. П. Кобычев. Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в. КЭС, III, 1962, стр. 51; А. В. Саркисов. К изучению нагорного жилища Азербайджана. Доклады АН СССР, V, 1949, стр. 227.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

institutehistory.ru

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОДЕЖДА АВАРЦЕВ В XIX—XX ВЕКАХ

1. МАТЕРИАЛ И ИЗГОТОВЛЕНИЕ ОДЕЖДЫ

Основным материалом для изготовления одежды у аварцев служили продукты животноводства (овчина, кожа, шерсть и др.), поскольку преобладающей формой хозяйства была натуральная. Выращивали в Дагестане в исследуемый период и лен.

Из шерсти делали сукна, бурки, войлок для обуви и шляп, шерстяные носки и специальную зимнюю обувь. Из льна изготовляли полотно, из овчин — шубы, папахи, куртки, безрукавки, брюки и т. п. Кожа в основном служила материалом для обуви.

В условиях сурового климата необходима была специальная обувь и одежда горного рельефа.

Теплая длинная горская шуба зимой хорошо защищала от холода, бурки и войлочные накидки — от ливней летнего дождя и сильных ветров: в легкой кожаной и войлочной обуви горец легко и быстро проходил по крутым каменистым склонам.

Шили аварцы одежду из акушинских сукон, пользовавшихся большой славой в то время по всему Дагестану.

Богатые семьи одежду шили из русских гвардейских сукон, из дорогих парчевых тканей, приток которых увеличился со второй половины XIX века. Аварские купцы к этому времени уже проникали вглубь центральной России, а также не редко привозили фабричные ткани из соседних восточных стран: Ирана, Афганистана, Турции, некоторые купцы добирались даже до Александрии. Из привозимых ими тканей (как из России, так и из других стран) особой популярностью и большим спросом пользовались ткани, называемые в Аварии харай, дарай, зархарай, саристан, забаф и др. Эти материалы имели вид плотных шелковых парчевых тканей, в большинстве вышитых золотыми, серебряными нитями, как «зар харай» и «зарбаф». Эти материалы в основном шли на изготовление женских свадебных нарядов: горде, хабалай, кунта, мучIу, цохтIо и др.

Из женских головных уборов, которые доставлялись купцами, большим спросом пользовались женские платки; кьархьи зарбаф — платок из плотной парчевой ткани, вышитый золотыми и серебряными нитями; квархьи харай — платок из плотной шелковой парчевой ткани; бахратлу квархи и квархьи зархарай — из разнообразных плотных шелковых парчевых тканей с шелковыми кистями.

Эти платки в селениях Аварии в XIX в., как рассказывают старожилы, ценились очень высоко. За один такой платок отдавали корову или быка, или же такую сумму денег, на которую можно было купить их. Поэтому обладателями этих платков были лишь состоятельные люди.

Наряду с дорогими парчевыми тканями, гвардейскими сукнами со второй половины XIX века торговцы привозили и дешевые материалы: бязь, ситец, полотно, сатин и некоторые другие плотные дешевые ткани доступные широким слоям населения Аварии.

Основными поставщиками дешевых тканей были города центральной России, особенно Саратов и Астрахань. Много разнообразных мануфактурных товаров привозили аварские купцы из Тбилиси, Баку, Нухи и Дербента.

Крупными торговыми центрами Аварии были в то время Хунзах, Гуниб, Чох, Согратль, Гергебиль и Карада. В этих селениях собирались многолюдные еженедельные базары, где торговали предметами скотоводства, продуктами земледелия и садоводства, кустарными изделиями, сюда привозили из соседних губерний и центральной России хлеб, мануфактурные товары, строительный лес, железные изделия, бакалейные товары и т. п. К тому же в этих селениях имелись постоянные торговые лавки.

Поскольку аварцы имели тесные экономические и торговые связи с соседними народами Дагестана в одежде аварцев имелись элементы, общие с одеждой лакцев, даргинцев, кумыков и др. А у аварцев, живущих по соседству с Грузией, многие предметы одежды также были сходны с одеждой грузин.

В XIX веке мерами длины у аварцев служили аршин и вершок и во внутренней торговле (натI) (немного меньше чем аршин) и четверть метра — башта.

Во внешней торговле чаще применялся аршин, а в быту портные мерили мануфактуру полметром — натI.

Одежду шили и сами хозяйки и специальные ремесленники, которые имелись в каждом аварском селении. Портные бывали и женщины и мужчины. Женскую одежду преимущественно шили портнихи, а мужскую — портные. Вместе с тем многие женщины славились высоким мастерством изготовления мужской одежды. Так, например, в конце XIX века в селении Согратль жила прекрасная мастерица — швея мужской одежды Шамсай Шамхалова, в селении Гочобе — Хадижат Чубанова, в селении Гонохе Хадижат Гайдарбекова и др.[1]

---

1 Полевой материал, 1961 года.

Заказы к ним поступали даже из соседних сел. Мерку с мужчин они не снимали, а имели стандартные размеры для определенной комплекции мужчин и по ним шили, а с женщин снимали мерки. Шить таким известным мастерам отдавали лишь состоятельные люди, а бедняки как-нибудь с помощью советов более опытных женщин изготовляли одежду вручную. Первые швейные машины появились в Аварии в середине XIX века. И только опытные портные могли себе позволить такую роскошь.

Предметы украшения и швейной фурнитуры аварцев (кольца, серьги, нашейные, нагрудные украшения, браслеты, пряжки, пояса, кинжалы и т. п.) в основном были местного производства. И только более состоятельные люди покупали различные украшения у кубачинцев и лакцев.

2. МУЖСКАЯ ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Мужская одежда аварцев, как, впрочем, и женская мало чем отличается от одежды других горских народов Кавказа.

В XIX веке она состояла из следующих основных предметов: нижней рубахи — горде, штанов ажу (нижних и верхних), гужгата, черкески и папахи.

Нательная рубаха — горде была туникообразного покроя. Она состояла из цельного прямого полотнища длиной 240—250 см, сложенного вдвое. Рукава прямые, длиной 40—42 см. Под ними были вшиты ластовицы — квадратные кусочки материи. По бокам (сзади и спереди) вшивались клинья, расширяющиеся к низу. Спинка, а часто и небольшая часть делались двойные, как бы на подкладке, чтобы рубаха долго носилась и не портилась от пота и грязи. Боковые швы зашивались не до конца: оставлялись разрезы в швах 15—20 сантиметров до подола. Рубашки шились с небольшим стоячим воротником. Разрез у ворота шел посередине груди и обшивался вертикальной планкой. Эта планка и манжеты украшались вертикальной, горизонтальной и узорной строчками, к рукавам в большинстве случаев пришивали манжеты.

Вначале такие рубахи шили из белого домотканого льняного холста, а позже из полотна или бязи, одноцветного ситца, сатина и т. п.

В старину, как говорят старожилы многих аварских сел, нижние рубахи и штаны вязали из тонких шерстяных ниток.

О такой вязаной одежде у мужчин андо-дидойской группы народов пишет Е. Шиллинг: «Старая местная мужская одежда — шерстяная рубаха и такие же штаны. Иногда и рубаха и штаны вязались вместе и получалось нечто похожее на комбинезон».[2]

К сожалению во время полевой работы нам такую одежду не пришлось зафиксировать и поэтому не легко судить, является она элементом позднего или раннего бытования. Судя по тому, что от них и следа не осталось, они представляют наиболее древнюю традицию.

[2] Е. Шиллинг. Народы Андо-цезской группы. Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1613, л. 26.

Покрой ранних и более поздних мужских рубах особо не отличался, однако разрез ворота у более ранних был не посередине груди, а сбоку (косоворотка).

В старину такие рубахи носили на выпуск, а позднее их стали заправлять в штаны.

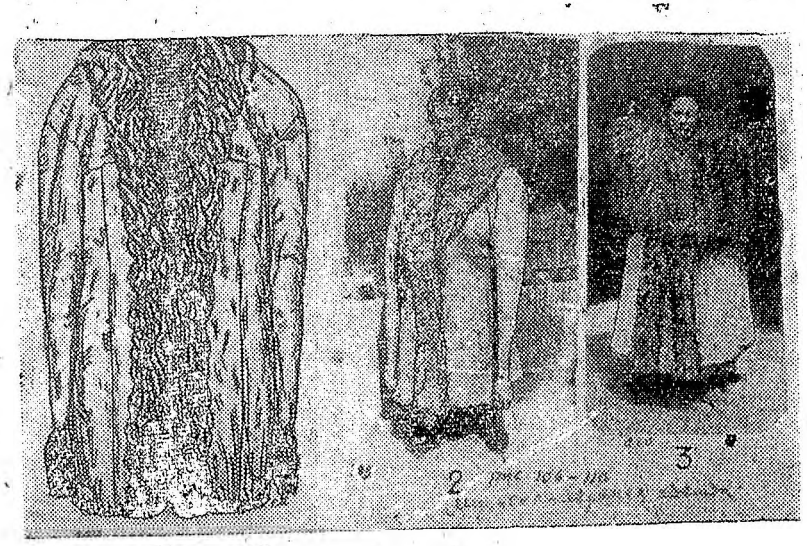

Рис. 51. Мужские шубы.

Тlажу шили из полотна и бязи. Прежде мужчины в Аварии нижних штанов не носили. Поэтому тlажу служили и верхним и нижним одеянием и шились они из тканей темных цветов. До XIX века основным материалом для них служили домотканые сукна и тонкие темные шерстяные нитки — для вязаных. Как свидетельствует полевой материал Чародинского и Тляратинского районов, до XIX в. для зимы штаны шили из обработанных овчин шерстью внутрь. Длинную шерсть подстригали. Судя по полевым данным, эти штаны еще в середине XIX века вышли из употребления.

Покрой штанов был весьма прост. Две прямые штанины, немного суживающиеся книзу, спереди и сзади соединялись двумя ромбовидными клиньями. Вверху штаны стягивались шнурком. Штаны заправляли в шерстяные носки или в голенища. Со второй половины XIX века аварцы начали носить и нижнее белье. Шили его из светлых тканей — бязи, полотна и т. п., а брюки шили из домотканых темных сукон и фабричных добротных тканей темных цветов. К концу XIX в. брюки делают (особенно для молодежи) на крючках и на пуговицах.

В это же время сюда из России проникают брюки — галифе и гимнастерка. Эта одежда в условиях горной местности очень практична и удобна и имеет широкое распространение по всей Аварии и по сей день. Гимнастерку они называют как и любую рубаху горде, а галифе «галифа тIажу».

Поверх горде мужчины носили гужгат. На Кавказе его принято называть бешмет, или архалук (особенно у тюркоязычных народов). Лезгины его называют и бешметом и валчагъом. Гужгат шили из темных плотных тканей и домотканого сукна, на подкладке. Зимние гужгаты подбивали тонким слоем ваты или шерсти, а летние шили из темного сатина или других более легких тканей, на тонкой подкладке. Его шили отрезным сзади (см. рис. 44) с длинными (до кисти) широкими рукавами. Перед гужгата делали неотрезным, с плотно прилегающим лифом. По бокам и сзади вставлялось несколько клиньев, расширяющихся книзу, так чтобы образовались фалды. Подол гужгата получался из семи-восьми клиньев и его общая длина доходила до 100—112 см. По бокам делались прорезы, куда вставлялись планочки, шириной в 4 см. и обшивались тесемкой. Воротник стоячий (4—5 см), облегающий шею. От талии до шеи гужгат плотно застегивался сделанными особым образом пуговицами из тесемки или шнура. Особенно нарядно украшали гужгат юноши или женихи.

Гужгат раньше носили и дома и на улице (летом). Если его надевали без черкески, то обязательно подпоясывали мужским поясом с серебряными пластинками, подвесками и прикрепленным к нему кинжалом.

Гужгат начинали носить с 8—10-летнего возраста. Описанный нами аварский гужгат имеет много общего с бешметом других народов Дагестана и Кавказа, и разница, собственно, лишь в некоторых деталях покроя и украшений. Например, от лезгинского валчагъа, гужгат отличается шириной рукава, затем у валчагъа три разреза по бокам и сзади, а у гужгата всего два. У лезгин валчаг из белого материала никогда не шили, а у аварцев гужгат (особенно летний) чаще всего шился из белого полотна даже без подкладки и т. д.

Поверх гужгата аварцы носили черкеску чуха общекавказского типа. Шили черкеску из черного или коричневого сукна сугъур, которое изготовляли в селениях Карата и Ботлих. Высоко также ценились черкески, сшитые из акушинского и фабричных (гвардейских) сукон темно-синего, черного, коричневого цветов. Несомненно дорогие гвардейские сукна были доступны только богатой прослойке аварского населения, а бедняки довольствовались грубыми дешевыми домотканными сукнами.

Чуху шили значительно длинее чем гужгат. Черкеску делали в талию, спинка отрезная, перед состоял из прямых полотнищ, а в бока вшивались два клина, расширяющиеся книзу. Сзади к отрезной талии пришивалось шесть клиньев. Таким образом, спереди получалось 4 клина (из них два неотрезных и два вставных по бокам), а сзади шесть клиньев. Там, где соединялись боковые и

задние клинья, книзу оставлены разрезы на 15 см, которые обшиты черной тесемкой. Рукава длинные ниже кисти, к нижней части рукавов на 35—40 см пришивалась нарядная (шелковая, сатиновая) подкладка другого цвета, рукава черкески отворачивались, чтобы выглядело нарядно и было удобно во время работы. На груди делали большой вырез (который доходил почти до талии), чтобы из-под черкески выглядывал гужгат. По обеим сторонам груди пришивались карманы, куда вставлялись газыри — «рубаци» по 8 штук с каждой стороны. Как рассказывают старики, у черкески времен Шамиля вырез на груди был совсем небольшой и карманчики с газырями пришивались прямо. Немного позже уже с конца XIX века покрой черкески усовершенствовался, ее стали шить более элегантно. Вырез на груди стал больше и газыри стали пришивать наискось, от груди к подмышке.

А у черкесок начала XX века грудной вырез стал еще больше, он доходит почти до пояса и газыри пришиваются более косо. Число газырей, пришиваемых к груди, стало больше и 10, и 12 штук на каждой стороне.

До начала XIX века, как свидетельствует полевой материал, газыри в черкесках были без головок. Это железные трубочки, наподобие патрон с донышками, в которые помещалась мера пороха, поэтому газыри и называются «рубаци», что в переводе с аварского означает мера. Раньше, чтобы порох не высыпался, эти трубочки затыкали разноцветными тряпочками.

В настоящее время в Дагестанском краеведческом музее сохранились картины, где изображены горцы в таких черкесках с газырями с разноцветными тряпочками.

Несколько позже, приблизительно к середине XIX века, мастера ювелиры стали делать серебряные выгравированные головки для газырей. Во времена расцвета ювелирного производства (середина XIX века) на территории Аварии головки для газырей делались тончайшей работы, из серебра, с позолотой и из слоновой кости и т. п. Наиболее нарядные головки для газырей делались с бляхой. Бляху прикрепляли к груди черкески, от нее к каждой головке газыря шла серебряная, позолоченная или золотая цепочка, которая придавала им очень красивый вид. Борта, грудной вырез и рукава черкески украшали золотыми или серебряными самодельными шнурками или галунами или же женщины весьма искусно вышивали золотыми нитками.

Черкеску обязательно перетягивали узким поясом «бехъиназ камал». Мужские пояса бывали самых разнообразных форм. Чаще всего они состояли из узкого (2—3 см) ремешка с накладными чеканными медными, серебряными или позолоченными, или же чисто золотыми пластинками и подвесками. Обычно на одном таком поясе бывало 9 накладных (3 сзади и 6 спереди) пластинок камал холигъа и четыре подвески мацI впереди находилась пряжка рахьакул. Иногда встречались мужские пояса, которые состояли целиком из одних серебряных или позолоченных, прикрепленных друг к другу пластинок без ремешка.

К поясу прикреплялся кинжал — хъанджар в серебряной или золотой оправе, а также шашка — хвалчен и самодельный пистолет ахущ тапанча в кобуре. Нижнюю сторону кобуры делали кожаную, а верхнюю — матерчатую, вышитую своеобразным растительным орнаментом из золотых ниток.

Кинжал и шашку прикрепляли слева, а пистолет — справа. Через плечо поверх черкески мужчины перекидывали специальное украшение — нахас — это широкая цепочка различного плетения, в один, два и больше рядов, на концах ее приделаны подвески, бубенчики в виде бутончиков из лепестков. У пояса подвески нахас прикреплялись в тех же местах, где тапанча или кинжал. Иногда такие украшения надевали через оба плеча.

Нарядность черкески и пышность ее украшений зависели от состоятельности хозяина. Богатые, нарядные черкески в селении бывали лишь у немногих и немало в селениях было мужчин, не имеющих возможность приобрести не только украшения, но и более или менее приличную черкеску. Часто бедные горцы на праздники или же в других торжественных случаях брали черкески на прокат.

Обычно черкески начинали носить с 14—15-летнего возраста. К этому времени родители старались запастись средствами, чтобы купить сыну черкеску. А богатые родители черкески шили своим маленьким сыновьям по нескольку штук и разных расцветок.

Зимней одеждой для мужчин служили овчинные шубы разных фасонов, надеваемые с рукавами и просто накидываемые.

Мужская шуба — тIимугъ — длинная, почти до пят с большим откидным воротником, опускающимся ниже талии, наподобие пелерины. Шуба никаких застежек не имела, ее слегка придерживали обеими руками у груди. Борта шубы бывали открытыми и чуть вывернутыми шерстью наружу. Такая форма шубы рукавов совсем не имела. Шубу делали цельнокроенной, расширяющейся книзу. Величина ее зависела от величины шкуры.

Шили шубы из 8—10 длинношерстных бараньих шкур. На воротник и передние борта шубы употребляли шкуры лучшего качества с длинным ворсом и одноцветные — либо черные, либо — белые.

В Аварии шубы шили в основном женщины, а не как у лезгин, где мастерами были только мужчины.

Такие шубы имели широкое распространение в Гунибском округе, в Хунзахском округе шубы шили немного короче, но с длинными до земли, очень широкими в пройме, затем суживающимися книзу и совершенно зашитыми на концах рукавами. Рукава эти практического применения не имели, а просто болтались по бокам.

Н. Дубровин писал об этих аварских шубах, что «многие большую часть года, не исключая и летних месяцев, носят овчинные шубы с откидными воротниками вроде длинного капюшона нашей шинели, и с рукавами, доходящими до земли, но столь узкими в

особенности в концах, что в них могут войти только два-три пальца».[3]

Воротник этой шубы имел форму пелерины, доходящей почти до половины спины.

Как отмечает Е. Шиллинг, две оригинальные разновидности (накидка без рукавов и шуба с ложными длинными до земли рукавами) мужских шуб встречались и у даргинцев.[4]

Шубы с длинными ложными рукавами встречаются и у других горских народов Дагестана: лезгин, лакцев, табасаранцев, агулов, рутульцев и др. с разницей лишь в некоторых деталях покроя. Поскольку шубы имеют такое широкое распространение в горах, они несомненно являются локальной горской одеждой. Поэтому горцы жизнь без шубы в горах считают немыслимой. Она служила хорошей защитой от холода, ветра, а дома выполняла роль тюфяка, одеяла и подушки.

Прежде по количеству шуб определялась состоятельность семьи. Самая бедная семья имела 2—3 шубы, а богатые 5—6 и больше.

Помимо вышеописанных накидных шуб у аварцев были шубы недлинные, немного ниже колен, с рукавами. Шили их в талию, а книзу расклешенными, с небольшим отложным воротником-шалькой. Иногда их делали совсем короткими, выше колен. Зимой во время работы и во время ходьбы надевали их. Шубы красили в коричневый или черный цвет.

Короткие шубы шили почти через 1,5—2 года, а накидные большие — один раз в 3—4 года. На короткие шубы расходовали 5—6 овчинных шкур. Дети носили их с 3—4-летнего возраста.

Зимней одеждой для мужчин служили также безрукавки из овчинных шкур лучших пород овец. Безрукавки делали с прямым разрезом спереди и плотно облегающим лифом. Горловину ромбовидной формы обшивали кожей или плотной материей. Пуговицы делали из тонких полосок кожи. Иногда эти безрукавки для прочности покрывали тканью. Безрукавки являются традиционной одеждой. Они бытовали у аварцев с давних времен как ритуальная одежда в свадебном наряде жениха.[5]

Верхней одеждой, особенно для всадников и чабанов, защищавшей их от холода и дождя, служила бурка буртинох, традиционная одежда почти всех кавказских народов. Она состоит из цельного куска, расширяющегося книзу с прямым разрезом спереди и со швом на плечах. Перед до пояса и горловина отделывается кожей или плотным материалом. Застегивается у шеи. Бурки бывают белые и черные. Наиболее нарядными считаются белые.

В Тляратинском районе у бежтинцев встречается особый вид одежды для чабанов — из войлока. Эту оригинальную одежду

---

[3] Н. Дубровин. История войн и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 1, стр. 547.

[4] Е. Шиллинг. Кубачинцы и их культура, М.—Л., 1949, стр. 56.

[5] См. ниже, раздел «Свадебная и детская одежда».

описывал еще Е. Шиллинг. Он отмечал, что «это необычайно примитивная по покрою длинная широкая прямая куртка с прямым разрезом спереди из грубого белого или темно-коричневого войлока».[6] Куртка состоит из большого куска войлока, образующего спину и передние детали куртки. Рукава у такой куртки длинные, воротник низкий. Застегивается она на шнурках. Этот вид одежды, не по покрою, а по назначению очень напоминает лезгинскую войлочную накидку для чабанов, которая также состоит из цельного куска войлока конусообразной формы без всяких рукавов и завязывается у шеи шнурками. Подобные войлочные накидки бытовали у табасаранцев, рутульцев, агулов и других дагестанских народов.

Аварская чабанская накидка, как и войлочные накидки других народов Дагестана, несомненно были одеждой бедняцких слоев населения, пастухи не имели возможности приобретать добротные дорогие бурки.

Национальным головным убором у аварцев, как и у других народов Дагестана, является овчинная папаха «тIагъур».

Папахи шили из красивых овчин с густой шерстью и с завитками. Лучшими папахами считались сшитые из шкуры молодого барашка или ягненка.

Формы папах были самые разнообразные: сплошь меховые, усеченно-конусообразные, цилиндрические и т. п. Покрой папахи весьма прост. Иногда встречались папахи с высокими околышками, но в таком случае тулью делали намного меньше.

У аварцев также широко бытовали привозные папахи из черного, коричневого или серого каракуля. У такой папахи околышки бывали очень высокие, а тулью делали из бархата или сукна, подкладку матерчатую и на вате.

Каракулевые папахи имели возможность носить лишь богатые аварцы, а бедные довольствовались овчинными папахами.

Папахи пастухов и чабанов шили из длинно-волокнистых, грубошерстных овчин.

В XIX веке у аварцев, как и у многих других народов Дагестана, широко бытовали башлыки. Шились башлыки из белого, черного, коричневого и бордового домотканного или гвардейского сукна и украшались самодельными шнурками из шелковых ниток.

Башлык состоит из двух полотнищ длиною в 1,5 метра, пришитых друг к другу наподобие капюшона, к макушке которого пришивают кисточку из шелковых ниток. Башлык носили с черкеской и в основном в дорогу.

Старики на ночь надевали головной убор, сшитый наподобие тюбетейки шерстью внутрь.

Прежде все аварцы, побывавшие в Мекке, носили поверх папахи чалму. Однако в XIX веке чалму стало носить духовенство:

---

[6] Е. Шиллинг. Народы андо-цезской группы. Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1813, л. 30.

муллы, кадии и т. п. Чалма делалась из 1,5 метра белой ткани и особым образом надевалась на околышек папахи.

Летом в жаркие дни в поле мужчины надевали войлочные шляпы — буртин тIагъур — с широкими полями, которые делали сами аварцы.

На ногах мужчины носили обувь: махIал, махIца, мачуял, умухьитал, сапоги с твердой подошвой на каблуках, изготовленные из кож местной обработки, а также войлочную обувь — буртин къушал, вязаную обувь хьитал и деревянные башмаки цIулал хьитал.

Мужская кожаная обувь встречалась нескольких типов. МахIцал имела форму чувяка с острым носком без специально пришитой подошвы.

МахIцал шились из двух кусков кожи так, что шов оказывался посредине ступни.

Такую обувь можно было носить с голенищами зангал, которые шились из цельного куска кожи с задним швом на кожаной подкладке. Голенища прикреплялись к махIцал с помощью особых застежек из кожи.

Зимою поверх махIцал надевали теплую войлочную обувь — буртин къушал, имеющую форму валенка, но голенища пришивались к чувяку, состоящему из нескольких слоев плотного войлока.

В дождливую, грязную погоду махIцал носили с деревянными башмаками — цIулал хьитал — деревянными колодками с переплетенными сверху кожаными ремешками. Эти деревянные башмаки в XIX веке имели распространение в высокогорных селениях Гунибского, Андийского и Хунзахского округов. Но они, видимо, бытовали и раньше, поскольку встречаются на надгробных памятниках XVIII—XIX вв.

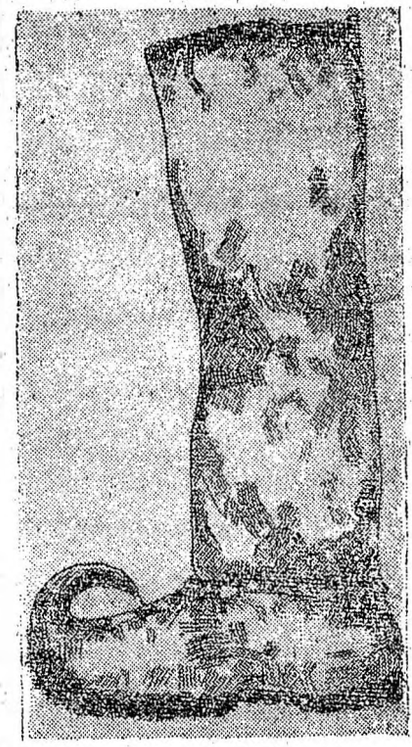

Рис. 52. Мужская войлочная обувь.

Такие деревянные башмаки встречались и у других народов Дагестана, но они по форме отличались от аварских. Например, лезгинские башмаки состояли из высокой деревянной подошвы и кожаного верха без задников.

Летом аварские мужчины надевали легкую кожаную обувь — мачуял. Они шились очень узкими и красиво вырисовывали мускулистые ноги. Мачуял носили с голенищами и без них. Голенища, которые надевали с мачуял, были намного длиннее (доходили почти до колена) голенищ, которые носились с махIцал.

Голенища и мягкие чувяки мачуял аварцы называют грузинской обувью. Возможно, что эту форму обуви аварцы заимствовали у грузин.

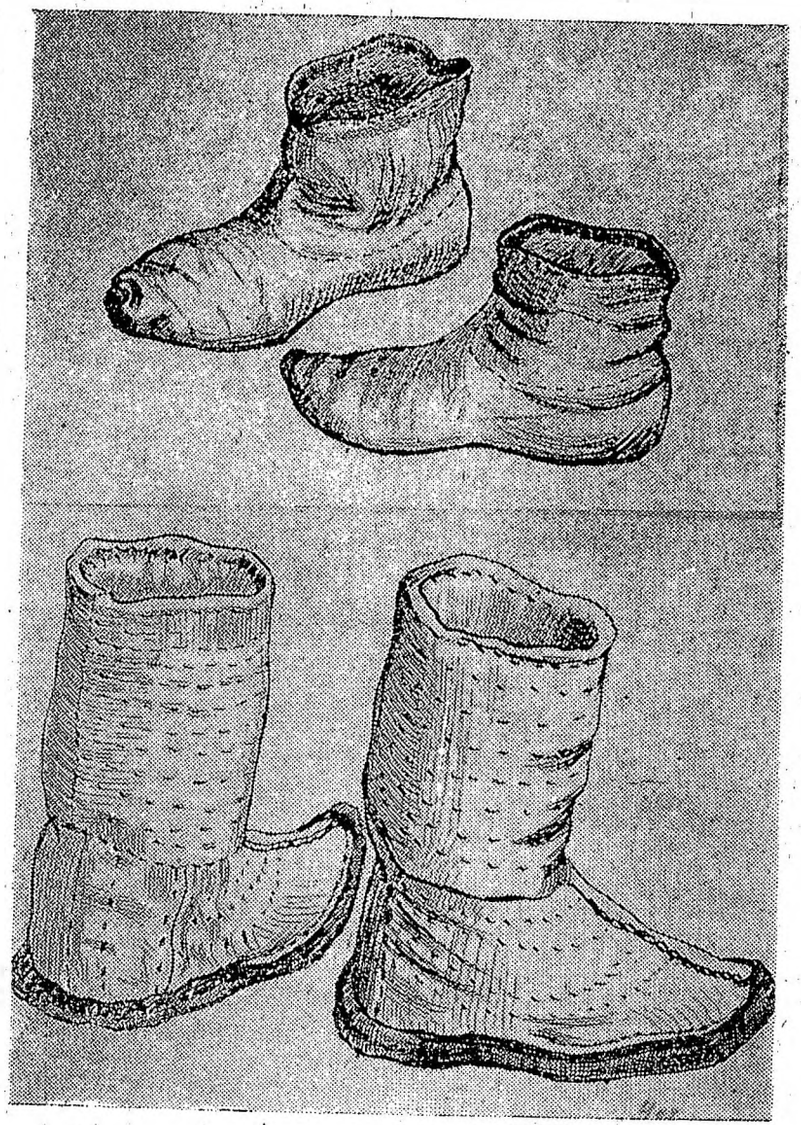

Рис. 53. Мужская обувь.

Мачуял шили в форме полуботинок, но также без пришивной подошвы с одним швом посередине ступни и очень легкие и мягкие. Такую обувь носили и мужчины и женщины.

Мачуял в форме полуботинок закреплялся у щиколотки застежками, сделанными из той же кожи. К тому же, они обязательно шились на подкладке из кожи или же из плотного полотна.

Носили их поверх шерстяных носок квасул хьитал, которые вязали женщины из темных шерстяных ниток в полоску или сплошь одноцветные.

Кожаные сапоги чекмеби у аварцев встречаются двух видов. Наиболее старинным типом можно считать мужские сапоги на каблуках и с пришивной твердой подошвой и острым носком, на кожаной подкладке. Каблуки делались широкие, высотою в 5—6 см. Голенища доходили почти до колен. Вторым типом являются сапоги с длинными облегающими голенищами и с пришитой твердой подошвой без каблука. Такие сапоги мужчины стали носить с конца XIX — начала XX века, когда в горы увеличился приток фабричной обуви.

Сапоги были достоянием богатых состоятельных мужчин, а бедняки носили обувь — умухьитал, которую шили в форме полуботинок без всякой подкладки и подошвы с немного загнутым кверху носком из грубо обработанной или сыромятной кожи. Застегивались они у щиколотки на кожаных ремешках.

Такую обувь носили с портянками и под ступни подкладывали траву, солому, чтобы мягче было ходить. Иногда их носили с голенищами. Умухьитал в основном надевали чабаны, пастухи и во время полевых работ.

Кроме того, мужчины Тляратинского и Цунтинского районов носили вязаную узорчатую обувь — хьитал. Характерной особенностью этой обуви является резко выраженный загнутый внутрь носок. Она отличается очень прочной вязкой и имеет толстую подошву, связанную с плотными рядами прочных нитей. Эту обувь очень образно описывает Е. Шиллинг: «Пожалуй самой оригинальной, специально бежтинской частью мужского одеяния являются шерстяные вязаные сапоги, по форме и орнаменту коих аварцы определяют национальную принадлежность их носителей. В этих сапогах бежтинцы могут ходить круглый год — и по сухой земле, и по грязи, и по снегу. Сапоги отличаются хорошей вязкой... Вязка на подошве плотная и толстая. Носы умеренно загнуты, орнамент сделан и вязальной техникой и дополнительной цветной вышивкой».[7] Хьитал носили и женщины. Мужские в голенищах немного ниже женских. Такая обувь в Дагестане кроме аварцев встречается у лезгин, агулов, рутульцев, цахуров и даргинцев, а на Кавказе у грузин. Г. С. Читая отмечает, что грузинская обувь с загнутым носком на протяжении XIX века составляла неотъемлемую часть грузинского мужского костюма — куладжа. Она

[7] Е. Шиллинг. Народы андо-цезской группы. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1613, л. 30.

бытовала у представителей высшего сословия, среди мокалаков и ремесленников... характерную особенность этой обуви представляет ее резко выраженный загнутый носок.[8]

Бытование подобной обуви у дагестанских народов и у грузин свидетельствует о культурно-генетическом родстве этих территориально соседствующих народов.

К концу XIX и началу XX века в Аварию стала проникать фабричная обувь: ботинки, полуботинки, галоши, сапоги и т. п.

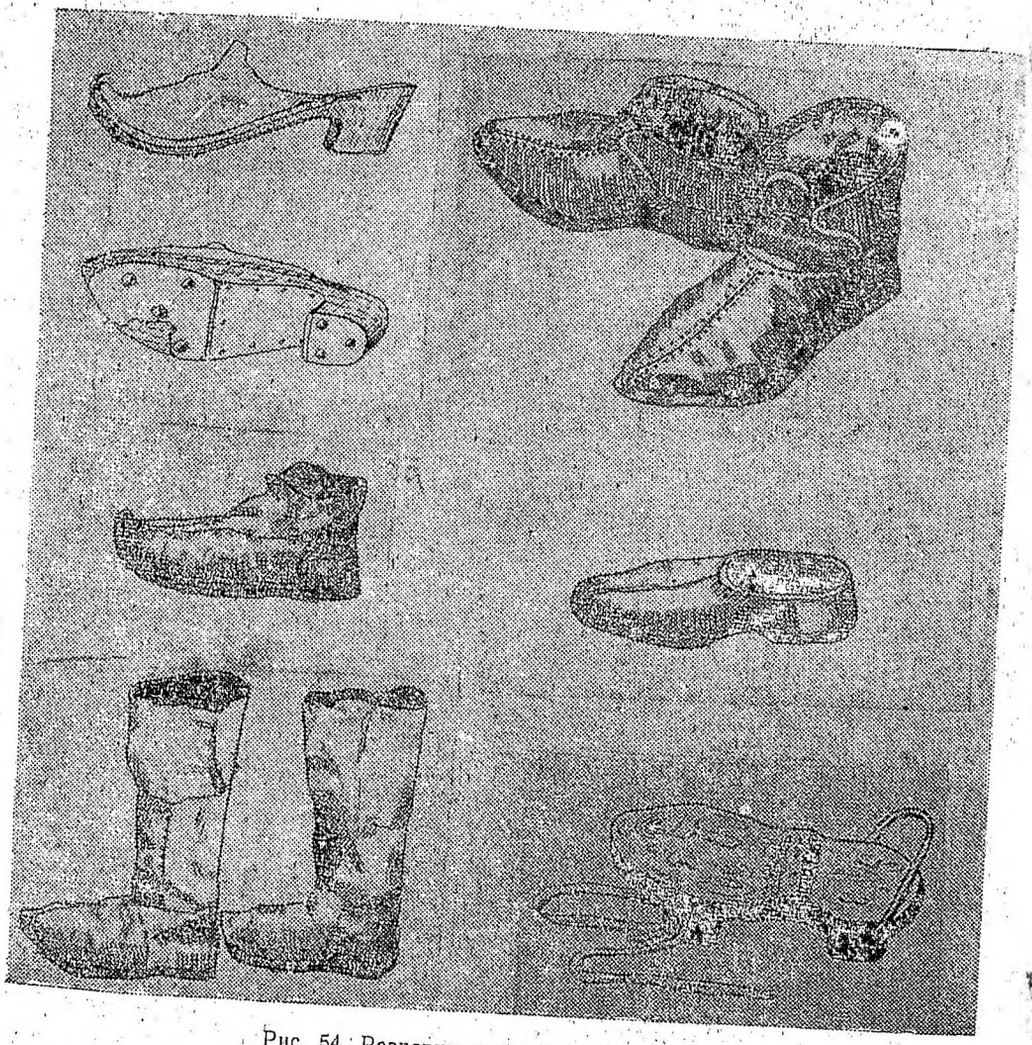

Рис. 54. Разновидность мужской обуви.

[8] Г. С. Читая. Этнографические параллели. Сообщение грузинского фил. АН СССР, т. 1, № 3, Тбилиси, 1940, стр. 314.

Однако приобретать ее могли только материально обеспеченные люди. А бедные мужчины вплоть до Октябрьской революции носили старинную национальную обувь местного изготовления.

Следует отметить, что обувь местного производства особенно махIцал и умухьитал, благодаря своей легкости и прочности сохранилась до наших дней. В этой обуви, особенно чабанам, очень легко и удобно ходить по каменистым крутым ущельям горной местности.

Как было сказано, мужской костюм аварцев имеет много общего с мужским национальным костюмом других народов Дагестана и Кавказа.

Например, национальный костюм лакца состоит «из суконной черкески, черной папахи, ситцевого бешмета, ластиковых или суконных шаровар и сапог»[9]; табасаранца — «нательной рубахи, шаровар, черкески, бурки, папахи и шубы»[10]; агульца — из широкого тулупа, папахи и овчинной шапки, черкески, бешмета, бурки, шерстяных чулок[11]; грузина — из чох и близкого к общекавказской черкеске пархалука, сшитого в обтяжку, длинного кафтана и кинжала[12]; азербайджанца — из короткого распашенного архалука, плотно облегающего фигуру, длинной узкой чухи (черкески) с газырями и овчинной папахи[13] и т. д., следовательно, общекавказскими элементами в аварском мужском костюме являются: черкеска, гужгат (бешмет), папаха, бурка, пояс и кинжал. Тем не менее в нем имеются свои локальные особенности и различия в покрое, отделке, форме ношения, а также в материале.

Мужские прически. Мальчикам у аварцев лет до 10 на голове оставляли немного волос над лбом, а старше 10 лет — брили голову наголо.

Бороду брили с 15—16 лет и в большинстве случаев оставляли усы. Лет с сорока оставляли и бороду.

Крашение бороды и усов у аварцев вообще не было принято, за исключением у мюридов, которые в XIX в. обязательно красили бороды и усы, как только начинали седеть. Каких-либо обычаев, специальных обрядов, сопровождающих первую стрижку усов и бороды у мужчин не существовало. Однако иногда бывали случаи, когда на первую стрижку ребенка приглашали кого-нибудь из почтенных мужчин, который брил мальчику голову. После чего приглашенного одаривали чем-нибудь недорогим: носовым платком, мундштуком, трубкой, или же давали столько денег, сколько весили сбритые волосы ребенка.

[9] С. Габиев. Лаки и их прошлое и быт. СМОМПК, в. 36, стр. 102.
[10] М. Ихилов. Табасаранцы. Сборник «Народы Дагестана», М., 1955, стр. 181—182.
[11] Б. А. Колоев. Агулы. Сборник «Народы Дагестана», М., 1956, стр. 211.
[12] С. А. Токарев. Этнография народов СССР. (Народы Кавказа, грузины), М., 1958, стр. 276.
[13] С. А. Токарев. Там же. (Азербайджанцы), М., 1958, стр. 298.

3. ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Женская одежда аварцев отличается большим разнообразием и богатством украшений. Если мужской костюм аварцев мало чем отличается от костюма других народов Кавказа, то женский костюм настолько локален, что почти каждое общество имеет свои специфические особенности в покрое и ношении одежды. Поэтому аварцы прежде по женскому костюму, особенно по головному убору, определяли принадлежность ее к тому или другому сельскому обществу. Женская одежда в различных районах различалась и по цвету. Так, например, в Чародинском районе любили желтый и красный цвет, а в селениях Гидатлинского общества — более умеренные цвета: темно-синий, черный и т. п.

Женская одежда состояла из нательной рубахи горде, платья кунта, штанов тIажу, из верхней одежды хабалай, шубы хабарча, а также из головного убора чохтIо и мучIу и различных фасонов обуви.

Необходимой принадлежностью женского туалета были всевозможные украшения.

В XIX веке в качестве нательной одежды аварки носили платье-рубахи горде туникообразного покроя с прямыми широкими вшивными рукавами и с манжетами с легким раструбом книзу. Носить горде начинали с 5—7-летнего возраста.

Горде состояло из прямого полотнища длиною в 300—320 см, сложенного вдвое по ширине. Для увеличения ширины рубахи по бокам, сзади и спереди вшивались клинья, расширяющиеся книзу до 20 см. Рукава прямые, длиною 42—45 см, вшитые при помощи ластовиц, расположенных под мышками.

К лифу такого платья для прочности и для предохранения материала от пота пришивали подкладку. Иногда в женском горде по бокам на 12—14 сантиметров от подола оставляли разрезы. По длине горде доходило до пола.

Разрез ворота в большинстве случаев делали вертикальным посредине с застежкой у шеи. К нему пришивали планочку. У горде более позднего времени пришивали небольшой воротник-стойку, который застегивался на пуговицу. Такой ворот украшался узорным швом и часто делался из материала другого цвета.

Рукава горде делали на манжетах, которые также украшали узорным швом или вышивкой.

Особенно в девичьих рубахах горде весь подол спереди украшали вышивкой шелковыми или золотыми нитками своеобразного орнамента в виде спиралей и завитков. Сначала на подоле пришивали тесьму бесаракун, затем вышивали узор макьла хIучIдал. Особенно нарядные горде вышивали золотыми нитками меседил кун, к подолу их пришивали кружева хьвари или же серебряные украшения сырма.

Украшали также ворот и грудь рубахи, изредка нашивали на грудь монеты, серебряные бляхи. В основном пришивали позумент

Рис. 55. Женская одежда.
1. женщина из Хунзаха, 2. гидатлинка, 3. женщина из Гергебиля, 4. арчинка, 5. женщина из Гергебиля, 6. ругуджинка.

и серебряные пуговицы местного производства с национальным орнаментом.

Прежде рукава горде делали прямые, широкие и без манжетов, такой покрой рукавов был характерен для старинных рубах периода до XIX века. Как говорят старожилы многих аварских сел, раньше носили рубахи весьма длинные с прямыми вшивными широкими рукавами без манжетов и без ластовиц и без каких-либо украшений.

В некоторых селениях Гунибского и Хунзахского районов женщины надевали двойное горде, нижнее короткое, а верхнее более длинное.

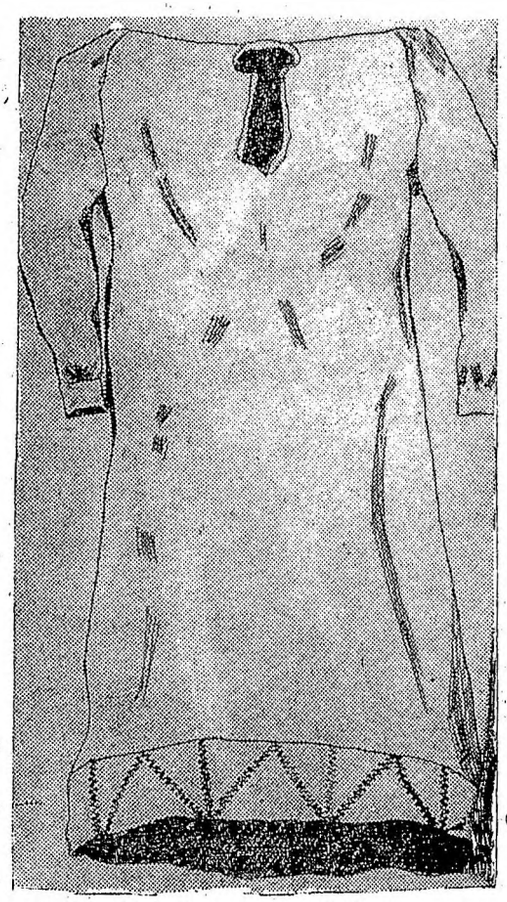

Рис. 56. Женская рубаха — горде

К тому же в Хунзахском районе горде называли кунта и шили его более коротким. В Чародинском районе нижнюю рубаху называли кьирхошон, а верхнюю — ятхошон. Покрой этих рубах был таким же, как и у горде.

Таким образом, описанное женское платье-рубаха аварцев более всего известно под названием горде и мало чем отличается в покрое в разных районах Аварии. Встречающиеся локальные формы горде в основном сохраняют единый туникообразный покрой и различаются лишь формой воротника, обшлагов и другими деталями.

Горде шили в основном из легких тканей: ситца, сатина, бязи, а нарядное горде — из более дорогих парчевых тканей: зарбаф, харай, зар харай, дарай и т. п. На него расходовали 6—7 метров ткани. Пожилые женщины носили горде из темных тканей, молодые из более светлых тонов. В старину горде шили из грубого домотканого полотна, бязи, сукон.

Рис. 57. Женские шубы.

В обычное время горде подпоясывали, а бока подбирали и засовывали у бедер за вздежку штанов.

Поясную повязку делали в ширину материала из 1,5—2 метров ткани. Молодые женщины и девушки повязки носили ярких цветов, а более пожилые — темных. В селении Гочобе Чародинского района и старухи и молодые женщины поясную повязку носили только желтого цвета. И считалось хорошим тоном горде отделывать тканью желтого цвета или же подол, обшлага, ворот, вышивать желтыми нитками.

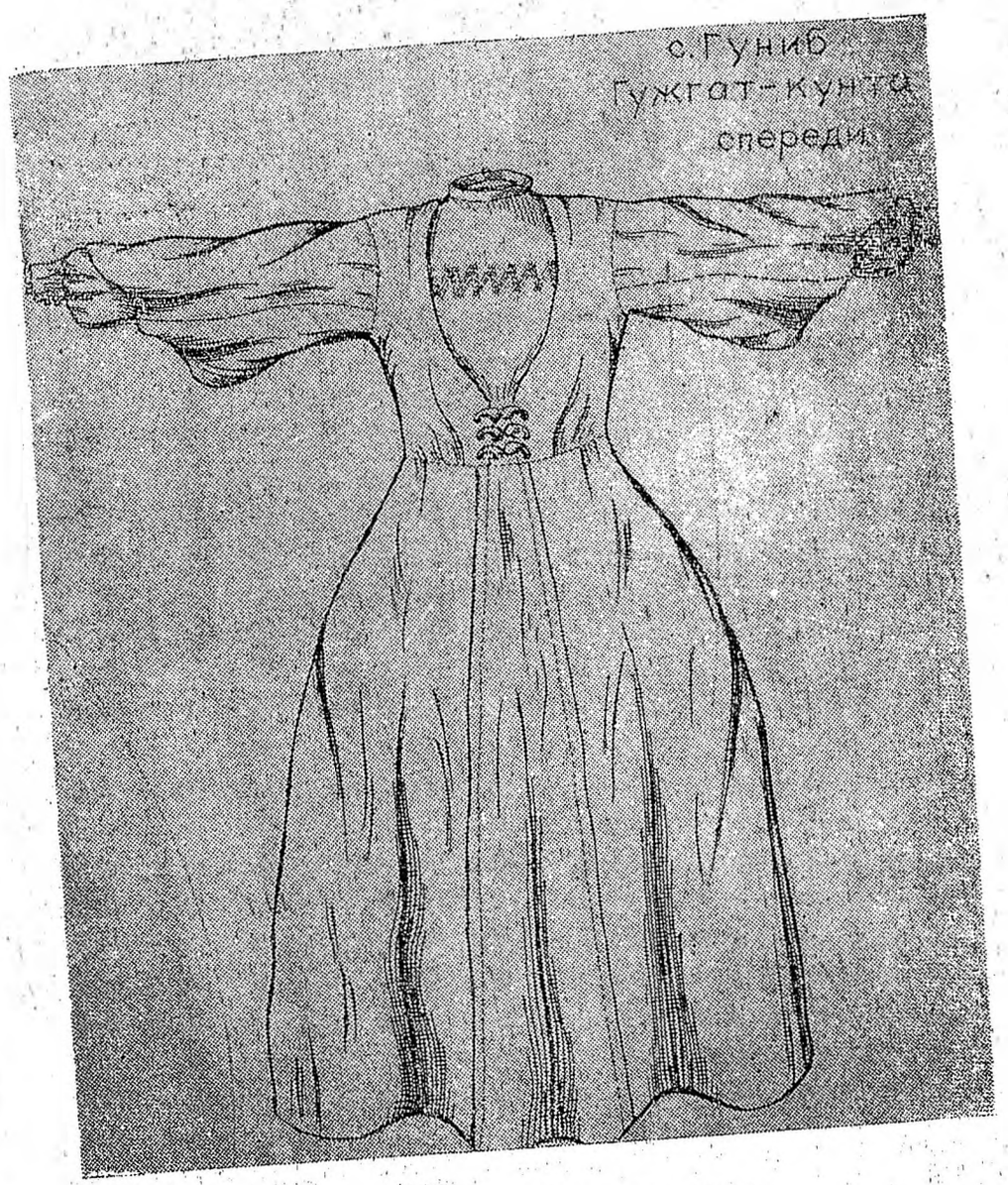

Рис. 58. Женское платье — гужгат-кунта.

Следует также отметить, что в Чарода и в соседних селениях подол горде украшали с изнанки. Это делалось потому, что подол горде («кунта» как называли сами чародинцы) выворачивали и прикрепляли к надбедренной повязке рачел и таким образом украшения кунта получалось сверху.

Необходимо напомнить, что в Хунзахском районе, за исключением лишь некоторых селений, поверх горде поясную повязку не носили.

Описанное платье-рубаха женщинам служило и верхним и нижним одеянием. В одном и том же платье они работали в поле, ходили за водой и исполняли все домашние работы.

В XIX веке была у аварок и другая форма платья-рубахи. Она видимо является элементом более позднего проникновения, ибо ареал ее распространения ограничивается в более культурных, передовых узловых селениях (Чох, Гуниб, Хунзах, Карада и т. п.) и, как говорят и сами старожилы указанных сел, эту форму рубахи они заимствовали у даргинцев и кумыков.

Их шили преимущественно в селениях Гунибе, Хунзахе и называли кунта из тонких тканей: сатина, ситца, батиста и т. п.

Шили кунта на кокетке со вшивными рукавами, в сборку или в складку. Иногда ворот и манжеты рукавов делали из другого материала и украшали узорным швом, а нарядные кунта даже бисером или мелкими бусинами. Такую рубаху в большинстве случаев носили беременные или молодые женщины.

Существовал еще и другой вариант кунта для беременных женщин. Шили его из 7—8 метров ткани, спинку делали из прямого полотнища, а спереди от подмышек—отрезным на кокетке в складку. Спереди вырез делали глубже, а застежку делали сзади.

У талии по бокам платье имело разрезы, куда продергивали пояс и завязывали его под платьем на талии.

Таким образом, платье сзади облегало фигуру, а спереди было свободным.

Рукава такого кунта были вшивные, длинные, широкие, на манжетах. Иногда манжеты, горловину украшали вышивкой, обшивали другого цвета материалом или просто строчили узорный шов на машинке или вручную.

Описанные кунта надевали вместо рубахи. Нательные платья-рубахи туникообразного покроя встречаются и у других народов Дагестана: даргинцев, кумыков, лакцев, лезгин, но разумеется с некоторым отличием в деталях, покрое и форме ношения. Например, у лезгин такая рубаха не бывает длинной, ее не украшают как у аварцев и не подбирают бока рубахи к бедрам.

Нижние тажу женщины надевали под рубаху.

В старину их шили без подкладки из домотканого полотна или сукна. Позже с начала XIX века, когда в горы стали проникать фабричные ткани, штаны начали шить из сатина, бязи, ситца, а нарядные — из дорогих парчовых тканей: харай, дарай, зарбар, зар харай и т. п. и обязательно на подкладке.

Штанины к низу сужались до 22 см, а сверху у бедер доходили до 89—90 см. Штанины сшивались с помощью ластовицы 15×15 см. Доходили штанины почти до пят. Держались штанины на шнурке не на талии, а на бедрах.

Низ штанов отделывали как можно наряднее: обшивали другим цветным материалом шириною 20—25 см, галунами, тесемкой или же золотыми нитками.

Иногда нарядные штаны обшивались бисером, мелкими бусинами и т. п.

Старухи носили штаны без подкладки из темных тканей. Такие штаны не украшались. Девочки начинали носить штаны с 2—3-летнего возраста.

Покрой штанов во всех аварских районах мало чем отличался друг от друга, но в некоторых районах, как например, в Тляратинском, штаны делались намного шире, чем, скажем, в селениях Гунибского района.

Чрезмерно широкие штаны наподобие юбок носили лезгины, кумыки и даргинцы, аварки такие штаны не носили.

Цезские женщины вплоть до XIX века носили узкие, длинные, облегающие икры штаны из овечьей кожи. Шили шерстью во внутрь и надевали в основном зимою. Об этой одежде упоминает Е. Шиллинг в своей работе «Народы андо-цезской группы». Он пишет, что «у женщин туникообразное платье-рубаха большею частью черное или синее, окаймленное по подолу красным, подпоясанное матерчатым (часто красным) скрученным в жгут поясом. Шальвары иногда из овечьей кожи...»[14]

К тому же некоторые аварские женщины в прошлом как и мужчины носили вязаные шерстяные шаровары, которые к XIX веку в связи с проникновением фабричных тканей совершенно вышли из употребления.

Верхней одеждой аварских женщин служили платья — кунта, хабалай, гужгат, безрукавка и шуба.

Женское платье — кунта шили из тканей фабричного производства: сатина, ситца, вельвета, плюша и т. п., а из тканей домашнего производства кунта не шились. Эти платья появились лишь в конце XVIII и начале XIX века.

Об этом свидетельствует еще и тот факт, что оно не имеет своего собственного наименования, а называется тем же термином, что и платье-рубаха — кунта.

Покрой кунта имел несколько вариантов.

1 вариант. Кунта шилось отрезное в талии, длинное почти до пят (150 см) с облегающим лифом и с длинными вшивными узкими рукавами и спускающимися почти до кисти. Пожилые женщины носили платье с длинными рукавами, а молодые — до локтя узкими, а от локтя чрезмерно широкими, пришитыми в складку. Для свободного движения рук подмышками пришивали четырехугольные ластовицы.

Верхняя часть кунта плотно облегала фигуру, а ниже талии оно было очень широким с глубокими складками. Вырез ворота делали не глубоким, с небольшим воротником-стойкой с большим вертикальным вырезом посредине груди. Застегивалось оно на пуговицах или же на крючках.

---

[14] Е. Шиллинг. Народы андо-цезской группы. Рукоп. фонд ИИЯЛ, Даг. филиала АН СССР, д. 1613, л. 26.

Украшения на таком кунта делали на вороте и особенно на широкой части рукава. Концы рукавов или вышивали, или же к ним пришивали кружева, делали узорный шов.

Иногда такие платья шили с приспущенными плечами.

II вариант кунта шили также отрезным в талии и с длинными широкими вшивными рукавами на удлиненных манжетах, застегивающихся на 2—3-х пуговицах или крючках. Лиф облегающий, спереди от груди на кокетке. В талии сделан широкий (20—25 см) пояс, застегивающийся посредине на 3-х больших пуговицах или на застежках. Воротник с небольшим вырезом спереди и с вертикальным (15—20 см) разрезом посредине спины, ворот застегивался на одной пуговице у шеи.

Ниже талии кунта чрезмерно широкое в сборочку, доходит почти до пола. Иногда на таком платье выше подола на 15—20 см делали две-три складки.

У кормящих матерей на груди делали разрез на 18—20 см.

У такого кунта украшали грудь и манжеты золотыми нитками или сверху пришивали кружева и т. п. Часто на груди кунта пришивали монеты и другие украшения.

Эти платья в основном носили девушки и молодые женщины.

Второй вариант аварского кунта находит себе аналогии и у других народов Дагестана. Он по внешнему виду очень напоминает лезгинское платье «булушка», которое стало бытовать у лезгин лишь с конца XVIII века.

Поскольку аварское платье кунта и лезгинское платье булушка по покрою в основном схожи между собою и время распространения и у аварцев и у лезгин почти совпадают, то возможно эти народы заимствовали у какого-либо другого народа, с которым они имели торгово-экономические связи.

И последний вариант кунта, который имеет место у аварцев (особенно в центральной Аварии) — это гужгат-кунта. Шили его в основном из 8—10 метров плотной ткани.

Делали отрезным в талии с двойными вшивными рукавами. Внутренний шириною 40—42 см, длиною до кисти рук и второй рукав пришивался сверху и делался очень широким — 55—60 см. Наружный рукав никакой практической роли не играл, а служил лишь для красоты.

Лиф плотно облегал фигуру, юбка делалась широкой, с глубокими складками. Причем, спереди делались встречные склады, а между ними оставлялось расстояние на 15 см. Далее по обеим сторонам шли глубокие складки. Сзади талию шили немного приспущенной.

На груди имелся большой глубокий почти до талии вырез.

Платье у пояса застегивалось тремя крючками. Для такого кунта специально делали нагрудник из того же материала. Шили его на подкладке с небольшим воротником-стойкой. Нагрудник вышивали золотыми нитками, бусинами, монетами, шнурками, позументом и т. п. На подкладке делали также лиф и внутренние рукава кунта. Особенно тщательно украшали наружный рукав кунта: от локтя до конца вышивали яркими нитками, часто золотыми или серебряными. К краям рукавов пришивались узкие кружева, которые доставляли специальные купцы.

Все три варианта кунта по возможности носили с серебряным поясом рачел.[15]

Другой верхней одеждой аварок является хабалай, в разных местах называвшийся по-разному: телеги, жила, юкка и т. п. Хабалай надевали поверх кунта (поверх горде такую одежду никогда не носили), и она в основном была распространена у наиболее зажиточных аварок — женщин Аварского ханства и в обществах Ахвах, Багулал, Ботлих, Карата и др., т. е. в тех обществах, которые больше всего подвергались влиянию Аварского ханства.

Шили хабалай из дорогих тканей фабричного производства — харай, дарай, зарбаф, зар харай и т. п.

В XIX веке, чтобы приобрести материал на хабалай, продавали быка, корову или баранов. Иногда хабалай обменивали на корову, быка или на 5—6 баранов. Разумеется, такую роскошь могли позволить себе лишь зажиточные аварские женщины, а бедные о ней и мечтать не могли.

На хабалай расходовали 10—12 метров, а на подкладку — 3—3,5 м, лиф и внутренние рукава делали на подкладке. Хабалай иногда шили без внутренних рукавов, а лишь с наружными рукавами, без нижнего шва наподобие пелеринок, пришитых к плечам.

Однако встречались хабалаи и с двойными рукавами. Те и другие шили отрезными в талии и почти до пят.

Лиф делали облегающим по фигуре, юбка хабалая была широкой, поскольку она шилась из 8—12 клиньев. Складки делались глубокими, накладывающимися друг на друга. Особенно много складок получалось сзади. На груди делали большой открытый вырез, чтобы свободно видны были нагрудные украшения.

Застегивался хабалай у пояса двумя-тремя крючками или специальными застежками, изготовленными местными мастерами-ювелирами.

Под полы подшивались бейки, чтобы они не загибались.

Особенно тщательно украшали края ворота и разрезы на груди, края рукавов позументом месед чалц, вышивкой золотыми и серебряными монетами. Бедные женщины вместо золотых бляшек пришивали самодельную тесьму, сплетенную из цветных шелковых шнурочков.

Такой хабалай носили с серебряным широким поясом—рачел.

Описанный аварский хабалай имеет аналогии и с одеждой многих других народов Дагестана, в частности с кумыкским хабалаем, описанным С. Ш. Гаджиевой,[16] с лезгинской одеждой валчагъ, имеющей почти такой же покрой, с небольшой разницей в деталях.

---

[15] Описание пояса рачел см. ниже.

[16] С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 234.

Хабалай для аварцев является элементом позднего проникновения. Описанная одежда широкое распространение у аварцев получает лишь со второй половины XIX в. Она была заимствована ими у плоскостных кумыков. Об этом свидетельствует и наш полевой материал, а также высказывания З. Никольской и Шиллинга, которые пишут, что хабалай вошел в моду (речь идет об аварском ханстве. С. А.) во второй половине XIX века и был воспринят от населения кумыкской плоскости из селений Шамхальства Тарковского, где это платье имело широкое распространение.[17]

Помимо кунта и хабалай аварки носили так называемый гужгат, который был распространен в основном на юге Аварии. Гужгат шили из сатина, платяных тканей темных цветов. Нарядные женские гужгаты шили из парчевых тканей харай, зарбаф, махмар и т. п. Шились они отрезными в талию, с облегающим лифом и длинными до локтя (30 см) вшивными узкими (16—18 см) рукавами. От пояса шли складки и сборочки. Ворот открытый с вертикальным вырезом до конца подола. Застегивался гужгат у пояса на небольших крючках.

Такие гужгаты шились на подкладке и подбивали тонким слоем ваты или шерсти, эту одежду носили зимою, и она заменяла женщинам пальто.

Подол, борта, вырез ворота, рукава украшали узорным швом или обшивали материалом другого цвета.

Длина такого гужгата достигала колен и из-под него выглядывало платье-рубаха. Этот тип одежды в основном имел распространение на юге и в центральной Аварии.

Судя по полевому материалу, время проникновения описанного типа женской одежды падает на конец XVIII и начало XIX вв., поскольку гужгат имел распространение в южных обществах Аварии, к тому же его покрой во многом напоминает азербайджанский женский архалук, вероятно он был заимствован у азербайджанцев, с которыми у аварцев были торгово-экономические связи.

С гужгатом часто носили фартук. Фартук шили из 2,5—3 метров ткани, отрезным в талии, длинным почти до пят. Завязывался он на шнурочках сзади у пояса и у шеи.

Фартуки носили в основном пожилые женщины и шили их из плотных тканей темного цвета.

Зимою женщины поверх кунта носили овчинные шубы — тIимугъ хабарча. В основном женские шубы встречались двух типов.

Шубы тIимугъ носили внакидку, с ложными рукавами и без них. Шубы хабарча надевали как пальто с длинными вшивными рукавами. Каждый тип женской шубы имел несколько вариантов покроя, отличавшихся лишь в некоторых деталях.

TIимугъ носили внакидку и шили из 7—10 овечьих шкур, намного ниже колен. Вырез у ворота делали неглубокий. Шуба эта

[17] З. А. Никольская и Шиллинг. Женская одежда аварцев. КСИЭ АН СССР. Вып. XVIII, стр. 18—19.

от плеч к подолу расширялась все больше и больше и у подола достигала более 3-х метров. А длина самой шубы — 115—120 см, рукава делались длинные по 120 см и узкие (10—12 см), воротник отложной наподобие шальки шерстью наружу. На манжеты пришивали планочки шириной 20 см также шерстью наружу. Из-под подола, а также из-под бортов выглядывала шерсть. Такую шубу женщины зимою накидывали на плечи при выходе на улицу, и в холодную погоду, закутавшись в них, сидели дома или на пороге.

Такие шубы шили сами аварки. Почти в каждом селении имелось несколько хороших мастериц, которые умели шить и мужские и женские шубы.

Шубы внакидку носили также лакцы и даргинцы. У лакцев были шубы только внакидку, а другого типа шуб они не имели. У некоторых народов Дагестана: у рутульцев, цахуров, табасаран, лезгин и др. наоборот женщины шуб внакидку не носили, а надевали шубы с вшивными рукавами.

Вторая разновидность шубы, которая существовала у аварцев — это хабарча.

Шили ее из 6—8 овечьих шкур и зачастую крыли плотным материалом, в основном тонким сукном домашнего производства, а когда в горы проникли ткани фабричного производства, стали применять более прочные материалы. Шубы эти шились в талию, сзади отрезными, а спереди неотрезными клиньями, лиф облегающий, а от пояса широкий с фалдами, рукава узкие, вшивные, ниже локтя.

Для украшения по краям ворота, бортов, подола и рукавов проводили зигзагообразный узорчатый шов, иногда рукава сплошь покрывались такими швами. На спинке шубы делали три встречных складки, которые образуют глубокие фалды, а спереди вставлены расширяющиеся книзу два клина.

На концах клиньев шерстью наружу пришиты планочки шириною 15—20 см. Рукава делались не длинными, чтобы было в них удобно работать.

Такая шуба застегивалась у пояса на трех крючках. К подолу с одной стороны пришивались пуговицы и петля с другой, чтобы можно было, подняв полы и отведя их назад, застегнуть их на спине, чтобы во время работы края шубы не мешали и не волочились по полу. Такие шубы в основном носили старухи и пожилые женщины.

Как рассказывают старожилы аварских сел, хабарча проникла к ним намного позже, чем шуба внакидку. Шуба внакидку у них существовала с давних времен и видимо являлась чисто локальной горской одеждой. А хабарча, наиболее моделизированный вариант шубы-накидки, проникла к ним в начале XIX века из кумыкии и даргинии в результате расширения торгово-экономических связей между этими народами.

Необходимой принадлежностью верхней одежды в Аварии были безрукавки типа жилета. Шили их в основном из плотных темных тканей и подбивали тонким слоем ваты или шерсти.

Ворот, передние борта, подол безрукавки украшали узорной вышивкой, галунами. Безрукавки носили женщины всех возрастов. Молодые женщины и девушки носили безрукавки у пояса на застежках на трех крючках.

Безрукавки имели распространение у всех народов Дагестана. Они бывали из ткани, стеганные на вате или из обработанной овечьей шкуры. Овечьи безрукавки носили более пожилые женщины и старухи и преимущественно бедные аварки. А наиболее состоятельные женщины безрукавки шили из вельвета, плюша и из других дорогих парчевых тканей.

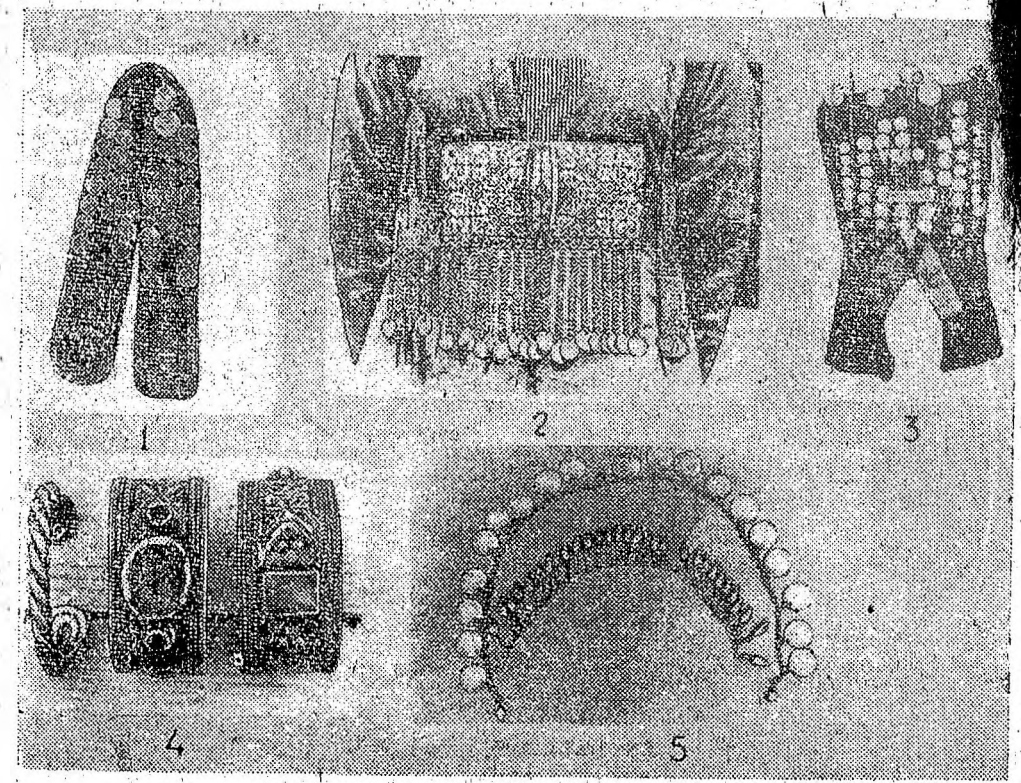

Рис. 59. Женские украшения.
1. пояс, 2. поясные украшения, 3. детское нагрудное украшение, 4. браслеты, 5. ожерелья.

Необходимой принадлежностью верхней одежды аварок было дикльасо, которое накидывали на плечо, когда ходили за водой. Дикльасо было четырехугольной формы на подкладке из плотных тканей. Нарядные дикльасо шились из гвардейских сукон и на подкладке, а простые — из домотканого сукна или другого простого более плотного темного материала, подкладку делали из ситца, темной бязи и др. Нарядные дикльасо расшивали золотыми,

серебряными нитями, разнообразными растительными узорами, фигурами птиц, животных и т. п.

Подобные наплечные накидки имеются и у лезгин под названием херцелач. Они отличаются от дикльасо размерами, бывают только ковровые, вытканные на ковровом станке.

Обувью аварских женщин служили махIцал мачуял с мягкой подошвой, мачуял с твердой подошвой и башмаки на каблуках — пашмакьал, а также войлочные бурти къушал, вязаные хьитал и деревянные колодки (башмаки) — цIулай хьитал.

МахIцал имела такую же форму, как и мужские махIцал. Их шили из двух кусков обработанной кожи с острым носком без специально пришитой подошвы со швом посредине ступни. Эту обувь женщины носили с шерстяными чулками, а во время полевых работ с обмотками. Изготовляли ее сами аварцы, и она была недорогой, доступной бедным слоям населения.

МахIцал шили в виде легкого чувяка без подкладки и без подошвы.

Другая разновидность обуви аварских женщин — это мачуял, которую надевали летом.

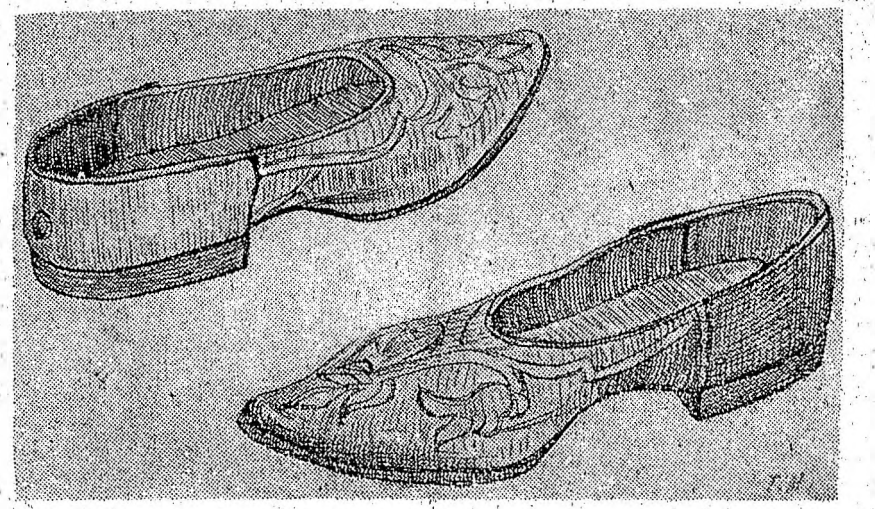

Рис. 60. Женские полуботинки — мачуял.

Мачуял в отличии от махIцал шили обязательно на подкладке и со специально прошитой подошвой, в форме полуботинок и в форме чувяк. Они бывали очень легкие и удобные, их надевали в основном в летнее время. Верхнюю часть кроили отдельно, и состояла она из двух больших кусков, к которым пришивали невысокие голенища, наподобие полуботинок. Мачуял шили довольно узкими, так чтобы обрисовывалась форма ноги и шили обязательно на подкладке из кожи худшего качества или же из прочного материала, или же, в крайнем случае, из мешковины.

Подошву кроили отдельно из обработанной буйволиной или бычьей кожи.

Женщины зимою носили их поверх вязаных носков — кусул хьитал. Такую обувь, как указано выше, носили и мужчины, но женские отличались изяществом и как правило — края их отделывали кожей другого цвета и узорным швом.

Другая разновидность обуви, которая существовала у аварских женщин, была — хьатирал — туфли без каблуков с пришитой толстой подошвой из сафьяновой кожи. Они считались наиболее нарядной обувью. Их украшали вышивкой золотыми нитями с растительным орнаментом (цветы, завитки, листья и т. п.).

К таким туфлям как изнутри, так и снаружи пришивали задники, чтобы они были более прочными. Подкладку делали также из кожи. Надевали их поверх махIцал или поверх шерстяных носок.

Повседневные хьатирал шили из кожи местного производства более худшего качества и без украшения. Из нарядной обуви аварские женщины носили сапожки чакмаил из хорошо отделанной кожи на каблуках. Голенища и союзки вышивались золотыми или серебряными нитями. Такие сапожки изготовляли сами аварцы. Например, в Согратле в конце XIX века лучшим мастером считался Халав Магомед. Он своим мастерством славился по всему Гунибскому округу. Разумеется, такие сапожки были доступны лишь хорошо обеспеченным аваркам. Бедные женщины не могли о них и мечтать.

Аварские женщины носили еще бамшаки — пашмакъал. Шили их местные мастера как из кожи, так и из плотных одноцветных парчевых тканей (желтой, ярко-зеленой, бордовой и т. п.). Кожу на женские башмаки употребляли главным образом цветную, чаще всего бордовую и красную.

Башмаки делали также из плотного вышитого (местного изготовления) материала — «саристан». Материал этот похож на сплошь вышитую ткань. После вышивки этот материал становился очень плотным и очень красивым. Большей частью вышивали серебристыми нитями. Иногда на голубом, салатном, желтом фоне делали цветочный орнамент серебристого или золотистого цвета. Стиль и композиция вышивки зависели от художественного вкуса и умения исполнительниц.

Встречались также башмаки, вышитые шахматным орнаментом, они выглядели весьма элегантно. Делали их на каблуках с острым, а иногда с чрезмерно загнутым кверху носком.

Стельки у таких башмаков делали кожаные и пришивали твердые задники и прочную подошву, а с кожаной подкладкой чаще всего башмаки шили из кожи двух-трех расцветок. Лицевая часть из одного цвета, подкладка из другого, а отделка из третьего.

Разумеется, такие весьма прочные и очень нарядные башмаки имели возможность носить только состоятельные аварские женщины, а бедные женщины лишь на свадьбы брали их напрокат.

Такие же башмаки носили лезгинки, лачки, табасаранки, кумычки и другие. Форма их была одинаковой, встречались они лишь в деталях отделки и орнаменте вышивки. Эта типичная восточная форма встречалась у многих народов Средней Азии, а также в Иране, Азербайджане, Афганистане и других странах. В Дагестан они проникли в начале XIX века из Ирана, Турции, где нередко бывали аварские торговцы.

Как свидетельствует полевой материал, в XIX веке в основном женщины Аварского ханства еще носили легкую кожаную обувь — зангал. Эта обувь по форме очень похожа на мужские зангал. Они шились наподобие мачуял, но с голенищами. Однако голенища женских зангал делались почти наполовину короче, чем у мужских. К тому же они аккуратно отделывались кожей другого оттенка и шились на кожаной подкладке. Голенища также делались на кожаной подкладке и прикреплялись к мачуял с помощью особых застежек, сделанных из отходов кожи.

Такие зангал носили во все времена года.

Зимой женщины поверх мачуял, как и мужчины, надевали теплую войлочную обувь — буртни къушал, имеющую форму валенка, однако у женских буртни къушал голенища шились намного короче мужских и обтягивались плотным материалом, а иногда и кожей, выкроенной узорным швом. К тому же у женских буртин къушал носок не так сильно бывал загнут кверху, как у мужских. Иногда молодые девушки эту обувь вышивали. Буртин къушал делали с пришивной охватывающей целиком ступню подошвой. Подошву делали из нескольких слоев плотно спрессованного войлока, не пропускающего влагу.

В дождливую грязную погоду женщины носили деревянные башмаки цIулал хьитал. Они почти не отличались от мужских цIулал хьитал. Они имели несколько форм, в основном это были просто деревянные колодки с переплетенными кожаными ремешками или в виде башмаков, но без задников, с верхом из грубой плотной ткани.

Во время полевых работ женщины, как и мужчины, носили умухьитал из сыромятной кожи без подкладки и без подошвы с загнутым кверху носком. Эта обувь очень удобна в горной местности в любую погоду. Их надевали во все времена года и носили и старухи, и молодые, начиная с десятилетнего возраста. Умухьитал обязательно носили с портянками или с шерстяными носками. Аварские женщины сами удовлетворяли семейные потребности в шерстяных носках. Однако из исследованных нами аварских районов в Тляратинском районе и в Дидо у багвалалов и тиндалов практиковалось вязание узорчатых носков на рынок. Но этот промысел особых доходов не приносил. Это возможно связано было с влиянием соседней Грузии.

Вязали носки женщины 3-мя, 4-мя спицами. Вязку начинали с носка.

Носки вязали как одинарными, так и двойными нитками, преимущественно белыми, черными или в полоску. Узорчатые носки вязали из ниток различных расцветок.

Наиболее распространенным орнаментом в аварских узорча-

тых носках являлся растительный и геометрический. Наиболее красивые орнаментальные мотивы в носках в исследованных районах мы встречали в Тляратинском и Гунибском районах. Они и по качеству и по красоте считались лучшими в Аварии.

Женщины горного Тляратинского и Цунтинского районов носили вязаную узорчатую обувь хьитал с резко загнутым внутрь носком, связанную из толстых прочных шерстяных ниток. Эта оригинальная обувь отличалась и тем, что она имела толстую подошву, связанную плотными рядами из толстых ниток. Иногда для большей прочности подошву делали из толстых крученых ниток козьей шерсти.

Орнамент сделан искусно с точки зрения вязальной техники, самых разнообразных цветов от самых ярких до умеренных тонов. Такую шерстяную обувь носили и мужчины.

Женские хьитал отличались тем, что их делали намного длиннее мужских и к тому же в женских преобладали яркие цвета.

В конце XIX и начале XX века, как уже было указано выше, к аварцам стала проникать фабричная обувь, ботинки, галоши, башмаки и т. п. Разумеется, фабричная обувь была достоянием более состоятельных женщин, а остальные носили обувь местного производства. А такая обувь, как махIцал, мачуял, умухьитал и др. благодаря удобству в горных условиях Аварии и легкости в изготовлении сохранилась до наших дней. А такая обувь, как женские деревянные башмаки, войлочная обувь и др. совершенно вышли из повседневной носки.

Самый большой интерес в национальной одежде аварцев представляют головные уборы женщин, которые чрезвычайно богаты своим многообразием.

В прошлом почти каждое общество имело свои только ему присущие головные уборы.

Пожалуй, среди дагестанских народов нет другого такого народа, где головные уборы женщин так резко отличались бы друг от друга по обществам. Очень трудно определить причину такой пестроты. Видимо, эти головные уборы свое происхождение ведут к древним временам. Об этом свидетельствует археологический материал с территории Аварии, в котором обнаруживаются головные уборы, по форме очень напоминающие современные. В Бежтинском могильнике, относящемся к VIII — X вв. н. э., обнаружен «головной убор, который представлял собой колпак, скомбинированный из кожи и ткани и спускавшийся сзади на затылок. Колпак этот был сплошь покрыт бронзовыми украшениями, а также многочисленными бусами (преимущественно сердоликовыми, шаровидными и бипирамидальными), употреблявшимися в качестве подвесок».[18]

Как и средневековая аварская чохтIа, так и чухта исследуемого нами периода, несмотря на свое многообразие по форме в основном представляет собой чепец для головы и мешочек для кос, пришитые друг к другу. Мешочек во всех случаях был одинаковый, а различие наблюдалось только в чепце. Некоторые женщины любили носить широкие и длинные чухта, другие поуже и покороче. Но встречалась чухта и совершенно без мешочка для кос, как например, гочобская чохтIо, описание которой будет дано ниже.

[18] Д. Атаев Указ. рукопись диссертации, стр. 165.

На чохтIо тратили от одного до 2-х метров ткани. Шили его из ситца, сатина, крашеной бязи, которые в основном носили старухи и менее состоятельные женщины. Нарядные чохтIо шили из ситца, сатина, крашеной бязи, которые в основном носили старухи и менее состоятельные женщины. Нарядные чохтIо шили из дорогих парчевых и шелковистых тканей: зарбах, зар харай, харай, дарай и т. п.

Самая популярная чохтIо, встречающаяся в центральной Аварии, состоит из чепца и мешочка для кос.

Чепец состоит из налобной планочки шириною в 15—20 см и длиною в 35—40 см и макушки полуовальной формы, к которой пришивается планочка. К чепцу пришивается мешочек для кос, конец которого открыт. В некоторых случаях он зашивается и к нему пришиваются кисточки или нашивают тесемку, или же украшают узорным швом.

Лобная планочка также украшается или галунами, или бисером, или же цепочкой. К ее концу пришиваются две тесемочки, с помощью которых закрепляется чухта так, что ни при каких обстоятельствах она не сползает с головы. Такой тип чохтIо носили в основном в Хунзахском, Гунибском, Гергебильском, Казбековском районах, а также в аварских селениях Буйнакского и Левашинского районов. Относится он к XIX и нач. XX века. Об этом свидетельствует тот факт, что в селениях этих районов наряду со старинной формой чухта, как правило, бытует и новый описанный нами фасон.

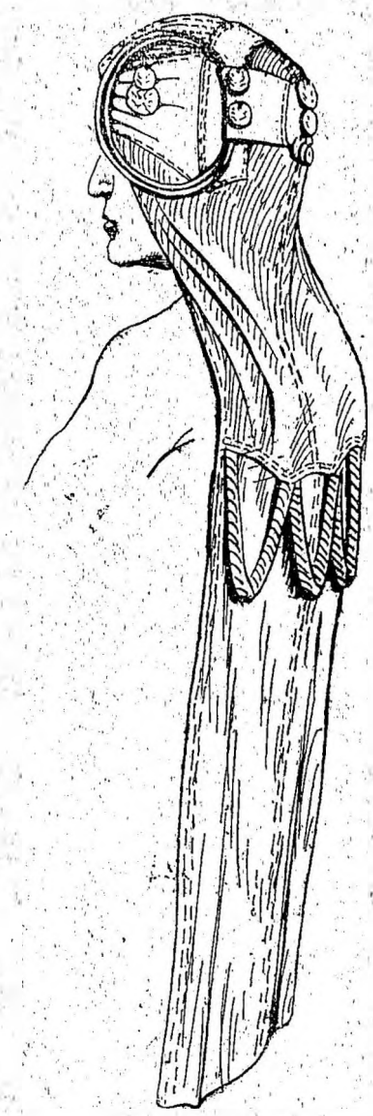

Рис. 61. Женский головной убор андийки — чохтIо.

В селении Гочоб Чародинского района до настоящего времени женщины пожилого возраста носят оригинальные недлинные чухта старинного типа, комбинированные из ткани и кожи.

Брали кусок материала длиною в 60—64 см и шириною 20—22 см, складывали вдвое и защивали с одной стороны в длину. На надлобной части шириною 18 см и длиною 20 см нашивали материал другого цвета и украшали. На нем делали узорный шов по краям, нашивали галуны или мелкие бусины, бисер и др. украшения, над лбом пришивали кожаные планочки длиною в 36,

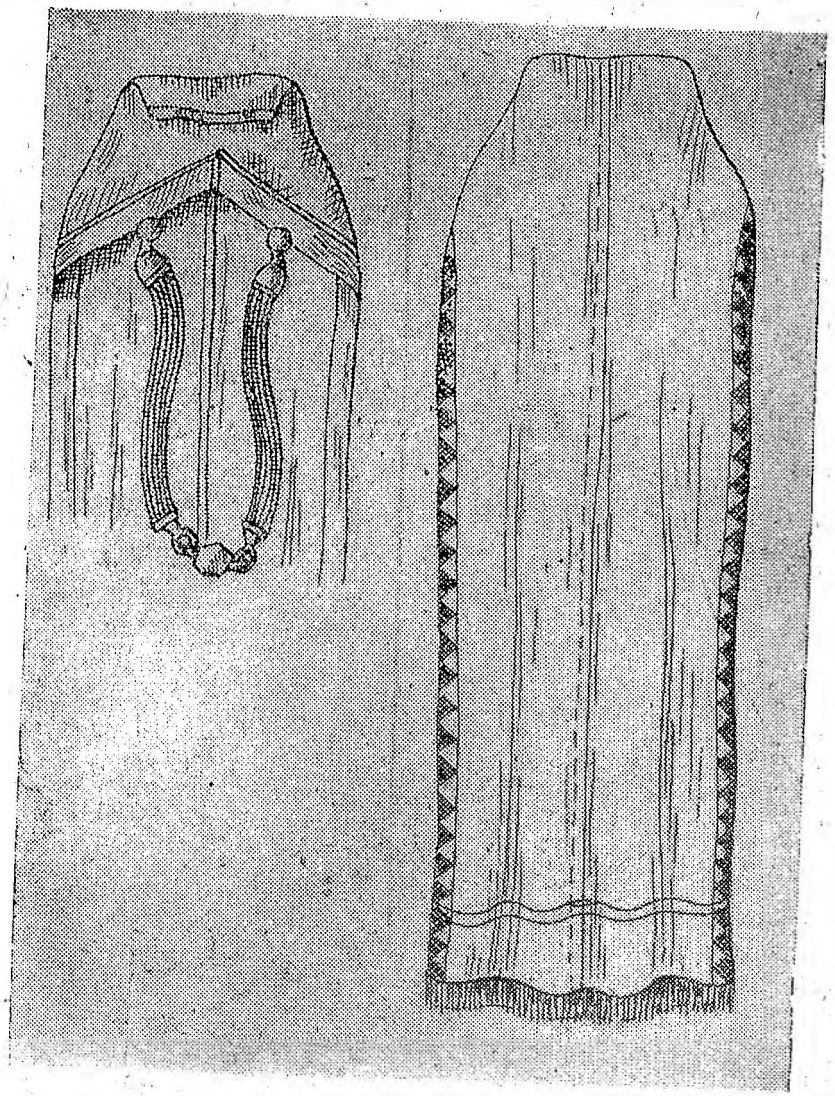

Рис. 62. Женский головной убор — чохтIо сел. Корода.

шириною в 10 см, на концах которых имелись застежки. Эти две планочки заворачивались и застегивались сзади, с их помощью чохтIо держалась на голове. На висках, там, где пришивались кожаные планочки, прикреплялись два серебряных кольца диаметром в 5—6 см. Они служили и украшением и оберегами «магической силы». Они якобы служили защитой от сглаза, от болезней и прочих недугов. О кольцах, которые пришивают к гочобской чухта, З. Никольская и Е. Шиллинг писали, что «чохтIо из сел. Гочоб общества Карах обращает на себя внимание наличием в качестве главного элемента своеобразных височных колец, отличающихся от височных колец Багулальско-тиндальской и келебской чухт и височных блях гидатлинской чухты».[19]

Кроме того, в описанной чухта была подбородочная тесьма, предназначенная для того, чтобы она не спадала с головы.

Кроме гочобцев короткую чухта носили женщины селения Надар Тляратинского района. Этот головной убор местное население называли не чохтIо, а домчла. Он представлял собой своеобразную треугольную повязку, к которой пришивали надлобную планочку, украшенную вышивкой или галунами. Концы треугольной косыночки завязывались не на затылке, как у чохтIо, а под подбородком.

К сожалению, этот головной убор не сохранился, и мы обнаружили лишь некоторые детали его.

Об этой чохтIо упоминается в работе З. А. Никольской и Е. М. Шиллинга, где они пишут, что этот головной убор имел место в селениях обществ Анцросо и Хвалал и имел местное наименование думча и представлял собой чепчик, спереди сплошь покрытый мелкими серебряными бляхами.[20] Поскольку подобная чохтIо в других районах Аварии не встречается, а имела широкое распространение лишь в этой части Аварии, вполне возможно, как указывают З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг, тляратинцы и бежтинцы заимствовали ее у азербайджанцев.

Большой интерес представляет своеобразная чухта бывшего Гидатлинского общества ныне Советского района: Этот головной убор представляет собой мешочек, к нижнему краю которого пришиты кисти.

Чепец сделан цельнокроенным с мешочком для волос. Надлобная планочка четырехугольной формы (15×15 см) вставлена выше висков и обычно из яркого материала: красного, желтого, оранжевого. Даже женщины преклонного возраста надлобную планочку делают из цветного материала. Молодые девушки эту планочку вышивали и пришивали к ней различные украшения.

На висках, так чтобы прикрывались уши, пришивали филигранные круглые височные бляхи кIилкIал диаметром 8—10 см, которые изготовляли сами гидатлинцы. Эти бляхи служили и

---

[19] З. Никольская и Е. Шиллинг. Женская народная одежда аварцев. КСИЭ. Вып. XVIII, М., 1953, стр. 23.

[20] З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг. Женская народная одежда аварцев. КСИЭ, АН СССР, вып. XVIII, М., 1953, стр. 20.

украшением и оберегом, которые якобы «защищали» от сглаза, болезней и т. п.

Интересные чухты с серебряными кольцами носят женщины тиндалинки, багулальки, они отличаются от описанных выше тем, что не имеют сшитых мешочков. Это просто чепцы, сшитые особым образом, немного в сборочку на лбу и узкой накладной планочкой на макушке. Эта планочка с двух сторон свисала на виски. К этим концам пришивали круглые диаметром в 10—12 см височные серебряные обручи, часто парные одно в другом.[21] Сзади удлиненная часть не зашита, а просто придерживает косы со всех сторон.

И к тому же, как описывают З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг «характерной особенностью чухты тиндальской и багулальской является наличие в ней маленького кармашка для хранения мелких женских вещей, расположенного с внутренней стороны наспинной части чухты».

В селении Ругельда Советского района (бывшее общество Келеб) и сейчас женщины носят чохтIо совершенно иного покроя, чем гидатлинки. Этот тип чохтIо также не имеет сшитого мешочка, а просто накидывается, а чепец сделан очень оригинально с переплетающимися кожаными ремешками, которые служат для закрепления чохтIо на голове, с накладными серебряными украшениями пластинками, кольцами и другими круглыми серебряными височными бляхами и т. п.

Как описывает З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг, «чухта из селения Ругельда общества Келеб имеет парчевую часть, напоминающую шапочку или чепец. Характерными для этого убора являются кожаные ремешки, покрытые серебряными пластинками, среди которых особое внимание обращают на себя круглые височные бляхи, состоящие из концентрических кругов. Этот головной убор покрывал в прошлом бритую, по распространенному среди келебских женщин обычаю, голову».[22]

В селении Корода Гунибского района интересна чохтIо, которую носили девочки. Материал шириною в 45—50 см складывали вдвое и сверху сантиметров на 15—17 зашивали так, чтобы образовывался треугольный мешочек, который надевался на голову, уголок загибали вперед ко лбу, а низ чохтIо не зашивали. К нижнему краю сзади пришивали кисточки или тесемку. С этой чухту обязательно носили серебряную цепочку, которая служила для поддержки на спине этого головного убора. Взрослые женщины цепочку не носили, а обязательно как дополнение к ней носили сшитый из треугольников особый головной убор бетIеркчай.

Кородинская чохтIо интересна тем, что в ней отражалось возрастное различие. З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг также отмечали, что «чухта из аварского села Корода является единствен-

[21] Полевой материал лета 1962 г. М. Агларова.
[22] З. Никольская и Е. Шиллинг. Указ. соч., стр. 23.

ным образцом чухты, предназначенной для девочек, как определенной возрастной группы».[23]

С кородинской чохтIо сходна чохтIо из селения Ругуджа Гунибского района. Хотя нам не удалось зафиксировать полную сохранность старинного покроя, но по сведениям старожилов этого села нам удалось восстановить ее покрой.

Шили ее из 1—1,2 метра ткани. Брали кусок материи в ширину 80 см и зашивали одну сантиметров на 15—18, в результате чего получался треугольный мешочек. Его уголок загибали назад (а не вперед, как у кородинской чохтIо) и закрепляли на затылочной части чохтIо. На лобную часть этого убора нашивали галуны или вышитую вручную или тканую тесемку.

В прошлом женщины селения Чох Гунибского района носили точно такого же покроя чохтIо.

К тому же поверх ругуджинской, чохской и кородинской чохтIы, носили налобную повязку, которую вышивали золотыми нитями или нашивали на нее разноцветные ленты. Тесемки пришивали у висков и завязывали под подбородком. А ругуджинки тесемки делали из ленты (особенно красного цвета) и также привязывали под подбородком.

Повязка, которую пришивали выше налобной планочки, у чохцев называлась белекъо, а у ругуджинок — подокьи. Такую же повязку и чохтIо носили согратлинки. Но из всех чохтIо этого типа своей нарядностью больше всего отличалась ругуджинская чохтIо, они, как говорят старожилы села, и их соседи, очень любили яркие краски и поэтому на чохтIо нашивали планочки и завязки самых разнообразных ярких цветов из бархата, щелка и простых тканей.

Таким образом, вероятно, ареал распространения этого типа чохтIо в XIX в. ограничивался Гунибским округом.

Одним из наиболее интересных головных уборов, которые встречаются на территории Аварии, является арчинская чохтIо. Она очень подробно описана в литературе, особенно в работе Е. М. Шиллинга «Народы андо-цезской группы»[24] и в работе З. А. Никольской и Е. М. Шиллинга «Женская народная одежда аварцев»[25].

Этот головной убор также состоит из чепца и мешочка для кос, однако характерной особенностью арчинской чохтIо является то, что она имеет особую несимметричную нашивку из серебряных монет разной величины, широкие расположены слева, а узкие справа. Эти монеты тянутся от висков и вниз, огибая подбородок. Левая щека почти целиком оказывается покрытой серебряными монетами, а правая лишь обрамлена ими. Спереди чохтIо обшивается серебряными шариками, цепочками, чередующимися с мелкими бусинками.

[23] З. Никольская и Е. Шиллинг. Указ. соч., стр. 23.
[24] Е. Шиллинг. «Народы андо-цезской группы». Рукоп. фонд ИИЯЭ Даг. филиала АН СССР, д. 1613.
[25] З. Никольская и Е. Шиллинг. Женская народная одежда аварцев. КСИЭ, в. XVIII, 1958.

Сами арчинки ношение серебра с левой стороны объясняют по-разному. Как пишет Е. Шиллинг и З. А. Никольская,[26] то они мотивируют это библейской легендой о том, якобы бог сотворил Еву из левого ребра Адама, в память чего женщинам надо закрывать левую щеку и поэтому, в знак уважения к мужу, в старину женщины даже спали в этой чухте, лежа на правом боку, так, чтобы серебряное нащечное украшение было обращено в сторону лежащего рядом мужа.

Е. М. Шиллинг полагает, что «несимметричное украшение арчинской чохтIо отражает ярче, чем это часто встречается, древнейший слой представлений, связывавших головной покров с функциями оберега и предохранения носительницы от несчастия и сглаза».[27]

Ношение серебра слева арчинцы объясняют и тем, что головной платок больше прикрывает правую щеку, а левая остается более открытой и поэтому на левой стороне чохтIо пришивают украшений больше, чем на правой.

Трудно предположить, какова же была главная причина ношения украшений на чохтIо слева, но, видимо, каждая из них имела определенную роль.

Арчинская чохтIо отличалась еще и тем, что ее шили чрезмерно длинной (1,5—2 метров ткани). Даже и в настоящее время их шьют длинными и украшают ее так, что концы цепи, закрепляющей чохтIо, оказываются на левой стороне.

Не менее оригинальная и своеобразная чохтIо бытовала в аварском обществе Ботлих. Она имела местное наименование: кIамбалъи кIаджа, Ботлихская кIамбалъи кIаджа очень хорошо описана К. Ф. Ганом[28] и З. А. Никольской и Е. М. Шиллингом.[29] По описанию К. Ф. Гана этот головной убор состоял из маленькой подушки шириною в 2—3 дюйма, которую кладут поверх головы так, что она выступает над лбом, а на выдающиеся с обеих сторон головы концы ее подвешивали громадные кольца.

Позднее, как пишут З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг, на такой чохтIо кольца не подвешивали.

Ботлихская чохтIо состоит из строченного чепца, туго набитого спереди шерстью, с ярко выраженными углами («рогами»), подымающимися над лбом. С внутренней стороны чепца сделаны небольшие карманы для хранения мелких предметов женского обихода.

Такая чохтIо помимо общества Ботлих имела место и в селениях годоберинцев.

У каратинцев и андийцев в прошлом была распространена

[26] Е. Шиллинг. Народы андо-цезской группы. Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1613, л. 38.

[27] Е. М. Шиллинг. Указ. соч., З. Никольская и Е. М. Шиллинг. Женская народная одежда аварцев. КСИЭ АН СССР. Вып. XVIII, 1953, стр. 20.

[28] К. Ф. Ган. Экскурсия в нагорную Чечню и зап. Дагестан летом 1904 года, ИКОРГО, т. XV, № 4, Тифлис, 1902, стр. 225.

[29] З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг. Указ. соч., стр. 20—23.

чухта, очень похожая на ботлихскую рогатую чохтIо. Ее также набивали ватой или шерстью, но так, чтобы она получалась более округлой формы, а не рогатой. Мешочек для кос делали длиною в 150 см, а высота тульи чепца достигала 18—20 см. Срединную часть ее делали из лилового шелка, а боковые — из красного. Тесемки пришивались у висков и завязывались у подбородка или у затылка.

Таким образом, мы перечисляли лишь самые основные разновидности головных уборов на территории Аварии.

Чем все же объясняется такая чрезмерная пестрота женского головного убора? Во-первых, она была вызвана разобщенностью людей в былые времена, враждебностью между ними. Тогда, видимо, каждое общество, род, тухум и т. п. имели свои головные уборы, отличные от соседей.

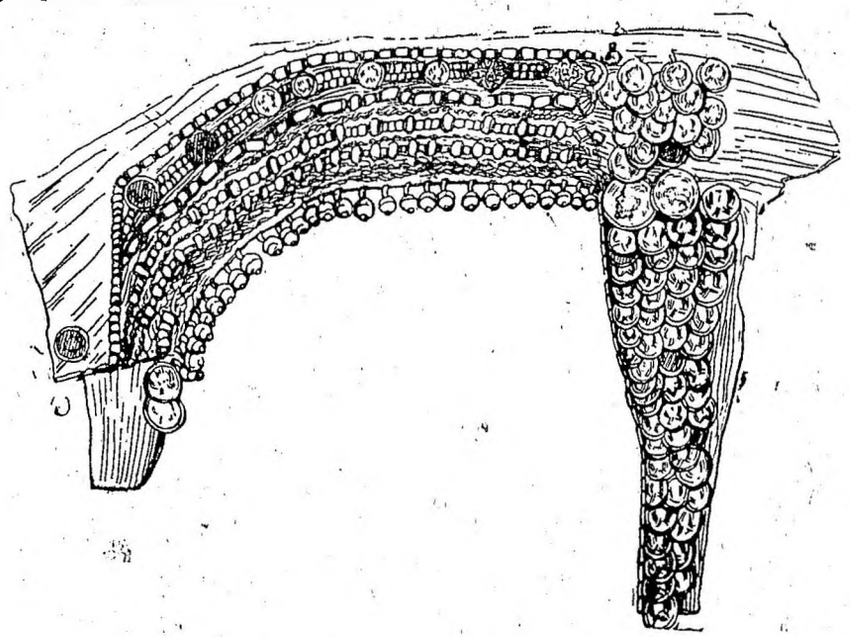

Рис. 63. Фрагмент украшения женского головного убора арчинки.

Во-вторых, в прошлом, видимо, каждая социальная группа имела свой отличительный знак, свой оберег. Так, например, культ железа был распространен у всех народов Дагестана, и они по-разному выражали свое отношение к этому. Так, аварские женщины, гидатлинки, годоберинки, гочобки и т. п. на головном уборе носили разные украшения из металла, серебра и т. п. Но одни носили кольца, другие височные пряжки, третьи обручи и т. п.

Разумеется, объяснить конкретными причинами многообразие головных уборов весьма трудно. Однако нет сомнения, что оно

было вызвано определенными историческими условиями и социально-экономическим строем аварцев того времени.

Головной убор аварок не ограничивается чухтой. Традиционным является также национальный платок, который надевается поверх чохтIо — мучIу. Его делали из тонкого сатина, ситца, батиста и даже бязи. Когда не было фабричной ткани, мучIу ткали на специальных станках. Нарядные мучIу шили из шелковых тканей, преимущественно темных, особенно из дарай. И только андийские и гергебильские женщины мучIу носили из белого материала. Шили его из 3—5 метров ткани. Надевали на голову следующим способом: серединную часть платка накидывали на голову, затем левой рукой брали правый конец его и, огибая подбородок через левое плечо, откидывали назад, после чего брали правой рукой левый конец мучIу и, также огибая подбородок, через правое плечо откидывали назад. И таким образом женщина вся была закутана мучIу как простыней.

Чтобы мучIу не спадало с головы, его закрывали специальной булавкой. А в некоторых селениях, как например, в с. Гочоб Чародинского района женщины поверх мучIу (они называли его чурту) носили чалму (черма), сшитую из 1,5—2 метров ткани. Арчинки мучIу шили из 5-ти метров ткани и называли его кIаз.

Несомненно мучIу является старинной одеждой аварцев, о чем свидетельствует и то обстоятельство, что платки аварки надевают поверх мучIу, а не поверх чохтIо. Поверх мучIу аварки надевали самые разнообразные дорогие ткани; харадул квархьи, махмар квархьи, зарбар квархьи, дарай квархьи, бахIаратлу квархьи и т. п.

Разумеется, дорогие шелковые, парчевые платки были доступны лишь богатым аварским женщинам. Доставляли в Аварию их местные купцы или лакцы.

К тому же в Гунибском, в Аварском округах и в некоторых аварских селениях на плоскости носили кружевные кумыкские платки гъиридул квархьи, заимствованные у кумыков.

Головные платки аварок бывали самых разных расцветок и качества. Например, харадул квархьа бывали бордовые, зеленые, оранжевые с цветами того же цвета, различных тонов из шелковых плотных тканей наподобие парчи. Квасул квархьи — шерстяные платки, бывали коричневые, черные, темносиние и др. темных тонов. Платок — зарбаф квархьи считался очень нарядным, шили его из шелка дарай и расшивали золотыми нитками.

Форма всех платков — прямоугольник размером 1,5×1,5, 1,7×1,7 метра.

Эти платки раньше носили поверх мучIу и являлись как бы составной частью головного убора.

Прически. Аварские женщины всегда носили длинные волосы, заплетенные в косы. Как правило, заплетали косы немного ниже затылка. Косы прятали в чухту. Мыли голову сывороткой, чтобы волосы были мягкие и не выпадали.

Старухи носили короткие волосы, а зачастую и вовсе брили головы.

instituteofhistory.ru

В исторической литературе упоминается, а старожилы подтверждают, что в прошлом в селениях Ругуджа и Келеб[30] молодые женщины брили головы.

Этот обычай объясняют тем, что в прошлом в первую брачную ночь жених и невеста устраивали своеобразный поединок. При этом жених мог схватить невесту за волосы и победить ее. Поэтому, девушки, выходя замуж, наголо брили голову. Аварские женщины, в основном на территории Хунзахского плато, изредка красили волосы хной.

Украшения. Богаты и разнообразны украшения аварок. Аварцы, как мы указывали выше, занимались производством ювелирных изделий, среди которых особенно выделялись женские украшения. О том, что женские украшения своими корнями ведут вглубь веков, свидетельствует многочисленный археологический материал.[31] Так, например, в раскопках 1954 и 1957 годов около селения Баитль (Хунзахского района) в могильнике урочища Галла, а также на территории Чародинского, Гумбетовского, Цумадинского и других районов Д. М. Атаевым были найдены всевозможные бронзовые украшения: кольца, браслеты, бронзовые булавки, височные привески, бусы, ожерелья, массивные пряжки и т. п., которые по форме и по назначению во многом напоминают украшения аварских женщин XIX века.

Много внимания уделяли женщины украшению чохтIо. Прежде всего украшали надлобную планочку чохтIо мелкими серебряными подвесками с ушками: сначала в них продергивали нитку, затем пришивали на планочке выше подвесок в 2—3 ряда серебряные цепочки, а затем ряд мелких бус и опять ряд цепочек.

На надлобной планочке нашивали также серебряные царские монеты.

Сначала пришивали крупные монеты, а затем ряд мелких, следом еще меньше. Так украшали свой старинный головной убор арчинки.

К тому же, арчинки носили на чухте другое украшение — палта. Оно состояло из медальончика с изображением посередине звезды, к нему прикрепляли 4—5 подвесок в виде лепестков, с противоположного конца прикрепляли цепочки в четыре ряда длиною в 70—75 см. Другой конец цепочки прикреплялся к колечку диаметром в 2,5 см с крючком.

Это украшение к чохтIо пришивалось так, что медальончик оказывался на левой щеке, а цепочка проходила через лоб и, огибая подбородок, закреплялась на макушке.

Украшение это очень похоже на лезгинское украшение кикер, которое прикреплялось к чохтIо. Оно состояло из двух чеканных лепесткообразных пластинок с подвесками, соединенных пятью

---

[30] З. Никольская и Е. Шиллинг. Женская народная одежда аварцев. КСИЭ АН СССР, вып. XVIII, стр. 23.

[31] Д. М. Атаев. Некоторые средневековые могильники Аварии. Материалы по археологии Дагестана, т. II, стр. 223—227.

рядами цепочек. Это украшение также служило для укрепления чохтIо.

Головные уборы аварки украшали также височными кольцами, височными бляхами, небольшими обручами и т. д.

Гочобские височные серебряные кольца диаметром в 5—6 см (рис. 117, 118) выполняли роль оберега и служили украшением.

Своей оригинальностью и красотой отличались гидатлинские височные бляхи — кIилкIал диаметром 8—10 см. В серебряном кольце размещался круглый филигранный медальончик со специальным орнаментом.

Тиндильско-багуляльские серебряные височные кольца имели форму обручей, расположенных парными сочетаниями одно в другом. А чеканными из серебра с орнаментом келебские височные бляхи делались особенно миниатюрными.

Кроме того, украшением к чохтIо служили бисер, серебряные пластиночки, мелкие бусы. И особое внимание уделяли украшению налобной планочки, к которой пришивали галуны и особенно искусно вышитую золотистыми нитями тесемочку. К чохтIо пришивали также разноцветные ленты, они служили украшением, а также укрепляли чохтIо на голове.

Среди головных украшений аварок большой интерес представлял ругуджинский маргъал, который служил коронным украшением невесты. На специальном четырехугольном куске из дорогого материала размером 40×30 см, сделанным на подкладке, пришивали самые разнообразные украшения, начиная с наипростейших серебряных безделушек и кончая драгоценными камнями.

В самом центре размещался большой серебряный куц[32] с позолотой и с драгоценными камнями, в четырех углах маргъала располагались такие же подвески куц, только меньшего размера. Между куцами имелись чеканные украшения гьендарай рамкал в виде подвесок перламутром или из серебра. По краям наподобие каймы пришивали мелкие перламутровые пуговицы мугъ, кольца, цепочки, монеты и т. п. К нижнему краю куца, который свисал на лицо, пришивали мелкие подвески на короткой цепочке хури. По бокам куца пришивали своеобразные украшения чувал. С нижнего края и по бокам пришивали серебряные колокольчики с ушками букIдал, бусы, монеты, кольца и т. п. Маргъал имело еще и ритуальное значение.

К ушным украшениям аварцев относятся серьги кIилкIал. Наиболее старинные серьги делались просто в форме больших колец с тремя подвесками. Кроме того, еще аварки носили старинные серьги в форме массивных колец диаметром в 6—8 см. По одной стороне кольца наносились штриховые изображения. К кольцам приделывалось множество подвесок на серебряных цепочках с колокольчиками в концах. Такие серьги изготовлялись из серебра и серебра с позолотой.

[32] Описание куц см. ниже.

Эти серьги были очень больших размеров и свисали ниже плеч. Носили серьги в форме полумесяца, в виде шарообразных подвесок, лепестков и т. п. Изготовлялись серьги из серебра, золота и просто из металла. Девочки носили серьги с 5—6-летнего возраста.

К концу XIX века к аварцам наряду с другими фабричными товарами проникают и разнообразные украшения, в том числе серьги, бусы, кольца.

Из шейных украшений аварки носили коралловые, янтарные, стеклянные и металлические бусы. Зачастую бусы носили вперемежку с монетами.

Особое место в женских украшениях аварок занимают нагрудные украшения. Они были чрезвычайно богаты по форме, орнаменту и по методу изготовления.

Самое сложное и самое массивное из грудных украшенний аварок — это каз. Свадебный каз доходил почти до колен.

Каз изготовляли местные мастера из серебра с чернью. В центре его имелся круглый выпуклый медальончик диаметром в 12—14 см. По краям медальончик украшался и драгоценными камнями. От медальончика вверх тянутся три цепочки, к которым прикреплена брошка с большим бирюзовым камнем, а к брошке прикреплена цепочка, которая надевалась на шею.

К низу медальончика приделано три больших грушевидных чеканных с чернью диска, закрепленных между собою. К нижнему краю каждого диска на цепочках прикреплены подвесочки в форме плоских треугольничков. Каз украшен растительным орнаментом. Края медальончика выполнены под зернь.

Другим нагрудным украшением аварцев является михал (что в переводе означает усы). Медальончик этого украшения действительно похож на усы. К нему прикреплены две грушевидные подвески, к которым с помощью цепочек прикреплены другие ромбовидные (разных размеров) украшения. Михал изготовлялся из серебра с чернью.

Другое нагрудное аварское украшение куцал состоит из крупного грушеобразного медальончика, к которому прикреплено множество мелких украшений (соединенных друг с другом) разнообразной формы и величины: шарообразные, ромбовидные, грушевидные, пирамидальные и т. д.

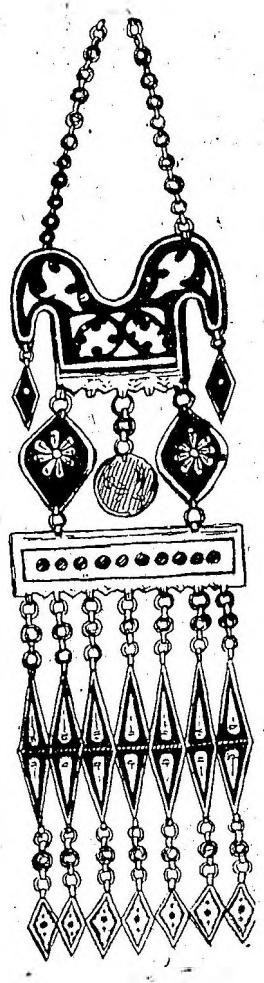

Рис. 64. Нагрудное украшение.

instituteofhistory.ru

Оно изготовлялось из позолоченного серебра с чернью с национальным орнаментом.

Аварки носили на груди украшения в виде медальончиков (ромбовидных, круглых, овальных, четырехугольных и т. п.) с подвесками на цепочках и без них, также серебряные футляры для амулетов и хейкалы с заклинаниями, написанными на арабском языке. К хейкалу приделывалась цепь с серебряными монетами, которая накидывалась на шею. К хейкала приделывались треугольной формы подвесочки с серебряными монетами.

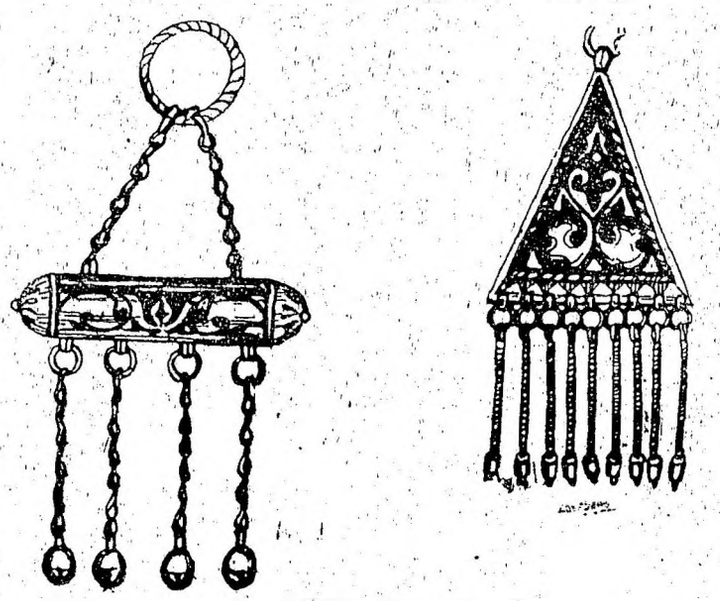

Рис. 65. Детские украшения.

Нагрудные украшения встречались и очень тонкой ажурной работы (филигрань), выполненной местными мастерами с кубачинским орнаментом.

Эти украшения делались из серебра и редко из золота. Способы отделки встречались самые разнообразные: насечка, штамповка, чернь, аппликация, зернь, филигрань и др.

Руки аварки украшали кольцами и браслетами. Они бывали медные, серебряные и золотые. Кольца носили почти на всех пальцах. Золотые кольца с драгоценными камнями носили лишь богатые женщины, а бедные довольствовались простыми.

Большим разнообразием отличались аварские браслеты. Они бывали самых разных форм, из серебра, золота или просто из металла с крупными камнями. Браслеты бывали широкие, узкие, с застежкой, без застежки и др.

Из поясных украшений аварки носили серебряные или позолоченные пояса рачел. Они встречались и узкие со вставленными камнями и без них. Встречались пояса и филигранной работы, под зернь и т. д.

Орнамент на поясах был более стилизованный. Серебряные пояса носили с хабалой и кунта. С платьем-рубашкой горде аварки носили редко.

Украшали аварки одежду пуговицами серебряными с чернью и растительным орнаментом. Встречались и позолоченные пуговицы. Иногда пришивали костяные и перламутровые пуговицы.

К хабалаю пришивали специальные местного производства серебряные пряжки и серебряные монеты с приделанными ушками. К одежде женщины пришивали трехугольные, четырехугольные матерчатые футлярчики с «заклинаниями» муллы, написанные на арабском языке. Они, якобы, защищали от всевозможных недугов и болезней и оберегали от «дурного глаза».

Широко распространена в Аварии для украшения женского платья была вышивка. Вышивали подол горде, кунта и манжеты рукавов. Иногда черную, голубую шелковую ткань целиком вышивали розами и другими крупными цветами. С особым старанием вышивали свадебный наряд невесты. Вышивали не только женские туалеты, но и мужские черкески, макушки папах, детскую одежду (безрукавки, пиджаки, тюбетейки и т. п.) и другие предметы быта (наволочки, накидки для ношения воды, сумки, суконные шкатулочки, игольники и т. п.).

Красивые вышивки делали на женских башмаках. Женщины прежде вышивали кожу, сукно, потом отдавали их сапожникам шить башмаки.

Вышивальщицы имелись почти в каждом аварском селении, но были и такие селения, как Чох, Ругуджа, Согратль, Хунзах, Батлаич, Кородa и др., которые особенно славились мастерицами.

По сведениям старожилов селения Батлаич Хунзахского района в их селении такие мастерицы, как Гулаева Шамай, Шамсутдинова Патимат, Индухова Патимат[33] вышивали так искусно, что их работы считались лучшими в округе и иногда трудно было отличить от фабричных. Их услугами пользовались в соседних селах.

Вышивали шелковыми и шерстяными нитями местного производства, а также золотыми и серебряными нитками, которые приобретали на местных базарах. В основном прибегали к разнообразным растительным мотивам. Шелковые и шерстяные нити употребляли главным образом красного, синего, зеленого, желтого, оранжевого и черного цветов.

Техника исполнения вышивки была самой разнообразной: золотошвейная вышивка бисером, блестками. Вышивали также гладью, простегиванием, мережкой и др. Кроме вышивания золотом, аварские женщины ткали тесемки и женские пояса, шнурки. Для этой цели подбирали нити бумажные и шелковые разных

[33] Полевой материал 1961 года.

цветов и золотые. Основу делали из бумажных ниток, уток из шелка или золотой нити.

На шнурочках, поясах делали своеобразные узоры в виде змей, зигзагов, параллелей, завитков, лепестков роз, листьев и т. п.

Этими тесемками и шнурками украшали переднюю часть подола горде, кунта, грудь хабалай, подлобную часть чохтIо и т. п. Шнурками украшались также грудь, борта черкески, макушки папах и т. п.

4. СВАДЕБНАЯ И ДЕТСКАЯ ОДЕЖДА

Свадебная одежда. Свадебная одежда аварцев в основном отличалась от повседневной пышностью и нарядностью. Жених на время свадьбы надевал нательную рубаху горде из белого полотна с длинными рукавами и тIату из белого полотна. Верхнее платье шили из лучших сортов домотканых сукон сугъур.

Поверх рубахи горде надевали из темно-синего сукна гужгат, плотно облегающий фигуру с боковыми прорезами, обшитыми тесемкой и с нарядными вышитыми накладными карманами.

Свадебная черкеска, надеваемая поверх гужгата, особенно отличалась своей пышностью. Ее шили из лучшего каротинского сукна сугъура коричневого цвета. Газыри этой черкески делались серебряными, иногда с позолотой по 8 штук на каждой стороне, с бляхой. Бляха прикреплялась к головкам, от нее к головкам шли золотые цепочки. Борта, грудной вырез, рукава черкески украшались золотыми или серебряными нитями.

Такую черкеску перетягивали узким поясом с чеканными серебряными с позолотой пластинками и подвесками. Через плечо поверх черкески накидывали серебряное с позолотой украшение пахас, к подвескам его прикрепляли кинжал в серебряной или золотой оправе.

На голову жених надевал каракулевую или овчинную папаху. На ноги надевали махIцал с голенищами или мачуял также с голенищами. Наиболее богатые женихи на ноги надевали кожаные сапоги чекмеби с пришивной твердой подошвой, острым носком и облегающими голенищами.

Нарядность костюма и пышность украшений зависели от состоятельности жениха.

Следует отметить, что и дружки жениха одевались как можно наряднее и красивее. Поверх черкески жених и дружки носили красную повязку — дарай бухьи, изготовленную из 3—4 метров дарая.

Красную повязку жених дарил после свадьбы невесте на мучIу. А дружки дарили их своим женам или впоследствии своим невестам.

Красный цвет повязки, как говорят старожилы, означал молодость, невинность жениха.

В некоторых селениях Хунзахского плато жених во время

свадьбы поверх черкески носил специальную одежду (наподобие безрукавки) — веренсервей красного цвета, которая застегивалась на крючках. По толкованию местных старожилов красный цвет свадебной безрукавки означал также невинность, верность жениха.

Традиционный свадебный костюм невесты состоял из 3—4-х платьев-рубах горде, пары штанов тIажу, головного убора чохтIо, нескольких платков мучIу и обуви. Свадебный горде шили из дорогих тканей: дарай, харай, зар харай, зарбаф такого покроя как и каждодневный. Большое внимание уделяли украшению горде. Вышивали его золотыми или шелковыми нитками. На грудной вырез и переднюю часть подола пришивали позумент или галуны. Вышивали горде сверху своеобразным орнаментом бесаракул (на черном фоне золотистыми нитями), а с низу делали сырма — каемка с подвесками, сделанными из серебряных ниток. Иногда на невесту надевали и по два горде. Верхний называли кунта. ТIажу — большей частью шили из плотных парчевых тканей харай и иногда из дарай и расшивали серебряными нитками.

ЧохтIо шили из самых нарядных шелковых тканей, украшали бисером, галунами, вышивкой и т. п.

Свадебный платок мучIу шили из 3—5 метров шерстяной или шелковой ткани. Два конца его обшивали узорным швом. МучIу бывал темно-синий, коричневый, черный, голубой, оранжевый и др.

Поверх мучIу надевали большой тяжелый оранжевый платок кваръи зарбаф, вышитый золотыми нитками, или же платок зар харай, также оранжевого цвета, вышитый бордовыми цветками. На ноги надевали башмаки, изготовленные из кожи нескольких цветов (голубой, белой, бордовой и т. д.) с острым концом, без задников. Башмаки вышивали золотыми нитками разнообразных цветов (голубой, белой, бордовой и т. д.) с острым концом, без задников. Башмаки вышивали золотыми нитками разнообразных цветов. Отделку делали цветной кожей. На ноги невеста надевала хьитал. Прежде, например, у ругуджинцев жених в день свадьбы дарил невесте специальное серебряное украшение с подвесками— хьитазда рукъулел куцал, которое пришивали к голенищам хьитал.

Невесту, как правило, наряжали особенно пышно. Прежде всего поверх мучIу надевали маргъал. Свадебный маргъал можно было носить на поясе.

Кроме небольших разнообразных грудных украшений (михал, каз и т. п.) невесты надевали специальное свадебное нагрудное украшение ручабазул гурдиди балаб гIарцул куц, которое состоит из нескольких крупных медальонов, прикреплённых к трем грушевидным (серебро с позолотой) подвескам. К низу этих подвесок приделана пластинка (25 см длиною и 4 см шириною) с подвесками. Затем идет опять пластинка, к которой прикреплено три крупных ажурных медальончика с лепесткообразными подвесками фигур, висящими на цепочках. Это украшение делалось из серебра с чернью и орнаментировалось в национальном стиле и иногда филигранью с позолотой.

Невеста носила большие серьги, кольца, браслеты, бусы и др. украшения.

У аварцев существовал обычай: до совершеннолетия дочери готовили ей свадебный наряд (3—4 мучIу, 3—4 платья, горде, платок и украшения). Этот наряд мать дарила дочери в день свадьбы. А дочь надевала его на один день, а потом снимала и оставляла для своей будущей дочери, таким образом это своеобразный ритуальный наряд переходил от матери к дочери несколько поколений.

Позже, когда аварки начали носить хабалай, он заменил им старинный свадебный наряд. Свадебный хабалай шили из дорогого материала и богато украшали. С хабалай аварки носили женские серебряные пояса рачел (серебряные с позолотой). А кто не имел дорогого пояса, к хабалай делали специальные серебряные застежки с растительным орнаментом.

Свадебный хабалай шили длинным почти до пят, с длинными широкими двойными рукавами. Верхний рукав наподобие пелерины обшивали кружевами, тесемками, галунами или вышивали.

Следует отметить, что в связи с изменением свадебного платья в некоторых местах Аварии, например, в бывшем аварском ханстве, и на голову невесты не стали надевать мучIу. Они же поверх чухта, минуя мучIу стали надевать всевозможные шелковые платки.

Необходимо указать еще на один момент свадебного обряда аварцев: у аварцев, как скажем у лезгин, поверх всех нарядов, не окутывали невесту платком. Это, видимо, потому, что у аварцев существовало специальное украшение маргъал, которое целиком укрывало лицо невесты. Это украшение у них еще имело магическое значение, оно, якобы, защищало невесту от «дурного глаза».

Процесс одевания невесты в отличие от процесса одевания жениха у аварцев сопровождался некоторыми обрядами.

Во время одевания невесты одна из ее родственниц в медном тазу разводила огонь и бросала туда ароматные травы хенек, мехик. Наряженная невеста подходила к огню, чтобы пропахнуть ароматным дымом этих трав.

По местным поверьям так поступали, якобы потому, чтобы, во-первых, «злые духи не подступились» к невесте,[34] и, во-вторых, чтобы от нее веяло ароматным свежим запахом. Старожилы уверяют, что если от невесты не пахло ароматными травами, жених не подходил к ней в первую брачную ночь.

Таким образом, свадебный костюм жениха и невесты у аварцев отличался от каждодневного не покроем, а нарядностью, богатством украшений и многокомплектностью, разумеется зависящими от состоятельности и достатка жениха и невесты.

Траурная одежда. У аварцев, когда умирал человек, траур соблюдали в зависимости от возраста и родства человека.

[34] Раздувание огня около невесты, обдавание ее дымом и т. п., видимо, является пережитками зороастризма, когда-то бытовавшего у горцев.

Во время похорон все присутствующие должны были быть одеты во все черное, или хотя иметь черный платок или платье.

Если умирал муж, брат, то женщина поверх черной одежды надевала шубу и не снимала ее ни дома, ни на улице, и зачастую и ночью спала в ней в любое время года. Траур держали от 40 дней до года. Если умирал единственный сын, то мать до конца своей жизни не снимала шубу. Близкая родственница покойного траурную одежду надевала наизнанку и снимала с себя все украшения. Например, гергебильские женщины, которые обычно носили белые платки, и когда умирал близкий человек, не надевали черного платка, а носили белый, но в течение 3-х месяцев, а иногда даже пока не износится платок, не стирали его, и он от грязи становился черным.

Таким образом, аварцы по случаю траура свое чувство скорби выражали действиями, противоположными естественным и полезным, при нормальном образе жизни.

Ношение черной одежды и снятие украшений во время траура было принято у всех народов Кавказа (в той или иной степени почти у всех народов мира), а нарядную одежду аварцы не надевали в течение одного—двух лет. Если близкая родственница (вдова, мать, сестра и т. д.) не имела возможности приобрести черную одежду, то она свою одежду окрашивала в черный цвет.

Мужчины, близкие родственники аварцев, как и у всех народов Дагестана, оставляли бороду в течение 40 дней.

Однако у аварцев существовал обычай в тех случаях, когда умирал молодой человек, не только родственники, но и все его ровесники по селу оставляли бороды в течение 40 дней.

Покойника у аварцев, как и у других народов, закутывали в саван. Для чего делалось несколько саванов (на каждый саван тратили около 10 метров ткани): из белого и из зеленого материала. Всего на саван расходовали до 30 метров ткани. Когда умирал богатый или молодой человек, ему делали 3—5 саванов.

Как рассказывают старожилы многих сел, у аварцев в прошлом, до распространения ислама, существовал обычай, по которому в могилу девушки клали всю ее одежду и украшения. А после распространения ислама, якобы, «дебери» (муллы) запретили хоронить драгоценности и установили обычай закутывать покойниц в саван и по желанию класть только недорогую одежду. Однако, несмотря на запреты мулл, вплоть до конца XIX века у аварцев этот обычай практиковался: если умирала единственная дочь, то с ней вместе хоронили и ее дорогую одежду и драгоценные украшения.

Этот оригинальный обычай ведет свои корни вглубь веков и, видимо, является пережиточным явлением той стадии развития общества, когда главенствующая роль в хозяйственной жизни принадлежала женщине.

Детская одежда. Одежда ребенка у аварцев состояла из рубашки, пиджачка или безрукавки, шапочки, платочка и носок.

Рубашку горде шили из мягкого материала: полотна, ситца,

сатина, фланели. Покрой ее почти не отличался от взрослого горде. Детские рубашки шили руками, чтобы шов получился мягкий, тонкий. Подол, горловину, манжеты подшивали тем же материалом.

Поверх рубашки надевали стеганную телогреечку на подкладке, часто их делали без рукавов с разрезом сбоку. В основном разрез делали спереди. Застегивались эти телогреечки на пуговицах или на застежках. Телогреечки шили из прочного материала самых различных расцветок.

Иногда поверх нее надевали фартук. Фартук и телогреечку украшали узорным швом, вышивали цветными шелковыми нитками. Особенно украшали одежду младенца-первенца, о котором заботилась не только сама молодая мать, но и бабушка (по матери). У аварцев существовал обычай, по которому первенцу почти всю одежду и одеяло делала бабушка по матери. Весьма искусно делали вытканные на станке специальные покрывала кунултIурут, размером 1,7×1,5 метров с двухсторонней бахромой.

До пяти—шести месяцев на ноги младенцев почти ничего не надевали, его носили в пеленках, а по истечении этого времени ему делали чулки (шерстяные или простые).

Когда ребенку исполнялось шесть—семь месяцев (независимо мальчик или девочка) ему шили штаны — тIажу почти такого же покроя, как и для взрослых. Штаны для мальчиков делали поуже из более темных материалов. А для девочек — из цветных тканей.

Штаны для девочек украшали вышивкой или отделкой из материала другого цвета, или же тесьмой, галуном и т. п. Когда девочке исполнялось 10 месяцев, год, ей шили платьице со вшивными рукавами прямого покроя, часто на кокетке делали оборочку. Такую же оборочку делали и на подоле платьица. Детские платьица бывали и с отрезной талией, в складочку от талии.

С 1,5—2-летнего возраста девочке шили платьице с отрезной талией и в складках или в сборочку от талии. Рукава делали вшивными и на манжетах. На груди делали небольшой вырез, а вертикальный вырез делали на спине. Манжеты рукавов, вырез ворота, накладной пояс делали из материала другого цвета. Часто на них пришивали галуны или вышивали шерстяными нитками.

На подоле платья делали поперечные складки на 10 см друг от друга. С двух-трехлетнего возраста девочке шили также и горде туникообразного покроя с длинными рукавами. Переднюю часть подола, ворот и манжеты вышивали или же украшали мелкими пуговицами или бисером, с 1,5—2-летнего возраста девочке уже шили чохтIо. Детскую чухту украшали цветными лентами, галунами, тесьмой, бисером, мелкими пуговицами. Поверх чохтIы надевали платок мугIу из 2—2,5 метров ткани. Кроме мугIу девочки носили маленькие цветные платки (75×75 см) шерстяные или хлопчатобумажные, которые привозили купцы.

Верхней одеждой для девочек служили стеганые телогреечки или овчинные шубки. Детские шубы делались немного ниже колен.

Мальчику с 1,5—2-летнего возраста шили горде и тIажу такого же покроя, что и для взрослых. С 5—6-летнего возраста для

мальчика уже шили пиджаки наподобие гужгата. Дети богатых родителей уже с 7—8-летнего возраста носили черкески с газырями и со всеми украшениями, как у взрослых, а дети бедных родителей довольствовались старыми шубками.

На голову мальчиков как и девочек одного—полутора лет надевали специальные шапочки наподобие тюбетеечек со специальным оригинальным и своеобразным украшением такьи с лепестковообразными подвесками на цепочках филигранной работы. Изготовляли их из серебра, иногда с позолотой.

Рис. 66. Детское украшение головного убора.

К 1,5—2 годам на мальчиков надевали папахи самых различных фасонов цилиндрической, конической и усеченно конусообразной формы. Иногда папахи шили сплошь меховые, а иногда макушку делали матерчатую со сплошь вышитым орнаментом национального стиля из лучших сортов овчины, а больше всего из шкурки молодого ягненка.

Богатые родители шили своим сыновьям папахи из каракуля коричневого и черного цвета.

На ногах дети до полутора лет носили, как мы указывали выше, шерстяные носки и шерстяную обувь хьитал. Особенно на

детях бежтинцев бывали надеты очень красивые из шерсти связанные башмаки с острыми длинными загнутыми вверх носками. Носили их и взрослые из ярких цветов и пестрым узором.

А после двух лет и девочки и мальчики носили почти такую же обувь, что и взрослые.

Особое место в XIX веке у аварцев занимали обереги, пришиваемые к детской одежде.

Помимо узорной строчки и вышивки золотистыми и серебристыми нитями для украшений детской одежды служили монеты, разнообразные бусы, ракушки, фигурные камушки и др.

К верхней одежде детям также пришивали массу разнообразных украшений, которым аварцы придавали магическое значение: перья и когти различных птиц (филина и др.) пасти зверей (особенно волка), бусы и т. п. Например, из кости петуха делали кресты и пришивали к верхней одежде ребенка.

Считали, что специальная перламутровая бусина с агатовыми подвесками в форме детской ручки защищает ребенка от болезней и недугов, бусина из слоновой кости с металлической инкрустацией и ушком — от «сглаза», черные, белые, синие, агатовые бусы защищают, якобы, от «сглаза» и преждевременной смерти и т. п.

К одежде ребенка пришивали талисманы — треугольные, четырехугольные, серебряные, орнаментированные под чернь футлярчики — гьакил с «заклинаниями», написанными муллами на арабском языке. Чтобы «защитить» ребенка от болезней, к одежде ребенка пришивали украшение в виде подвесок. Так, например, серебряное украшение дукIбичIвай, состоящее из пластинки с подвесками в виде монет на цепочке, пришивали девочкам после 2-летнего возраста, чтобы она не болела и была красивая и разумная.

Другое серебряное треугольное украшение с ушком и подвесками на цепочке надевали на шею и откидывали на спинку мальчикам.

Другие детские обереги наподобие серебряных монет только большего диаметра или полумесяца с растительным орнаментом с ушками, называемые сабан, махал также пришивали к одежде ребенка для защиты от всевозможных недугов.

Применение у аварцев в качестве детских оберегов всевозможных монет и пр. металлических украшений, вероятно, является следствием существовавшего некогда культа железа почти у всех народов Кавказа.

Разнообразные бусины, металлические подвески, монеты и другие украшения к детской одежде пришивали и у других народов Дагестана: у лакцев, лезгин, табасаран, агулов, даргинцев и т. п.

Таким образом, в прошлом у аварцев существовала специальная детская одежда, а неотъемлемой принадлежностью ее были пришиваемые к ней украшения и обереги.

Прически. У аварцев, как и у многих народов Дагестана, через 40 дней после рождения ребенка производили первую его стрижку, которая сопровождалась некоторыми обрядами.

Первый раз мальчика брил дед, отец или же дядя.

В селениях Чох, Гочоб, Орода существовал обычай, по которому первые обрезанные у ребенка волосы клали на одну чашу весов, а на другую — такое же количество по весу серебра или же шелка. Затем это серебро отдавали детям бедных родителей.

В Чохе, например, существовал такой обычай. Впервые обритые волосы ребенка прятали, а когда ребенок начинал говорить, ему показывали их и спрашивали, чьи это волосы. Если он говорил «овечьи», считали что он будет чабаном, если конские — табунщиком и т. д. Впервые срезанным волосам аварцы придавали большую магическую силу.

Об этом упоминает в своей работе Г. Ф. Чурсин. «Обрезанные волосы кладут под голову ребенку (Чох), или прячут где-нибудь на высоком месте, чтобы мальчик вырос высоким (Тинди). Когда мальчик начинает говорить, ему показывают эти снятые с головы у него волосы и спрашивают: «Чьи?» Если мальчик скажет «овечьи», будет овечьим пастухом, «коровьи» — коровьим пастухом, «конские» — хорошим наездником и т. д.[35]

У лезгин также существовал обычай класть первые сбритые волосы ребенка под голову, якобы «чтобы ребенок хорошо спал, потом, когда вырастал ребенок, у него спрашивали «чьи это волосы?» и по его ответу «определяли» будущее ребенка.

До 2—3 лет ребенку часто брили волосы, чтобы волосы росли густыми, а после трех лет девочкам, в основном, волосы оставляли, чтобы к годам 10—12 у нее были длинные косы.

Часто у совсем маленьких детей оставляли волосы на темени и на висках. А после 6—7-летнего возраста мальчикам брили голову наголо. На темени волосы оставляли часто после болезни ребенка, у слабых детей или же для того, чтобы «оградить» ребенка от «злых сил» и т. п.

Специальных обычаев или обрядов, связанных с заплетением первых косичек у девочек или же со сменой одежды в связи с возрастом, у аварцев не существовало. Однако, когда мальчик впервые надевал черкеску, отец ему дарил кинжал. Этот обычай существовал и у лезгин и других народов Дагестана.

Большие сдвиги, которые произошли в экономической и политической жизни за годы Советской власти, в корне изменили национальную одежду аварцев.

В наши дни исчезла надобность в производстве домотканых сукон, в обработке кож и в изготовлении многих предметов одежды, ибо они вытеснены фабричными тканями, готовой фабричной обувью и одеждой. В настоящее время все аварцы носят готовые городского покроя платья, да и местные мастера в основном шьют по городскому покрою.

Традиционную национальную одежду лишь изредка можно встретить на людях преклонного возраста, в основном на стариках.

---

[35] К. Ф. Чурсин. Авары. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1570, л. 36.

Весьма заметно изменился костюм мужчин. Совсем исчезли из употребления мужские брюки и тIажу старинного покроя, гужгаты, черкески, старинная национальная обувь и т. п.

В наши дни на мужчинах можно встретить, пожалуй, только овчинную шубу тIимухъ, накидываемую на плечи, и национальную папаху. Консервативность этих двух предметов одежды отчасти объясняется климатическими условиями Аварии. Зимою в условиях сурового горского климата трудно обходиться без этих шуб и папах.

Молодежь сейчас носит городскую одежду: пальто, костюмы, брюки, фуфайки, сорочки, туфли, пиджаки и др.

Из национальной обуви сохранилась только кожаная обувь махIцал, которую удобно надевать во время полевых работ с голенищами зангал, а также легкая кожаная обувь мачуял. В горных селениях Тляратинского и Цунтинского районов еще сохранилась шерстяная обувь с загнутым острым носком, поскольку она очень удобна в местных условиях и особенно во время летних сельхозработ.

Следует подчеркнуть, что из мужской верхней одежды в настоящее время благодаря своей практичности как необходимости в пути и на кутанах сохранилась бурка.

Андийские бурки популярны не только среди аварцев, они пользуются заслуженной славой у всех народов Дагестана и Кавказа.

Бурка стала спецодеждой колхозного чабана, пастуха, табунщика, заведующего фермой, ветеринарного врача и других специалистов колхозного производства, труд которых связан с постоянным нахождением в поле, на кутанах, в пути.

За годы Советской власти существенные изменения произошли и в национальной одежде аварок. Исчез старинный покрой национального платья-рубахи горде. От старинного оно сохранило лишь широкий покрой, удобный в условиях горной местности. Исчезли локальные особенности горде, их разрезы, чрезмерная длина, излишние нашивки и украшения и др.

Современное горде непременно имеет рукава с манжетами, ластовицы, стоячий воротничок и др. новые детали.

В настоящее время носят платья, называемые также горде, но сшитые в талию с лифом на кокетке и с длинными рукавами на манжетах и отложным воротником.

Широкое применение имеет платье прямого покроя на кокетке с длинными рукавами на манжетах и своеобразным не глубоким вырезом на груди. Вышли из употребления хабалаи и кунта с длинными двойными рукавами и длинной широкой юбкой. Их носят сейчас лишь женщины пожилого возраста.

Из головных уборов сохраняется лишь чохтIо, но она для всей Аварии однотипна и состоит из чепца и мешочка для кос. Совершенно исчезли многочисленные локальные варианты чухты, их изредка можно встретить лишь на старухах. Исчезли ботлихские неудобные, набитые шерстью лобные подушки-чохтIо, у арчинцев тяжелое левое серебро, у багулялов и тиндалов — височные кольца, у гидатлинцев и гочобцев — височные бляхи и многие другие неудобные, излишние украшения. Девушки на голову резко стали надевать национальные платки мучIу. Сейчас они носят самые разнообразные шелковые, шерстяные и хлопчатобумажные платки фабричного производства.

Теперь оба конца платка забрасывают на одно плечо, а не на оба, как прежде при ношении мугIу.

В качестве верхней одежды аварки стали носить специальные стеганные курточки в талию, нередко пальто.

Однако по-прежнему женщины зимой в горах носят овчинные шубы хабарча, только немного иного покроя. Сейчас они имеют длинные широкие рукава, а не узкие раструбы как прежде.

Из женской одежды сильно изменилась обувь аварок. Совершенно исчезли из употребления женские башмаки — пашмакьал, махIцал, войлочная обувь буртин хьитал и деревянные башмаки цIулай хьитал.

В настоящее время в Аварии нет селения, где бы женщины не носили фабричной обуви: галош, бот, туфель (преимущественно на низком каблуке), теплых ботинок и т. д.

В носке еще сохранилась легкая кожаная обувь мачуял (в форме чувяк), которые женщины носят в основном летом. А во время полевых работ женщины иногда надевают умухьитал из сыромятной кожи, а также вязаную узорчатую обувь хьитал.

Таким образом, за годы Советской власти под влиянием нового социального и бытового уклада неузнаваемо изменилась национальная одежда аварцев. Наиболее существенные изменения, как и у всех народов Дагестана, произошли в мужском костюме.

Консервативность в национальной одежде аварок объясняется тем, что прежде мужчина больше общался с городским населением, чем прикованная к дому женщина. К тому же и после октябрьской революции закрепощенная веками женщина-горянка в силу ряда причин морального и идеологического характера медленней приобщалась к городской передовой культуре.

Анализ аварской одежды XIX — начала XX века приводит нас к следующему выводу.

Основным материалом для одежды аварцев, как и для других народов Дагестана, служили продукты животноводства (овчина, кожа, шерсть, лен и др.), которыми щедро располагал край.

Помимо продуктов местного производства аварцы изготовляли предметы одежды из привозных сукон, фабричных тканей и других товаров, проникавших к ним особенно с середины XIX века, в связи с развитием капиталистических отношений и ростом торговли с центральными городами России, а также с Ираном, Турцией, Афганистаном и др.

Крупными торговыми центрами снабжения населения фабричными тканями и другими товарами были Хунзах, Гуниб, Чох, Согратль, Гергебиль и Карада, где собирались еженедельные базары.

Тесные экономические и культурные связи с соседними народами Дагестана и Кавказа (особенно Грузией) ярко сказались на форме и приемах изготовления одежды.

Мужской национальный костюм аварцев имел много общего с мужским костюмом других народов Дагестана и Кавказа (черкеска, бешмет, гужгат, бурка, папаха, пояс, кинжал). Кроме того мужской костюм имел много локальных особенностей и различий в деталях покроя, отделке, форме ношения и в материале, большей степени объяснявшимися причинами социального порядка.

Женская одежда аварцев, по сравнению с мужским костюмом, отличалась большим разнообразием, богатством украшений, покроем, расцветкой и другими особенностями локального характера.

Самый большой интерес в одежде аварок представляли головные уборы, которые отличались многообразием покроя, стилем отделки и формой ношения. В прошлом по типу головных уборов определяли принадлежность носительницы к тому или иному обществу.

Многообразие форм и чрезмерная пестрота головных уборов женщин прежде всего были вызваны уровнем развития идеологического сознания людей в более отдаленные времена, когда люди жили обособленно и враждовали между собой и поэтому каждое общество, видимо, имело свой головной убор (свой отличительный признак). К тому же религиозные побуждения играли не малую роль, так, аварские женщины — гидатлинки, годоберинки, гочобки и др. на головных уборах — чухта носили разнообразные украшения из металла или серебра, отличающие их друг от друга. Одни носили кольца, другие — височные пряжки, третьи — обручи и т. п.

Многообразие головных уборов женщин было вызвано историческими условиями и социально-экономическим строем аварских обществ того времени.

Женские украшения аварок, которые были столь богаты в своем многообразии, красивы и оригинальны по стилю выполнения, своим происхождением вели вглубь веков и свидетельствовали о преемственности культуры.

Аварские вышивки занимали должное место в украшениях одежды женщин, также отличались многообразием техники выполнения (золотошвейная вышивка бисером, блестками, гладью, мережка, простегивание и т. п.) и своеобразием по орнаментальному стилю. Судя по сохранившимся вышивкам, можно сделать заключение, что аварские мастерицы не уступали по технике выполнения азербайджанским и кабардинским мастерицам.

Свадебный наряд жениха и невесты у аварцев отличался от каждодневного, в основном пышностью, богатством украшений, многокомплектностью с некоторыми дополнительными предметами одежды, зависящими от состоятельности и достатка жениха и невесты.

Траурная одежда аварцев, особенно у женщин, отличалась лишь цветом, а также традиционным одеванием шубы, независимо от времени года, срок ношения которой зависел от возраста и степени родства умершего.

В прошлом у аварцев существовала специальная детская одежда, которая отличалась покроем и дополнительными предметами,

а неотъемлемую принадлежность ее составляли украшения (монжеты, разнообразные бусы, ракушки, чеканные безделушки и т. п.) и обереги (перья или кости различных птиц, пасти зверей, черные бусы с белыми крапинками, разнообразные талисманы и др.).

За годы Советской власти под влиянием нового социального и бытового уклада неузнаваемо изменилась национальная одежда аварцев. Однако по сравнению с мужским костюмом, больше национальных особенностей сохраняется в одежде аварок, поскольку прежде мужчина больше общался с городским более культурным населением, чем женщина.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

institute of history.ru

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПИЩА

1. ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ

В дореволюционной Аварии продукты целиком зависели от профиля хозяйства, которое в своей основе было натуральным. Большое место среди прочих занимали продукты зернового хозяйства. Если мясные, молочные и прочие имели лишь сезонное значение, мучные продукты были необходимы круглый год для ежедневного употребления.

Из зерновых культур наиболее распространены в Аварии были рожь (огоб), пшеница (ролълъ), голозерный ячмень (бугIа). В более теплых котловинах (Ботлих, Агвали; Муни и др.) культивировали кукурузу местной желтой породы (раннеспелый тип), фасоль обыкновенную с шаровидными и удлиненными семенами и горох. Урожай хранили в большинстве районов в так называемых «цагъурах»,[1] у собственно андийцев и некоторых обществ Аварии в более удобных сооружениях — «кабара» (анд.) [2].

В предгорных районах кукурузу в початках хранили в плетеных сооружениях (с. Дженгутай), а очищенное зерно в обмазанных глиной кIарт. Картофель, морковь, свеклу хранили в земляных ямах, вырытых непосредственно у самого поля или дома — (в нижнем этаже под навесом или непосредственно в жилой камере).

Зерно время от времени доставали из хранилищ и сушили в солнечные дни на крышах домов или под навесами на шерстяных подстилках кьоло, и особенно тщательно перед тем, как отвезти на мельницу. Кукурузу слегка поджаривали на медленном огне.

Высушенное зерно мололи на водяных мельницах общекавказского типа.[3] В отдельных местах, где проточной воды было недостаточно для сооружения водяной мельницы, зерно мололи на усовершенствованных ручных жерновах (напр. с. Кежани).

Наряду с водяными мельницами повсеместно встречались ручные жернова для изготовления крупы (гъуруд). Помол зерна, как и другие процедуры, связанные с зерном, считался делом женщин. Они доставляли зерно на мельницы на спине одновременно от одного до трех, а порою до четырех мерок (къали).[4] Мужчины могли иногда доставлять зерно на мельницу, если в этих целях использовался какой-либо транспорт. На специально подготовленной поточной мельнице мололи лен, косточки абрикоса, грецкий орех и др., для получения урбы — своего рода масла, широко употребляемого в ассортименте национальных блюд.

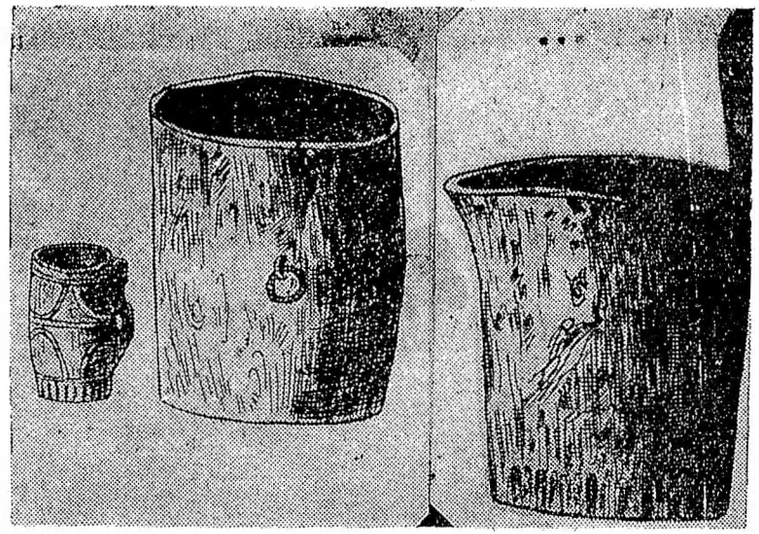

Рис. 67. Меры для сыпучих тел.

Большое место в рационе питания, особенно летом и осенью у аварцев занимали молочные продукты.

Доят овец 3,5—4 и редко 4,5 месяца в году в зависимости от состояния пастбищ, один раз в сутки.[5] Доят овец вечером после пастьбы в специальные бурдюки — ракълъен (аварск.).

Молоко чаще процеживают через сито, но иногда через пальцы рук, обмотанные травой. Овечье молоко главным образом идет на изготовление сыров. Для этого еще в теплое молоко добавляют одну или две ложки сычужной закваски. Затем посуду с

---

[1] З. А. Никольская. Из истории аварского жилища СЭ, № 2, 1947, стр. 158.

[2] Кабара изготовляли главным образом в с. Тлох.

[3] С. Я. Бедукадзе. «О поточных мельницах арагвского ущелья». Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952, стр. 108—170, табл. VIII, X.

[4] «Къали» — равнялось в среднем 14—15 кг.

[5] Доение овец у горцев Дагестана мужчинами весьма любопытная традиция, отражающая оседлый тип хозяйства с периодическими перекочевками на летние пастбища небольшого количества мужчин-чабанов с отарами. У народов с кочевым типом хозяйства овец доят женщины.

молоком заворачивают в бурку или шубу и ставят на землю. Через 30—50 мин., и иногда 1—2 часа в зависимости от крепости закваски, когда образуется плотный сгусток, его разрезают и тщательно отделяют от сыворотки с помощью бязевых мешков. Затем пористый сыр хIан (аварск.) кладут в бурдюки и заливают слегка подсоленной сывороткой.

В Аварии делают сыры также из обезжиренного коровьего молока. Лишь багулалы готовили сыр чIантур из необезжиренного молока.

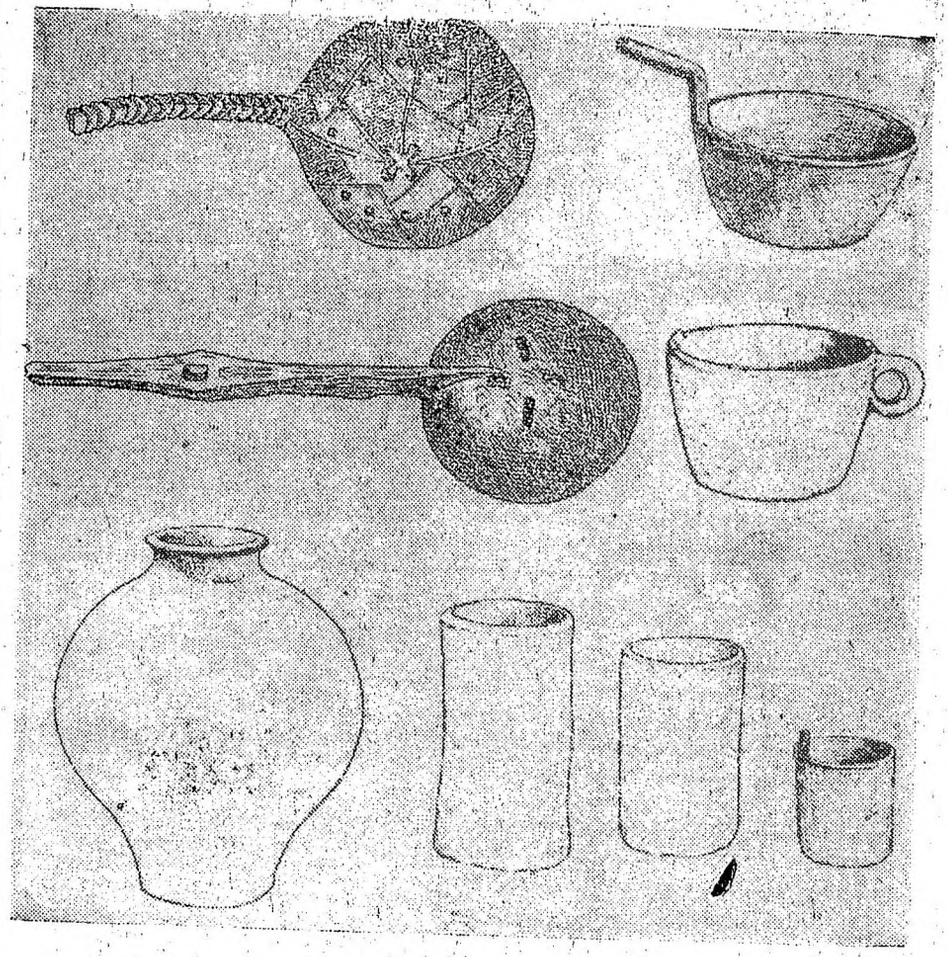

Рис. 68. Домашняя утварь.

Для приготовления творога квашенное молоко подогревают на медленном огне, помешивая большим друшлагом до получения

довольно плотной творожной массы. Затем этим же друшлагом — хинкIбахъ масса извлекается из котла и процеживается.[6]

Полученный сыр нису употреблялся в свежем виде, а также хранился впрок в больших сумах в просоленной сыворотке. Сыр, полученный из цельного молока, багулалы обрабатывали двумя способами: сырные круги чIантур помещают в большие деревянные сосуды с крепко соленой сывороткой и наглухо закрывают, или подвешивают к потолку галереи в плетеных корзинах, где сыр сушится. У аварцев в прошлом существовала своеобразная молочная «артель», принцип ее был таков: каждый день хозяйки вечерний удой отдавали одной из участниц «артели» по очереди. При этом в «артель» объединялись незажиточные дома, с равным количеством коров. Принесенное молоко не измерялось, вследствие чего все хозяева получали равное количество молочных продуктов. Хозяйства, входящие в «артель», как правило не были связаны родством или соседством по кварталу. В больших селениях, правда, иногда соблюдался соседский принцип объединения, но из чисто территориального удобства. Эти «артели» возникали вследствие низких удоев в горах. Перерабатывать небольшое количество молока каждый день нельзя; скапливать его невозможно, оно быстро скисало, особенно летом, т. к. аварцы молоко не кипятили.

Масло аварцы изготовляли двумя способами. В первом случае молоко заквашивалось без добавления закваски в глиняной посуде, затем снимались сливки, которые сбивали в котле или другой глубокой посуде при помощи ложки. У дидойцев ложку заменяла небольшая палочка меш с небольшим хохолком из ровно подрезанных веточек. Другой способ менее совершенный, хотя может быть более древний и более распространенный — это изготовление масла в специальных сосудах-маслобойках дад (аварск.). Молоко заквашивалось без квасящих веществ и сбивалось без отделения сливок. Сбивали масло женщины под навесом на солнце или у горящего камина путем равномерного покачивания сосуда. Преимущество этого способа в том, что им можно добыть большее количество масла, хотя это долгое и утомительное занятие. Этот способ приготовления масла известен в Закавказье. На Северном Кавказе масло изготовляют непосредственно из сметаны,[7] но в Аварии в свое время готовили масло главным образом из кислого молока.

Если молочная пища преобладала летом, когда доили коров, а зимой в большинстве употреблялись молочные продукты в виде сыра и т. п., то мясо главным образом употреблялось в конце лета и осенью до перегона овец на зимние пастбища в свежем виде, и зимою в сушеном.

---

6 Впервые специальная посуда для обработки молочных продуктов встречается в поселениях эпохи энеолита. Р. М. Мунчаев. древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1961, стр. 94. В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД, т. I, Махачкала, 1959, стр. 129.

7 А. Калантар. Молочное хозяйство на Кавказе. «Кавказское сельское хозяйство». № 400, 1901, стр. 584.

Мясная пища преобладала у жителей высокогорий магIарулал и меньше употреблялась в обществах с садоводческо-земледельческим направлением хозяйства — у хьиндалял. Это распределение, как мы имели возможность заметить, главным образом было вертикально зональным, т. е. в одних и тех же обществах или этнических группах, расселенных одновременно и в долинах и в высокогорных зонах мы обнаруживаем резкое расхождение в употреблении мясных продуктов. Кроме того, существовало явное преобладание мясных изделий в рационе питания населения западного Дагестана в целом, — у дидойцев, багулал, аварцев Тляратинского и Гумбетовского районов. В центральной Аварии с хорошо развитым земледельческо-садоводческим типом хозяйства мясо употреблялось меньше. И, наконец, чем дальше мы двигаемся из центральной Аварии вглубь Западного Дагестана (вверх по течениям Аварского и Андийского Койсу), тем большую долю в рационе питания занимает мясо, что в целом продиктовано соответствующей унификацией типа хозяйства. Большое разнообразие в типах хозяйства подтверждается правда в довольно утрированном виде, в сообщении И. Г. Гербера еще в начале XVIII столетия: «...И поныне уезды не все равны, и по ситуации земля разная в оных имеется, того, чего ради обитатели не ровные промыслы имеют, некоторые имеют пашни, виноградные и другие сады, а иные мало хлеба имеют, а иные не ведают, что хлеб есть, и питаются одной скотиной»,[8] — пишет он, характеризуя общества западной Аварии.

Аварцы, как и другие народности Дагестана в пищу употребляли мясо главным образом домашних животных: баранину, говядину, птицу и как все народы, исповедовавшие ислам, не употребляли свинину. Однако до распространения ислама аварцы разводили свиней и употребляли свинину, о чем свидетельствуют многочисленные остеологические данные, обнаруженные в археологических памятниках, освещающих различные периоды истории,[9] а также многочисленные легенды, предания и топонимические названия отдельных урочищ.[10]

Конину аварцы употребляли в очень ограниченном количестве. По мнению К. Н. Золотова, конину аварцы перестали употреблять в пищу, начиная с V—VIII вв. до нашей эры, потому что ею стали «больше дорожить»[11] — это очень ценное наблюдение, сделанное по остеологическим данным, подтверждается полевыми материалами. Лошадь в Аварии на самом деле закалывали только в случае болезни или несчастного случая с ней. По нашим данным, только собственно андийцы и дидойцы специально закалывали лошадей на мясо: близость хороших летних пастбищ позволяла им

[8] И. Г. Гербер. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. ЦГА ДАССР ф. Ермоловых; д. 315, лл. 6—7.

[9] См. К. Н. Золотов. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности (по остеологическим данным) МАД, М., II, 1961, стр. 288—289.

[10] Напр. Урочище ХунтIиру у андийцев. От анд. ХунтIа — (свинья).

[11] К. Н. Золотов. Роль охоты... стр. 290.

разводить лошадей в значительном количестве.[12] Из дичи в пищу употребляли мясо безоарового козла, зайца, тура. По преданию, в лечебных целях употребляли правый бок лисицы.[13]

В древности в пищу шли все виды животных (III—I тысячелетий до нашей эры),[14] впоследствии с падением значения охоты и возрастанием роли домашних животных круг употребляемой в пищу дичи сузился. Рыболовство[15] в Аварии не было развито, несмотря на то, что в реках, протекающих через Аварию, водилась рыба.

Мясные продукты употребляли в свежем виде и заготавливались впрок. Заготовкой мяса впрок занимались во всех высокогорных обществах Дагестана[16] и методы высушивания везде были одинаковы. Тушу разделывали сразу же после закалывания. Все операции по разделке туши не сложны, и рассчитаны на возможно тонкую разделку отдельных частей, чтобы они своевременно и хорошо просушились. Сушили мясо в тени на сквозняке. Наибольший эффект достигался, если воздух не влажен и прохладен. Перед сушкой мясо замачивали в рассоле или просто посыпали солью. Копчение мяса, так широко распространенное у кочевых народов,[17] аварцы не практиковали. Распространено было изготовление колбасных изделий и заготовка их на зиму. Для этого тщательно промытые в проточной воде кишки начиняли мясным фаршем. Фарш изготовляли из лучших кусков мяса, мелко изрубленных острым топориком в деревянном довольно плоском тазике или своеобразном корыте раса или же на подходящей подставке не специального назначения. В фарш добавляли подбрюшное нутряное сало тIатIи, тмин, барбарис, сушеную мяту. Готовую колбасу (бакь — букв. кишка) высушивали, как мясо в тени в прохладные сухие осенние дни. В Гидатле мясо иногда варили минут 15 и затем рубили, начиняли и готовили колбасу, которую также высушивали. Копчение колбасных изделий аварцы не практиковали. Сухой и прохладный воздух высокогорной Аварии прекрасно высушивал мясо и мясные изделия не только осенью, но даже в летнее время. Сушеная колбаса калорийна, ароматна и приятна на вкус.

[12] Напр., если в аварском округе в 1912 году на 27 человек приходилось по одной лошади, то в андийском округе на каждые 13 человек по лошади, т. е. почти в два раза больше (пересчет наш). Кавказский календарь, Тифлис, стр. 174.

[13] Весьма интересное обстоятельство, видимо, связанное с древним запретом есть почитаемое животное.

[14] К. Н. Золотов. Роль охоты..., стр. 290.

[15] Промысел издавна развитый у приморских дагестанцев. См. напр., А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб, 1906, стр. 448.

[16] Горцы на всем Кавказе заготавливают мясо в основном путем просушивания.

[17] См. напр., Л. П. Потопов. Пища алтайцев. Сборник музея антропологии и этнографии XIV, М.—Л., 1953, стр. 56—57.

2. ОСНОВНЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ АВАРСКИЕ БЛЮДА И СПОСОБЫ ИХ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Кухня аварцев отличается большим разнообразием блюд, многие из которых не имеют распространения даже в пределах самой Аварии. Пища аварцев довольно ясно указывает на земледельческую направленность хозяйства Аварии. Об этом свидетельствует обязательное наличие в ежедневном рационе питания горцев мучных изделий независимо от молочных и мясных блюд, а также данные языка. Больше того, сравнительный анализ некоторых названий пищи аварцев дает основание предположить, что в древней экономике горцев основную роль играло земледелие. Так, понятие «еда» у аварцев включает только мучную пищу, а мясо-молочная пища имеет свое особое собирательное название («данде жо»), которое переводится как «что с чем едят». Другими словами, пища как таковая — это хлеб, хинкал, каши, или даже просто вареные зерна — мугь, а мясомолочные продукты являются чем-то дополнительным, вроде приправы.[18] Если бы в те отдаленные времена, когда шло становление основного словарного фонда аварцев, в пище преобладали или господствовали продукты животноводства, следовало ожидать тождества слов «еда» и «мясо», а не так, как мы имеем в аварском языке. И на самом деле, у неземледельческих в прошлом народов понятие «еда» тождественно названию мяса или мясных блюд. Например, у туркмен понятие «еда» и собирательное название для мясомолочных продуктов произошло от корня «нахар» — еда, «нахар-ламмак» — мясо, сыр и др. продукты животноводства. У калмыков еда называется «хото», мясная пища также называется «хото», приглашение на обед у калмыков «мохна хото» переводится как садись кушать мясо,[19] тогда как у даргинцев приглашение к еде «къоцIли укас» буквально переводится как «иди есть хлеб». В рикванинском диалекте андийского языка сохранилось еще одно любопытное название еды: «мугьу» этим же словом и на аварском («мугь») и на андийском («мугьу») называют зерно. На рикванинском диалекте, соответственно, приглашение к обеду звучит «иди есть зерно». Указанные факты ни в коей мере не являются случайными и объясняются земледельческой направленностью древней экономики горцев; так же как термины, обозначающие пищу у неземледельческих в прошлом народов происходят от скотоводческой или охотничьей направленности хозяйства. Здесь же уместно заметить и другой интересный факт, говорящий о земледельческой направленности хозяйства у горцев в прошлом: все алкогольные напитки (за исключением фруктовых) аварцы приготовляли из злаков, и не имеют представления о молочных хмельных напитках, тогда как у скотоводов главный

[18] Это же явление наблюдаестя у других народов Дагестана. Так, даргинцы все немучные блюда называют общим собирательным словом («гIенки») от слова «гIяв — (уцес)» поддержать — а цудахарцы недвусмысленно: — баллихъала (от «валлихъала», что значит «попутчик»).

[19] Любезное сообщение У. Эрдниева, калмыкского этнографа.

вид напитка арака[20] изготовляют из молока. Эти соображения подтверждаются также новейшими достижениями археологической науки.[21]

Наиболее простейшим и, видимо, одним из древнейших блюд аварцев из земледельческих продуктов является чIер, представляющее из себя просто прожаренное в золе зерно в колосьях или на каменной плите в очищенном виде. В исследуемое время оно употреблялось преимущественно детьми во всех районах Дагестана. Особенно распространенное у всех народов Дагестана блюдо мугь (аварск.), гъуди (анд.), гьи (гидатлинское) — это простое отваренное очищенное зерно (пшеница, ячмень, кукуруза, или просто смесь всех перечисленных злаков). Его часто подают с фасолью и подливкой из жареного, разрезанного на мелкие куски курдюка или жирного сушеного мяса. Едят мугь преимуще-

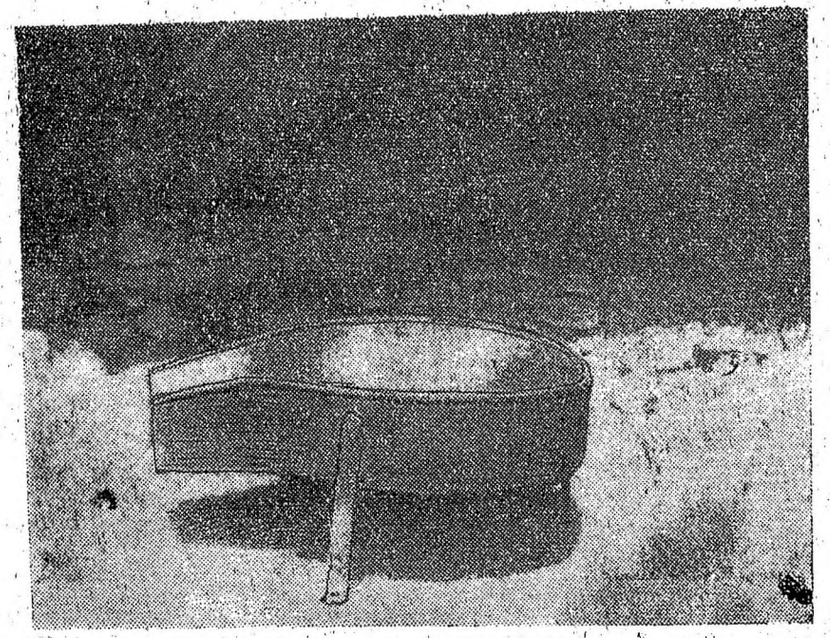

Рис. 69. Железная плита для подсушивания зерна — къоно.

ственно в «длинные» зимние вечера. Варят его в глиняных горшках, зарытых в горячую золу (с. Охли) или в печах для сушки зерна и выпечки хлеба. Мугь, сваренное в большом количестве у андийцев (с. Ашали) и у собственно аварцев (с. Охли) раздают участникам обряда вызова дождя, кое-где (с. Зило) оно является так же ритуальным блюдом во время праздника «первой борозды». У дидойцев каждую пятницу в качестве религиозной благотворительной пищи бедным раздавали тот же мугь (кIекIе —

[20] Л. П. Потапов. Указ. работа, стр. 44.

[21] В. Г. Котович. Указ. раб., стр. 282.

дид.). Это блюдо, видимо, восходит ко времени перехода к вареной пище, в чем нас убеждают простота его приготовления и место в древних языческих обрядах. Способ варки мугьа в глиняных сосудах несомненно является реликтовым и, видимо, был самым первоначальным. Эти два блюда (жареное и вареное зерно) по всей вероятности возникли еще до появления зернотерок для размола и растирания зерна. Но и после перехода к мучной пище, что несомненно явилось прогрессивным моментом в освоении продуктов питания человеком, чIер и мугь, продолжали готовить не только по традиции, но, видимо, и потому, что зернотерки[22] до появления ручных и водяных мельниц не могли полностью удовлетворить потребность в размолотом зерне.

Из мучных блюд в первую очередь необходимо отметить тIех (толокно). Его готовят таким образом: зерно жарят, а затем измельчают и замешивают на воде или масле, а иногда употребляют просто в виде муки. TIех на топленом масле идет как приправа к всевозможным блюдам. Это блюдо употребляют главным образом у обществ высокогорий (магIарулал). У хьиндалял с садоводческим направлением хозяйства его делают из сушеных и слегка поджаренных фруктов, в частности из сушеной дикорастущей груши. Это очень вкусное блюдо высоко ценилось в горах. TIех — наиболее калорийное и удобное во всех случаях блюдо. Отправляющиеся в далекий путь чабаны на летних и зимних пастбищах на плоскость обязательно запаслись тIехом, который отлично хранится в любых условиях и легко употребим в пищу без специального приготовления на огне. Сушеный курдюк и тIех служил в прошлом постоянным провиантом горца во время военных экспедиций.

Происхождение тIех следует приурочить к энеолиту — ко времени появления и широкого распространения зернотерок. Вероятность данного предположения доказывается еще и тем, что в синхронное время в Дагестане уже встречаются печи для поджаривания зерна (Мекеги[23] Верхнегунибское поселение).[24] Этот обычай поджаривания зерна (за исключением пшеницы, ее сушат на солнце), в специальных печах для размола сохранился до сих пор. Таким образом, можно сделать заключение, что тIех является одним из самых ранних и первым этапом в освоении мучных блюд. Имеются также фольклорные сведения, говорящие о том, что жареное зерно чIер, затем растертое в муку тIех, служило первой ступенью в освоении мучных блюд. В одном аварском

[22] В Дагестане зернотерки найдены в энеолитических поселениях Великент, Мамай курган, Каякент и др. (Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. Москва, 1961, стр. 53) на плоскости и в Мекегинском поселении в горах (В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в Дагестане. «Уч. записки ИИЯЛ», т. IX, Махачкала, 1961, стр. 285). В Аварии наиболее ранние в Верхнегунибском поселении, МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 107, но этот хронологический рубеж бесспорно условен, ибо энеолитические поселения в Аварии не исследованы.

[23] В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии..., стр. 286.

[24] В. М. Котович. Указ. соч., стр. 93.

преданий упоминается о древних традициях жарения зерна у горцев в следующем контексте: «Ханы были глупые, жадные, завистливые и, когда у Лоли-хана стало так много зерна, что некуда было его девать, Арак-хан посоветовал пережарить его и сеять впредь только жареными семенами, чтобы жареный был и урожай. А когда у Арак-хана в свою очередь стало так много овец, что трудно стало их охранять, Лоли-хан посоветовал пережарить всех баранов, чтобы жареные рождались и ягнята. Так в Танусинских горах не стало ни овец, ни хлеба».[25] Здесь примечательна такая деталь— жареное зерно приравнивается по своей ценности к жареному мясу. Традиция поджаривания зерна, пришедшая из глубокого прошлого, явилась основанием для такой легенды.

Одним из наиболее самобытных и древних блюд аварцев является каша хIаччан-пуртIи, которую в исследуемое время готовили только в мечетях мутаалимы. Варили ее на воде в больших котлах из смеси муки всевозможных видов и сортов. При этом мутаалимы по очереди помешивали ее до тех пор, пока образовывалась сплошная, твердая масса, которую можно было палкой-мешалкой извлечь из котла единым куском. Подавали хIаччан-пуртIи на большом деревянном подносе, а по средине сооружали нечто вроде полного конуса — хъала (крепость), куда наливали масло, смешанное с хьоном (льняное, специально приготовленное масло). В обычных условиях в семьях эту кашу не варили.

Каши аварцы готовили из всевозможных сортов и видов муки на воде, на сыворотке, на молоке. Для этого засыпают просеянную через сито цIалкIо муку в кипящую жидкость, все время помешивая, чтобы не образовались комки. Для перемешивания каши у дидойцев существует специальный инструмент меш. Эти каши более или менее регулярно готовят в Дидо, а в центральных областях Аварии их готовят от случая к случаю, чаще для детей или беззубых стариков. Как лакомство готовят кашу на свежем молоке с подливой из сливочного масла, урбеча хьона и меда. В основном кашу готовят на воде, или на сыворотке. Особенно у бедных горцев. В обществах с земледельческо-садоводческим профилем хозяйства (с. Муни, Ашильта) готовились всевозможные каши на фруктовых соках. Особенно была распространена каша из сушеных

[25] А. Назаревич. В мире горской народной сказки. Махачкала, 1962, стр. 256. Любопытны имена ханов. «Лоли» — по-андийски, «Лал» — по-аварски означает обмолочение зерна молотильными досками. Отсюда становится ясно, что мы имеем дело в этом предании не с ханами, а с персонифицированными отраслями хозяйства — земледелием и скотоводством с традиционными противопоставлениями. В нашем случае не только имена ханов соответственно объясняются, но и сами богатства этих ханов соответствуют тем именам, которыми названы владетели (Лоли-хан — владетель полей. Арак-хан — владетель скота). В олицетворении зерна или скота нет ничего исключительного — множество земледельческих народов одухотворяли и персонифицировали зерно. В Перу-моис— в виде снопа облеченного в одежды, рис в Восточной Индии, в Индонезии, в Бирме, на Суматре, в Шотландии зерно персонифицировали как девственницу или старую жену; зерно — как мать и дочь у кельтов, в Древней Греции, у Тевтон, славян и т. п. см. F. E. Frazer. Colden Bough, London, стр. 412, 413, 415, 417.

абрикосов с добавлением необходимого количества муки или тIеха, называемая куракул карш или чаще бурада (с. Ашильта).

Широко известна в Аварии, особенно в высокогорных районах своеобразная каша тIигь из проросшего зерна ячменя или пшеницы. Предварительно зерно замачивали в теплой воде и оставляли в сосудах, закрыв шубой или чем-нибудь другим до тех пор, пока зерно не прорастало. Затем, проросшее зерно высушивали на солнце и мололи. Полученную муку замешивали в холодной воде и варили на медленном огне. Каша эта со своеобразным сладковатым привкусом была более едой на любителя, нежели повседневной и распространенной. Наличие этой каши в системе мучных блюд у земледельческого народа вполне естественно и объяснимо. Очень часто земледельцам приходилось сталкиваться с таким неизбежным фактом, как прорастание зерна, попавшего в неблагоприятные условия. Это и послужило появлению этого своеобразного блюда. Ниже в описании методов приготовления алкогольных напитков из злаков, мы увидим, что тIигь явилась непосредственной основой и предшественницей хмельных напитков, в частности, меда, широко распространенного у аварцев западного Дагестана.

Хинкалы. Это наиболее популярное и широко распространенное блюдо не только на Кавказе, но и за его пределами. При этом на Северном Кавказе почти повсеместно это блюдо встречается под этим же названием.[26] Хинкал множественное число от аварского хинкI, что свидетельствует о заимствовании этого термина другими народами у аварцев. Андийцы хинкал называют «къин нилол» от «къиннибул», что значит «зажатые», что и соответствует одному из моментов их приготовления. Хинкал в исследуемое время, во всех его вариантах являлся повседневной[27] пищей как зажиточных, так и бедных слоев населения. Кроме того, хинкал в любом его виде полностью заменял хлеб. Судя по этимологии названий хинкала, его роли в рационе питания и наличии в горах самых разнообразных видов его (что не наблюдается за пределами горной части Дагестана), можно сделать заключение, что это блюдо возникло в горных областях Дагестана, в частности, в Аварии.

Хинкал готовят из самых разнообразных видов и сортов муки: из просяной, ячменной, пшеничной, кукурузной, даже из молотых черных бобов (Хунзах), а в селении Муни из муки магара (ритуальная пища во время погребальных обрядов).

Хинкал обыкновенный (ГIадатиял хинкIал). Круто замешивают тесто из просеянной сквозь сито (цIалкIо) муки. Тесто не солят и никаких дополнительных приправ не используют (впрочем ныне иногда в тесто добавляют картофельное пюре, но это эпизодическое не традиционное явление). Затем отрывают от теста небольшие кусочки и придают им пальцами[28] дискообразную форму. Варят хинкал в кипящем бульоне или воде (в бедных семьях). Эти кусочки теста собственно и называются хинкалом, но этим термином принято также называть все блюдо в целом.

Хинкал подавали с различными мясо-молочными подливами, с собственным бульоном, который заправлялся чесноком и крошеным сыром, с сывороткой (летом в бедных семьях), с кипяченым или свежим молоком, с творогом или соленым сыром, разведенным на топленом масле, заправленным чесноком нисо-нах, с беруном[29] (андийцы), с урбечом, разведенном на топленом масле (нахда урбеч), и, конечно, с вареным мясом. Зимой хинкал подавали с жареным или сушеным мясом.

Широкое распространение, особенно на хунзахском плато (центральная Авария) имел хинкал из мучной смеси, около половины которой составляла мука из молотых черных бобов. Этот особо калорийный, больших размеров хинкал назывался гIатIал хинкIал.

Хинкал в бульоне (гIисин хинкIал) варят в бульоне или просто в воде. Из теста делают длинные полосы, которые затем раскатывают скалкой или разминают пальцами, и отрывают от них четырехугольные кусочки (приблизительно три на три сантиметра). Когда хинкал сварится, его подают в собственном бульоне, заправленном чесноком и подливкой из прожаренного курдюка или внутреннего сала къалия. Едят его неглубокими ложками бугьун. Этот хинкал готовят из любой муки, за исключением кукурузной. Мясо подают отдельно. Хинкал в бульоне в предгорных районах встречается реже.

Хинкал без бульона. Чаще встречается в предгорных районах. Его приготовляют вышеописанным методом, но подают отдельно, без бульона. Мясо также подается отдельно. Кумыки и предгорные аварцы едят его со сливками или кислым молоком, заправленным чесноком. В Анди этот же хинкал подается в глубокой тарелке, заправленный свежим сыром и сливочным маслом, это блюдо багулалы, чамалалы и дидойцы называют чеченским. ГIасин хинкIал из кукурузной муки имеет форму шариков, сдавленных пальцами посредине. У аварцев гIисин хинкIал называют также рижи хинкIал (Ругуджа), вероятно от ражи — чеснок — необходимого компонента.

Здесь же нужно отметить и нахулъ хинкIал. Этот хинкал подается без бульона, но в тесто добавляют молоко, сахар и соду. Его варят, а затем поджаривают на масле. Иногда вместо сахара употребляют мед. Сахар, видимо, стали употреблять позже, а раньше его готовили с медом. Этот хинкал готовят, как лакомство или путнику в дорогу. В Западной Аварии в таком виде хинкал

---

[26] Любезное сообщение Ш. И. Микаилова.

[27] Прежлаввский, живший в Аварии после многолетней разорительной Кавказской войны, находит, что лишь в исключительные дни готовили хинкIал (по его определению — «клецки из пшеничной муки на воде с курдючным салом и чесноком») см. П. Прежлавский. Дагестан, его нравы и обычаи. «Вестник Европы», т. III, С. П. 1867, стр. 117. С такой приправой, да еще пшеничные в то время могло не быть ежедневным достатком бедных семей, но хинкалы сами по себе готовили ежедневно, как раз в целях экономии муки.

[28] Размер одного хинкIала как правило не превышает русского пирожка.

[29] Заимствованное андийцами у чеченцев молочное блюдо. Рецепт приготовления см. Ал. Калантар. Указ. соч., стр. 584.

не встречается. В Анди его готовят из тех же продуктов, но не варят, а жарят на масле.

Хинкал с начинкой (ЦIурал хинкIал). Наиболее простейший — это хинкал типа вареников, начиненных необезжиренным сыром. Приготовляют его в тех районах, где главным образом изготовляют такой сыр (Дидо, Багвалалы). В центральной Аварии, в ее предгорных частях и собственно андийцы этот хинкал делают с начинкой из обезжиренного творога и сливочного масла. Это и понятно, ибо здесь необезжиренные сыры почти неизвестны. Как разновидность этого же хинкала можно упомянуть следующие виды:

ХIанзалъ хинкIал (андалальский говор), начиненный яйцами и луком, прожаренный на масле, размешанный в молоке. Тесто делают в виде мешочков и вливают в них начинку. Большее распространение имеет ханилъ хинкIал (андаляльск. говор), где хинкалы начинены яйцами с пережаренным луком без молока. В Андии они известны как кIоркIомади боцIибул. Из хинкалов типа пельменей в Аварии известны крупные хинкалы, начиненные фаршем из вареных внутренностей животных. Известны также более мелкие, отваренные, а затем слегка поджаренные на масле хинкалы. В Аварии очень часто готовят гIурчналъ хинкIал, начинка которого состоит из нутряного сала — тIатIи, яиц, творога и измельченной крапивы... Сюда же иногда кладут листья свеклы и прочую съедобную зелень.

Этот перечень основных видов 'хинкала' не полностью охватывает все их разнообразие, которое в основном зависит от родов муки, из которых они приготовлялись. Как уже отмечалось, место и роль хинкала в рационе пищи аварцев было очень большим. Хинкал по принципу его приготовления является продуктом дальнейшей эволюции блюд типа хIаччан-пуртI и других каш. Эта связь, которую довольно отчетливо можно проследить на принципах приготовления этих блюд подтверждается еще и лингвистическим материалом. Так каршом аварцы называют не только разнообразные каши, но и воду, где варился хинкал. А мясной бульон называют — «гьагIо».

Хлеб. В повседневном питании аварцев хлеб, как и хинкал, занимал исключительное место. В литературе кроме небольшой статьи И. Пантюхова, опубликованной в журнале «Кавказское сельское хозяйство», мы не находим сколько-нибудь подробного описания хлеба аварцев. Приведем это описание полностью, т. к. оно очень интересно в плане использования в пищу бобовых. Хлеб этот, видимо, очень древний и традиционный в горской народной кулинарии.

«В Аварском округе Дагестанской области хлеб, т. е. чуреки, пекут не из муки одного какого-либо крахмалистого растения, а из муки одного бобового, другого кукурузного, а третьего — злакового растения, самого важного из них и наиболее распространенного в горной Аварии на высоте 5—6000 (футов — А. М.) растения — это черные бобы. Зерна этих растений (бобов, кукурузы, ячменя и пшеницы — А. М.) смешиваются в разных пропорциях

и мелют на мельницах. В Хунзахе на мельнице, мелющей до 10 пудов в сутки, я видел перемалываемую смесь из почти равной части бобов, кукурузы и голого ячменя. Чуреки, выпекаемые из этой муки, величиной и формой похожи на чайное блюдечко, толщиной в вершок. Из этой же муки делается и хинкал — круглые шарики величиной в небольшое яблоко, вареные в воде с прибавлением жира и вяленой баранины.

Смесь этих хлебов содержит кроме крахмала, сравнительно много азотистых соединений и жиров, весьма питательна, но неудобноварима. Кроме этих растений к муке прибавляют иногда и чечевичную муку».[30]

Не случайно И. Пантюхов натолкнулся на описанный им хлеб именно в Хунзахе. Хунзахское плато и равные ему по высоте области Аварии имеют наиболее подходящие условия для разведения черных бобов,[31] которые в молотом виде шли в пищу. Смесь из разных видов злаков и сейчас употребляется багулалами, дидойцами и другими народностями, живущими в верховьях Андийского и Аварского Койсу. Хлеба из смеси муки разных злаков чаще всего употребляли в ритуальных целях, на свадьбах. Изготовление хлеба и других блюд из мучной смеси с бобовыми весьма распространено в Средней Азии у жителей гор. В этом отношении наиболее интересно наблюдение И. И. Зарубина относительно пищи горных таджиков: «Для приготовления пищи почти всегда употребляется смешанная мука, состоящая из нескольких сортов хлеба или из хлеба с горохом. Из этой смешанной муки изготовляются лапша, лепешки. Если провизии очень мало, то просто бросается в котел с водой горсть муки и полученная похлебка составляет очень часто единственную пищу у таджиков».[32] Нам думается, что это весьма старинный способ пользования земледельческими продуктами. Нам не раз приходилось наблюдать (в частности в с. Риквани) не только смесь муки из разных злаков, но и сами смешанные посевы. Не берясь интерпретировать этот факт в отношении его конкретного места в истории земледелия, отметим лишь его несомненную древность, возможно восходящую, когда еще люди не дифференцированно пользовались злаками.

Хлеб по-аварски называется чед,[33] этот же корень лежит в основе слова богатство бечелъи, словом «бечед» называли также

---

30 И. Пантюхов. Аварский хлеб. «Кавказское сельское хозяйство», 1901, стр. 180 и сл.

31 «В Гумбетовском наибстве делают из бобов муку, — пишет В. Кузьминский, посетивший Аварию во второй половине XIX века, — которую мешают пополам с пшеничной или кукурузной мукой». В. Кузьминский. Заметка об Андийском округе. Известия Кавказского отдела императорского русского географического общества, т. 4, № 3, 1880, стр. 295.

32 И. И. Зарубин. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Сб. МАЭ, т. V, вып. I, Петроград, 1918, стр. 107.

33 Любопытно, у имертин кукурузный хлеб также называется «чади» (во множественном числе аварского «чед» звучит «чадал» (см. И. Пантюхов. Шаорская котловина и ее окрестности ИКОИРГО, т. XII, вып. II, Тифлис, 1898, стр. 218).

верховного языческого бога.[34] На андийском языке слово «хлеб» («гъан») обозначает также понятие «кушать» (на ботлихском наречии андийского языка «гъанди»).

В Аварии пекут как пресный, так и кислый хлеб. Раньше кислый хлеб пекли большей частью в ритуальных целях (свадьба, похороны, народные праздники, а также как постоянную пищу для участников так называемых «гьоркьо-рукъ» — общих домов). А в повседневной жизни обходились пресным хлебом или хинкалом. Способ заквашивания теста был общераспространенным: тесто, замешанное на кислом молоке, ставили в теплое место и через определенное время оно закисало.

К первоначальному способу квашения почти не прибегали, т. к. хозяйка всегда старалась оставить кусочек закисшего теста, как закваску для следующего раза. Кроме того, в каком-либо доме обязательно имелся кусочек заквашенного теста, который охотно отдавали желающим заквасить тесто. Пресный хлеб пекли главным образом на очаге типа камина или раньше на открытом очаге, а заквашенный—в корах или в железных печах с духовкой. Хлеб в корах устанавливают вертикально внутренней раскаленной стене кора. Был известен и другой способ выпечки хлеба: брали тесто на большую сковороду, закрыв ее другой сковородой, зарывали в горящие угли и золу, так, чтобы жар сверху и снизу был одинаков.

В предгорной Аварии и Салатавии очень часто пекут кукурузный хлеб, начиненный нутряным салом тIатIибуссун мучари. Аварки умели печь пироги со всевозможными начинками. Для этого иногда тесто замешивалось на кислом молоке. Из теста на кислом молоке без начинки пекли хлеб бетарахьда мучари. Сверху праздничного хлебца качIак (с. Кулицма) укладывали сладости, в частности, бахъухъом[35] и выпекали вместе с ними. Пекли также вкусный и калорийный хлебец хъиртида мучари, тесто для которого месят на смеси воды с остатками от перетопленного сливочного масла. Большое распространение имели пироги цIураб чед, как правило, начиненные разнообразными сырами. Аварцы андаляльского общества цIураб чед называют гергу, а в некоторых районах — буршина. Буршина — пирог, имеющий форму сегмента, начинялся сыром или смесью творога со сливочным маслом. В отдельных районах Аварии пекут хлеба больших размеров (5—6 кг, с. Куяда), начиненные кусками мяса, картофельным пюре на сыре. В тесто добавляют тмин и лук, сверху обмазывают яйцом. Этот хлеб чаще пекут в ритуальных целях, нежели повседневно. Из ритуальных хлебов необходимо отметить также хлеб — гор, испеченный в виде большого калача из пресного теста, начиненного черными бобами (Ругуджа), вареными яйцами (с. Зило, андийцы). Его вручают победителю в соревнованиях во время земледельческого праздника. Такие же хлебы — круги, но меньше размером, вешали на рога быков первой запряжки. Пекут хлеба-круги и в качестве подарка детям родственников засватанной девушки (с. Ругуджа). Эти круги, несомненно, имели символическое значение и были конкретным выражением верований астрального толка. В этом убеждает не только форма этих хлебов, но самый дух земледельческого праздника, где символ солнца неизбежен.

Для детей к праздникам пекли хлебцы в виде человеческих фигурок ясикIо (аварск.), что переводится как «девушка, женщина». У багвалал существовало даже собственное имя ясикIо — Сагибат. Вероятно, эта традиция в свое время выражала олицетворение зерна, о чем свидетельствуют не только формы хлебцов, но и их название. Аналогичные верования были широко распространены у множества земледельческих народов. Даже известные образы древнегреческих Деметры и Персофоны были и дальнейшим развитием представлений греков о зерне, которые персонифицировали урожай, зерно, как девушку или женщину.[36] В лечебно-магических целях пекли также миниатюрные хлебцы, которые женщины относили ночью в глубокое ущелье, чтобы умилостивить шайтанов, которыми, якобы, изобилуют эти ущелья.

Пекли в Аварии разновидность хлеба-лепешки панкъ. Эти лепешки готовились из пресной муки без всякой начинки, вместо хлеба, а также в ритуальных целях в Анди — тонкие, обмазанные маслом или жиром. Лепешки, начиненные творогом и обмазанные с обеих сторон сливочным маслом, назывались в Аварии «цIурачадал» или «нахударахъал». Пекли цIурачадал на сланцевой плите или на чугунной сковороде. В с. Ашали, Зило, Анди цIурачадал были традиционным блюдом в праздник Ураза-байрам, тогда как в сел. Гагатль в этот день подавали мясо с хорошим кислым хлебом, т. е. то же, что в некоторых селах подавали на праздниках, свадьбах, на празднике первой борозды, похоронах и т. д. Во многих районах Аварии (предгорья и некоторые ее центральные области) эти лепешки обильно сдабриваются сливочным маслом, обсыпаются тIехом.

Очень часто весной аварки готовят цIурачадал с начинкой из смеси рубленой крапивы и творога. В высокогорных районах употребляли всевозможные дикорастущие ягоды и травы с целью витаминизации пищи. У дидойцев существовала специальная похлебка из сваренных на молоке или на воде растений, в частности крапивы. Кроме того, в горах употребляют тмин, мяту; довольно часто готовили чай из череды ажадар (анд.) и шиповника гьинъалол (анд.).

И, наконец, из этой серии хлебных продуктов необходимо отметить хъухъан чадал (блины). Для их приготовления замешивают жидкое тесто на кислом молоке (в некоторых обществах добавляют яйца) и деревянной большой ложкой разливают его на горячую сковороду, предварительно смазанную жиром или мас-

---

[34] Об этом свидетельствует последующее синкритическое употребление этого имени наряду с именем Адлаха.

[35] Род халвы. Описание особо.

[36] F. E. Frazer. Там же, стр. 417.

лом. Подают их с подливкой из сливочного масла и урбеча, а местами с медом, разведенным в воде.[37]

Мясные блюда. Простейшим распространенным в горной части Аварии, а также у других народов Дагестана блюдом является жареное мясо, прообраз шашлыка. Употребление жареного мяса, шашлыка широко распространено у многих народов. Чабаны иногда запекали тушу барана целиком, для этого освежеванного барана заворачивают в его же шкуру и зарывают в раскаленную яму, где сжигалось удобрение. В тушу вставляли камыш, тщательно обложенный свежим дерном, чтобы он не сгорел. Камыш вставляли для того, чтобы из туши выходил нагретый воздух, иначе она может взорваться. Мясо, приготовленное таким образом, исключительно нежно и вкусно.

Этот метод приготовления мяса, видимо, довольно древний, о чем свидетельствуют высказывания многих исследователей. Из более распространенных чисто мясных блюд можно назвать «хвата» — колбаса из ливера, также жареные или вареные различные другие колбасные изделия, просушенные задолго до употребления.

Любопытно, что у калмыков всякая пища, в том числе мясная, называется так же хото (у андийцев это блюдо так и называется хото), что дает достаточное основание предположить о возможном заимствовании этого блюда народами Дагестана у кочевых народов, главной и основной пищей которых было мясо, что соответствовало животноводческому направлению их хозяйства. Имеет распространение также мясное блюдо салиса, сходное с хвата, но здесь начинка состоит из нутряного сала (у кумыков согъта). Любопытно отметить своеобразный способ заготовки мясного фарша впрок. Для этой цели измельчают говядину (на Хунзахском плато требуху) и полученную массу кладут в большую глиняную или деревянную посуду; затем заливают этот фарш бульоном и уксусом из овечьей сыворотки. Такой фарш («кьус») долго и хорошо сохраняется. Если мясо нарезано крупными кусками — его достают и жарят на палочках на углях. Прожаренное таким образом кьус почти ничем не отличается от шашлыка. В центральной Аварии приготовляют вкусную и сытную колбасу из рубленой печени с нутряным салом, приправленных перцем, луком, тмином, рисом и даже картофелем. Фаршем наполняют жирную кишку и варят в свежем виде. По употреблению мяса как самостоятельного блюда, было доступно не многим, потому его употребляли главным образом с мучными изделиями.

Подводя итоги сказанному о мучных и мясных блюдах, необходимо отметить следующее:

1. Хлеб из мучной смеси (у багвалов, у дидойцев, а по свидетельству И. Пантюхова и В. Кузьминского в некоторых обществах центральной Аварии) и из муки одного злака (за исключением

[37] Это блюдо широко распространено в Передней Азии и имеет аналогии в деталях. См. М. С. Андреев и А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. «Сборник музея по антропологии и этнографии», вып. IX, СПб, 1911, стр. 31.

кукурузы) был обязательным блюдом во всех ритуальных празднествах, а также при отправлении погребальных и других обрядов и, следовательно, является наиболее древним и самобытным блюдом Аварии. Так как мы из сравнительной этнографии знаем, что в обрядовых целях едят те блюда, которые наиболее самобытны и древни, и порою настолько архаичны, что, будучи изжитыми временем, вышли из употребления, обрели функции чисто ритуальные. То, что хлеб из кукурузы, проникшей в горы значительно позже, не пекут в обрядовых целях, несмотря на его широкое распространение в исследуемый период, лишний раз подтверждает это положение.

2. Хинкал не подают в ритуальных празднествах за исключением (пока нам известно) с. Муни,[38] где готовят хинкал из могара (гвенега аварск. гурон — анд.). Он в рассматриваемое время являлся повседневной и наиболее распространенной пищей, особенно у беднейших слоев населения.

Можно предположить, что хинкал в горах появился позже, как результат острого малоземелья, как блюдо необходимое с целью экономии муки. Не случайно — у мунинцев хинкал служит погребальной пищей. У них огромный земельный голод и, следовательно, стремление к экономии муки у них было выражено наиболее ярко. XIX век для Аварии был тяжелым и разорительным в результате беспрерывных войн и у аварцев, особенно бедняков, получил широкое повсеместное распространение хинкал, как экономящее муку средство. И на самом деле, если из одного сахIа (четверть мерки) муки можно было сварить пять, а то и шесть раз хинкал для семьи, скажем из 3—4-х человек, то хлеб из этого же количества муки мог быть выпечен лишь на один день. Таким образом, возникновение и распространение хинкала в условиях низкой урожайности или малоземелья лишний раз подтверждает наш общий вывод о большой значимости продуктов земледелия для горцев. С другой стороны, об этом же свидетельствуют комбинированные мучные и мясные блюда, которые с большим правом могут быть названы мучными нежели мясными.

Супы. В традиционной аварской кулинарии супов не много. За исключением супа чурпа они могут быть названы скорее похлебками ххулебжо. Суп чурпа варят с мясом, картофелем и фасолью. Ныне добавляют томаты. Распространена была похлебка с мелкими кусочками теста ражихинкал, наподобие лапши. Аварки (особенно для больных) готовили похлебку шванкарш. Для этой цели круто замешанное тесто из пшеничной муки растирали ладонями и полученную массу сыпали в кипящую воду. Готовую похлебку заправляли всевозможными подливками. Мясной бульон из-под хинкала с добавлением молока и чесночной подливки также употребляли в качестве супа. Очень часто дидойцы и багвалалы готовили похлебку из молока и рубленой крапивы.

Из сладостей наиболее распространены у аварцев урба. Это

[38] С. Муни расположено в глубоком ущелье из черных бесплодных сланцевых обнажений.

глубоко традиционное блюдо. Его делают из семян льна. Семена слегка поджаривают и мелют на специально для того подготовленных мельницах. Полученная вязкая черная масса смешивается с маслом и, если есть возможность, с медом. Полученный высококалорийный и вкусный урба подогревают и едят с кашами, хинкалом и т. д. В горно-долинных зонах с садоводческой направленностью урба получают из абрикосовых косточек, а также из горьких косточек кураги, которые предварительно варят, затем поджаривают. Урба изготовляют также из грецких орехов. Из сладостей следует отметить бахъухъ — род халвы. Готовят ее из пшеничной муки на масле и меде. Подают ее к праздничному столу и детям в первую пятницу после похорон. Для торжественных случаев, в праздники аварки приготовляли грецкие орехи на меде и поджаренные семена конопли на меде натIухI и всевозможные сиропы из фруктов «жудул гьоцIцIо» — из винограда, тутовый мед, абрикосовый, свекличный, даже из эндемичного сорта моркови.

В центральной Аварии делают урхъаал чу, нечто вроде сладких леденцов из меда, прокипяченного на масле и пахлаву — слоеный пирог с ореховой начинкой, проникшие сюда, видимо, в средневековье из Персии или Азербайджана.

Напитки. Из напитков следует прежде всего отметить чIачIи и мед. Вина в XIX в. почти не изготовлялись в связи с усилившимся влиянием духовенства, связанным с Кавказской войной.

Мед — это слабый хлебный напиток, который раньше, как рассказывают старики, готовился в лечебных целях. Для приготовления мела берут ячмень, смачивают его в воде и кладут в теплое место, чтобы зерно проросло. Затем его сушат и мелют на водяных мельницах (или на ручных жерновах). Муку смешивают с водой в пропорциях $^1/_3$ (на одну мерку муки три мерки воды) и эту смесь кипятят в большом котле хьа (багвалал). Затем с помощью специального устройства из полученной массы отжимают сок. С этой целью на веревке подвешивают мешок из грубо сотканного сугъура с продетой палкой. Палку вращают, и она постепенно скручивает мешок, сквозь ткань которого вытекает сок. Одновременно мешок сдавливают специальным деревянным зажимом. Сок получается немного сладковатый, в него добавляют немного хмеля «хамалов» (в пропорциях приблизительно $^1/_{30}$) и снова кипятят. Затем его наливают в гьандагьа (выдолбленный ствол дерева, приспособленный под тару) и оставляют для брожения. Когда сок выбродит, его наливают в глиняные хумы parI и оставляют на 1—2 суток при температуре 18—20°. Напиток готов. Как отмечалось раньше, его готовили лишь в лечебных целях. Значительно больше был распространен другой хлебный, более крепкий напиток чIагIа. Для приготовления его пекут хлеба из теста на дрожжах, затем размачивают этот хлеб в воде и процеживают тем же способом, что и мед, добавляют тIех (мука из жареного зерна) и муку из проросшего зерна — тIигь. Эта смесь бродит недели две. Затем ее опять процеживат в parI. Напиток получается крепкий и приятный на вкус. В аварских районах, прилегающих к Кахетии,

пили грузинскую чачу или вина, которые, впрочем, проникали и за пределы Цунтинского и Тляратинского районов.

Способ приготовления меда частично совпадает со способом приготовления кашки тIигалъул карш, но более современный и сложный. Отсюда напрашивается вывод, что и сам мед — продукт дальнейшего развития блюда тIигьалъул карш и является очень древним и глубоко традиционным напитком. С другой стороны, как мы уже отмечали, наличие хлебных хмельных напитков еще раз подтверждает мнение о земледельческой направленности древней экономики Аварии.

3. КУХНЯ, ПОСУДА И УТВАРЬ

Очаги. Как было сказано выше,[39] аварцы как и многие другие народности Дагестана и Кавказа первоначально пользовались открытыми очагами, расположенными посредине комнаты у центрального столба кьолбол хIуби. Открытые очаги у дидойцев и отдельных семей багвалал, чамалал, тиндин, аварцев Тляратинского и Кахибского района сохранились до позднего времени. Притом у дидойцев они бытовали вилоть до 1947 года. У андийцев, ботлихцев и собственно аварцев центральных районов открытые очаги, как свидетельствуют полевые материалы, были вытеснены задолго до XIX века. Пищу аварки готовили в котлах махи, подвешанных над очагом на надочажной цепи. Затем с развитием очага и системы отопления пищу стали готовить в пристенных очагах, каминах.

В исследуемый период с усилением связи Дагестана и появлением в горах железных печей «буржуек» (их вскоре стали изготовлять сами аварцы), пищу в горах и предгорье стали готовить на этих железных печах с духовками, особенно там, где имелось в достаточном количестве топливо. Они существовали одновременно в предгорных районах и в Салатавии с каменными печами корами, которые были удобны и для приготовления пищи, и для сушки зерна и т. д., но опять-таки требовали много топлива. Кор в той конструктивной законченности, в какой она функционирует в XIX в., имеет аналогии у кумыков, а в районах западного Дагестана — в Чечне.

В Аварии, как было сказано выше, выработался также другой вид кора — хIо для выпечки хлеба и одновременно сушки зерна. А перекрытие такой хIо служит плитой для приготовления пищи. И, наконец, чтобы закончить обзор очага, как кухни, заметим, что отдельного кухонного помещения у аварцев в прошлом не было, а ныне аварцы строят специальные кухни, но с наступлением зимы кухня перемещается в жилую комнату из-за недостатка топлива. Все чаще аварцы в летнее время пользуются примусами, керогазами и т. п.

---

[39] См. раздел «Жилище».

Народная кухонная утварь аварцев в XIX в. почти не отличалась от утвари, распространенной у всех горцев Дагестана. Обязательной принадлежностью каждой кухни в Аварии являются:

1. Вытянутое четырехугольное деревянное корыто раса[40] для замешивания теста. В нем же подавали пищу во время праздников у багулал и дидойцев. В центральной Аварии расу снабжали ножками, а внешнюю поверхность орнаментировали голубой краской в традиционном стиле. Раса входил в приданое девушки, а вывешенное на стене служило украшением комнаты. Впрочем эту роль выполняла и другая посуда.

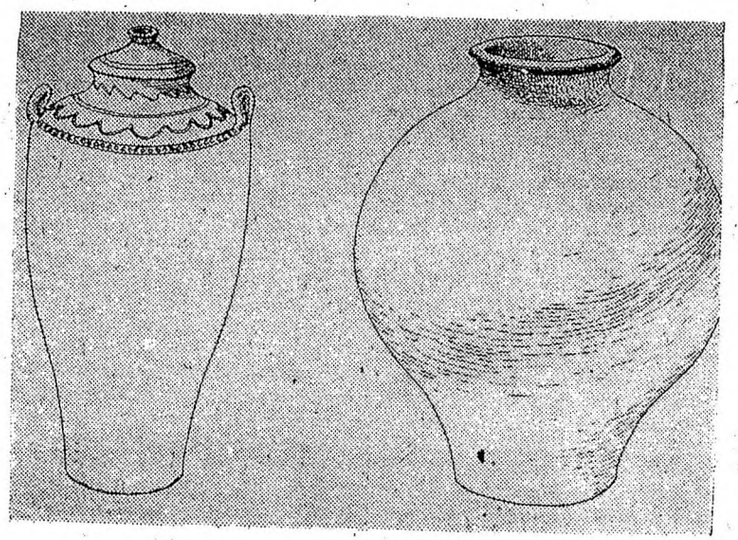

Рис. 70. Глиняная посуда.

Медный или чугунный котел хьаг разнообразной величины для варки всевозможной еды. Формы хьаг довольно унифицированы. Преобладали круглодонные для привешивания на очажной цепи и с широким плоским дном в виде усеченного конуса, которые ставятся на очажную подставку. Но и к последним, как правило, приделаны приспособления для подвешивания их на очажную цепь. С тех пор, как в быт аварцев вошла печь с плитой, приспособленная для котлов различной величины, плоскодонные котлы стали практиковать лишь специально, эпизодически, а в быт прочно вошли котлы с узким и слегка вытянутым дном по образцу фабричных. Ныне все больше практикуются кастрюли фабричного изготовления.

Жаровня къоно, само название которой обозначает каменную плиту и говорит о ее генетических корнях. И поныне в Гидатле, Дидо и местами в центральной Аварии можно встретить употребление сланцевой или песчаной тонкой плиты в качестве жаровни. На них аварки пекут всевозможные мучные изделия и считают, что изделия, испеченные на них, вкусней, чем на чугунной плите или сковороде. В настоящее время эти плиты сменили сковороды разных размеров, глубокие и с ручками, называемые ялгъов[41] (как у кумыков, откуда, видимо, они и заимствованы). Андийцы широкую сковороду называют также зайдан, являющийся, видимо, местным названием. Для выпечки лепешек зайданы и къоно иногда заменяются обыкновенной плитой железной печи, которую предварительно смазывают жиром и луком.

Гел — ковш, черпалка. Это большая, глубокая деревянная ложка, иногда служила половником, встречаются экземпляры с красиво орнаментированными и вырезанными ручками.

Дуршлаг хинкIбахъ[42] служил для доставания хинкала из бульона, о чем свидетельствует само название. Употребляют его так же для отделения творожной массы от сыворотки.

Рис. 71. Сосуд для сбивания масла — дад.

Ложки и вилки — гъуда-гIучIал. Ложки и вилки в Аварии исследуемого периода употребляли деревянные. Притом ложки по своей форме делятся на два вида, с более глубоко выдолбленным ковшиком гъуд[1] (аварск.) Джинна — (анд.): и с плоским ковшиком бугьун (аварск.) арком (анд.).

Деревянный поднос для подачи пищи хIеч. Некоторые подносы имеют специальные приспособления в центре для чесночной подливы или другой приправы—«данде жо».

Глиняные или деревянные миски гъадаро распространены по всей Аварии, самых разнообразных величин и форм, сравнительное изучение которых с привлечением археологических данных представляется специальной темой.[43]

Эта посуда, по всей вероятности, является наиболее древней и самобытной частью кухонной утвари. Аварское жилище украшалось также многочисленной медной посудой самого разнообразного назначения и формы. Это различные тазы, подносы, котлы, кувшины для воды и своеобразные горшочки для хранения

---

[40] «Р а с а» — анд. «ирса», омонимы «раса» — «ирса» — лодка.

[41] Так же они называются у даргинцев см. Пашаева. Пища даргинцев в XIX—XX вв. 1961—1962, рукопись, л. 20.

[42] Буквально: «доставать из бульона хинкал».

[43] Первый шаг в этом отношении, сделанный А. А. Миллером, оказался исключительно благотворным. См. А. А. Миллер. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана. Материалы по этнографии России, т. IV, вып. I, Ленинград, 1927.

молочных продуктов. Некоторая посуда была богата украшением и имела большую художественную ценность. В основном медную посуду изготовляли местные мастера «Пахьул устар»,[44] которыми славились некоторые села (например, с. Ичичали). Добротную медную посуду приобретали также аварцы и у кубачинцев. Большое количество разнообразной посуды в рассматриваемое время, очевидно, является поздним наслоением, отражающим уровень культуры народа, степень общего благосостояния и имущественную дифференциацию. На самом деле, у аварской феодальной знати, а также у знати, возвысившейся и разбогатевшей во второй половине XIX столетия в результате службы царскому правительству и т. д. встречались богатейшие наборы персидской, китайской и европейской посуды, роскошные фаянсовые, золотые, серебряные приборы и т. п. У основной части населения преобладала глиняная, медная и деревянная утварь, к которой аварцы добавляли покупную посуду рядового фабричного изготовления (тазы, тарелки, самовары и др.), которые большей частью служили украшением комнаты, нежели прямому их назначению.

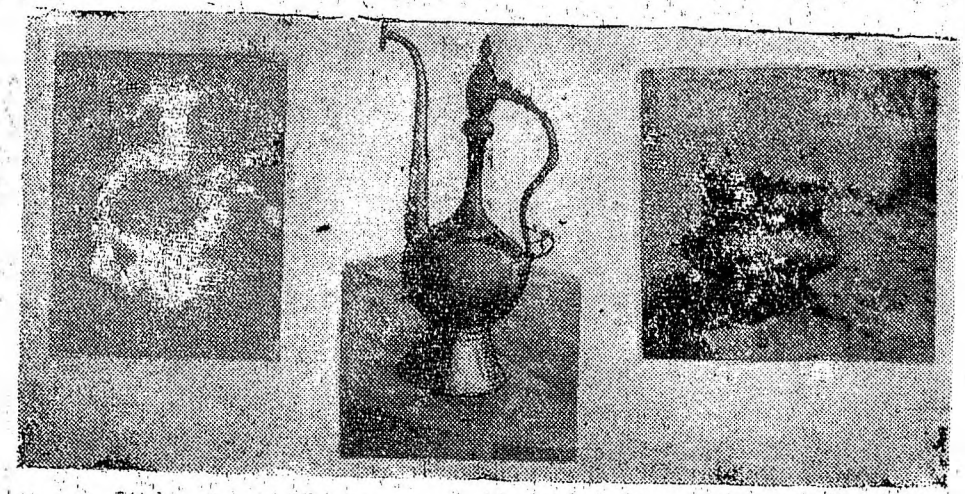

Рис. 72. Медная посуда.

Быт вследствие его консервативности и поныне носит печать прошлых столетий. Для аварца недостаточно иметь лишь возможность приобрести ту или иную вещь, а необходимо, чтобы она более или менее вошла в быт и стала известной традицией. Поэтому, любая вещь, которая проникает в быт населения, проходит большую проверку ее практичности или декоративных качеств. Впрочем, степень последних определяется чисто национальными эстетическими воззрениями.

[44] «Пахьул устар» или «гьалайчи» — мастера по изделиям из меди.

* * *

Современная пища аварцев в основном остается традиционной. Из вышедших из употребления, надо отметить хлеба, приготовленные из просяной муки. Теперь у аварцев отпала необходимость обращаться к просу, так как зерновая проблема решена. Если в прошлом, в большинстве случаев многие вкусные блюда для основной массы населения, были скорее праздничной, нежели повседневной пищей, если раньше лишь обеспеченные семьи составляли ежедневное меню по выбору и вкусу, то теперь рост благосостояния народа способствует тому, что ранее праздничная пища становится повседневной. Состав блюд также значительно обогатился, благодаря проникновению сюда русской кухни.

При этом встречаются любопытные синкритические явления, благодаря которым сложились новые блюда с новыми качествами. Так, наряду с мучными, каши стали готовить из всевозможных круп, которыми снабжают село торговые организации. Приправляют эти каши урбечом на масле и меде. Хинкал подают со смеляной, приправленной чесноком. Общераспространенные на Кавказе долма, бурчак-шурпа, пити, кюрзе и др. все больше и больше проникают в кухню аварцев.

Теперь в Аварии очень часто готовят щи, борщи, котлеты, рагу и т. д. Они проникают в горы в основном через предприятия общественного питания.

Несомненно также и обратное влияние горской кулинарии на кухню соседних народов. В этом отношении любопытно отметить заимствование кавказской кулинарией мелкого хинкала в бульоне с мясом, и без бульона. Находит себе признание так называемая «дагестанская колбаса», которая изготовляется на мясокомбинатах по рецептам горской кулинарии. Нет сомнения, что такие блюда, как нахударахъал, всевозможные вареники, приготовленные по оригинальным национальным рецептам, также найдут себе место в общей кулинарии. Таким путем происходит взаимообогащение национальной аварской кухни, русской и кухни других народов нашей страны, что является частью общего культурного прогресса народа.

В пище аварцев нашли отражение культурно-экономические связи аварцев с соседними народами, рост благосостояния населения за годы Советской власти.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

Анализ происхождения, состава и терминологии блюд убедительно свидетельствует не только о древности земледелия в горах Дагестана, что подтверждается и на археологических материалах,[45] но и земледельческой направленности древней экономики горцев.

Исследование ритуальной пищи позволяет не только показать происхождение отдельных блюд, но и осветить отдельные стороны истории хозяйства: в частности, стало ясно время и пути освоения мучных продуктов. Любопытным здесь является то, что в энеолите и в бронзе муку получали из поджаренных заранее зерен. Об этом свидетельствуют и этнографические и археологические материалы.

Мясо-молочные блюда аварцев и вообще горцев имеют себе аналогии в Закавказье и Передней Азии. Способы обработки молока в Аварии заметно отличаются от распространенных методов на Северном Кавказе и находят себе полные аналогии в Закавказье. Эти факты свидетельствуют о том, что культура народов горного Дагестана меньше или почти не подвергалась тюркскому влиянию и сохранила свою самобытность, преемственность и общность с ранней культурой народов Кавказа.

---

[45] В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в Дагестане. Ученые записки ИИЯЛ, Махачкала, 1961, стр. 296.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение материальной культуры аварцев и андо-дидойских этнографических групп дает основание утверждать, что они являются близкородственными народами и древнейшими жителями северо-западного горного Дагестана.

По хозяйственному облику народности аварской группы трудно отличить друг от друга. Весь комплекс их хозяйственной и трудовой деятельности содержит много общих черт. Некоторые незначительные отличительные детали объясняются не этническими особенностями, а естественно-географическими условиями расселения этих народов.

Древнейшим занятием аварцев было земледелие, садоводство, скотоводство, домашние производства и ремесла. При недостаточности в горах пахотных земель и скота ремесла служили дополнительным источником дохода крестьянских хозяйств.

О древности земледелия в Аварии говорят данные не только археологии, но и этнографии. Представляют исключительный интерес найденные здесь эндемичные злаковые культуры, своеобразная техника террасирования полей и орошение, старинные горные сельскохозяйственные орудия, древние земледельческие обряды и обычаи. Особо выделяется праздник первой борозды — оцбай у аварцев и его варианты у андийцев, чамалалов, годоберинцев, цезов и др.

Обряд первой борозды у аваро-андо-цезских народностей имеет прямую аналогию и сходство не только с весенними праздниками других народов Дагестана и Кавказа, но и с древними новогодними земледельческими праздниками Китая, Сиама (Тайланд), Египта, Ирака и др.

Рассматривая социальные отношения и вопросы землепользования в Аварии в XIX — начале XX века, можно сделать вывод, что в исследуемый период преобладали феодальные отношения, было в наличии классовое деление аварского общества и своеобразные формы землепользования, собственности и эксплуатации. С развитием производительных сил, с ростом влияния аварских ханов, а также установлением экономических и культурных связей с плоскостью хозяйство аварцев к XVIII веку приобретает

зональную специализацию. Высокогорные районы Аварии стали специализироваться преимущественно по отгонному овцеводству, горно-долинные — по садоводству, предгорные — по земледелию.

В конце XIX века аварское овцеводство, садоводство и различные виды ремесел, особенно обработка шерсти, выделка кож, производство бурок, получают широкое товарное значение. В связи с развитием товарности хозяйства усиливаются обмен и торговля. Помимо местных локальных базаров возникают крупные зональные рынки (сс. Хунзах, Гуниб, Анди и др.). Появляются скупщики сельскохозяйственного сырья и ремесленных изделий, торговцы мануфактурой и бакалеей. Авария идет по пути капиталистического развития. Вместе с тем усиливается классовое расслоение аварского общества. Трудовые массы аварцев оказываются под двойным гнетом: царских колонизаторов и местных эксплуататоров — купцов, чиновников, помещиков, барановодов — кулаков и духовенства.

Изучение материальной культуры (помещений, жилищ, одежды, пищи) также подтверждает этническую общность аварской группы народностей. На формы поселения и типы аварских жилищ существенное влияние оказали локальные естественно-географические условия: малоземелье, система водоснабжения, близость хозяйственных объектов; немаловажную роль играли также интересы обороны. Непосредственно оборонное значение имели и внутренние башни аулов, известные под названием «Си». Среди них выделялись башни отдельных владельцев (Тидиб, Ругуджа, Гоор, Хотода и др.). История аварских поселений прошла длительный путь развития от небольших тухумных (родовых) до современных колхозных аулов. Типология аварских поселений отображает стадии социального развития общества. Каждая эпоха наложила отпечаток и на развитие поселений.

В XIX веке в Аварии встречались два типа поселения: росо и кули. Основным типом является росо — селение. Оно делится на два подтипа: родовое (тухумное) и территориально-родовые большие аулы.

По форме аварские поселения делятся на три типа: кучевой (Тидиб, Гамсутль), террасообразный (Чох, Анчик, Арчо) и горизонтальный (Хунзах, Дылым и др.). Как ни запутан план аварских поселений, в них имеются горские улицы, проходы, общественные площади. Не только поселения, но и жилища аварцев в зависимости от географических зон имеют свои особенности. Однако для всех их характерен в основном один горский тип с хозяйственным помещением на нижнем этаже и жилыми — на верхнем. По своей строительной технике, планировке, внутреннему убранству жилища аварцев имеют много общего с жилищами других народов Дагестана и Кавказа.

Исследование национальной одежды аварцев показывает, что в ней имеется много сходного (материал, покрой, форма ношения и др.) с одеждой других народов Дагестана, соседних грузин и других народов Кавказа. Это свидетельствует о взаимовлиянии и культурно-экономических связях народов Дагестана и Кавказа.

Этнографические особенности женских украшений, разнообразные мотивы орнамента, украшений и вышивок своими корнями ведут в глубь веков и по характеру древнейшие.

Рассмотрение пищи аварцев в сравнительном плане позволяет говорить, что большое разнообразие ее достигалось, главным образом, за счет мучных изделий в сочетании мучных с мясными или мучных с молочными. Эта направленность имела конкретно-экономическую подоснову, а именно земледельческо-скотоводческий тип хозяйства. Особенности пищи отличаются по зонально-географическому признаку, а не по этническому. Устанавливается, что по способам обработки и приготовления молочных изделий Авария больше тяготеет к Закавказью, нежели к Северному Кавказу, а по методам изготовления отдельных блюд — к Передней Азии. Способы обработки молока также повторяют закавказские методы. Разнообразный хинкал, приготовленный у аварцев, является общекавказским горским блюдом.

Коренные изменения в хозяйстве и материальной культуре аварцев, как и других народов Дагестана, произошли за годы Советской власти. Колхозный строй приобщил аварских крестьян к коллективным формам труда и новой технике. Колхозы обеспечены зимними и летними пастбищами. Новым является освоение под пашни и сады прикутанных земель. Многие прежде малоземельные селения переселились с гор на плоскость и создали здесь многоотраслевые хозяйства. По-прежнему основным направлением хозяйства высокогорных районов является овцеводство, горно-долинных — садоводство и виноградарство, предгорных и плоскостных — полеводство.

В аварских районах развивается и народно-прикладное искусство. В сел. Гоцатль создан художественный комбинат, в Унцукуле — деревообделочная фабрика. Из перерабатывающих предприятий в аварских районах имеются консервные и маслосыродельные заводы.

Социалистическое общественное хозяйство создало трудовым массам аварцев зажиточную и культурную жизнь.

За годы Советской власти произошли существенные изменения и в материальной культуре аварцев. Появился новый тип поселения — социалистическое колхозное село с современными благоустроенными домами колхозников. Изменилась и национальная одежда аварцев. Исчезла необходимость в производстве домотканых сукон, выделке кож и т. д. Широко доступны стали колхозникам фабричные ткани, готовая мужская, женская, детская одежда, белье, головные уборы. Из элементов национальной одежды сохранились бурки, чувяки, папахи и др. По сравнению с женским костюмом, где значительно сохранились национальные элементы (гужгат, горде, чохта и др.), более существенные изменения произошли в мужской одежде аварцев. У мужчин ныне преобладает городская одежда.

Колхозный строй обеспечил население всеми видами продуктов. На заработанные трудодни колхозники получают деньги, зерно, мясо, картофель, фрукты, овощи. Часть продуктов, получаемых

на трудодни, колхозники реализуют на рынках. Недостающие в хозяйстве гастрономические и бакалейные продукты приобретают в сельских и районных магазинах.

В связи с доступностью всевозможных продуктов, пища колхозников стала разнообразной. Прежние праздничные национальные блюда: хинкалы, кюрзе, долма, вареники и др. — стали повседневными в колхозных семьях. Состав блюд значительно обогатился. Появилось много новых ранее неизвестных блюд: щи, борщ, котлеты, рагу. Популяризатором этих блюд в горах является сеть общественного питания — районные столовые.

Таким образом, изучение материальной культуры аварской группы народностей показывает, что она возникла и развивалась на местной почве. Локальные особенности, которые все еще прослеживаются в отдельных сторонах материальной культуры аваро-андо-дидойских народностей, объясняются не этническими особенностями, а естественно-географическими условиями их расселения и уровнем социально-экономического строя отдельных аварских обществ в прошлом. В целом материальная культура аварской группы народностей имеет много общих черт не только между собой, но и с другими народами Дагестана и Кавказа. Отдельные общие черты материальная культура аварцев имеет с народами древних земледельческих стран Передней Азии и Востока.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Произведения классиков марксизма-ленинизма

Маркс К. Капитал, т. I—II, М., 1958—1955.
Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XIV.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1945.
Энгельс Ф. Марка (приложение к работе «Крестьянская война в Германии»), М., 1952.
Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, М., 1950.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России, Соч., т. 3.
КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I.
Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1961.

Исследования, официальные документы и материалы.

Абибуллаев О. Энеолитическая культура Азербайджана. МАД, т. 2, Махачкала, 1961.
Агаширинова С. С. Поселения лезгин в XIX—XX вв. Уч. записки ИИЯЛ, т. VI, Махачкала, 1952.
Агларов М. А. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX). Уч. записки ИИЯЛ, XIII, Махачкала, 1964.
Андреев М. По этнологии Афганистана. Ташкент, 1927.
Андреев М. С. и Половцев А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Сборник МАЭ, вып. IX, СПб, 1911.
Алкадари Г-Э. Асари-Дагестан, Махачкала, 1929.
Анучин Д. Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, «Известия ИРГО», т. XX, СПБ, 1884.
Аристова Г. Ф. Очерк культуры и быта курдских крестьян Ирана. ТИЭ, т. XXXIX, М., 1958.
Атаев Д. М. Раннесредневековый Дагестан по материалам археологических раскопок Аварии. Махачкала, 1963.
Атаев Д. М. Некоторые средневековые могильники Аварии. Материалы по археологии Дагестана, т. I, Махачкала, 1961.
Атаев Д. М. Поясные пряжки из нагорного Дагестана. СА, М., 1962, № 2.
Атакишиева М. И. Народная утварь в селениях из окрестностей г. Мингечаура Семухского района Азербайджанской ССР, «Вопросы этнографии Кавказа», 1952.
Бакланов Н. Б. Архитектурные памятники Дагестана, Л., 1935.
Бакланов Н. Б. Архитектурные сооружения Дагестана. Доклады международного конгресса по иранскому искусству и археологии, М.—Л., 1939.
Бадухадзе С. Я. О поточных мельницах Арагвского ущелья. «Вопросы этнографии Кавказа», 1952.

Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927.
Башкиров А. С. Резьба по камню и дереву в Дагестане. Художественная культура Советского Востока, М.—Л., 1931.
Башкиров А. С. Петрографика Аварии. Техника обработки камня и металла. ТСА РАНИОН, V, М., 1930.
Берже А. Материалы для описания нагорного Дагестана. «Кавказский календарь», 1859.
Белицер В. Н. Методические указания к полевому сбору материалов по одежде, КСИЭ, вып. 18.
Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I—II, М.—Л., 1950.
Борисов В. М. Очерк «культура поля». Живописная Россия, т. VII, СПб, 1900.
Брэде К. А. Новые поселения на Сулаке. Тезисы докладов, Махачкала, 1959.
Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I—II, М., 1823.
Брюханов П. А. Социально-экономические отношения народов Дагестана в период его завоевания Россией и поход Ермолова в горы. РФ ИИЯЛ, д. 1193.
Брюханов П. А. Государственное устройство и административное управление вольных обществ в первой четверти XIX века. «Сб. Пятигорского пединститута», вып. I, Ставр., 1947.
Бутаев Д. Б. Дорога из Кумуха в Чох. Известия КОРГО, т. 23, 1915.
Бутаев Д. Б. Верхний Гуниб и Гунибская березовая роща. Известия КОРГО, т. 24, вып. 2, 1926.
Буш Н. А. По скалам Андийского Дагестана. «Известия РГО», т. XII, 1905.
Вавилов Н. И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий. «Природа», № 2, 1936.
Васильев А. Г. Казикумухцы, «Этнографическое обозрение» № 3, М., 1899.
Вейденбаум Е. Г. Очерки этнографии Кавказского края. «Весь Кавказ» № 1, 1903.
Витов М. В. О классификации поселений. «С—Э», 1953, № 3.
Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу, М., 1885.
Вопросы этнографии Кавказа, Тбилиси, 1952.
Воронов Н. Н. Из путешествия по Дагестану, ССКГ, вып. III, Тифлис, 1870.
Воронов Н. Н. Состав населения Дагестанской области, СЕКГ, в. VIII, 1875.
Габиев С. Г. Лаки, их прошлое и быт, СМОМПК, вып. 36, Тифлис, 1906.
Гаджиева С. Ш. Материальная культура кумыков в XIX—XX вв. Махачкала, 1960.
Гаджиева С. Ш. Кумыки (историко-этнографическое исследование), Махачкала, 1961.
Гаджи-Али. Рассказ очевидца о Шамиле, ССКГ, в. VIII, 1863.
Ган К. Ф. Экскурсия в нагорную Чечню и Западный Дагестан. ИКОРГО, т. XV, Тифлис, 1902.
Ган К. Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий, СМОМПК, в. 40, 1809.
Генко А. Н. О названиях плуга в северо-кавказских языках. «Доклады Академии наук СССР», № 7, 1930.
Гербер И. Г. Описание стран народов вдоль западного берега Каспийского моря. — 1728; Тихонов Л. И. — Описание Северного Дагестана — 1796; Ахвердов А. И. — Описание Дагестана — 1804; Хрисанф — Сведения об Аварском ханстве — 1828; Скалон Ф. Сведения об Аварском ханстве — 1829; Розен Р. Ф. — Описание Чечни и Дагестана — 1830; Щербач А. П.— Описание мехтулинского ханства; койсубулинских владений и ханства Аварского — около 1830 г.; Норденстем И. И. — Описание Антль-Ратля — 1832; Неизвестный автор — записка о сношениях с аварскими ханами с 1800 по 1838 гг. Анреп И. Р. — сведения о населении Джаро-Белоканской области и обществ Анцухского и Капучинского — 1839—1841; Сборник архивных материалов «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.» под ред. М. О. Косвена и Х. М. Хашаева, М., 1958.
Гидатлинские адаты. Подготовили к печати Х. М. Хашаев и М. С. Саидов, М., 1957.

Греков Б. Д. Киевская Русь, М., 1955.
Гусейнов С. Н. Горский скот Дагестана и пути его преобразования, Махачкала, 1961.
Гюль К., Власова С., Кисин И., Тертеров А. Физическая география Дагестанской АССР, Махачкала, 1959.
Дагестанская АССР. Административно-территориальное деление. Справочник. Махачкала, 1959.
Дагестанская АССР. Физико-географический и экономико-географичеекий обзор, Махачкала, 1958. Природа Дагестана, Махачкала, 1959.
Дагестанская область в 1854 году. Кавказский календарь на 1856 год, Тифлис, 1855.
Дагестанская область в 1890 году, Кавказский календарь на 1892 год, Тифлис, 1891.
Дагестанская область в 1891 году. Кавказский календарь на 1893 год, Тифлис, 1892.
Дагестанские овцы. Сельскохозяйственная энциклопедия, т. I, М., 1949.
Даниялов А. Д. Мичуринская биологическая наука и очередные задачи развития сельского хозяйства Дагестана, Махачкала, 1949.
Даниялов А. Д. Советский Дагестан, Махачкала, 1960.
Даниялов Г. Д. К вопросу о социальной базе и характере движения горцев под руководством Шамиля. «Ученые записки ИИЯЛ», т. I, Махачкала, 1956.
Даниялов Г. Д. Социалистические преобразования в Дагестане 1921—1941 гг., Махачкала, 1960.
Дирр А. М. Современные названия кавказских племен. СМОМПК, вып. 40, Тифлис, 1909.
Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении, М., 1848.
10 лет социалистического строительства АССР, Махачкала, 1931.
Дзагуров. Кустари в стране гор. М., 1931.
Джалабадзе Г. В. Мохевское (горное) пахотное орудие. Сообщения Академии наук Грузинской ССР, т. XXIX, 1962.
Добрынин Б. Ф. География Дагестанской АССР, Буйнакск, 1926.
Докучаев В. В. Предварительный отчет об исследованиях на Кавказе летом 1899 г., соч., т. VI, М.—Л., 1951.
Дубровин Г. Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 1, СПб, 1871.
Жаворонков Б. Из истории земледельческой культуры, М., 1924.
Земледелие в Китае, СПб, 1844.
Земельно-экономическое положение туземцев и казаков на Северном Кавказе, В., 1909.
Золотов К. Н. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана. МАД, т. 2, Махачкала, 1961.
Зорич А. В стране гор. М.—Л., 1929.
Зубов П. П. Картины Кавказского края... 4 части, СПб, 1834—35.
Ибашев А. М. Овцеводство Дагестана, Махачкала, 1961.
Иванов А. И. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской России. «Историч. журнал», № 2, 1940.
Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии, МИА, № 3, М.—Л., 1941.
Ихилов М. М. Табасаранцы, «Народы Дагестана», М., 1955.
Кавказские календари на 1856, 1857, 1890, 1892 гг.
Канивец В. И. Археологические исследования в Дагестане в 1955 г. Ученые записки ИИЯЛ, т. I, Махачкала, 1956.
Канивец В. И. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. Ученые записки ИИЯЛ, т. III, Махачкала, 1957.
Калоев Б. А. Поселение и жилище агулов. КСИЭ, XXIII, 1955.
Калоев Б. А. Чеченцы и ингуши. «Народы Кавказа», М., 1960.
Калентар А. Молочное хозяйство на Кавказе. «Кавказское сельское хозяйство», № 400, 1901.
Калугин И. И. Исследование современного состояния животноводства Азербайджана, Тифлис, 1930.

Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX—X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане, «СМОМПК», вып. XXXI—XXXVIII.
Каранаилов О. Описание аула Чох. СМОМПК, вып. IV, 1884.
Кильчевская Э. Азербайджанский женский костюм XIX века из Карабаха. Вопросы этнографии Кавказа, АН Груз. ССР, Тбилиси, 1952.
Кильчевская Э. и Иванов А. Художественные промыслы Дагестана, М., 1959.
Клиген И. И. Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего востока (Египет, Индия, Цейлон, Китай), М., 1960.
Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе, ч. II, М., 1890.
Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. I, Тифлис, 1868.
Комаров А. В. Народонаселение Дагестанской области, ЗКРГО, вып. VIII, 1873.
Конакбиев А. Г. Земельные отношения и землеустройство в Дагестане (1917—1940 гг.) «Труды Московского института инженеров землеустройства», вып. 9, М., 1960.
Козубский Е. И. Дагестанский сборник, тт. I—II, Т.-Х.-Шура, 1902—1904.
Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области, Т.-Х.-Шура, 1895.
Козубский Е. И. Очерк кустарной промышленности Даг. области. «Труды первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа в г. Тифлисе», Тифлис, 1902.
Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры, М., 1958.
Косвен О. М. Этнография и история Кавказа, М., 1961.
Костемеровский И. С. Поездка в Гунибский округ, газ. «Кавказ» № 86, 1861.
Котович В. М. Верхнегунибское поселение. Материалы по археологии Дагестана, т. II, Махачкала, 1961.
Котович В. Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. Ученые записки ИИЯЛ, т. IX, Махачкала, 1961.
Котович В. Г., Шейхов Н. Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет (Итоги и проблемы). Ученые записки ИИЯЛ, т. VIII, Махачкала, 1961.
Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане, МАД, т. 2, Махачкала, 1961.
Кривенко В. С. По Дагестану. Путевые заметки «Русский вестник», № 2—3—4, 1896.
Кричевский Е. Ю. и Круглов А. П. Неолитическое поселение близ г. Нальчика, МИА, № 3, 1941.
Круглов А. П. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. «МИА», т. 68, М.—Л., 1958.
Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, М., 1960.
Кузминский В. Заметки об Андийском округе, КОИРГО, 6, 1880.
Кузнецов И. И. В дебрях Дагестана. Известия русского географического общества, СПб, 1913.
Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев, ч. II, Одесса, 1883.
Лавров Л. И. Формы жилища у народов Северо-западного Кавказа, «Советская этнография», № 4, 1951.
Лавров Л. И. Лакцы «Народы Дагестана», М., 1955.
Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, в. I, т. I, СПб, 1893.
Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени, «Сб. сведений о кавказских горцах», вып. III, Тиф., 1870.
Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX вв., М., 1957.
Маллачиханов Б. О прошлом Аварии, Махачкала, 1928.
Маргераф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства, М., 1882.
Марков Е. Очерки Кавказа, СПб, 1887.
Марков Е. Общий очерк «Ж. Р.», т. IX, СПб, 1883.
Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX в.), Махачкала, 1940.
Материалы по истории земледелия СССР, сборник I, Махачкала, 1952.
Мелешко А. Г. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана в конце XIX — начале XX веков, к/д, М., 1957.

Миллер А. А. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана. Материалы по этнографии России, т. IV, вып. I, Л., 1927.
Микаилов Ш. И. Очерки аварской диалектологии, М., 1959.
Мунчаев Р. М. К истории археологического изучения Дагестана, МАД, т. I, Махачкала, 1959.
Мухаммед Рафи. Тарихи Дагестан. Сб. сведений о кавказских горцах, вып. V, Тифлис, 1871.
Мовчан Г. Я. Из архитектурного наследия аварского народа. СЭ, 1947, № 4.
Мовчан Г. Я. Предварительные заметки о типологии жилища нагорного Дагестана.
Морган Л. Г. Древнее общество, Л., 1934.
Тарихи Дербент-Намэ, прил. IX, Тифлис, 1898.
Надеждин П. П. Природа на Кавказе, СП, 1869.
Назаревич А. Ф. Пословицы и поговорки народов Дагестана (отобранные по крупицам), Махачкала, 1958.
Назаревич А. Ф. В мире горской народной сказки, Махачкала, 1962.
Народы Кавказа, ч. I, М., 1960.
Народы Передней Азии, М., 1957.
Нахшунов И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России, Махачкала, 1956.
Неверовский А. А. Краткий взгляд на Северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях, СП, 1847.
Никольская З. А., Шиллинг Е. М. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана. «Советская этнография», № 4, 1952.
Никольская З. А. Аварцы. Народы Дагестана, сб. статей, М., 1955.
Никольская З. А. Из истории аварского жилища, СЭ, 1947, № 2.
Никольская З. А. Религиозные представления и земледельческие обряды аварцев, «Вопросы религии и атеизма», № 7, М., 1960.
Обзор о состоянии Дагестанской области за 1892, 1897, 1911, 1912 годы, Т.-Х.-Шура, 1893—1913 гг.
О движении горцев под руководством Шамиля. Материалы сессии Дагестанского филиала АН СССР, Махачкала, 1957.
Описание Кавказской выставки предметов сельского хозяйства и промышленности в Тифлисе. вып. I. Тифлис. 1890.
Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно, СПб, 1906.
Османов Г. Г. Аграрные отношения в дагестанском ауле накануне Великой Октябрьской социалистической революции, Труды филиала ИМЛ при Даг. обкоме КПСС, т. I, Махачкала, 1957.
Османов Г. Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII — начале XIX вв. Ученые записки ИИЯЛ, т. VII, Махачкала, 1962.
Османов М-З. О. Жилище цудахарцев в XIX—XX вв. Ученые записки ИИЯЛ, т. IX, Махачкала, 1962.
Османов М-З. О. Поселение даргинцев в XIX—XX вв. Ученые записки ИИЯЛ, т. X, Махачкала, 1962.
Очерки истории Дагестана, тт. I—II, Махачкала, 1957.
Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия, 1959; Азиатская часть СССР, М., 1960.
Пантюхов Н. И. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе, Тифлис, 1901.
Пантюхов Н. И. Аварский хлеб. «Кавказское сельское хозяйство», 1901.
Пахомов А. Абхазия в сельском отношении. ЗКОРГО, № 1—2, 1868.
Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане в XVI — начале XIX вв., Л., 1949.
Петиев. Из воспоминаний об экспедиции в 1887 году в Дидойское общество, газета «Кавказ», М., 1864.
Пиралов А. С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. Сб. «Весь Кавказ», т. I, Баку, 1914.
Пиотровский. Поездка в горы. «Кавказ», 1858, № 71.
Пожидаев В. П. Деревообделочное производство в ауле Унцукуль. Махачкала, 1931.
Погорельский П. В. Сельское хозяйство Дагестана, Махачкала, 1946.

Попов И. М. Ичкерия. ССКГ, вып. 3, 1870.
Потапов Л. П. Пища алтайцев. Сборник МАЭ, т. XIV.
Пржевальский П. «Кавказ», № 27, за 1868 г.
Пржецлавский П. Г. Аварский округ, Гуниб «Кавказ», № 11, 1861.
Пржецлавский П. Г. Дагестан, его нравы и обычаи. «Вестник Европы», т. III, СПб, 1867.
Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры (XIX — нач. XX вв.), Баку, 1955.
Работа РКИ по выяснению бюджета крестьянина, «Красный Дагестан» № 109, 1924.
Рамазанов Х. Х. Крестьянская реформа в Дагестане. Ученые записки ИИЯЛ, т. II, Махачкала, 1957.
Районированный Дагестан (административно-хозяйственное деление ДАССР по новому районированию 1929 г.) Махачкала, 1930.
Робакидзе А. И. К вопросу о форме поселения в Сванетии, КСИЭ, XIX, 1958.
Робакидзе А. И. Новые черты современного грузинского крестьянского жилища, СД, 1961, № 1.
Робакидзе А. И. К истории пчеловодства, Тбилиси, 1960, стр. 200.
Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана, 1830, ИГЭД, под ред. М. Косвена и Х. Хашаева.
Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. I—V. Тифлис, 1887—1888 гг. М. 1958.
Северный Кавказ, М., 1957.
Сельское хозяйство Дагестана, изд. АН, М.—Л., 1940; 1946.
Сергеева Г. А. Экспедиционная работа в Дагестане в 1959 г. С.-Э. № 5, 1960.
Сержпутовский А. К. О поездке в нагорный Дагестан. «Живая старина», т 25, II, 1916.
Смирнов К. Ф. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 годах, КСИИМК, вып. 45.
Соболева О. В. Социально-экономические отношения в Аварском ханстве в XVIII — начале XIX вв. Автореферат к/д М., 1955.
Современный Дагестан, Махачкала, 1926.
Сохадзе А. К. Из истории хозяйственного быта грузинского народа (рачинское Бослоба), Автореферат к/д, Тбилиси, 1955.
Страбон. География. Перевод В. В. Латышева. «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе», ВДН, 1947.
Студенецкая Н. Н. К вопросу о национальной кабардинской одежде. Ученые записки Кабардинского НИИ, т. IV, Нальчик, 1948.
Тарих-аль-Камиль. Полный свод истории Ибн-аль-Асира, Баку, 1940.
Терский сборник. Приложение к терскому календарю на 1894 г., вып. III, кн. 2, Вл., 1893.
Токарев С. А. Этнография народов СССР, М., 1958.
Труды Дагестанского статистического управления, вып. VI. Махачкала, 1924.
Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования в нагорной полосе Терской области, В., 1908.
Трипольский З. И. Аварский округ. «Медицинский вестник», № 9—13, 1866.
Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века, М., 1961.
Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного предкавказья в дореформенный период, М., 1957.
Фрэзер Д. Золотая ветвь, вып. II, «Табу-запреты». М., 1928.
Харадзе Р. Л. Грузинская семейная община, т. 1—2, Тбилиси, 1961.
Харузин Н. История развития жилища и кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России, М., 1896.
Хашаев Х.-М. О. Занятие населения Дагестана в XIX веке, Махачкала, 1959.
Хашаев Х.-М. О. Общественный строй Дагестана в XIX веке, М., 1961.
Хашаев Х.-М. О. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах в XIX веке, Ученые записки ИИЯЛ, т. I, Махачкала, 1956.
Хетагуров К. Собр. соч., т. 3, М., 1951.
Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи, М.—Л., 1941.
Чартолани М. И. Из истории материальной культуры грузинского народа, Тбилиси, 1961.
Читая Г. С. Земледельческие системы и пахотные орудия. Вопросы этнографии Кавказа, Тбилиси, 1952.
Читая Г. С. К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий, «Сообщение АН Груз. ССР», т. II, Тбилиси, 1941.
Читая Г. С. Этнографические параллели, Сообщения Груз. фил. АН СССР, т. I, № 3, Тифлис, 1940.
Чурсин Г. Ф. Очерки по этнографии Кавказа, Тифлис, 1913.
Чурсин Г. Ф. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана: «Известия Кавказского историко-археологического Института», т. V, Тифлис, 1922; «Бюллетень Кавказского ИАК в Тифлисе», вып. 4, 1928.
Чурсин Г. Ф. Заметки по этнографии дидоев, БКИАИ, 6, № 17—18, 1930.
Шиллинг Е. М. Ковроткачество Дагестана. «Советская этнография», № 4—5, 1936.
Шиллинг Е. М. Дагестанские кустари, М., 1926.
Шиллинг Е. М. Художественные промыслы Дагестана. Альманах «Творчество народов СССР», М., 1937.
Шиллинг Е. М. Из истории одного дагестанского земледельческого культа. Краткие сообщения ИЭ, вып. I, 1946.
Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура, М.—Л., 1949.
Шиллинг Е. М. Дагестанская экспедиция 1946 г., «Краткие сообщения И. Э.», вып. IV, 1948.
Юшков С. В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. «Ученые записки Свердловского гос. пединститута», вып. I, Свердловск, 1938.
Элегницкий В. К. Кустарное производство золотых и серебряных изделий в Бакинском районе и Дагестане и предлагаемые меры для упорядочения и развития оного. Труды первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа в городе Тифлисе. 1902.
Эрдниев У. Э. Пища и напитки калмыков. Ученые записки НИИ Калмыцкой АССР, Элиста, 1962.

Документы, хранящиеся в ОВР института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР

Агаширинова С. С. Поселение и жилище лезгин в XIX—XX вв. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. № 2605.
Агнаева. Крестьянская реформа в 1867 г. в Дагестане. РФ ИИЯЛ, д. 1279.
Артамонов М. И. Отчет о работе северо-кавказской археологической экспедиции в Дагестане в 1937—1938 гг. РФ ИИЯЛ, д. № 1602.
Данилина К. П. Этнографическое исследование дидойцев. РФ ИИЯЛ, д. 1563.
Дебиров П. М. К истории резьбы по камню в бывших Андалальском и Гидатлинском «вольных» обществах. РФ ИИЯЛ, д. 2407.
Иванов А. Аварские ковры. РФ ИИЯЛ, д. №
Козлова К. И. Поселения и жилища аварцев. РФ ИИЯЛ, д. № 1608.
Пашаева А. Г. Пища даргинцев в XIX—XX вв. РФ ИИЯЛ, д. № 114.
Пикуль М. И. Некоторые сведения о раннесредневековых поселениях Дагестана. РФ ИИЯЛ, д. 2298.
Чурсин Г. Ф. Авары. Этнографический очерк. РФ ИИЯЛ, д. 1570.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение 3

Глава I. ХОЗЯЙСТВО АВАРЦЕВ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

1. Природа Аварии 5
2. Социальные отношения и землепользование 9
3. Земледелие 20
4. Садоводство 52
5. Скотоводство 57
6. Домашние производства и ремесла 66
7. Отходничество, торговля и транспорт. 84

Глава II. ПОСЕЛЕНИЯ.

1. Расселение 96
2. Типы поселения 112
3. Формы поселения 131

Глава III. ЖИЛИЩА.

1. Типы жилища 145
2. Современное жилище аварцев 180
3. Хозяйственные постройки 187
4. Строительные материалы и техника 191
5. Некоторые отличительные и сходные черты жилища аварцев с жилищем соседних народов 210

Глава IV. НАЦИОНАЛЬНАЯ ОДЕЖДА АВАРЦЕВ В XIX—XX ВЕКАХ.

1. Материал и изготовление одежды 214
2. Мужская одежда и украшения 216
3. Женская одежда и украшения 228
4. Свадебная и детская одежда 256

Глава V. ПИЩА.

1. Продукты питания 268
2. Основные национальные аварские блюда и способы их приготовления 274
3. Кухня, посуда, утварь 287

Заключение 293

Источники и литература 297

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА АВАРЦЕВ

Редактор издательства Е. И. Чернигова
Художественный редактор Е. С. Омельченко
Техн. редактор Э. С. Геллер

Сдано в набор 5. I. 1967 г. Подписано в печать 6. III. 1968 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Объем 19 п. л. Уч.-изд. л. 20. С04503. Тираж 1000.
Заказ 393. Цена в перепл. № 5 — 1 р. 30 к., б/п. — 1 р. 20 к.

Типография Дагестанского филиала АН СССР,
г. Махачкала, 5 жилгородок, корпус 10.

Цена 1 руб. 30 коп.